ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4 · 1986

ИЮЛЬ · АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (*главный редактор*),
В. А. ГЕОРГИЕВ, К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
И. Е. ЗЕЛЕНИН (*зам. главного редактора*),
Г. Д. КОМКОВ,
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ, И. И. МИНЦ,
В. П. НАУМОВ,
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
И. В. РУСИНОВ

Адрес редакции:

103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 923-56-93

Ответственный секретарь *Ю. В. Мочалова*, тел. 924-29-31

EDITORIAL BOARD:

I. D. KOVALCHENKO (*Editor-in-chief*),
V. A. GEORGIEV, K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
I. Ye. ZELENIN (*Assistant editor-in-chief*),
G. D. KOMKOV,
V. Ya. LAVERYCHEV, I. I. MINTS,
V. P. NAUMOV,
A. P. NOVOSELTSEV,
A. A. PREOBRAZHENSKY,
M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
I. V. RUSINOV

Address:

19, Kuznetsky Most Moscow, U. S. S. R. Tel. 923-56-93

Managing Editor *Yu. V. Mochalova*, tel. 924-29-31

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

© Издательство «Наука»,
«История СССР», 1986 г.

О. Д. БАКОВЕЦКИЙ, Б. И. МЕДВЕДЕВ

СССР И СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Утвержденный XXVII съездом КПСС стратегический курс партии на ускорение социально-экономического развития страны неразрывно связан с активизацией участия СССР в международном разделении труда, прежде всего в социалистической экономической интеграции. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии Генеральный секретарь ЦК М. С. Горбачев подчеркивал, что взаимодействие братских стран социализма «дает эффект не просто сложения, а умножения наших потенциалов, служит стимулом ускорения общего движения вперед» [1]. Перед СССР и другими странами социалистического содружества стоят большие и сложные задачи по углублению научно-производственной кооперации, поиску форм организации взаимных экономических и научно-технических связей, поскольку, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «старые, привычные формы, сложившиеся в период экстенсивного развития, не в состоянии обеспечить динамичного роста сотрудничества» [2].

Страны, входящие в Совет Экономической Взаимопомощи, накопили большой опыт налаживания всестороннего взаимодействия в различных отраслях народного хозяйства, организации международного социалистического рынка, разработки нормативно-правовой базы сотрудничества [3].

[1] Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля 1986 г. М., 1986, с. 90.

[2] Правда, 1986, 4 марта.

[3] Различные аспекты участия СССР в социалистической экономической интеграции нашли широкое отражение в советской литературе. Только за последние годы вышли, например, работы: Баковецкий О. Д., Гринев В. С. Развитие прямых производственных связей в содружестве СЭВ. М., 1984; Беляев Ю. Н. Страны СЭВ в мировой экономике. М., 1984; Бутенко А. П. Социализм как мировая система. М., 1984; Прохоров Г. М. Внешнеэкономическая деятельность Советского государства. М., 1984; Хозяйственный механизм в странах — членах СЭВ. М., 1984; Ширяев Ю. С. Мировое хозяйство: новые технологические и социально-экономические факторы развития. М., 1984; Зотова Н. А. Роль социалистических и рабочих партий стран СЭВ в социалистической интеграции. М., 1985; Богомолов О. Согласование экономических интересов и политики при социализме.— Коммунист, 1985, № 10, Ладыгин Б., Чуканов О. Стратегия углубления кооперации стран СЭВ.— Коммунист, 1985, № 4; Ширяев Ю., Барковский А. Международное значение двенадцатой пятилетки.— Международная жизнь, 1986, № 3; Мир молодой, устремленный в будущее.— Коммунист, 1986, № 1, и др.

В условиях достигнутого ныне уровня развития производительных сил объективный процесс интернационализации хозяйственной жизни проявляется все отчетливее. Мировой социализм взял на себя историческую миссию создания новой системы международного разделения труда, базирующейся на принципах братского сотрудничества и взаимопомощи. В отличие от капиталистического разделение труда на социалистической основе устанавливается планомерно, активно способствует подъему экономики каждой страны. Оно играет важную роль в развитии мировой системы социализма как самой динамичной, устойчивой и прогрессивной силы в мире.

Интеграция как «сознательно и планомерно регулируемый коммунистическими и рабочими партиями и правительствами стран — членов СЭВ процесс международного социалистического разделения труда»[4] является объективной потребностью постоянно расширяющегося и углубляющегося сотрудничества СССР с братскими социалистическими странами, дальнейшей интернационализации их производства и всей общественной жизни. Как отмечается в новой редакции Программы КПСС, «интеграция призвана в возрастающей мере способствовать прогрессу общественного производства и социалистического образа жизни в странах содружества, ускорению процесса выравнивания уровней их экономического развития, укреплению позиций социализма в мире»[5].

С начала 70-х гг. началась углубленная разработка общей теории социалистической экономической интеграции. Исследование проблем, связанных с интеграцией, стало крупным шагом вперед не только в познании объективных закономерностей всестороннего хозяйственного взаимодействия братских стран, но и в раскрытии глубинной сущности социализма, предполагающего и осуществляющего практическую реализацию преимуществ нового общественного строя не только в национальном, но и интернациональном масштабе.

Целью данной статьи является рассмотрение сотрудничества СССР со странами СЭВ в процессе социалистической экономической интеграции; обобщение опыта и анализ перспектив его развития в свете решений XXVII съезда КПСС.

Совпадение национально-государственных интересов стран — членов СЭВ, обусловленное единством целей их социально-экономического развития, представляет основу всестороннего сплочения социалистического содружества, материальной базой которого является социалистическая экономическая интеграция.

На XXVII съезде КПСС, на съездах правящих партий других стран — членов СЭВ, состоявшихся в 1984—1986 гг., указывалось на необходимость расширения и углубления социалистической экономической интеграции, давалась высокая оценка развитию сотрудничества как на двусторонней, так и многосторонней основах. В сложной, динамично меняющейся мировой воспроизводственной обстановке членам СЭВ удалось избежать многих проблем и трудностей, поразивших экономику капиталистических стран и пагубно отразившихся на положении трудящихся. В СССР на основе решений апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, XXVII съезда партии взят решительный курс на ускорение

[4] Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. М., 1972, с. 9. Начало экономической интеграции иногда связывают с принятием этой программы в июне 1971 г. Думается, однако, что прав Ю. Беляев, считающий, что «определить точный рубеж в сотрудничестве социалистических стран, с которого начинается этап их интеграционного сотрудничества, достаточно трудно, так как это диалектический процесс, его признаки имелись и раньше, однако рассматривались как исключение в сравнении с преобладающими в сфере обращения связями» (Беляев Ю. Н. Указ. соч., с. 135).

[5] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. М., 1986, с. 62.

социально-экономического развития. Соответствующие решения приняты коммунистическими и рабочими партиями других стран СЭВ.

В целом в странах СЭВ темпы роста произведенного национального дохода в 1981—1985 гг. составили 18%, в том числе в НРБ — 21%, ВНР — 7, СРВ — 39, ГДР — 24, Республике Куба — 47, МНР — 36, СРР — 24,1, СССР — 20, ЧССР — 8%. Объем промышленного производства увеличился на 18%, в том числе в НРБ на 24%, ВНР — 10, СРВ — 89, ГДР — 22, Республике Куба — 57, МНР — 55, ПНР — 2, СРР — 21,6, СССР — 20 и ЧССР — на 13%. Расширился выпуск продукции, воплощающей достижения научно-технического прогресса, в том числе автоматизированных станков с числовым программным управлением (ЧПУ), средств вычислительной техники, микроэлектронных устройств, промышленных роботов, микробиологических препаратов.

Определенные успехи были достигнуты и в развитии сельского хозяйства. В 1984 г. прирост валовой продукции в странах СЭВ составил 3% [6].

Большим достижением социалистического содружества стало значительное укрепление его материально-технического фундамента, чему в немалой степени способствовало бесперебойное снабжение Советским Союзом стран СЭВ топливом, энергией и сырьем, продукцией машиностроения и других важнейших отраслей народного хозяйства.

Следуя курсом социалистической экономической интеграции, странам — членам СЭВ в минувшие полтора десятилетия удалось обеспечить неуклонный рост общественного производства, повышение благосостояния народа, сближение и выравнивание уровней их экономического развития. Еще более активизируется сотрудничество братских стран на современном этапе. «Сегодня судьбы мира и социального прогресса,— подчеркнул XXVII съезд КПСС,— теснее, чем когда-либо, связаны с динамизмом экономического и политического развития мировой системы социализма». Съезд выразил убежденность в способности социализма решать самые сложные задачи, отметил «важность все более активного взаимодействия стран социализма, которое служит стимулом ускорения общего движения вперед» [7].

Во всей системе внешнеэкономических связей Советского государства приоритетное место принадлежит отношениям со странами социалистического содружества. Это и понятно. Братские страны имеют однотипный социально-экономический строй, последовательно руководствуются в своей политике принципами равноправия, взаимной выгоды, уважения национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга, социалистического интернационализма; решают общие экономические, социальные и внешнеполитические задачи. СССР является ядром социалистической экономической интеграции. Он производит более $^2/_3$ совокупного национального дохода и валовой промышленности стран СЭВ. Его экономический и научно-технический потенциал играл и играет решающую роль в реализации интеграционных программ.

Все выступавшие на XXVII съезде КПСС руководители братских коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества подчеркивали важнейшее значение сотрудничества с СССР, экономической интеграции в целом для стабильного и динамичного развития экономики своих государств. Так, Первый секретарь ЦК ПОРП В. Ярузельский подчеркнул: «Большое значение имеет участие в широко понимаемом международном разделении труда. Главное его направление — всестороннее сотрудничество с Советским Союзом, углубление

[6] Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ, 1986, № 2, с. 109. Обзор деятельности СЭВ между 39 и 40 заседаниями сессии Совета. М., 1985, с. 2.

[7] Резолюция XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза по Политическому докладу Центрального Комитета КПСС. Принята единогласно 1 марта 1986 г. Постановления XXVII съезда КПСС. Приняты единогласно 1 и 5 марта 1986 г. М., 1986, с. 19.

социалистической интеграции, объединение интеллектуального и материального потенциалов стран — членов СЭВ с особым упором на ускорение научно-технического прогресса. Это относится и к сфере надстройки — постоянному сближению наших народов, дальнейшему расширению контактов между рабочими, крестьянами, научной и технической интеллигенцией, деятелями культуры, молодежью наших стран»[8].

Для внешней торговли СССР со странами СЭВ характерны высокие темпы роста. В 1971—1985 гг. товарооборот между Советским Союзом и этими странами увеличился почти в 7 раз. В 1985 г. удельный вес стран СЭВ в советской внешней торговле составлял 54,9% (развитых капиталистических стран — 26,7, развивающихся — 12,2). Что касается удельного веса СССР во всем товарообороте на рынке стран СЭВ, то он достигал 40%[9].

Советский Союз является крупнейшим поставщиком в страны социалистического содружества жизненно необходимых им товаров, оказывает им широкое техническое содействие в сооружении народнохозяйственных объектов. Огромную роль в развитии народного хозяйства стран СЭВ играют поставки из СССР топливно-энергетических и сырьевых ресурсов. В начале 80-х гг. импортная потребность этих государств в нефти и нефтепродуктах обеспечивалась поставками из СССР почти на 80%, природном газе — на 99, в каменном угле — более чем на 70%[10]. Только за первые три года прошедшей пятилетки СССР экспортировал в страны СЭВ 263 млн. *т* нефти и нефтепродуктов, 91 млрд. *куб. м* газа, 54 млрд. *кВт. ч* электроэнергии, 128 млн. *т* железосодержащего сырья, 19 млн. *т* минеральных удобрений. Не меньшее значение эти поставки сохранят и в будущем. Так, ГДР в 1986—1990 гг. получит из СССР 85,4 млн. *т* нефти, 34,5 млрд. *куб. м* природного газа, 22,5 млн. *т* каменного угля, 8,5 млн. *т* железной руды, 16 млн. *т* стального проката, 4,8 млн. *т* чугуна, 490 тыс. *т* целлюлозы, 425 тыс. *т* хлопка, 4 млн. *куб. м* балансовой древесины, 6,5 млн. *куб. м* пиломатериалов[11].

Рассматривая сотрудничество с социалистическими странами как задачу первостепенной экономической и политической важности, Советский Союз неуклонно расширяет его масштабы. Экономическое и техническое содействие СССР социалистическим странам охватывает практически все сферы экономики, в первую очередь ключевые отрасли промышленности — электроэнергетику, в том числе атомную, черную и цветную металлургию, химическую, нефтехимическую и нефтеперерабатывающую промышленность, стройиндустрию, машиностроение. На эти отрасли приходится свыше 80% всего объема технического содействия. Объем капитальных вложений в объекты, строившиеся при экономическом и техническом содействии СССР в странах СЭВ за 1981—1985 гг., равен приблизительно 70 млрд. переводных рублей. Это составляет почти одну десятую часть всех капитальных вложений стран СЭВ (без СССР)[12]. К началу 1984 г. при техническом содействии СССР в европейских странах СЭВ были построены, сооружались и подлежали строительству электростанции мощностью 64 млн. *кВт*, предприятия по добыче 58, 6 млн. *т* угля, производству 16,9 млн. *т* кокса и переработке 55,5 млн. *т* нефти в год. Растет и объем советской помощи развитию топливно-энергетических отраслей во Вьетнаме, на Кубе, в Монголии[13].

[8] Правда, 1986, 27 февраля.

[9] Богомолов О. Т. СССР в системе социалистической экономической интеграции (далее — Указ. соч.). М., 1986, с. 15; Внешняя торговля СССР, 1986, № 3 (приложение).

[10] Алексеев А. Ф. и др. Внешнеэкономическая деятельность Советского государства. М., 1984, с. 10.

[11] Neues Deutschland, 1985, 1 November.

[12] Деловое сотрудничество в интересах мира и прогресса. М., 1984, с. 176.

[13] Богомолов О. Указ. соч., с. 14.

Советский Союз оказывает также большую помощь странам социалистического содружества и в развитии отраслей сырьевого комплекса, химической и нефтехимической промышленности. Например, в Болгарии на предприятиях, построенных при содействии СССР, выпускается около 1,6 млн. *т* чугуна, что составляет 100% его производства в стране, 2,6 млн. *т* стали (98%), 1,5 млн. *т* кальцинированной соды (100%), 55% общего объема продукции химической, 80% нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности [14].

Созданные в Венгерской Народной Республике при участии СССР предприятия обеспечивают весь выпуск производимого в стране горячего и холоднокатаного стального листа и металлургического кокса, 30% глинозема, 58% легированного алюминиевого листа, 35% азотных удобрений, 70% переработки нефти [15]. Каждый третий сдаваемый в эксплуатацию квадратный метр жилой площади сооружается за счет мощностей комбинатов панельного домостроения, оборудование для которых поставлено из Советского Союза [16].

На построенных в Польше при техническом содействии СССР предприятиях созданы мощности по производству 11,5 млн. *т* стали, 3,7 млн. *т* товарного проката черных металлов, 3,2 млн. *т* цемента, по переработке 10,7 млн. *т* нефти и т. д. Это составляет от имеющихся мощностей в стране соответственно 59, 25, 14,5 и 64%. Сегодня важно рациональнее использовать имеющийся в стране промышленный потенциал, по-хозяйски распорядиться им с тем, чтобы полнее обеспечивать внутренние потребности, а также более активное включение Польши в товарообмен на мировом социалистическом рынке.

На мощностях, построенных при советском техническом содействии в Румынии, ныне производится около половины всей вырабатываемой в стране электроэнергии, 70% горячекатаного стального листа и стальных труб, 80% ферросплавов, более 40% кокса, 60% кальцинированной соды и синтетического каучука.

Экономическое и техническое содействие, оказываемое Кубе, охватывает практически все отрасли ее народного хозяйства. Важнейшими направлениями являются сотрудничество в развитии сахарной промышленности, ее машиностроительной базы, создание новых и расширение действующих мощностей по производству никель-кобальтовой продукции.

Значительная помощь оказывается Советским Союзом в хозяйственном строительстве Вьетнама. На объектах сотрудничества в этой стране добывается около 90% каменного угля, 38% олова, 100% апатитов, производится 100% серной кислоты, фосфорных удобрений. Установленные мощности построенных при содействии СССР электростанций составляют 33% от всех электроэнергетических мощностей страны [17].

Следует подчеркнуть, что сотрудничество СССР с социалистическими государствами носит взаимовыгодный характер.

Страны Совета Экономической Взаимопомощи все активнее участвуют в решении задач, связанных с развитием народного хозяйства нашей страны, удовлетворением ее потребностей во многих видах продукции. Так, основными предметами советского импорта являются: из Болгарии — машины и оборудование, продовольственные товары и товары народного потребления; из Венгрии — продукты сельского хозяйства и пищевой промышленности, машиностроения (автобусы, суда и краны, техника связи, холодильное и электронное оборудование); из ГДР — машины и оборудование, продукция химической и нефтехимической промышленности, товары народного потребления; из Румынии — нефтебу-

[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Деловое сотрудничество в интересах мира и прогресса, с. 176.
[17] Там же, с. 176—177.

ровое и нефтепромышленное оборудование, продукция тяжелого машиностроения, включая железнодорожный подвижной состав; из Польши — машины и оборудование (суда, железнодорожные вагоны, строительно-дорожные машины), продовольственные товары и товары народного потребления; из ЧССР — машины и оборудование, товары народного потребления; из Вьетнама — товары народного потребления и стройматериалы; из Республики Куба — продовольственные товары и сырье для их производства; из МНР — медный и молибденовый концентраты, плавиковый шпат, мясо и товары народного потребления.

Ряд европейских стран — членов СЭВ участвует в развитии производства некоторых топливно-сырьевых товаров на территории СССР, оказывает содействие в сооружении и модернизации многих объектов, в том числе предприятий легкой и пищевой промышленности. Так, болгарские организации будут участвовать в строительстве на территории СССР на условиях «под ключ» 17 предприятий по переработке фруктов и винограда. В марте 1986 г. между правительствами СССР и НРБ было подписано соглашение, которым предусматривается осуществление подрядными организациями НРБ строительно-монтажных работ по сооружению в различных районах Советского Союза объектов газовой промышленности, что позволит советским строительным организациям сосредоточить мощности на решающих направлениях развития нефтяной и газовой индустрии в Западной Сибири, в частности на Ямбургском газовом месторождении. Сооружение болгарскими организациями объектов советской газовой промышленности будет способствовать обеспечению национальной экономики братской страны поставками из СССР природного газа на долгосрочной основе [18].

Венгрия принимает участие в реконструкции и модернизации советских промышленных объектов (Ликинский автобусный завод, предприятия химической, легкой и пищевой промышленности, сельскохозяйственного машиностроения).

ГДР будет участвовать в сооружении объектов Криворожского горно-обогатительного комбината, а также в сооружении газопровода Ямбург — Западная граница СССР путем поставки товаров и оказания услуг.

ЧССР примет участие в освоении Ямбургского газового месторождения, строительстве газопровода, освоении Уральского газоконденсатного месторождения, создании объектов Криворожского комбината путем поставок в СССР товаров, капитальных вложений, оказания услуг, проведения строительно-монтажных работ. В перспективе предполагается участие ЧССР в расширении производства в СССР алюминия [19].

На 39-м заседании сессии СЭВ в 1984 г. были одобрены Долгосрочные комплексные мероприятия (ДКМ), направленные на обеспечение рациональных потребностей стран СЭВ в энергии, топливе и сырье и их экономное использование. Они предусматривают сотрудничество в области электроэнергетики, угольной, нефтяной и газовой промышленности, черной и цветной металлургии, химической промышленности, геологии и машиностроении [20]. Ведущую роль в их реализации, которая происходит на основе многосторонних и двусторонних соглашений, играет СССР, очередным пятилетним планом которого предусмотрено «обеспечить совместно со странами — членами СЭВ осуществление ряда крупномасштабных проектов: строительства магистрального газопровода Ямбург — Западная граница СССР, атомных электростанций и атомных станций теплоснабжения, Криворожского горно-обогатитель-

[18] Правда, 1986, 20 марта.
[19] Экономическая газета, 1985, № 45.
[20] Правда, 1984, 25 октября.

ного комбината, освоения нефтегазовых месторождений Прикаспийской низменности, дальнейшего развития Объединенной энергосистемы стран содружества»[21].

Долгосрочные комплексные мероприятия разработаны, исходя из того, что страны СЭВ путем мобилизации собственных ресурсов и углубления взаимного сотрудничества (прежде всего с СССР) обеспечат решение сырьевой и топливно-энергетической проблем. Помимо объектов на территории Советского Союза ДКМ предусматривают также совместное освоение залежей каменного угля и модернизацию коксохимической промышленности в ПНР, создание мощностей по добыче и переработке магнезита в ЧССР, никелькобальтсодержащей продукции на Кубе, сотрудничество в освоении месторождений цветных металлов в МНР, СРВ и на Кубе, бокситов в СРВ и фосфоритов в МНР. Намечено также проведение мероприятий по сотрудничеству в машиностроении для горнодобывающих отраслей и энергетики, разработке новой техники и технологии производства в топливно-сырьевых отраслях[22].

Важнейшее значение имеет реализация принятой на 40-м заседании сессии СЭВ (1985 г.) Программы сотрудничества стран — членов СЭВ по экономному и рациональному использованию материальных ресурсов на период до 2000 г. В нее включено более 100 мероприятий, предусматривающих создание и внедрение энерго- и материалосберегающих машин и оборудования, контрольной аппаратуры, автоматизированных систем, прогрессивных экономичных технологий и материалов, более широкое применение вторичных ресурсов и отходов производства, возобновляемых источников энергии, замещение жидкого топлива твердым и газообразным[23].

Углубление сотрудничества СССР со странами СЭВ в области рационального использования материальных ресурсов, особенно в сфере энергопотребления, во-первых, помогает компенсировать снижение темпов прироста поставок из Советского Союза в страны СЭВ топлива и энергии (например, с 47% в 1976—1980 гг. до 20% в 1981—1985 гг.)[24], происходящих из-за резкого ухудшения условий их добычи и транспортировки, во-вторых, способствует приведению в действие резервов повышения эффективности использования ресурсов за счет совместной разработки новых материалосберегающих техники и технологии и, наконец, в-третьих, существенно снижает народнохозяйственные затраты на обеспечение производства необходимыми материальными ресурсами. Так, расходы на мероприятия, связанные с экономией, в настоящее время в 3—5 раз меньше, чем расходы по дальнейшему увеличению производства материальных ресурсов. При этом необходимо учитывать также то, что экономические границы проведения эффективных мероприятий по экономии ресурсов по мере удорожания их производства постоянно расширяются. Если в середине 60-х гг. капиталовложения на добычу сырья стоимостью в 1 руб, составляли 2 руб., то сейчас они равны уже 4 руб., более чем втрое увеличились затраты на добычу железной руды[25].

Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что экономное и рациональное использование материальных ресурсов позволяет снизить их потери, увеличивающиеся в противном случае пропорционально увеличению объемов их производства. Следует подчеркнуть, что «ресурсосберегающая политика важна, естественно, не сама по себе (сбережение ради сбережения). Она объективно необходима для стимулирования фронтального технологического переворота, для углубления научно-про-

[21] Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. М., 1986, с. 85.
[22] Реальности и перспективы сотрудничества, М., 1985, с. 21.
[23] Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ), 1985, 4 июля.
[24] Коммунист, 1984, № 12, с. 86.
[25] Беляев Ю. Н. Указ. соч., с. 97.

изводственной революции, переносящей в конечном счете вопрос о масштабах и структуре потребляемых ресурсов в качественно иную по сравнению с предыдущим этапом плоскость»[26].

Иллюстрацией к сказанному является развитие топливно-энергетического комплекса, ведущее место в котором все прочнее закрепляется за одним из крупнейших достижений научно-технической революции — ядерной энергетикой.

Советский Союз оказывает братским государствам все возрастающее содействие в строительстве атомных электростанций. Они уже построены: в НРБ — «Козлодуй» мощностью 1760 *МВт*, в ГДР — «Райнсберг» и «Бруно Лойшнер» общей мощностью 1830 *МВт*, в ЧССР — «Богунице» мощностью 1760 *МВт*. Сейчас сооружаются первая в ВНР АЭС «Пакш» мощностью 1760 *МВт*, две АЭС в ЧССР — «Дукованы» и «Моховце» мощностью по 1760 *МВт*, планируется строительство других АЭС[27]. В 1984 г. на атомных электростанциях в НРБ, ВНР, ГДР, СССР, ЧССР было произведено 180 млрд. *кВт·ч* электроэнергии. Это позволило сэкономить около 60 млн. *т* органического топлива[28].

К 1990 г. установленная мощность АЭС в НРБ, ВНР, ГДР, на Кубе, в ПНР, СРР, СССР и ЧССР составит около 100 млн. *кВт*, что эквивалентно ежегодной экономии примерно 200 млн. т условного топлива[29].

СССР, первым пошедший по пути освоения атомной энергии, вносит значительный вклад в снабжение стран СЭВ электроэнергией. Те, в свою очередь, принимают активное участие в развитии атомной энергетики в нашей стране. Примером такого сотрудничества может служить сооружаемая на территории СССР Хмельницкая АЭС мощностью 4000 *МВт*.

Для обеспечения ее строительства ВНР поставляет в Советский Союз аппаратуру связи и измерительные приборы, строительные машины и механизмы, металлический прокат, кабельную продукцию; ПНР — электротехническое оборудование, контрольно-измерительные приборы, строительную технику; ЧССР — технологическое оборудование, транспортные средства, станки и кузнечно-прессовое оборудование, трубы, нержавеющую сталь. Кроме того, польские строительно-монтажные организации построили насосную станцию, очистные системы, котельную, прокладывают инженерные сети и дороги.

После ввода в эксплуатацию первого блока Хмельницкой АЭС Советский Союз в течение 20 лет будет поставлять электроэнергию в страны, принимавшие участие в ее строительстве. Ежегодный объем таких поставок в ВНР к 1990 г. составит 2,4 млрд. *кВт·ч*, ПНР — 6 млрд., в ЧССР — 3,6 млрд. *кВт·ч*. Для передачи электроэнергии от Хмельницкой АЭС на основе соглашения между ВНР, ГДР, ПНР, СССР и ЧССР построена ЛЭП-750 *кВ* Хмельницкий — Жешув (ПНР)[30].

Аналогичным образом сооружается Южно-Украинская АЭС, в создании которой принимают участие Советский Союз и Румыния, а также линия электропередачи 750 *кВ* Южно-Украинская АЭС (СССР) — Исакча (СРР) — Добруджа (НРБ) с участием НРБ, СРР и СССР[31].

Развитие ядерной энергетики в странах СЭВ ведется на строго плановой основе. В 1977 г. сессия СЭВ одобрила Программу максимально возможного развития атомного машиностроения, в 1979 г. в ходе 33-го заседания сессии СЭВ было подписано соглашение о многосторонней международной специализации и кооперировании производства и взаимных поставок оборудования для атомных электростанций на 1981—

---

[26] Ширяев Ю. С. Мировое хозяйство..., с. 135—136.
[27] Богомолов О. Т. Указ. соч., с. 14.
[28] Атомная энергетика в странах — членах СЭВ. М., 1985, с. 6—13.
[29] Там же.
[30] Экономическая газета, 1983, № 35, с. 20; № 36, с. 21.
[31] Атомная энергетика в странах — членах СЭВ, с. 7.

1990 гг., в реализации которого принимают участие около 50 промышленных предприятий и объединений европейских стран СЭВ и СФРЮ [32].

Ведущую роль в реализации этой программы играет Советский Союз. В СССР производится практически все оборудование для АЭС с реакторными установками типа ВВЭР, ведется обогащение урана, изготавливаются и поставляются заинтересованным странам тепловыделяющие сборки. Советский Союз принимает также на регенерацию отработанное ядерное топливо «Будущее мировой экономики, отмечал М. С. Горбачев,— трудно представить без развития атомной энергетики... Как известно, мирный атом приносит немало пользы человечеству». Однако при этом, подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС, следует «сконцентрировать усилия науки и техники на обеспечении безопасного освоения великих и грозных сил, заключенных в атомном ядре» [33].

Успешное решение топливно-энергетической проблемы, как и многих других проблем народного хозяйства стран СЭВ, особенно тех, которые связаны с интенсификацией общественного производства, в решающей степени зависит от дальнейшего наращивания объемов, а главное, совершенствования сотрудничества в ведущей отрасли промышленности — машиностроении.

В советском экспорте машиностроительной продукции в страны социалистического содружества (энергетического и электротехнического оборудования, изделий электроники и т. д.) увеличиваются поставки автотранспортных средств, отдельных видов сельскохозяйственных машин, подъемно-транспортного оборудования, робототехники, оборудования для АЭС, станков с ЧПУ и др. В настоящее время реализуется более 120 многосторонних и свыше 1000 двусторонних соглашений о специализации и кооперировании производства, объем поставок по которым превышает 8,8 млрд. руб.[34] Среди них такие крупномасштабные, как соглашение о специализации и кооперировании производства оборудования для атомных электростанций на 1981—1985 гг., продленное затем до 1990 г., соглашение о многосторонней специализации и кооперировании в разработке и производстве новых средств вычислительной техники, межправительственное соглашение о создании единой унифицированной элементной базы для электронной аппаратуры, средств связи и вычислительной техники, генеральное соглашение о многостороннем сотрудничестве по разработке и организации специализированного и кооперированного производства гибких производственных систем для машиностроения и их широкому внедрению в народное хозяйство и др. Советский Союз является активнейшим участником всех этих соглашений.

В феврале 1985 г. начал работу Комитет СЭВ по сотрудничеству в области машиностроения. Особое внимание Комитет уделяет комплексной автоматизации, механизации и техническому перевооружению народного хозяйства братских стран.

Для стран СЭВ советский рынок сбыта машин и оборудования является самым крупным и надежным. В 1984 г. в СССР братские государства поставляли 62% своего экспорта машиностроительной продукции, что, в свою очередь, составило примерно $^2/_3$ всего машиностроительного импорта СССР (35% капитальных вложений в оборудование, инструмент и инвентарь). Это свидетельствует о большом значении для советской экономики интеграционного сотрудничества со странами СЭВ. В 1976—1980 гг. поставки из стран СЭВ удовлетворили, например, до 40% потребностей СССР в морских и речных судах и погрузчиках,

---

[32] Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ, 1983, № 3, с. 3.
[33] Атомная энергетика в странах — членах СЭВ, с. 7, 15 и др.; Правда, 1986, 15 мая.
[34] Деловое сотрудничество в интересах мира и прогресса, с. 85.

до 26% — в пассажирских вагонах, 13% — в автобусах, приблизительно на 30% — в прокатном оборудовании, примерно на 50% — в оборудовании для автоматических телефонных станций. Поступление сельскохозяйственной техники из этих стран составляет 13% объема ее производства в СССР. На полученном из стран СЭВ оборудовании сейчас выпускается 40% плодоовощных консервов, 30% сахара и кондитерских изделий, 15% молочных продуктов [35].

Возрастают объемы закупок таких наукоемких изделий, как средства автоматической телемеханики и связи для железных дорог, станки с ЧПУ, холодильное оборудование, роботы-манипуляторы с программным управлением и др.

В развитии сотрудничества СССР со странами СЭВ в области машиностроения существует, однако, и ряд проблем. Наряду с сосредоточением выпуска ряда видов продукции в одной-трех странах [36], машиностроение большинства стран СЭВ характеризуется чрезмерной широтой профиля: ВНР, например, выпускает около 60%, ЧССР и ГДР — от 75 до 80% мировой номенклатуры машиностроительной продукции; все страны СЭВ производят для удовлетворения собственных нужд оборудование для пищевой промышленности, что ведет к мелкосерийности. Так, в СССР в 70-е гг. треть номенклатуры оборудования производилась в количестве 10 единиц в год, в НРБ, СРР, ЧССР половина всей номенклатуры — по 3—4 единицы в год [37].

Вторая проблема — относительно низкий удельный вес продукции, изготовляемой по кооперации. Из 74 многосторонних соглашений о специализации и кооперировании производства поставки комплектующих изделий предусмотрены только в 33-х. В результате в 1985 г. доля поставок деталей и узлов по кооперации в общем объеме специализированной продукции составила всего 16%. Необходимо ломать сложившиеся стереотипы, в соответствии с которыми, как отмечал заместитель министра внешней торговли СССР Н. Смеляков, «многие наши руководители на машиностроительных предприятиях по-прежнему отдают приоритет готовой машине и мало внимания уделяют запасным частям» [38]. Это вполне отражает ситуацию, при которой предприятия предпочитают выпускать готовую продукцию без кооперации как с отечественными предприятиями, так и предприятиями стран СЭВ. Доля же кооперированной продукции, производимой, например, машиностроительными предприятиями Англии и Японии превышает 60% [39]. Развитие поузловой и подетальной специализации дает большой экономический эффект. Так, подетальная специализация стран социалистического содружества в машиностроении способна снизить себестоимость продукции на 30—50%, повысить серийность в 4—6 раз, производительность труда — в 5—6 раз [40].

Важнейшее место в экспорте братских стран в СССР занимают товары народного потребления и продовольствие. Это имеет большое значение для удовлетворения потребностей советских трудящихся. В 80-х гг. страны СЭВ экспортировали в СССР до 43% вывозимых ими в другие

---

[35] Богомолов О. Т. Указ. соч., с. 16; Коммунист, 1983, № 7, с. 75; Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ, 1982, № 6, с. 4—5.

[36] Так, ГДР, СССР и ЧССР выпускают около 72% применяемых в странах СЭВ металлорежущих станков; ПНР и СССР — более 90% экскаваторов; СССР и ЧССР — более 92% ткацких станков; ВНР и СССР — более 80% автобусов; ПНР, СРР и СССР — 94% тракторов; ГДР и СССР — свыше 85% пассажирских вагонов; СРР и СССР — 97% оборудования для доменных печей; НРБ и СССР — около 100% электротельферов и 75% электро- и мотокаров (Политическое самообразование, 1985, № 9, с. 79).

[37] Там же, с. 83.

[38] БИКИ, 1985, 9 ноября; Новый мир, 1986, № 3, с. 191.

[39] Ширяев Ю. С. Международные производственные системы. М., 1981, с. 108.

[40] Политическое самообразование, 1985, № 9, с. 84.

страны товаров народного потребления и 45% продовольствия и сырья для его производства. Примерно 20% фондов внутрисоюзного розничного товарооборота по обуви, 15% по мебели, готовой одежде, консервам обеспечивается за счет поставок из стран СЭВ. В потреблении сахара импорт из стран СЭВ составляет более 30%, фруктов, ягод и винограда — 7—8, мяса — 2%. Тем самым страны социалистического содружества вносят свой вклад в реализацию Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 гг. и Продовольственной программы СССР [41].

Значение социалистической экономической интеграции многократно возрастает на современном, во многих отношениях переломном этапе в жизни братских стран, когда перевод их экономики на рельсы интенсификации стал настоятельной необходимостью. Главными его чертами являются научно-технический прогресс, коренное преобразование производительных сил. Сама научно-техническая революция переходит в иную плоскость — в революцию научно-производственную. Преображаются не только производство и управление им, меняются характер и содержание труда, условия быта и отдыха, словом, многие черты всей жизни людей. Научно-технический прогресс объективно определяет и направления совершенствования социалистических производственных отношений, в том числе и межгосударственных. Это — главная движущая сила прогресса. На прежней материально-технической базе добиться кардинальных перемен невозможно.

Ни в Советском Союзе, ни в другой какой-либо социалистической стране нет альтернативы интенсификации производства на основе научно-технического прогресса, овладения передовой технологией. Поэтому концепция ускорения социально-экономического развития определяет общую согласованную линию стран социалистического содружества.

Коммунистические и рабочие партии братских государств исходят из того, что главная задача социалистической интеграции — в органическом объединении усилий стран СЭВ на основных направлениях НТР. Ведущую роль призвана сыграть Комплексная программа научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 г., принятая на 41-м (внеочередном) заседании сессии Совета Экономической Взаимопомощи в 1985 г. Это документ большой политической и хозяйственной значимости. Он воплощает согласованную стратегию стран СЭВ в создании и использовании принципиально новых видов техники и технологии и организации комплексного научно-технического и производственного сотрудничества. Смысл Комплексной программы — в переходе к согласованной научно-технической политике. Это и закономерно. Ведь овладение высотами современных технологий, внедрение новейших достижений науки в серийное производство — ключевое средство решения главных внутренних и внешних задач социалистического содружества.

Опираясь на достигнутое ранее, страны содружества совместными усилиями намерены добиваться революционных преобразований в науке, технике, структуре народного хозяйства. Программа открывает реальные пути совместной концентрации сил и средств братских стран на приоритетных направлениях, которые определяют интенсификацию всей экономики и достижение наивысшего уровня по всему фронту научно-технического прогресса на рубеже XXI в.

Руководители отраслей промышленности, ведомств по науке и технике, предприятий и научно-производственных объединений, задействованных в коллективной реализации этой Комплексной программы, единодушны в том, что она обеспечивает содружеству не просто ускорение освоения новых технологий, а возможность качественного технологиче-

[41] Коммунист, 1983, № 7, с. 75; Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ, 1982, № 6, с. 4—5; Богомолов О. Т. Указ. соч., с. 15.

ского рывка в ведущих областях научно-технического прогресса. Решение этой задачи будет способствовать увеличению в странах СЭВ в целом к 2000 г. по меньшей мере вдвое производительности труда и снижению материалоемкости и энергоемкости продукции в 1,5—2 раза.

Реализация Комплексной программы позволит ускорить доведение фундаментальных научных идей до конкретных передовых технологий, создание новых поколений высокоэффективных машин и новейших материалов. Именно благодаря такому органическому соединению науки с производством, широкому использованию передовой техники и технологии и создается экономический эффект. Намеченные в этой области кооперация и специализация братских стран обеспечат им существенную экономию времени и ресурсов, помогут выйти на мировые рубежи научно-технического прогресса и производства.

В Комплексной программе предусмотрены конкретные мероприятия по пяти магистральным, приоритетным направлениям: электронизации народного хозяйства на базе широкого применения вычислительной и микропроцессорной техники, позволяющей значительно повысить производительность общественного труда, ускорить научно-технический прогресс во всем народном хозяйстве, в том числе в непроизводственной сфере и быту; комплексной автоматизации, включая гибкие автоматизированные производства, значительно повышающей производительность труда и качество продукции, ускоряющей процессы перенастройки технологий, позволяющей оптимально загрузить производственные мощности, значительно уменьшить фондоемкость производства; ускоренному развитию атомной энергетики, широкому внедрению ее в народное хозяйство; крупномасштабному вытеснению на этой основе из структуры топливно-энергетического баланса органического топлива (прежде всего нефти); новым материалам и технологиям их производства и обработки, ускоренному развитию биотехнологии с целью быстрейшего освоения достижений биологических наук в народном хозяйстве.

Эти направления, разумеется, избраны не случайно. Обобщение как собственного, так и мирового опыта, совместное прогнозирование показало, что именно они лежат в основе происходящих сегодня революционных сдвигов в науке, технике и производстве и потому будут определять технический прогресс не только до конца нынешнего столетия, но и на более длительную перспективу.

Первым шагом на пути выполнения Комплексной программы стали Генеральное соглашение о многостороннем сотрудничестве в области создания и внедрения системы автоматического проектирования, Генеральное соглашение о сотрудничестве в области создания, производства и эксплуатации Единой системы световодных средств передачи информации. В ходе 41-го (внеочередного) заседания было подписано соглашение об учреждении многосторонней научно-производственной организации «Интерробот» [42].

Для решения поставленных задач социалистическое содружество располагает всем необходимым — от производственных ресурсов до крупнейшего в мире научно-технического потенциала, который позволяет решать самые сложные задачи как в области фундаментальных, так и прикладных исследований.

Насколько реальна задача достичь передовых позиций на основных направлениях научно-технического прогресса, можно судить хотя бы по научно-техническому потенциалу стран СЭВ, который составляет треть мирового. В сфере науки у нас занято примерно 5 млн. человек. Социалистическое содружество располагает пятой частью мирового арсенала патентов на новую технику и технологию, а его доля в мировом «портфеле» всех изобретений, скажем, за 1983 г. достигла 43%.

[42] Правда, 1985, 19 декабря.

Странами СЭВ накоплен огромный опыт многостороннего научно-технического сотрудничества, в котором участвуют около 3 тыс. научно-технических организаций. Совместными усилиями с 1971 г. закончено свыше 20 тыс. теоретических и прикладных работ. Ежегодно создается около 200—300 новых или усовершенствованных образцов машин, приборов и оборудования, разрабатывается и совершенствуется примерно 100—150 технологических процессов и 100—200 видов материалов и препаратов [43]. Такое широкомасштабное научно-техническое сотрудничество позволяет странам — членам СЭВ собственными силами решать абсолютное большинство народнохозяйственных задач.

В то же время трудящиеся СССР и других братских стран самокритичны в оценке технического уровня некоторых видов изделий. И это — верный признак целеустремленности в устранении недостатков. При реализации Программы будут, безусловно, учитываться все имеющиеся резервы. Организация сотрудничества предполагается по всему циклу «наука — техника — производство — сбыт». В Программе заложена самая тесная кооперация всех стран-участниц.

Революционное развитие науки и техники в странах социалистического содружества будет способствовать ускорению процесса постепенного выравнивания уровней их экономического развития, повышению эффективности научно-технической и экономической помощи со стороны европейских стран СЭВ Социалистической Республике Вьетнам, Кубе и Монгольской Народной Республике. Уже в текущей пятилетке намечено существенно увеличить масштабы сотрудничества с этими странами, содействовать росту их участия в международном социалистическом разделении труда, социалистической экономической интеграции, развитию их народного хозяйства с учетом использования местных природных и экономических условий. Особенно значительно возрастает помощь в развитии науки и техники, подготовке национальных научных кадров и технических специалистов.

Понятно, что Советский Союз, располагающий крупнейшим экономическим и научно-техническим потенциалом, объективно вносит наибольший вклад в дело ускорения научно-технического прогресса в масштабах социалистического содружества в целом. Он занимает лидирующую роль в реализиции Комплексной программы научно-технического прогресса.

Сегодня у СССР немало достижений, получивших мировое признание. Это, например, уникальные исследования кометы Галлея космическими аппаратами «Вега» в марте этого года, сооружение гигантских ГЭС и линий электропередачи на большие расстояния, прокладка магистральных трубопроводов, производство уникальных видов металлообрабатывающего и металлургического оборудования, горнопроходческой и сварочной, авиационной и космической техники, приборов.

В нашей стране создан не имеющий аналогов турбоагрегат мощностью 1200 *МВт* и проектируется — 1500 *МВт*. В Советском Союзе эксплуатируется один из крупнейших в мире реактор-размножитель на быстрых нейтронах, сооружается самый мощный в мире канальный уран-графитовый реактор 1500 *МВт* и проектируется — 2400 *МВт*. К числу выдающихся достижений в этой области следует отнести и создание первых в мире термоядерных установок типа ТОКАМАК с сверхпроводящей магнитной системой и крупнейшего в мире МГД-генератора для электростанций открытого типа (это пока единственная в мире промышленная МГД-установка).

СССР — пионер в сооружении ультравысоковольтных ЛЭП 1500 *кВ*, проектируется ЛЭП 2000 *кВ* на расстояния 2400 и 5300 *км*, что не имеет прецедентов в мировой практике.

[43] Аргументы и факты, 1986, № 5, с. 3—4.

В числе примеров, характеризующих вклад СССР в технический прогресс, можно упомянуть создание впервые в мире специалистами СССР и ГДР плазменной печи емкостью 30 *т* для выплавки высоколегированной стали, в которой температура плазмы достигает 15 000° С, что позволило довести степень усвоения легирующих элементов почти до 100%. Разработан унифицированный полуавтомат «Интермигмаг» для дуговой сварки плавящимся электродом в среде защитных газов.

В Советском Союзе найдены и освоены высокоэффективные способы получения новых керамических и полимерных материалов с заданными свойствами, уникальных сплавов, разработаны новые методы литья, порошковой металлургии, электрошлаковый переплав, электронно-лучевые и вакуумные процессы, применено испарительное охлаждение доменных печей, производство многослойных труб для газопроводов и т. п.

СССР был не только инициатором разработки Комплексной программы научно-технического прогресса, но и выполнил роль координатора этой разработки. На него возложены функции возглавляющей стороны в организации работ по приоритетным направлениям, лежащим в основе современных революционных сдвигов в науке, технике и производстве. По подавляющему большинству тем советские организации выступают в роли головных.

Советский Союз выделяет для реализации Программы наиболее авторитетные и мощные организации, научно-исследовательские, проектно-конструкторские и научно-производственные коллективы. Причем в качестве ведущих исполнителей выступают объединения принципиально нового типа — многоотраслевые научно-технические комплексы. Среди них — комплексы, созданные на базе всемирно известного Института электросварки им. Е. О. Патона, Экспериментального научно-производственного института металлорежущих станков и Института общей генетики АН СССР и др.

Все это служит не только признанием достижений советской науки и техники, мощи исследовательского потенциала, но и свидетельствует об интернациональной ответственности СССР за успех общего начинания, ибо с реализацией Программы ее участники в большой мере связывают достижение наивысшего уровня науки, техники и производства на важнейших направлениях научно-технического прогресса.

КПСС ориентирует партийные, советские и хозяйственные органы, трудовые коллективы на безусловное выполнение обязательств Советского Союза, вытекающих из этой программы. Все трудящиеся призваны принять самое энергичное участие в совместной деятельности научных учреждений и предприятий стран содружества по развитию и использованию современной технологии. Создание техники XXI в. требует целеустремленности, простора для творчества, инициативы. Здесь открывается широкое поле и для проявления почина, талантов всех трудящихся, особенно молодежи. В Резолюции XXVII съезда КПСС прямо отмечено, что «КПСС рассматривает как дело особой значимости принятие Комплексной программы научно-технического прогресса стран — членов СЭВ, считает долгом чести советских коммунистов, ученых, инженеров, рабочих проявлять новаторский, инициативный подход на ключевых направлениях социалистической экономической интеграции»[44]. Такой же решимостью пронизан и соответствующий раздел Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г., в котором подчеркивается необходимость «неукоснительно претворять в жизнь совместную Комплексную программу научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 года. Шире развертывать кооперацию со странами — членами СЭВ в создании и внедрении

[44] Резолюция XXVII съезда КПСС по Политическому докладу..., с. 19.

передовой техники, технологии и материалов с учетом коллективно вырабатываемых решений» [45].

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по реализации Комплексной программы научно-технического прогресса стран — членов СЭВ предусмотрено создание всех необходимых условий для того, чтобы советские организации активно включились в ее выполнение и обеспечивали широкое внедрение в производство на базе специализации и кооперации результатов работ, которые будут проводиться в ходе реализации Программы совместно с другими странами [46].

В целом выполнение Комплексной программы явится серьезным экзаменом для системы коллективного руководства взаимным сотрудничеством стран СЭВ. Как отмечалось на заседании Политического консультативного комитета стран Варшавского Договора в Софии (1985 г.), работу СЭВ следует нацелить на ускорение научно-технического прогресса на основе международной специализации и кооперации производства, с учетом этого произвести серьезные изменения всей структуры, стиля и методов работы. На это же обращалось внимание и в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии: «На наш взгляд,—отмечал М. С. Горбачев — требуются перемены и в деятельности самого штаба социалистической интеграции — Совета Экономической Взаимопомощи... Главное, чтобы в реализации программы (Комплексной программы научно-технического прогресса.— *Авт.*) было меньше администрирования, всякого рода комитетов и комиссий, больше внимания к экономическим рычагам, социалистической предприимчивости, вовлечению в этот процесс трудовых коллективов» [47].

Несомненно, переход социалистических стран на преимущественно интенсивный путь развития, потребности резкого повышения технического уровня народного хозяйства, качественного усовершенствования процесса внедрения результатов научно-технической деятельности в производство предъявляют более высокие требования к внешнеэкономическим связям социалистических стран, стимулируют целенаправленный поиск их новых эффективных форм. Рассмотрим две из них — согласование экономической политики и развитие прямых связей предприятий и объединений стран социалистического содружества.

Решение об углублении согласования странами СЭВ экономической политики в областях, связанных с взаимным сотрудничеством, а заинтересованными странами и в других областях социально-экономического развития в той мере, в которой эти страны сочтут это необходимым, было принято Экономическим совещанием стран — членов СЭВ на высшем уровне по инициативе КПСС. «Под таким согласованием,— как отмечено в Заявлении об основных направлениях дальнейшего развития и углубления экономического и научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ,— страны — члены СЭВ понимают выработку на коллективной основе путей решения крупных экономических проблем, представляющих взаимный интерес и имеющих важное значение для определения каждой из братских стран направлений экономического развития и сотрудничества на длительную перспективу, совместное определение путей прямого взаимодействия в сферах науки, техники, материального производства и капитального строительства» [48].

Важнейшим инструментом практического согласования экономической политики стран СЭВ является координация народнохозяйственных планов. Она охватывает те области экономики, в которых у стран СЭВ

---

[45] Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, с. 85.

[46] Коммунист, 1986, № 1, с. 14.

[47] Горбачев М. С. Политический доклад..., с. 91.

[48] Экономическое совещание стран — членов СЭВ на высшем уровне 12—14 июня 1984 г. М., 1984, с. 20.

имеются объективные предпосылки и заинтересованность в расширении и углублении международного социалистического разделения труда.

В ходе координации планов на 1986—1990 гг. были согласованы важнейшие условия сотрудничества стран СЭВ во всех важнейших отраслях материального производства и решении крупных народнохозяйственных проблем, проведена координация капитальных вложений в областях, представляющих взаимный интерес, и достигнуты договоренности по объектам совместного строительства.

Углубление социалистической экономической интеграции связано также с широким вовлечением во внешнеэкономическую деятельность непосредственных разработчиков, производителей и потребителей обмениваемой между странами продукции, т. е. предприятий и объединений. Страны СЭВ идут по пути расширения хозяйственной самостоятельности предприятий, повышения роли трудовых коллективов в управлении ими, создания таких хозрасчетных условий, которые бы позволяли предприятиям нести ответственность перед обществом за эффективное использование выделенных им ресурсов. Это облегчает установление прямых связей между предприятиями разных стран, суть которых заключается в содействии непосредственному объединению производственных и научно-технических усилий партнеров (в первую очередь основных хозяйственных звеньев) в интересах решения общих задач, позволяет обеспечить наиболее рациональное распределение ответственности между центральными ведомствами и непосредственными участниками международного сотрудничества. Одновременно наблюдается тенденция к укреплению централизма в планировании и управлении на общегосударственном уровне, что повышает действенность межгосударственного согласования экономической политики и планов.

Совершенствование национальных систем хозяйственного управления и их взаимная сопряженность — одна из важных предпосылок развития экономической интеграции стран СЭВ. Поэтому понятен интерес к коллективному обсуждению этих вопросов, к обмену опытом социалистического хозяйствования, который становится все более действенным и интенсивным. Социалистические государства, как известно, не навязывают друг другу своей практики построения управленческих и организационных отношений в экономике. Однако более глубокое взаимное изучение этой практики, совместная оценка коллективного опыта помогают применять оправдавшие себя общие принципы социалистического хозяйствования к специфическим условиям отдельных стран. СССР неизменно выступал и выступает за взаимное изучение и использование опыта социалистического строительства, охотно делится полученными результатами. «Бережное, уважительное отношение к опыту друг друга, применение его на практике — огромный резерв социалистического мира»[49],— отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.

В этом смысле установление и развитие между предприятиями стран СЭВ прямых связей призваны не только повысить эффективность их сотрудничества, но и способствовать взаимному обогащению хозяйственной практики новыми формами и методами работы. Несомненно, что путем развития оперативных прямых связей, создания совместных фирм, предприятий можно вскрыть крупные резервы международной специализации и кооперации производства.

В Советском Союзе в последние годы приняты решения, создающие более благоприятные организационные и, что особенно важно, экономические условия для развития прямых производственных связей между предприятиями СССР и других стран СЭВ. Определен порядок планирования и осуществления взаимных поставок кооперированной продук-

[49] Горбачев М. С. Политический доклад..., с. 91—92.

ции, обеспечения их материальными и финансовыми ресурсами. Промышленным предприятиям предоставлено право образовывать фонды развития международной кооперации, которые будут находиться непосредственно в их распоряжении [50]. Намечается также шире практиковать создание интернациональных научных центров, объединенных проектно-конструкторских бюро, совместных предприятий и фирм, позволяющих применять более эффективные формы комплексного сотрудничества, охватывающего все стадии производственного цикла — от начала разработки новой техники и технологии до освоения их в производстве и сбыта продукции [51]. К числу первых практических шагов в этом направлении относится организация двух советско-болгарских объединений в станкостроительной промышленности, участниками которых с советской стороны выступают такие крупные предприятия, как Ивановское станкостроительное объединение и московский завод «Красный пролетарий». Подписано также соглашение о создании советско-болгарского объединения в области автоэлектроники [52].

Выдвигаемые КПСС задачи расширения и совершенствования внешнеэкономической деятельности СССР диктуют необходимость перестройки и существующего в этой области механизма управления. Разумеется, эта перестройка может принести необходимые результаты лишь в том случае, если она будет тесно увязана с логикой проводимого в Советском Союзе совершенствования хозяйственного механизма. Речь идет о сочетании таких принимаемых мер, как укрепление централизованного начала в управлении внешнеэкономическими связями, преодоление еще имеющегося отрыва производственной сферы от внешнего рынка, в частности путем усиления материальной заинтересованности и ответственности работников этих двух сфер в расширении эффективности экспорта и рационализации импорта. Применение полного хозрасчета во внешнеэкономической деятельности предприятия, в том числе и в его связях с внешнеторговыми организациями, означает, что действительная народнохозяйственная эффективность экспорта или импорта, осуществляемого предприятием, будет непосредственно влиять на общие финансовые итоги его работы. В этой связи среди советских ученых и специалистов обсуждаются пути совершенствования порядка формирования внутренних цен на экспортную и импортную продукцию. Можно ожидать, что они будут поставлены в более непосредственную зависимость от фактических внешнеторговых цен. Это позволит предприятиям лучше учитывать требования внешнего рынка не только к качеству товаров, но и издержкам производства, проявлять большую инициативу и предприимчивость.

Повышая качество централизованного планирования и руководства экономикой, расширяя хозяйственную самостоятельность предприятий и хозрасчетные начала в их деятельности, Советское государство учитывает при этом и внешнеэкономические задачи. Внутренний хозяйственный механизм призван активно стимулировать интеграционное сотрудничество, повышать его эффективность.

Опыт СССР и других стран СЭВ показывает, что в развитии социалистического содружества произошли глубокие количественные и качественные сдвиги, существенно укрепился экономический и научно-технический потенциал отдельных стран и всего содружества в целом. Решения XXVII съезда КПСС, съездов марксистско-ленинских партий братских стран открывают новые перспективы дальнейшего развития социалистической экономической интеграции.

---

[50] Собрание постановлений Совета Министров СССР. 1984, № 23, ст. 556.

[51] См.: Экономическое совещание стран — членов СЭВ на высшем уровне. 12—14 июня 1984 г., с. 20.

[52] Правда, 1985, 30 сентября, 19 декабря.

Ю. В. АРУТЮНЯН

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ СОВЕТСКИХ НАЦИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

(Опыт системного историко-социологического анализа)

В новой редакции Программы КПСС отмечается: «Для национальных отношений в нашей стране характерны как дальнейший расцвет наций и народностей, так и их неуклонное сближение, которое происходит на основе добровольности, равенства, братского сотрудничества»[1].

Важным результатом развития этих отношений стали масштабные социально-культурные изменения, затронувшие все стороны жизни народов СССР. И хотя процессы социальной интеграции народов еще не завершены, хотя нации отличаются друг от друга и степенью урбанизации[2], и классовым составом[3], и социально-профессиональной структурой[4], и приобщенностью к некоторым современным образцам поведения, главное — это их глубинное, сущностное единство, проявляющееся в системе социально-экономических и политических отношений, доминирующих социальных ценностей, в основных, собирательных чертах духовного облика. Однотипная социальная структура советских наций, их социально-политическая жизнь, государственное устройство и система экономических отношений страны — вот что, проявляясь и в большом и в малом, предопределяет принципиальное сходство наций в различных сторонах их жизни.

Развитие такого сходства, а в конечном счете, однородности существенных социальных черт народов имело свою историческую логику. Оно определялось системой господствующих в стране производственных отношений, основанных на общественной собственности на орудия и средства производства, национальной политикой Советского государства, обеспечивавшей плановое пропорциональное развитие народ-

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. М., 1986, с. 43—44.

[2] В то время как в составе таких наций, как русские, украинцы, белорусы, грузины, литовцы, латыши, армяне, эстонцы, подавляющее большинство — горожане, у узбеков, казахов, азербайджанцев, молдаван, киргизов, таджиков, туркмен преобладает сельское население (см.: Арутюнян Ю. В. Общее и национально-особенное в социально-культурном облике колхозного крестьянства. В кн.: Социальная политика и национальные отношения. М., 1982. с. 153).

[3] Так, доля колхозников колеблется от 6% у русских до 45% у туркмен, доля служащих — от 15% у таджиков и молдаван до 32% у грузин и эстонцев, доля рабочих — от 39% у туркмен до 64% у казахов. (См.: Социологические исследования, 1982, № 4, с. 23.)

[4] Сравнив горожан и сельчан коренной национальности, скажем, в Эстонии, РСФСР, Узбекистане, по этому признаку, увидим, что социально-профессиональный диапазон коренного населения даже в одних и тех же республиках довольно широк: квалифицированным умственным и физическим трудом, например, занимаются в городах названных республик соответственно 81, 74 и 67%, а в селах — соответственно 76, 55, и 37%. (См.: Социальная политика и национальные отношения, с. 155).

ного хозяйства в масштабах всего государства, выравнивание уровней социально-экономического и культурного развития народов СССР.

В то же время очевидно, что создание новой исторической общности — советского народа, интернациональные процессы, характерные для наших наций, формирование их сходного социально-культурного облика отнюдь не означают полного совпадения всех социально-культурных черт народов, не снимают их своеобразия и специфики, связанной с историческим прошлым и особенностями социально-культурной среды.

В данной статье мы попытаемся подвести некоторые итоги социально-культурного развития советских наций, оценить динамику исторического развития их общности, достигнутую на современном этапе, по некоторым параметрам проследить, как сочетаются в социально-культурном облике наций этнические особенности и интернациональные черты, присущие всему советскому обществу.

Тема эта — о развитии социально-культурной общности советских наций — уже давно не нова. Ее разработке и в теоретическом, и в историческом плане постоянное внимание уделялось этнографами (Ю. В. Бромлей), историками (М. П. Ким, М. И. Куличенко, В. П. Шерстобитов) и философами (Э. А. Баграмов, А. Ф. Дашдамиров, А. Ф. Джунусов, С. И. Калтахчан). Начиная с 60-х и особенно с 70-х годов, стали появляться этносоциологические исследования, в которых ставилась цель сугубо конкретного и в то же время системного разностороннего исследования национальных процессов, современниками которых мы являемся [5]. И тем не менее в конкретном комплексном анализе социально-культурного сближения советских народов, пожалуй, еще не было сделано многого весьма существенного. Во-первых, реально не вскрывался исторический динамизм наблюдаемых процессов сближения социально-профессиональных, культурных и бытовых черт народов (что не давало полного основания считать работы историко-социологическими). Об изменениях в этих показателях мы судили чаще всего, сравнивая возрастные когорты людей разных национальностей. Полученные таким путем данные, безусловно, отражали перемены — интернационализацию культуры, изменения в художественных вкусах людей, их бытовых отношениях и т. д. Действительно, среди молодежи разных национальностей обнаруживалось больше сходства, чем среди людей старших поколений. Но, хотя это в какой-то мере и позволяло судить о происходящих сдвигах, переоценивать подобную информацию нельзя, так как молодежные характеристики могут быть неустойчивыми, с «повзрослением» могут меняться, особенно в бытовой сфере и даже в художественных вкусах. Во-вторых, и это главное, в предыдущих работах реально не вскрывалось сходство или отличия разных народов по степени взаимосвязи и взаимообусловленности их социально-культурных черт, социальных и этнических признаков [6].

В этой статье делается попытка по возможности преодолеть недостатки информационной основы исследования 70-х гг., поскольку в 80-е гг. в основном, по той же программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций», что и в 70-е гг., был проведен повторный сбор идентичных, строго сравнимых по программе и инструментарию материалов (панельные исследования) в ранее изучавшихся столицах Эстонской ССР, Молдавской ССР, Грузинской ССР, Узбекской ССР. Опрашивалось все население в возрасте

[5] Библиографию см.: Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984, с. 246—253.

[6] Термины «этнический» и «социальный» применяются нами для краткости, обозначая в данном случае «преимущественно этнический» и «преимущественно социальный».

18 лет и старше. Исходя из заранее заданной выборочной совокупности, по избирательным спискам, при соблюдении необходимых интервалов выделялись респонденты для опроса. Сравнение генеральной и выборочной совокупности по признакам, фиксируемым переписью населения, подтвердило, что ошибки выборки были в пределах ±5% [7]. В настоящее время все данные не только основного исследования 70-х гг., но и повторного — 80-х гг. — обработаны на ЭВМ и используются в литературе. Сравнение результатов нашего повторного исследования с базовым дает возможность судить об исторических изменениях не по дистанции возрастных когорт, а основываясь на конкретных материалах, фиксирующих исследуемые процессы с интервалом примерно до 10 лет, как это принято во всесоюзных переписях населения.

На новом этапе, и в частности, в данной статье, появилась также возможность ближе подойти к действительно системному анализу наблюдаемых явлений и признаков, вскрыв корреляционные зависимости всех важных, фиксируемых в исследовании характеристик, отражающих социальное развитие разных народов.

Если суммировать по этим материалам то, что уже достигнуто в формировании социально-культурного облика советских наций, то четко обнаружится при доминировании принципиально общих социальных черт — их национальная множественность и многовариантность. Эта закономерность теоретически осмысливалась и иллюстрировалась фактическим материалом и в прошлом. Однако при отсутствии сопоставимых данных по разным народам имевшийся тогда фактический материал нельзя было по существу сравнить и классифицировать по значимости сугубо этнических признаков в системе общих социальных связей. Такая возможность появилась в 80-х гг. По существу, пожалуй, первая попытка подобного анализа и делается в данной статье. В ней сравниваются системы взаимосвязанных демографических, социально-этнических признаков исследуемых народов — русских, эстонцев, молдаван, грузин и узбеков (всего здесь выделено 17 признаков: возраст, пол и др.— см. матрицы).

Статистические зависимости зафиксированных признаков рассчитывались на основе меры информации, точнее коэффициентов Райского, имеющих уже довольно широкое применение в этнографических и исторических исследованиях [8].

В результате проведенного анализа, вскрывая взаимосвязь между зафиксированными нами в исследовании «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций» основными статистическими признаками, характеризующими социальный облик наций, мы четко обнаруживаем два выраженных типа этносов.

---

[7] Арутюнян Ю. В. и др. Указ. соч., с. 111—123.

[8] Информационный коэффициент связи двух признаков рассчитывается на основе энтропии каждого признака (H_A) и (H_B), а также их совместной энтропии (H_{AB}) по формуле: $R=\frac{H_{(A)}+H_{(B)}-H_{(AB)}}{H_{(AB)}}$. В самом широком понимании статистическая зависимость фиксируемых признаков означает, что они зависимы (связаны) тогда, когда знание состояния по одному признаку сопровождается знанием по другому признаку. Расчет коэффициентов взаимосвязи признаков сводится к выяснению меры близости фиксируемых признаков друг с другом. Теоретически коэффициент информации может принимать значение от 0 до 1. Максимальный коэффициент связи, рассчитанный по материалам нашего исследования, находится в пределах 0,40. Основываясь на сделанных расчетах, условно как значимые интерпретированы связи, начиная от 0,03 и выше (см.: Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М., 1980, с. 258—260; Арутюнян Ю. В. и др. Указ. соч., с. 136—140). Расчеты на ЭВМ производились А. Д. Коростылевым. Подробнее о методике расчетов и использовании этих коэффициентов см.: Устинов В. А., Феллингер А. Ф. Историко-социальные исследования. ЭВМ и математика. М., 1973; Миркин Б. Г. Анализ качественных признаков. М., 1976; Елисеев И. И., Рукавишников В. О. Группировка, корреляция в распознавании образов. М., 1977.

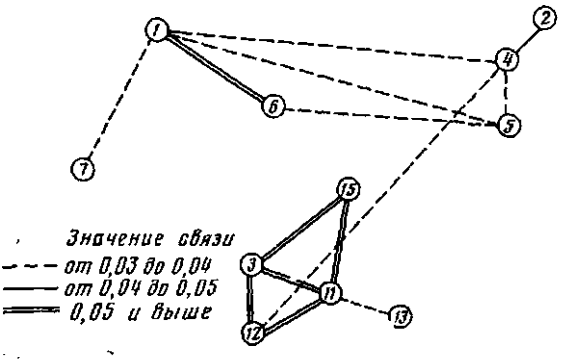

Рис. 1. Взаимосвязь социально-культурных и этнических характеристик городского населения Эстонской ССР в 70-е гг.

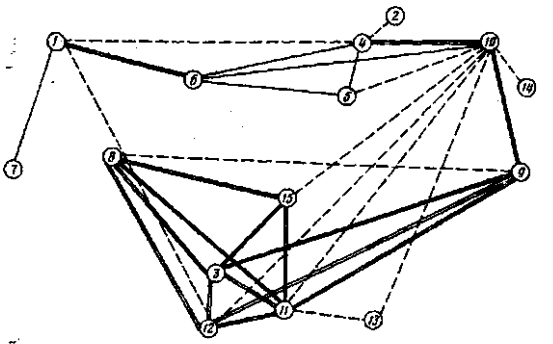

Рис. 2. Взаимосвязь социально-культурных и этнических характеристик городского населения Узбекской ССР в 70-е гг.

Первый из них, который можно условно назвать «западный», в нашем исследовании представлен эстонцами, русскими и в известной мере молдаванами. Для этого типа, наиболее выраженного у эстонцев (см. рис. 1), характерно четкое размежевание общих социальных и сугубо этнических черт, т. е. заметная автономия и относительно слабая зависимость между фиксируемыми нами этническими чертами и их общими социальными характеристиками. Другими словами, в этом типе зафиксированные нами в общей схеме развития наций такие социальные индикаторы (признаки), как рост образования и профессиональной подготовки (5), партийность (6), социально-профессиональный состав (4), интенсивность культурной жизни (10) и др., практически независимы от этнических признаков: национальной принадлежности (3), языка (11), национальных вкусов в искусстве (12, 15) и др. Поэтому можно говорить о четко очерченной дифференциации этнических и социальных явлений. Названные сугубо этнические (национальные) признаки, прежде всего национальная принадлежность и язык, действительно, в нашей схеме укладываются в самостоятельный блок, относительно независимый от таких общих между собой более или менее связанных социально-демографических признаков, как половозрастная (1, 2) и социально-профессиональная структура (4, 5), семейно-бытовые отношения (7), интенсивность культурной жизни (10) (см. рис. 1).

Это не значит, конечно, что выделенная в этой схеме (рис. 1) система признаков социальной жизни (1, 4, 5, 6, 7) в действительности абсолютно отделена от этнических черт (3, 11, 12, 13, 15) *. И на трудо-

* Те из 17 признаков, которые не зафиксированы в рисунках (напр., в рис. 1 признаки 8—11, 17), не имеют значимых связей. См. итоговую матрицу расчетов.

Городское население Эстонской ССР (1970-е гг.)

Матрица информационных коэффициентов связи (0,...)

1. Возраст																
2. Пол	003															
3. Национальность	005	000														
4. Занятия (социально-профессиональная группа)	031	047	002													
5. Рост образования и профподготовки	038	008	017	037												
6. Партийность	106	008	009	031	037											
7. Состав семьи	038	005	005	007	001	014										
8. Число детей	027	000	000	011	006	011	006									
9. Отношение к религии	020	015	000	013	006	012	003	007								
10. Чтение художественной литературы	014	002	008	018	013	014	001	011	012							
11. Свободное владение языками	004	001	534	003	017	009	004	001	000	007						
12. Музыкальные вкусы	032	002	091	030	015	018	005	013	011	018	082					
13. Национальность ближайшего друга	001	000	016	000	000	004	001	001	000	002	027	008				
14. Посещение театра	022	001	009	028	017	013	004	008	015	030	009	024	001			
15. Национальные деятели культуры	018	002	207	019	022	013	008	001	015	015	186	XXX	008	014		
16. Отношение к межнациональным бракам	004	000	029	005	005	003	002	002	004	004	003	015	011	004	021	
17. Отношение к многонациональным коллективам	002 1	000 2	009 3	003 4	003 5	000 6	002 7	001 8	000 9	001 10	009 11	006 12	005 13	000 14	008 15	028 16	17

вых отношениях, и на отраслевой занятости, и на интенсивности культурной жизни и тем более в семейно-бытовой сфере на данном этапе развития нашего общества, конечно, не могут не сказываться элементы национальных отношений. Но связи общего социального и этнического здесь сравнительно незначительны, быстро стираемы. Основные социальные характеристики весомо выражены вне системы сугубо этнических признаков, что означает известный сепаратизм в их развитии. Этот тип этноса характеризуется слабо выраженными традиционными этническими чертами и «смазанной» системой связи между ними и общими социальными признаками.

Другое дело — второй, условно говоря, «восточный» тип социально-этнического развития, представленный в исследовании «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций» Узбекистаном (рис. 2). Здесь граница этнического существенно расширяется и в набор этнодифференцирующих признаков включаются чисто социальные компоненты, в частности, семейно-бытовые отношения (7), детность (8), конфессиональные черты (9), связанные на этот раз с системой сугубо этнических черт (3, 11, 12) гораздо теснее, чем с общими социально-демографическими признаками (1, 4, 5, 6). Здесь речь, таким образом, может идти о значительном расширении этнических границ, по существу, включении в систему этнодифференцирующих признаков тех социальных характеристик, которые в другом типе выступают в системе сугубо общих социальных связей.

Осмысление социальной обусловленности этнических явлений позволяет судить о степени их управляемости с помощью общего социального механизма. Именно поэтому, как теоретически, так и практически, целесообразно знать степень устойчивости той или иной типологии в системе социальных характеристик, видеть, насколько глубоко черты, зафиксированные как этнодифференцирующие, утверждались в социально-этническом организме.

Сейчас, когда с начала исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций» прошел определенный промежуток времени, мы получили возможность провести панельные исследования, экстраполируя результаты которых, можно судить о доминирующих тенденциях в развитии социально-культурного облика этносов различного типа. Опираться мы здесь будем на материал исследования столиц союзных республик. Город — в известной мере будущее для села. Урбанизация в современном мире доминирует и как перемещение городских границ, и как сущностная трансформация сельского образа жизни, сближение его с городским. При всем стремлении к оптимизации этого процесса и сохранению объективно значимых сельских ценностей городская модель в зримой перспективе неизбежно останется доминирующей даже в формировании агроиндустриального поселения будущего.

И в этих процессах, бесспорно, особое место занимают столицы как центры, в наибольшей мере на сегодняшний день выражающие специфику крупных поселений, преимущества и недостатки образа жизни эпохи урбанизации и НТР. Поэтому, опираясь на материалы столиц, выявляя динамику социально-этнических изменений их населения, в какой-то мере можно судить об обозримых перспективах развития социально-культурной общности народов нашей страны.

Как это очевидно для читателя, сейчас социальные различия между нациями прежде всего обусловлены как раз тем, что люди одних национальностей преимущественно живут в городах, в особенности, русские, эстонцы, латыши, армяне, а других — и прежде всего практически все коренные народы Средней Азии — в селах. Пока между городом и деревней дают о себе знать существенные различия, это обстоятельство не может не сказываться на социальном развитии наций. У «городских»

Городское население Узбекской ССР (1970-е гг.)

Матрица информационных коэффициентов связи (0, . . .)

1. Возраст																
2. Пол	001															
3. Национальность	001	003														
4. Занятия (социально-профессиональная группа)	029	040	020													
5. Рост образования и профподготовки	030	001	003	047												
6. Партийность	123	011	006	048	049											
7. Состав семьи	040	001	011	006	007	023										
8. Число детей	022	001	081	023	007	010	004									
9. Отношение к религии	014	005	077	052	020	018	004	038								
10. Чтение художественной литературы	039	006	022	073	037	045	005	023	074							
11. Свободное владение языками	005	006	488	030	005	011	009	069	070	037						
12. Музыкальные вкусы	030	003	238	039	015	021	013	059	023	040	135					
13. Национальность ближайшего друга	002	000	013	005	002	000	001	004	009	004	013	011				
14. Посещение театра	025	001	002	026	017	026	004	003	011	033	007	014	001			
15. Национальные деятели культуры	010	003	332	034	008	015	009	065	058	035	254	XXX	008	009		
16. Отношение к межнациональным бракам	002	001	025	009	004	002	004	009	018	010	023	023	005	003	018	
17. Отношение к многонациональным коллективам	001 1	000 2	007 3	001 4	000 5	000 6	000 7	000 8	001 9	001 10	007 11	004 12	004 13	006 14	006 15	012 16	17

наций в целом пока выше образованность, сложнее профессионально-социальная структура, интенсивнее социально-культурная жизнь и социально-территориальные перемещения. Совершенно очевидно, что ликвидация существенных различий между городом и деревней — это одновременно важный этап сближения наций и укрепления общности их социальной жизни.

Но значит ли это, что с преодолением существенных социальных различий между городом и деревней нации полностью идентифицируются в своих социальных чертах? Будут ли в этом случае сведены на нет национальные особенности в их образе жизни? Конкретно судить об этом можно в какой-то мере уже сейчас, сравнивая наши народы в сходных поселенческих, точнее, столичных условиях. Действительно, в подавляющем большинстве случаев в столицах почти идентичны общие социальные характеристики наций. Известно, например, что узбеки и русские в целом существенно отличаются друг от друга и по классовому, и по социально-профессиональному составу, занятиям, в известной мере, по интенсивности проведения досуга, чего нельзя сказать о русских и узбеках, живущих в Ташкенте. Здесь они мало отличаются друг от друга и по уровню образования — более трети узбеков и столько же живущих в Ташкенте русских имеют полное и неполное высшее образование, и по социально-профессиональной структуре, и по занятости в отдельных сферах деятельности.

В целом между нациями некоторые различия в общих социальных показателях даже в сходной среде пока еще, конечно, в известной мере сохраняются и в количественном, и в какой-то степени качественном отношении. Но, принимая во внимание динамику изменений, убеждаемся, что такие различия уже сейчас абсолютно несущественны. Конкретные материалы документально позволяют судить об этом. Если еще по данным предыдущей переписи 1970 г. между нациями сказывались довольно заметные различия в тех или иных сферах деятельности, то теперь, во всяком случае, в столичных условиях, они почти сведены на нет, или уже заметно стерты. По данным исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций», прежде всего происходит перераспределение людей разных национальностей, занятых в сферах материального производства. В настоящее время в европейских городах, особенно в столицах, преимущественно приостанавливается рост числа работников коренных национальностей, занятых в сфере промышленного производства, в строительстве и на транспорте, хотя этого нельзя сказать, например, о Тбилиси и тем более о среднеазиатских городах. В Тбилиси и Ташкенте, где доля коренных национальностей в сфере промышленного производства была сравнительно невелика, теперь наблюдается заметный прирост их. В 70-х гг., по данным нашего исследования, в Тбилиси среди лиц коренной национальности примерно $^1/_4$ были заняты в промышленности, строительстве и на транспорте, в Ташкенте — менее трети (30%). Сейчас их доля заметно увеличилась: в Тбилиси — до 33%, в Ташкенте — до 41%, т. е. они почти выравнялись в этом отношении со средними пропорциями отраслевой занятости людей коренных национальностей в других столичных центрах. О сравнительно незначительных расхождениях занятости людей разных национальностей в основных отраслях народного хозяйства и производственных сферах можно судить по данным таблицы 1.

Все более равномерно распределение наций по отраслям народного хозяйства сопровождается выравниванием социально-профессиональной структуры. Хотя колебания в этом отношении до сих пор остаются заметными, сравнение ситуации в 70-х и 80-х гг. убеждает в быстроте происходящих сдвигов, свидетельствуя о том, что в недалеком будущем тут можно ожидать почти полного выравнивания наций. По данным нашего исследования, в середине 70-х гг. в Ташкенте и Кишиневе почти пятая

Таблица 1

«Индекс участия» * основной коренной и русской национальностей в некоторых отраслях народного хозяйства в столицах четырех союзных республик в 1979 г. **

Столицы	Национальность	Промышленность, строительство, транспорт, связь	Торговля и обслуживание	Здравоохранение	Образование и культура	Наука
Ташкент	Узбеки	0,9	1,5	1,1	1,3	0,9
	Русские	1,1	0,7	0,9	0,8	1,1
Тбилиси	Грузины	0,9	0,9	1,1	1,2	1,2
	Русские	1,1	0,7	0,7	0,7	0,8
Кишинев	Молдаване	1,1	1,0	0,9	0,9	1,1
	Русские	1,0	0,9	1,0	1,1	1,3
Таллин	Эстонцы	0,9	1,2	1,2	1,4	1,4
	Русские	1,1	0,8	0,8	0,7	0,7

* «Индекс участия» представляет собой частное от деления доли национальности среди занятых в отрасли на ее долю во всем занятом населении. Например, если национальность «А» составляет 25% среди занятых в промышленности и 20% среди всего занятого населения, то индекс ее участия будет равен 25%:20% = 1,25.

** Приводится по сб.: Сто наций и народностей. М., 1985, с. 48.

часть представителей коренных национальностей занималась еще неквалифицированным трудом, в то время как в Таллине и Тбилиси среди эстонцев и грузин уже тогда неквалифицированным трудом занималось только 8% людей трудоспособного возраста. Различия в этом отношении между республиками были тогда довольно заметными. В 80-е гг. различия практически сведены на нет. Сейчас неквалифицированным трудом и в Кишиневе и в Ташкенте занимается 5—7% лиц коренных национальностей, что примерно соответствует этим пропорциям в других, в этом отношении «продвинутых» центрах. Всюду основной категорией, естественно, особенно в столицах, становятся люди высокой квалификации.

Быстро выравниваются нации и по удельному весу интеллигенции. В исследуемых республиках среди столичных центров в этом отношении выделялся Тбилиси. Теперь, судя по панельным исследованиям, различия заметно стираются. Если во всех исследуемых центрах, кроме Тбилиси, удельный вес интеллигенции несколько вырос, то в Тбилиси в связи с быстрым ростом отряда рабочих коренной национальности, этого не произошло, что отражало процессы оптимизации социальной структуры наций (см. табл. 2).

Очевидно, что эти изменения сказываются и на других сторонах образа жизни народов. Сдвиги в социально-профессиональном составе неизбежно связаны с ростом образования, и это, в свою очередь, безусловно, влияет на интенсивность культурной жизни, в известной мере предопределяя и усиливая сходство между нациями в этом отношении. Еще в середине 70-х гг. даже в столицах довольно большая группа населения имела весьма низкое образование. Особенно значительна она была в Кишиневе и Ташкенте, где 13—17% представителей коренных народов в дееспособном возрасте имело образование не выше начального, а 3—5% их были малограмотными. В 80-х гг. эти группы в составе дееспособного населения республик практически исчезли и различия между республиками в этом отношении свелись на нет. В настоящее время в Кишиневе и Ташкенте неполное среднее образование имеют всего лишь 4—8% трудоспособного населения, что уже соответствует показателям уровня образования коренных национальностей в столицах других республик. Всюду примерно в равной мере подавляющее большинство лиц коренных национальностей в столицах республик имеют теперь полное сред-

Таблица 2

Социально-профессиональный состав основных коренных национальностей республик
(% к числу занятых) *

Социально-профессиональные группы	70-е гг.					80-е гг.				
	Саратов	Таллин	Кишинев	Тбилиси	Ташкент	Саратов	Таллин	Кишинев	Тбилиси	Ташкент
Работники неквалиф. и малоквалиф. труда	13	8	19	8	19	6	4	5	1	8
Работники физического труда средней квалификации	12	36	14	4	18	12	30	18	8	17
Работники физического труда высшей квалификации	22		17	7	10	24		17	12	15
Служащие	14	13	6	9	8	11	17	6	12	9
Специалисты средней квалификации	12	43	8	11	6	10	49	11	8	8
Специалисты высшей квалификации	21		31	54	34	32		37	54	31
Руководители среднего звена	5		4	5	4	4		5	4	9
Руководители высшего звена	1		1	2	1	1		1	1	3

* Учтены все перечисленные группы квалифицированного физического и умственного труда без дифференциации по квалификации. Здесь и далее данные по Таллину на 80-е гг. приводятся по исследованию, осуществленному в Эстонии под руководством Ю. Ю. Каххка и Э. Э. Раннка. Автор выражает им признательность за возможность использования этих данных.

нее или высшее образование. Так, в Таллине, Кишиневе, Ташкенте это 70—80% дееспособного населения, в Тбилиси — примерно 90%.

Ясно, что росту квалификации и образования сопутствует интенсивность потребления, условно говоря, массовой культуры. Данных, отражающих эти процессы, довольно много, так как массовая культура распространяется по множеству каналов — через печать, радио, литературу, кинотеатры и т. д. Наиболее массовым и в то же время как бы собирательным индикатором является чтение художественной литературы. По данным исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций» в 70-х гг., даже в столичных центрах постоянные читатели художественной литературы не составляли большинства трудоспособного населения. В 80-е гг., напротив, почти повсюду преобладающая часть столичных жителей — постоянные читатели.

Доля тех, кто вообще не читает художественную литературу, теперь ничтожно мала: в пределах 2—9%, тогда как в середине 70-х гг. среди столичных молдаван и узбеков они составляли до $^1/_5$ трудоспособного населения (см. табл. 3).

Экстраполируя полученные результаты исследования, можно предвидеть, что уже в скором будущем, когда все население будет высокообразованным, культурная жизнь народов в равной мере активизируется. Дальнейшее социальное сближение, интенсивность культурной жизни, безусловно, уже в зримой перспективе, приведет к подлинной ликвидации национальных различий в этом отношении.

Возникает вопрос: будет ли подобная перспектива означать, что уже в ближайшем будущем между нациями утвердится такое сходство в культурных характеристиках, что произойдет идентификация в широком смысле этого слова во всех сферах их социально-культурной жизни? Иначе говоря, насколько все более заметно выраженные элементы в труде и интенсивности потребления культуры будут проникать в глуби-

Таблица 3

Чтение художественной литературы

Столицы	Читают		
	постоянно	от случая к случаю	не читают
	70-е гг.		
Таллин	39	57	4
Тбилиси	50	43	7
Кишинев	37	46	17
Ташкент	30	52	18
	80-е гг.		
Таллин	96*		4
Тбилиси	70	28	2
Кишинев	49	46	5
Ташкент	52	38	9

* Учтены все группы читающего населения без дифференциации по степени интенсивности чтения.

ны социально-культурной жизни народов, как они будут сказываться на повседневных социально-культурных нормах не только общественной, но и личной жизни, и, наконец, будут ли они проявляться в системе межличностных национальных отношений. Конечно, дать сколько-нибудь полный ответ на эти вопросы если и можно, то только в специальном прогностическом исследовании. Данные, которыми мы располагаем, позволяют получить лишь общее представление о взаимосвязи и взаимообусловленности наблюдаемых процессов и явлений в разных сферах социально-культурной жизни наций. Но и в этом случае со всей очевидностью обнаруживается, что чем более интимны сферы социально-культурной жизни народов, тем медленнее они поддаются трансформации под влиянием базовых изменений, связанных с условием отраслевой и социально-профессиональной занятости населения, ростом его профессиональной квалификации, образования и интенсивности культурной жизни.

Индикатором, как бы полярным масштабным общественным изменениям, в первую очередь, в сфере труда и образования, выступают признаки семейно-бытовой жизни. Здесь и обнаруживается наибольшая устойчивость традиционных черт у многих наций, даже в столичных условиях. Причем, несмотря на происшедшие сдвиги, это касается практически всех аспектов семейно-бытовой жизни, включая отношения между супругами, между родителями и детьми. Национально-региональные различия в семейно-бытовой сфере сказываются в положении женщин разных национальных регионов довольно сильно, притом, что теперь по образованию, особенно в молодых возрастах, женщины повсюду практически не отстают от мужчин. Собирательным признаком внутрисемейных супружеских отношений может служить, например, мнение о том, кто должен решать в семье важнейшие вопросы. Об этом спрашивали людей по программе «Оптимизация социально-культурных условий, развития и сближения советских наций» в 70-х и 80-х гг. во всех исследуемых регионах. Несмотря на то, что временной интервал между основным и панельным исследованием был обозначен большими сдвигами в образовании и степени занятости населения в общественном производстве, мнение столичных жителей о внутрисемейных функциях супругов совсем не изменилось, и национальные различия между ними, как и прежде, оставались значительными. В Ташкенте в 80-е гг. так же, как в 70-е гг., у узбеков доля общих решений мужа и жены осталась неизменной — не более трети, а если решения принимались индивидуально, то это являлось, как правило, прерогативой мужа (по крайней мере, в 10

раз чаще, чем жены); у молдаван в Кишиневе — в 3 раза чаще. Контрастно на этом фоне выглядят данные по РСФСР: в Саратове, если семейные проблемы решались порознь (до 60% ответов), то чаще уже не мужем, а женой. Это было характерным даже для 70-х гг., тем более для 80-х гг.

При этом четко выявилась тенденция — чем больше прав имеют мужчины, тем меньше у них внутрисемейных обязанностей. У русских, где семейные проблемы в основном решались женой, обязанности между мужем и женой почти у половины семей (45%) распределялись поровну, у молдаван и грузин — столичных жителей — в 19—20% семей. А у узбеков в Ташкенте, где почти все семейные вопросы практически решаются, если не сообща, то только мужьями, мужчины, по их собственной информации, в очень редких случаях занимаются повседневными домашними делами (в 6% семей).

По данным исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций», достаточно устойчивыми, по крайней мере, на зримую перспективу, оказываются национальные различия и во многих других социально-культурных сферах жизни. В исследовании они фиксировались по разным направлениям — не только по вопросу об отношениях между супругами, родителями и детьми, но и между родственниками, коллегами, друзьями и знакомыми. И каждый раз обнаруживались, с одной стороны, существенные различия в этих отношениях между людьми разных национальностей, с другой — устойчивость и временная преемственность в каждой этнической группе принятых норм общения. Естественно, уже эти обстоятельства сами по себе не могут не сказаться на разных аспектах социального поведения, и если добавить к ним сугубо этнические черты — такие, как, например, язык, обычаи, обряды, национальные вкусы в художественной культуре, то понятна неизбежность сохранения национальных различий в тех или иных сторонах реального поведения (в значительной мере определяемого этими факторами).

В целом, грубо говоря, чем восточнее и южнее национальные регионы, тем сильнее влияние традиционных этнических особенностей социальной жизни народов в их повседневном поведении. Особенно сильное влияние этнические факторы оказывают в Средней Азии. А там, где взаимозависимость этнических и социальных характеристик была мало заметна, т. е. в европейских регионах, то она такой и осталась. Проиллюстрировать эту устойчивость сложившихся связей во времени можно схемой, построенной на материалах Молдавии, точнее, Кишинева, где панельные исследования были проведены с наибольшим интервалом — почти 10 лет, т. е. сроком вполне достаточным, чтобы зафиксировать степень динамизма наблюдаемых явлений (см. рис. 3, 4).

Читатель видит, что так же, как и 10 лет назад, общие социальные явления находятся здесь вне системы значимых связей с этническими. По существу, автономная этническая подсистема по-прежнему сохранилась; все этнические факторы, тесно связанные друг с другом, находятся в малой зависимости от общих социальных. Разумеется, это не значит, что этнические признаки вообще изолированы от общих социальных и не поддаются никакой трансформации[9], они, во всяком случае, не находятся в числе прямых, заметно зримых связей. Иначе говоря, этнические признаки, судя по приведенным данным, мало изменяются под влиянием демографических, социально-профессиональных характеристик, образования, политической активности и некоторых других общих зафиксированных социальных индикаторов.

Таким образом, сложившийся на сегодняшний день социально-культурный облик наций довольно устойчив. Налицо разный динамизм со-

[9] Подробнее см.: Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М., 1980, с. 238—239.

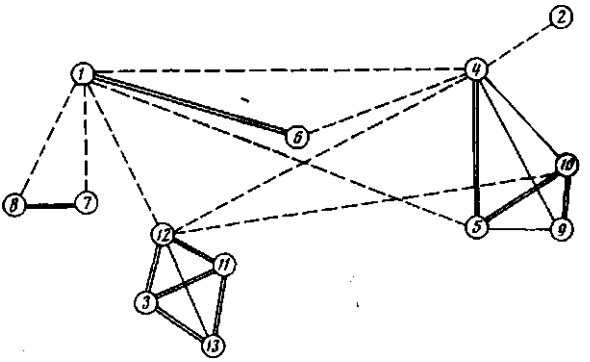

Рис. 3. Взаимосвязь социально-культурных и этнических характеристик населения г. Кишинева в 1971 г.

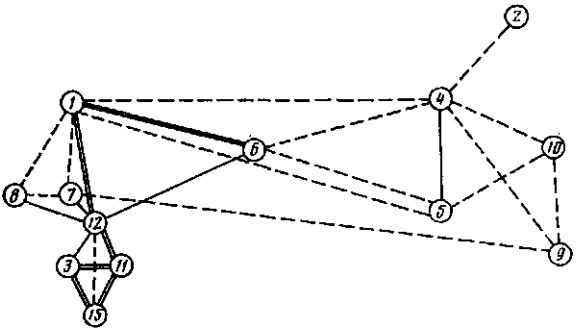

Рис. 4. Взаимосвязь социально-культурных и этнических характеристик населения г. Кишинева в 1981 г.

циальной системы и этнической: гибкость — социальной и устойчивость — этнической. Если вообще социальные черты быстро трансформируются, идентифицируются, то этнические (границы которых далеко не однозначны у разных народов) гораздо медленнее и меньше поддаются изменениям.

Теперь мы подходим к следующему существенному вопросу. Есть ли зависимость между социально-этническими признаками, с одной стороны, и межличностными национальными отношениями — с другой? Эти отношения, безусловно, зависят от социальной ситуации и в немалой степени регулируются, в частности, политическими средствами. Жестких связей достаточно большой значимости между установками на межнациональные контакты и выделенными нами в исследовании социально-этническими признаками почти ни разу во всех без исключения национальных регионах, где проводилось исследование, зафиксировать не удалось. Представляется, что это не случайно. Межличностные национальные отношения производны от многих факторов, нередко даже взаимоисключающих друг друга [10].

Происходившие в интервале между основными и панельными исследованиями социально-культурные изменения были не одинаково интенсивными. Наиболее выраженными они были в сфере общих социальных характеристик, заметно затухали в соционормативной бытовой культуре и сводились практически на нет в межличностных национальных отношениях, зафиксированных в нашем исследовании отношением к многонациональным коллективам и межнациональным бракам (см. матрицу). Если, например, такие соционормативные характеристики, как отношение к женщине, старшим по возрасту и т. п., при всем динамизме

[10] Подробнее см.: Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981.

Население г. Кишинева (1971 г.)

Матрица информационных коэффициентов связи (0,...)

1. Возраст																
2. Пол	003															
3. Национальность	014	005														
4. Занятия (социально-профессиональная группа)	025	029	009													
5. Рост образования и профподготовки	035	009	000	059												
6. Партийность	130	011	011	038	049											
7. Состав семьи	067	006	004	008	007	042										
8. Число детей	038	002	003	022	016	072	005									
9. Отношение к религии	032	009	008	037	049	033	002	030								
10. Чтение художественной литературы	032	003	007	047	054	044	009	022	080							
11. Свободное владение языками	008	003	304	012	004	033	004	007	014	010						
12. Музыкальные вкусы	040	003	054	031	019	016	014	021	020	037	056					
13. Национальность ближайшего друга	006	000	016	004	001	004	004	002	004	001	016	004				
14. Посещение театра	042	002	000	033	032	029	014	022	051	078	003	036	002			
15. Выбор языка для чтения художественной литературы	018	005	213	012	004	042	007	001	003	006	255	042	016	002		
16. Отношение к межнациональным бракам	004	001	004	004	005	007	003	007	008	007	004	009	003	005	004	
17. Отношение к многонациональным коллективам	002	001	000	005	005	029	001	001	001	001	001	002	000	001	000	006
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16

Население г. Кишинева (1981 г.)

Матрица информационных коэффициентов связи (0,...)

1. Возраст																
2. Пол	003															
3. Национальность	013	003														
4. Занятия (социально-профессиональная группа)	036	035	002													
5. Рост образования и профподготовки	026	003	002	044												
6. Партийность	155	014	010	039	037											
7. Состав семьи	039	010	016	024	008	008										
8. Число детей	037	002	003	015	013	017	028									
9. Отношение к религии	020	004	001	032	020	026	019	020								
10. Чтение художественной литературы	021	002	003	040	031	023	010	017	037							
11. Свободное владение языками	009	004	232	006	001	008	015	005	006	004						
12. Музыкальные вкусы	069	010	040	058	019	042	048	050	034	028	053					
13. Национальность ближайшего друга	001	001	005	003	000	002	004	002	000	003	010	010				
14. Посещение театра	017	005	002	037	022	021	011	018	022	039	003	027	002			
15. Выбор языка для чтения художественной литературы	010	000	157	003	003	008	010	010	001	002	112	033	003	003		
16. Отношение к межнациональным бракам	009	002	002	008	004	004	018	008	013	009	007	027	007	003	007	
17. Отношение к многонациональным коллективам	006	005	001	008	003	006	008	004	003	003	002	016	003	002	003	025
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16

все же относительно мало изменчивы во времени, то межличностные национальные отношения чаще всего оставались в принципе стабильными. Так, в 70-е гг. безусловно положительные установки коренных национальностей исследуемых республик к работе в многонациональных коллективах составили в Кишиневе 87%, в Ташкенте — 84%, в Тбилиси — 75%, в Таллине — 56%. За годы между двумя исследованиями — основным и панельным — установки, учитывая ошибку выборки, практически не изменились, составив, соответственно, 79, 78, 81 и 49%. Примерно так же в принципе стабильна была кривая безусловно положительных установок на национально-смешанные браки: у народов, чьи установки на такие браки были относительно сдержанными, они несколько оптимизировались: у узбеков число положительных оценок таких браков увеличилось с 17 до 24%, у грузин — с 13 до 17%. Возросло оно и у русских — с 64 до 74%. А у других народов этот показатель фактически остался почти без изменения, составив соответственно: у эстонцев — 23 и 24%, у молдаван — 63 и 69%. Таким образом, в процессах развития социально-культурного облика советских наций очевидна иерархия черт — характеристик, слагаемых этого процесса.

В советских нациях оптимально сочетаются специфические национальные черты, обусловленные совокупностью социально-этнических факторов, с одной стороны, с общими — характерными для всего советского народа в целом. Формирование новой исторической общности — советского народа — ни в коей мере не означает, таким образом, нивелирования национальных особенностей, в той или иной степени практически дающих о себе знать в разных сферах социальной жизни советского общества. Как видно по материалам исследования, эта специфика выражается неодинаково в разных сферах социальной жизни и варьируется по национальным регионам.

В целом ориентация на использование преимущественно собственного фонда культуры и эндогамию меньше всего характерна (и это естественно) для русских. Как у самой большой нации, у русских ни в коей мере не ощущаются проблемы самовоспроизводства, и есть все естественные условия для распространения собственного фонда культуры, что особенно заметно, в частности, в развитии двуязычия, распространении русского языка в стране как языка межнационального общения. У более малочисленных народов ситуация в значительной мере определяется ощущением достаточности или недостаточности на данном этапе использования собственного фонда культуры, в том числе языков. С этим в известной мере связана и ориентация на межнациональные контакты, в том числе в производственных коллективах, и склонность к эндогамии.

Быстрые процессы развития новой исторической общности — советского народа — ни в коей мере, как видит читатель, не снимают актуальности и значимости у нас в стране исследований национальных проблем. Наоборот, время требует неослабного внимания к ним.

Эта необходимость подчеркивается в проекте новой редакции Программы КПСС: «КПСС исходит из того, что в нашем социалистическом многонациональном государстве, в процессе совместного труда и жизни более ста наций и народностей закономерно возникают **новые задачи по совершенствованию национальных отношений»** [11].

Зафиксированный в нашем исследовании феномен разного динамизма социальной и этнической систем (гибкость первой и устойчивость второй) отражает существенные аспекты процессов развития социально-культурной общности советских наций. Осмысление этих процессов необходимо для понимания не только прошлого, настоящего, но и будущего нашей многонациональной страны.

---

[11] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция, с. 44.

А. В. АНТОСЯК

ЯССКО-КИШИНЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ И ПОБЕДА ВОССТАНИЯ 23 АВГУСТА 1944 ГОДА В РУМЫНИИ

Минуло 40 лет после окончания второй мировой войны. Человечество вступило в пятое десятилетие со дня Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом с надеждой на сохранение мира и жизни на Земле. Ведь Победа, в достижении которой решающую роль сыграл Советский Союз и его Вооруженные Силы, была завоевана именно во имя мира. «Советская Армия,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев,— с честью выполнила свою великую освободительную миссию. Она пришла в порабощенную Европу как освободительница, сражалась за то, чтобы покончить с войной и фашизмом, чтобы народы Европы жили в условиях прочного и надежного мира»[1].

Советский Союз, придерживаясь ленинского курса мирного сосуществования, последовательно проводит политику разрядки и международного сотрудничества. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечалось, что «наш идеал — мир без оружия и насилия, мир, в котором каждый народ свободно избирает путь развития, свой образ жизни. Это — выражение гуманизма коммунистической идеологии, ее нравственных ценностей. Поэтому и на будущее магистральным направлением деятельности партии на мировой арене остается **борьба против ядерной опасности, гонки вооружений, за сохранение и укрепление всеобщего мира»**[2].

После победы стран антигитлеровской коалиции во второй мировой войне открывалась реальная возможность строить мир без войн. Однако агрессивные империалистические силы, не считаясь с уроками истории, постоянно нагнетали и нагнетают международную напряженность, взвинчивают гонку ядерных вооружений, намереваясь распространить ее на космос. В своих преступных целях они используют идеологические диверсии, основу которых составляют антисоветизм и антикоммунизм.

В буржуазной историографии по-прежнему большое внимание уделяется фальсификации истории второй мировой войны, попыткам всячески принизить роль Советских Вооруженных Сил в разгроме фашистской Германии, в освобождении народов от гитлеровского ига, в спасении мировой цивилизации, противопоставить освобожденные страны Советскому Союзу, умалить роль движения Сопротивления фашизму и в конечном счете подорвать единство стран социалистического содружества, ослабить фронт борьбы народов против угрозы ракетно-ядерной войны.

Победа в минувшей войне была достигнута совместными усилиями многих народов и государств. Советские люди по достоинству оценивают вклад народов и армий США, Англии, Франции, Китая и других стран антигитлеровской коалиции. Вместе с Советскими Вооруженными Сила-

[1] Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985, с. 49.
[2] Правда, 1986, 26 февраля.

ми мужественную борьбу против фашизма вели соединения и армии Югославии, Польши, Чехословакии, Албании, а на завершающем этапе войны — Румынии, Болгарии, воинские части Венгрии. Значительный вклад в Победу внесли участники движения Сопротивления в оккупированных и зависимых от фашистской Германии странах. В советской историографии объективно оценен вклад народов и стран в достижение победы над фашизмом [3].

Вместе с тем прогрессивное человечество справедливо отмечает решающую роль СССР в достижении Победы. На советско-германском фронте — главном и решающем фронте второй мировой войны — гитлеровская Германия потеряла 10 млн. солдат и офицеров (общие ее потери в войне составили 13,6 млн. человек), 75% всех танков и штурмовых орудий, свыше 75% самолетов, 74% артиллерийских орудий и минометов [4]. Выполняя освободительную миссию, Советские Вооруженные Силы в 1944—1945 гг. провели на территории зарубежных стран ряд крупных военных операций, в которых участвовало 8,5 млн. советских воинов; полностью или частично они освободили 13 стран Европы и Азии. В боях за освобождение погибло более 1 млн. советских воинов.

Избавление народов Европы от фашизма готовилось с первых дней Великой Отечественной войны в ожесточенных боях Советских Вооруженных Сил, в героических подвигах тружеников тыла, партизан и подпольщиков, в упорной и искусной борьбе советской дипломатии. Тысячу семьдесят девять дней и ночей до открытия второго фронта в Европе советский народ один вел титаническую борьбу против сильного и коварного противника.. За это время на советско-германском фронте был прегражден путь гитлеровцам к мировому господству, развеян миф о непобедимости немецко-фашистской армии, произошел коренной перелом во второй мировой войне. Советская Армия вырвала стратегическую инициативу у гитлеровцев и, погнав их на Запад, освободила большую часть советской земли от оккупантов, вышла на Государственную границу СССР и в 1944 г. начала непосредственное освобождение народов Европы. Еще до высадки союзников в Нормандии Советская Армия разгромила более 370 дивизий противника. Его потери составили 5,5 млн. солдат и офицеров [5]. Как справедливо отмечает западногерманский историк К. Рикер, «когда западные союзники летом 1944 г. предприняли решающее наступление на «крепость Европы», исход второй мировой войны практически был уже определен поражением Германии в России...» [6].

Учет всего этого нам представляется очень важным для понимания решающего вклада Советского Союза и его Вооруженных Сил в освобождение порабощенных народов. Необходимость научного обоснования этого вопроса вызывается также тем, что буржуазные фальсификаторы истории пытаются либо полностью отрицать выполнение Советским Союзом освободительной миссии, приписывая не свойственные ему захватнические цели, либо значительно принизить роль Советской Армии. К сожалению, подобные измышления не всегда находят должное опровержение в работах ряда историков зарубежных стран, занимающихся изучением истории второй мировой войны, движения Сопротивления, антифашистских восстаний в своих странах.

---

[3] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3—6. М., 1961—1965; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1974; История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 3—11. М., 1975—1982; Советский Союз и борьба народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945 гг. М., 1978; Вторая мировая война. Краткая история. М., 1985 и др.

[4] Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985, с. 121.

[5] Подвиг народа. М., 1981, с. 193.

[6] Rieker K. Ein Mann verliert einen Weltkrieg. Frankfurt a/M, 1955, S. 31.

Следует иметь в виду, что в оккупированных и зависимых от фашистской Германии европейских странах, несмотря на развернувшееся там в той или иной степени движение Сопротивления, не было достаточных сил для самостоятельного освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Само движение Сопротивления в Европе вдохновлялось и в значительной степени питалось победами Советского Союза в войне и его помощью. Без разгрома основных сил немецких, румынских, итальянских, венгерских и других фашистских войск на советско-германском фронте нельзя было рассчитывать на успешное развитие национально-освободительной борьбы в Югославии, антифашистских восстаний в Румынии, Болгарии и других странах и их освобождение от немецко-фашистских оккупантов.

«Решающая помощь Советского Союза,— отмечал Генеральный секретарь ЦК БКП, председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков,— отличительная черта не только нашей Сентябрьской социалистической революции, но и всех народно-демократических революций в европейских странах. Ни одна из этих стран не была в состоянии освободить себя без побед Красной Армии, без ее непосредственной помощи. Этот объективный исторический факт отнюдь не принижает значения их антифашистской борьбы и не ведет к ее недооценке. Противоречат исторической правде также некоторые тенденции представить народно-демократические революции в целом и каждую из них в отдельности или как не обусловленные объективными внутренними процессами (здесь мы вновь встречаемся с реакционной теорией „экспорта революции") или как результат действий только внутренних сил»[7].

Необоснованным является стремление некоторых историков исследовать вопрос об освобождении своих стран изолированно, без взаимосвязи с другими событиями на советско-германском фронте, без глубокого анализа того, что сделал Советский Союз для разгрома фашизма в течение предыдущих трех лет войны до вступления Советской Армии на их территорию, а также без учета того, какую роль сыграли упорные бои на всех остальных участках советско-германского фронта, сковывавшие самые боеспособные силы противника и не позволявшие перебросить войска в другие страны для подавления там восстания или национально-освободительного движения. Нередко эти историки акцентируют внимание на единичном, частном — на том, какие районы, города и села освободили сами восставшие в тыловых районах страны, без показа того, что основные, наиболее мощные силы противника в это время уничтожались Советской Армией.

Авторы, придерживающиеся подобных взглядов, не полностью учитывают исторические документы, а также результаты исследований ученых, в том числе из этих же стран, подтверждающих решающую роль Советского Союза в освобождении европейских народов от фашизма. Они произвольно обращаются с фактами, что ведет к нарушению важнейшего принципа марксизма-ленинизма, требующего выявления общего и специфического в исторических событиях и рассмотрения их в развитии и взаимосвязи. В. И. Ленин подчеркивал, что «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»[8].

Вторая мировая война со всей очевидностью подтвердила верность ленинского положения о решающей роли народных масс в войне[9]. Оправдалось предвидение Коммунистической партии, что в этой великой

[7] Живков Тодор. Историческая победа переломного значения.— Коммунист, 1985, № 7, с. 102.

[8] Ленин В. И. ПСС, т. 49, с. 329.

[9] См. там же, т. 9, с. 154.

борьбе против фашизма СССР будет иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки. «Наша борьба за свободу нашего Отечества,— заявил в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. И. В. Сталин— сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»[10].

Одним из ярких примеров сочетания успешных действий Советской Армии и национального антифашистского восстания является разгром советскими войсками крупной группировки противника в ходе Ясско-Кишиневской наступательной операции и победа народного вооруженного восстания 23 августа 1944 г. в Румынии.

Румыния была первой страной, куда, осуществляя освободительную миссию, вступили советские войска. В ходе мощного наступления на Правобережной Украине войска 2-го Украинского фронта в конце марта 1944 г. вышли на Государственную границу СССР с Румынией и, форсировав пограничную реку Прут, 27 марта вступили на румынскую территорию.

Весть о крупных победах Советских Вооруженных Сил вызвала восхищение народов мира. Характерно в этом отношении признание премьер-министра Великобритании У. Черчилля, который в своем выступлении по радио 26 марта 1944 г. говорил: «Британский народ и народ Америки полны искреннего восхищения триумфальными победами русских армий. Я еще раз отдаю должное их замечательным подвигам. Я должен сегодня сказать вам, что наступление русских армий от Сталинграда до Днестра, в ходе которого их авангарды достигли Прута, пройдя за год расстояние в 900 миль, представляет собой главную причину неудач Гитлера. С того времени, когда я в последний раз выступал перед вами, захватчики-гунны не только были изгнаны из земель, которые они опустошали, но и, главным образом благодаря доблести русских, их военному искусству, из германской армии были выпущены кишки»[11].

К середине апреля советские войска продвинулись в глубь страны более чем на 100 *км*, освободив свыше 800 населенных пунктов северо-восточной части Румынии, в том числе города Ботошани, Дорохой, Рэдэуци, Фелтичени и подошли к г. Яссы. На освобожденной территории площадью почти 10 тыс. *кв. км* проживало около 400 тыс. человек[12]. Этим было положено начало освобождению румынского народа, который почти четыре года находился под игом фашистской диктатуры, приведшей страну к подчинению гитлеровской Германии. Правительство генерала И. Антонеску поставило на службу гитлеровскому рейху весь военно-экономический потенциал страны. Среди союзников Германии Румыния выставила больше всех войск для войны против СССР — до 30 соединений. Вместе с немецко-фашистскими войсками румынская армия дошла до Сталинграда и предгорья Кавказа, сея смерть и разрушения на советской земле. Общий ущерб, причиненный Советскому Союзу участием Румынии в войне, по неполным данным, превысил 1,5 млрд. долл.[13] Румынские фашисты превратили Советскую Молдавию, Одессу и всю территорию Украины до р. Буг в свою вотчину. По мере продвижения гитлеровцев на восток аппетиты румынских фашистов все более возрастали. Так, в октябре 1942 г. румынская газета «Вяца» требовала передвинуть границу Румынии на восток до Урала[14].

---

[10] Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951, с. 16.

[11] Churchill W. His Complete Speeches 1897—1963. L., 1974, vol. 6, p. 6900.

[12] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 8. М., 1977, с. 98.

[13] Independenţa, suverenitatea şi integritatea RPR sînt garantate prin prieténia cu URSS. Bucureşti, 1948, p. 12.

[14] Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне, с. 133.

Дорогой ценой пришлось расплачиваться народу Румынии за авантюру фашистских правителей. На Восточном фронте румынская армия потеряла свыше 600 тыс. человек [15]. Огромный ущерб был нанесен хозяйству страны. Пока румынская армия воевала за чуждые ей интересы на территории СССР, сама Румыния подвергалась ограблению гитлеровцами и была поставлена на грань экономической катастрофы, в стране царил режим террора и бесправия.

Под руководством Коммунистической партии народ Румынии поднялся на борьбу против диктатуры Антонеску. В этой борьбе погибли многие румынские антифашисты. Среди них секретарь Ильфовского комитета компартии Петре Георге, Василе Тудосе, Йожа Бела, Сузана Пырвулеску, Филимон Сырбу и др. Однако никакие репрессии не могли остановить рост антифашистского движения в стране. Летом 1943 г. прогрессивные силы страны объединились в нелегальный Патриотический антигитлеровский фронт, главной целью которого являлось свержение фашистского режима и вывод Румынии из войны. КПР была единственной политической силой в стране, осудившей преступную войну против СССР. В документе КПР «Борьба румынского народа за свободу и независимость» по поводу преступлений румынских фашистов говорилось: «Фашистские орды превратили села и города Бессарабии, Буковины и Украины в руины, они отбирали все имущество мирных жителей, вплоть до последнего куска, они убивали детей, женщин и стариков... Палач Антонеску сделал румынских солдат и офицеров сообщниками фашистских извергов в совершении чудовищных злодеяний против народов Советской Молдавии и Советской Украины. Бессарабия и Буковина стали колониями Германии, управление которой Гитлер доверил своему гаулейтеру предателю Антонеску» [16].

Румынский народ, как и другие народы Европы, связывал свои надежды на освобождение от фашистского ига с победами Советских Вооруженных Сил. Героическая борьба советского народа, приближение Советской Армии к границам Румынии, а затем вступление на ее территорию придавали силы румынским патриотам.

Воспитанные Коммунистической партией в интернационалистском духе, советские люди не смешивали румынский народ с румынскими фашистами и протянули ему руку помощи. На территории СССР из румынских военнопленных была создана, полностью вооружена и оснащена 1-я румынская добровольческая пехотная дивизия им. Тудора Владимиреску. Помощь была оказана также румынским антифашистам в подготовке кадров для развертывания партизанского движения в стране.

Трудящиеся Румынии тепло встречали своих освободителей. Гуманное поведение советских воинов, их высокая организованность и дисциплинированность быстро развеяли клеветнические измышления фашистской пропаганды о Советской Армии. В многочисленных высказываниях и письмах румынские граждане выражали признательность за освобождение. «Прихода Красной Армии боялись лишь те, кто верил немецкой пропаганде,— заявил крестьянин села Конэлэу И. Лазарь,— а мы, старики, воевавшие рядом с русскими в 1916 г. против немцев, русских не боялись. Мы знаем, что русские являются нашими друзьями. Они нам помогли в 1877 году завоевать независимость» [17].

В связи с вступлением советских войск на территорию Румынии Советское правительство 2 апреля 1944 г. сделало заявление. «Красная Армия, — говорилось в нем, — в результате успешного продвижения вперед вышла на реку Прут, являющуюся государственной границей между СССР и Румынией. Этим положено начало восстановлению со-

[15] Там же.

[16] Dokumente din istoria Partidului Comunist din România. Bucureşti, 1953, p. 340—341.

[17] История второй мировой войны 1939—1945 гг. т. 8, с. 102.

ветской государственной границы, установленной в 1940 г. Договором между Советским Союзом и Румынией, вероломно нарушенным в 1941 г. румынским правительством в союзе с гитлеровской Германией... Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии.

Вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника»[18].

В постановлении Государственного Комитета Обороны СССР от 10 апреля 1944 г. Военному Совету 2-го Украинского фронта было дано указание обратиться с воззванием к румынскому населению, в котором повторить основные положения заявления от 2-го апреля и разъяснить, что Советская Армия вошла в пределы Румынии «не как завоевательница, а как освободительница румынского народа от немецко-фашистского ига», что она не преследует других целей, «кроме целей разгрома вражеских германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в порабощенных ею странах»[19]. Постановление требовало сохранить без изменения все существующие органы власти, всю систему административного, экономического и политического устройства, религиозных обрядов и определило этим линию поведения советских военных органов на территории Румынии[20].

Заявление Советского правительства вызвало большой международный резонанс и еще раз продемонстрировало миролюбивый характер советской внешней политики, уважение суверенитета и национальной независимости других народов, развеяло клеветнические измышления о захватнических целях СССР. Этот важный документ содействовал активизации демократических сил Румынии в борьбе с фашизмом и дальнейшему укреплению антигитлеровской коалиции.

Стремясь не допустить неоправданных жертв, СССР предложил румынскому правительству заключить перемирие. 12 апреля 1944 г. румынскому представителю в Каире были вручены условия перемирия, согласованные с США и Англией, которые, в частности, предусматривали: разрыв Румынии с фашистской Германией и совместную борьбу с войсками союзников, в том числе и Советской Армией, против гитлеровцев в целях восстановления независимости и суверенитета Румынии; восстановление советско-румынской границы по договору 1940 г.; возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории; возвращение всех советских и союзных военнопленных и интернированных и т. д.

Благоприятность для Румынии советских условий перемирия признавал даже У. Черчилль. Выступая в английской палате общин 25 мая 1944 г., он заявил: «Условия, предложенные Россией Румынии, не допускали и мысли об изменении общественных устоев в этой стране и были во многих отношениях необыкновенно великодушными»[21]. Пресса союзных стран писала, что СССР проводит в отношении Румынии «терпеливую и дальновидную политику», лишенную каких-либо элементов мстительности или раздражения.

Однако вопреки здравому смыслу правительство Антонеску отказалось принять эти условия и стремилось скрыть их от народа. Боясь ответственности за совершенные преступления, румынские правители решили продолжать войну на стороне Германии, тем самым обрекая народ и армию на новые жертвы во имя чуждых им интересов. В то же

[18] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2. М., 1946, с. 105.
[19] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 8, с. 99—100.
[20] Там же.
[21] The Times, 1944, 25 May.

время военно-фашистское правительство и лидеры буржуазных партий Маниу и Брэтиану затеяли политическую возню с переговорами о выходе Румынии из войны, целью которых было оттянуть время, надеясь на изменение обстановки на фронте. Эмиссары Маниу и Брэтиану на переговорах в Каире с представителями США, Англии и СССР пытались вести постыдный торг, по-прежнему не желая принимать условий перемирия. Это привело к тому, что союзники вынуждены были прервать переговоры в Каире. В совместном заявлении правительств СССР, США и Великобритании, обращенном к странам-сателлитам Германии, отмечалось, что путем выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с рейхом и путем сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами эти государства «могли бы сократить срок совместной войны, уменьшить собственные жертвы и внести вклад в победу над германским фашизмом» [22]. Но и после этого правительство Антонеску продолжало преступную политику сотрудничества с фашистами.

В сложившейся обстановке полное освобождение Румынии было возможным только в результате разгрома немецко-фашистских и румынских войск, сражавшихся на стороне Германии и являвшихся главной опорой существовавшего режима в стране. Эта задача была решена совместными действиями Советской Армии и антифашистских сил Румынии.

Почти семь месяцев советские войска вели упорные бои за освобождение Румынии. Германское командование, стремясь во что бы то ни стало удержать Румынию в гитлеровском блоке, предпринимало отчаянные усилия, чтобы вытеснить советские войска из освобожденных ими районов Румынии. В отдельные дни нашим воинам приходилось отражать по 15—20 ударов крупных сил противника, поддерживаемых танками и авиацией. Об ожесточенности боев свидетельствует тот факт, что только в апреле соединения и части 40, 27-й и 52-й армий уничтожили 166 танков и штурмовых орудий врага. В конце мая — начале июня гитлеровцы бросили в наступление 10 дивизий, в том числе 4 танковые. В течение семи дней советские воины отражали сильные атаки противника, проявляя стойкость и массовый героизм. В первый день боев героический подвиг совершили 4 автоматчика 329-го стрелкового полка 52-й армии, вступившие в неравный бой с 6 танками противника. 4 июля коммунист Р. С. Смищук в одном бою уничтожил гранатами и бутылками с горючей смесью 6 гитлеровских танков. Подобных примеров можно привести немало. Враг потерял в этих боях свыше 27 тыс. солдат и офицеров, более 500 танков и штурмовых орудий, 366 самолетов и, не добившись успеха, вынужден был перейти к обороне.

В период с 27 марта по 20 августа противнику был нанесен значительный урон: его потери составили около 200 тыс. солдат и офицеров. Советские войска потеряли свыше 16 тыс. человек убитыми и 62,5 тыс. ранеными [23].

Провал попыток гитлеровцев и правительства Антонеску вытеснить советские войска из освобожденных районов северо-восточной части Румынии оказал большое влияние на внутриполитическую обстановку в стране, обострил кризис военно-фашистского режима, способствовал росту революционных настроений в стране, укреплению позиций КПР. Государственный аппарат военно-фашистской диктатуры был охвачен паникой. Многие буржуа и чиновники начали убегать из восточных районов страны. Даже послушные режиму органы буржуазной прессы стали выступать с критикой по адресу военно-фашистского правительства. Приближенные короля в условиях мощного наступления Советской

---

[22] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 132—133.

[23] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 8, с. 100—101.

Армии настойчиво рекомендовали королю Михаю I прекратить сотрудничество с фашистским диктатором Антонеску. В случае продолжения этого сотрудничества, отмечали они в документе, переданном королю, «румынский народ естественным образом будет расположен обратить свои взгляды к новым формам организации... Кто может предположить, что монархия как государственная форма, проявившая солидарность с делом Германии, сохранится?»[24] Король и его окружение, чтобы «не потерять шансов на будущее», решили действовать вместе с патриотическими силами, возглавляемыми КПР. Устранив правительство Антонеску, они надеялись сохранить монархию и предстать перед народом в качестве «спасителя нации». Это являлось главной причиной, вынудившей их пойти на переговоры с КПР.

Коммунистическая партия Румынии сумела использовать создавшуюся обстановку для объединения практически всех антифашистских, патриотических сил. В конце апреля 1944 г. было достигнуто соглашение с социал-демократической партией о создании Единого рабочего фронта, который призвал трудящиеся массы на борьбу за свержение фашистской диктатуры.

В июне 1944 г. по инициативе КПР состоялось секретное совещание, на котором присутствовали представители компартии (Э. Боднараш и Л. Пэтрэшкану), а также армии и королевского двора (генералы Санатэску, Михаил, Ионицу, Никулеску-Бузешть, Максони, Стырча и полковник Дэмэчану). Совещание одобрило разработанный КПР план вооруженного восстания и создало военный комитет по его подготовке в составе генерала Михаила, командира 5-го территориального корпуса генерала Василиу-Рэшкану и начальника штаба Бухарестского гарнизона полковника Дэмэчану. КПР усилила подготовку масс к антифашистскому восстанию.

Вступление советских войск в Румынию, провал попыток гитлеровцев вытеснить их с румынской территории, крах надежд реакционных сил на осуществление «балканской стратегии» Черчилля, а также рост недовольства народных масс продолжавшейся войной оказали большое влияние на позицию лидеров буржуазных партий. Если раньше Маниу и Брэтиану всячески отвергали предложения КПР о совместных действиях против фашистского режима, то 20 июня 1944 г. они вынуждены были согласиться на создание Национально-демократического блока (НДБ)[25]. В Политическом отчете ЦК КПР на Национальной конференции 1945 г. отмечалось, что лидеры буржуазно-помещичьих партий согласились на осуществление переворота в Румынии «только под воздействием все более мощных ударов Советской Армии и усилившегося народного возмущения против немецких захватчиков и их прислужников из клики Антонеску»[26]. Поставленные перед необходимостью подписать соглашение о создании НДБ, лидеры буржуазных партий, как явствует из документов Совета министров Румынии, преследовали цели: во-первых, использовать союз с коммунистами для создания буржуазного правительства, «в отношении которого Москва проявила бы благожелательность»; во-вторых, использовать участие коммунистов в новом правительстве, чтобы не допустить продвижения советских войск в глубь Румынии, а также для ведения переговоров с Советским Союзом об улучшении условий перемирия[27]. Вступив в НДБ, представители этих партий продолжали поддерживать связь с фашистским диктатором и всячески препятствовали тому, чтобы румынское оружие было повернуто против

---

[24] Anale de istorie, 1965, № 2, p. 16.

[25] В НДБ вошли КПР, СДПР, национал-либеральная и национал-царанистская партии.

[26] Георгиу-Деж Г. Статьи и речи, т. 1. Бухарест, 1956, с. 23.

[27] Вопросы истории, 1965, № 12, с. 71—72.

гитлеровской Германии. Маниу пошел даже на прямое предательство, информировав Антонеску о создании НДБ и его составе [28].

Тем не менее создание Национально-демократического блока было крупной победой Коммунистической партии. Умело используя сотрудничество с буржуазно-помещичьими партиями в интересах борьбы против фашистского режима, КПР сохранила союз с демократическими организациями патриотического фронта и руководила ими. Создание НДБ ослабляло фашистский режим, лишало значительную часть буржуазии возможности сотрудничать с гитлеровцами, укрепляло позиции антифашистских сил, облегчало подготовку к восстанию. В уездах создавались комитеты НДБ, организационно-технические комиссии по вопросам связи и транспорта, финансовые и агитационные комиссии. Все это позволяло коммунистам оказывать большее воздействие на ту часть населения, которая еще находилась под влиянием буржуазных партий.

Таким образом, в стране сложилась обстановка, когда недовольство народных масс военно-фашистским режимом достигло предела. Однако внутренних сил было недостаточно, чтобы свергнуть диктатуру Антонеску и освободить страну от немецко-фашистских и хортистских войск. Здесь находилась одна из крупнейших группировок гитлеровцев — группа армий «Южная Украина» (в составе армейских групп «Велер» и «Думитреску»), в которую входили 25 немецких и 22 румынских дивизии и 5 пехотных бригад общей численностью 900 тыс. человек. Они имели на вооружении 7600 орудий и минометов, 404 танка и штурмовых орудий и 810 самолетов [29]. Кроме того в тыловых районах страны было размещено около 60 тыс. немецких солдат и офицеров и свыше 40 тыс. проживавших в Румынии немцев, подготовленных специально для частей СС [30]. Действовавшие на фронте две румынские армии находились под строгим контролем германского командования. В распоряжении же созданного в Бухаресте Военного комитета по подготовке восстания имелось всего 7 тыс. готовых на антигитлеровское выступление румынских военнослужащих и 50 боевых групп патриотических формирований [31].

В этих условиях, конечно же, нельзя было рассчитывать на свержение военно-фашистского режима и освобождение страны без разгрома крупной гитлеровской группировки в Румынии. Антифашистские силы это учитывали, и поэтому момент начала восстания ставился его организаторами в зависимость от успеха наступления советских войск [32].

В августе 1944 г. Советскими Вооруженными Силами была проведена Ясско-Кишиневская стратегическая наступательная операция — одна из самых крупных и выдающихся по военно-политическому значению операций минувшей войны. В соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 2 августа 1944 г. для проведения операции привлекались значительные силы: войска 2-го и 3-го Украинских фронтов (командующие — генералы армии Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин), силы Черноморского флота (адмирал флота Ф. С. Октябрьский) и Дунайской военной флотилии (контр-адмирал С. Г. Горшков). Их поддерживала авиация дальнего действия. Советские войска насчитывали 1250 тыс. человек (с учетом тыловых частей), имели на вооружении 16 тыс. орудий и минометов, 1870 танков и САУ, 2200 самолетов и превосходили противника в людях в 1,4 раза, в орудиях и минометах — в 2,1, в танках и САУ — в 4,7 и в авиации — в 2,7 раза [33].

---

[28] Anale de istorie, 1962, № 3, p. 133.

[29] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 9, с. 104.

[30] România în războiul antihitlerist. Bucureşti, 1966, p. 45.

[31] Там же. По другим источникам — 160 боевых патриотических групп (см., напр.: Чаушеску И., Тукэ Ф. и др. Румыния и Великая победа. Бухарест, 1985, с. 29).

[32] Insurecţia din august 1944 şi semnificaţia ei istorică. Bucureşti, 1974, p. 158.

[33] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 9, с. 104—105.

Военно-политическая цель операции заключалась в окружении и разгроме группы армий «Южная Украина», завершении освобождения Молдавской ССР и выводе Румынии из войны на стороне фашистской Германии, что создавало благоприятные условия для освобождения от гитлеровского ига народов Юго-Восточной Европы.

Некоторые буржуазные авторы со ссылкой на директиву Ставки от 2 августа сводят общую цель операции к разгрому группировки противника в районе Яссы — Кишинев и выходу к Фокшанам. Эти авторы не учитывают, что данная директива определяла цели операции только на ее первом этапе. Последующие задачи операции были сформулированы в директивах Ставки от 21 и 29 августа, а также в указаниях командующих фронтами. Генерал армии С. М. Штеменко, который был начальником Оперативного управления Генштаба и принимал участие в разработке плана операции, отмечает, что после разгрома противника создавалась благоприятная возможность для «быстрого проникновения наших фронтов в глубину Румынии и решения последующих задач, в том числе овладения Бухарестом и другими экономическими и политическими центрами страны. Наступление в этом случае предстояло уже на „фокшанские ворота", т. е. по наиболее благоприятной местности. Затем был предусмотрен выход на широком фронте к Дунаю и восточным границам Венгрии, к северным рубежам Югославии и Болгарии. Мы надеялись, что в результате этих наступательных действий Румыния будет быстро выведена из войны на стороне Германии» [34].

Таким образом, на определение стратегических целей операции большое влияние оказали соображения политического характера. Окружение в короткие сроки почти всех немецких соединений должно было парализовать сопротивление румынских частей, а стремительный выход подвижных сил советских войск в глубь Румынии — неизбежно привести к ее выводу из войны и созданию благоприятных условий, при которых румынский народ сверг бы фашистский режим и взял судьбу страны в свои руки. «Советским Вооруженным Силам, — отмечал С. М. Штеменко,— предстояло одним мощным ударом ликвидировать главные силы войск противника и тем самым решительно подорвать вооруженный оплот фашистской диктатуры в Румынии» [35].

Замыслом операции предусматривалось силами 2-го и 3-го Украинских фронтов прорвать вражескую оборону на двух далеко отстоявших друг от друга участках (северо-западнее Ясс и южнее Бендер) и, развивая наступление по сходившимся к району Хуши, Васлуй, Фэлчиу направлениям, окружить и разгромить основные силы группы армий «Южная Украина». Затем следовало быстро продвигаться в глубь Румынии. Предполагалось создание внутреннего и внешнего колец окружения для гарантированного уничтожения окруженной группировки. Принятые решения были оригинальны по замыслу, отражали высокий уровень развития советского военного искусства.

Накануне наступления Военный Совет 2-го Украинского фронта издал директиву, в которой потребовал от командиров и политорганов разъяснить всему личному составу войск, что Советская Армия воюет теперь на чужой территории и от каждого солдата и офицера требуется высокая бдительность и организованность. «К румынскому гражданскому населению,— указывалось в документе, — относиться с советским достоинством и не допускать никаких самочинных и произвольных действий» [36]. Соответствующая директива была издана также Военным Советом 3-го Украинского фронта. Командиры и политработники разъясняли воинам интернациональную миссию Советской Армии по освобожде-

[34] Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны, кн. 2. М., 1973, с. 123.
[35] Там же, с. 122.
[36] ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1175, л. 36.

нию румынского народа от фашизма, рассказывали об исторических традициях дружбы между двумя странами, говорили о необходимости проводить четкую грань между трудящимися массами Румынии и фашистской верхушкой, о том, что цель советских воинов — не мстить за совершенные румынскими фашистами преступления, а в том, чтобы разгромить фашизм, наказать военных преступников и освободить народ от фашистского гнета.

Ясско-Кишиневская операция началась 20 августа 1944 г. Наступлению войск предшествовала мощная артиллерийская, а на 3-м Украинском фронте и авиационная подготовка. Огневая система обороны противника была дезорганизована, траншеи и ходы сообщения разрушены, а личный состав морально подавлен. Советские войска устремились вперед. Чтобы остановить их продвижение, немецко-фашистское командование срочно перебросило из своего резерва в район Ясс три пехотные и одну танковую дивизии. Однако вражеские контратаки оказались безрезультатными. В середине дня в прорыв были введены войска 6-й танковой армии, которые, преодолев упорное сопротивление противника, развили успех и начали преследование отступавших в беспорядке разбитых частей и соединений врага.

Бывший командующий группой армий «Южная Украина» генерал Г. Фриснер отмечал в своих воспоминаниях, что итог боев за 20 августа оказался катастрофическим. В первый же день было выведено из строя 9 дивизий. Особенно большие потери понесли румынские войска. «В армейской группе „Думитреску",— пишет Фриснер,— обе румынские дивизии 29-го корпуса (4 гпд и 21 пд) полностью распались. В армейской группе „Вёлер" полностью разгромленными оказалось до пяти румынских дивизий» [37].

Массовый героизм советских воинов на румынской земле еще раз подтвердил мысль В. И. Ленина о том, что «убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести» [38]. В одном из боев сержант комсомолец А. С. Шевченко (4-я рота 21-го полка 180-й стрелковой дивизии 27-й армии) уничтожил 16 гитлеровцев, его отделение овладело участком первой траншеи противника. Дальнейшее продвижение подразделения задерживала вражеская огневая точка. А. С. Шевченко пытался уничтожить ее гранатами, но это не удалось. Тогда он бросился на амбразуру дзота и ценой своей жизни дал возможность роте овладеть траншеей на важной высоте [39].

О стремлении советских воинов помочь румынскому народу сбросить диктатуру Антонеску, очистить страну от немецко-фашистских войск ярко свидетельствует боевой листок комсорга батареи командира орудия сержанта Осадчего: «Все мы, — говорилось в нем, — можем сегодня с гордостью сказать: повоевали неплохо!... Будем и дальше так же успешно, как сегодня, вести огонь по врагу. А враг этот — фашисты немецкие и румынские. А что до народа румынского касается, то мы протягиваем ему руку помощи, иначе говоря, помогаем ему завоевать свободу. Ведь мы — советские воины, мы — интернационалисты» [40].

К исходу 21 августа вражеская оборона была сокрушена. В тот же день был освобожден город Яссы.

Важную роль в решении поставленных задач сыграли 5-я и 17-я воздушные армии. За два дня было произведено около 6350 самолето-вылетов и нанесен большой урон противнику. 21 августа в журнале боевых

[37] Фриснер Г. Проигранные сражения. М., 1966, с. 75.
[38] Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 121.
[39] Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне, с. 150.
[40] Великий освободительный поход. М., 1970, с. 99.

действий группы армий «Южная Украина» отмечалось: «В районе армейской группы „Думитреску“ — неограниченное господство вражеских самолетов, из-за чего наши части несут большие потери... В районе армейской группы „Вёлер“ оказывает поддержку, особенно вражеским передовым атакующим частям, непрерывно вводимая в бой истребительная и штурмовая авиация... Неслыханно сильный советский воздушный флот делает все, что он хочет» [41].

Под ударами Советской Армии румынские войска уже в первые два дня понесли очень большие потери, и это сказалось на их моральном состоянии. Целые части стали сдаваться в плен. Антонеску приказал расстреливать «всех бегущих от противника» и создавать офицерские заградительные отряды для борьбы с ними. 21 августа германское командование приказало генералу Кирхнеру запретить румынским частям, входившим в его группу (группу «Вёлер»), выполнять приказы командования 4-й румынской армии об отходе на новые рубежи.

Однако ни свирепые приказы Антонеску, ни заградительные отряды, ни жестокие репрессии гитлеровцев не могли ослабить тягу румынских солдат к миру. Они не желали участвовать дальше в преступной войне на стороне гитлеровской Германии, которая грабила и разоряла их страну. Полковник Маринеу, командир 39-го полка 14-й румынской пехотной дивизии, оказавшись в плену, рассказывал: «Позади 14-й румынской дивизии немцы имели еще одну линию обороны, оснащенную пулеметными точками. Это было сделано на случай отступления румын. 23 августа, когда румыны начали отступление, немцы открыли огонь и расстреляли около 400 румынских солдат...» [42].

За два дня боев фашистское командование исчерпало все свои оперативные резервы. В распоряжении же советского командования только на направлениях главных ударов имелось 25 дивизий, еще не участвовавших в сражении, и даже не были полностью введены в боевые действия вторые эшелоны армий и некоторых корпусов.

Утром 22 августа германское командование получило согласие Гитлера на отвод войск с кишиневского выступа на рубеж хребет Маре — река Прут. «Но, — вспоминает Фриснер, — было уже слишком поздно!» [43] Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, преодолевая упорное сопротивление и отбивая частые контратаки, к исходу 22 августа вышли к р. Прут раньше противника и почти замкнули кольцо окружения.

Успех, достигнутый 22 августа, имел большое значение для дальнейшего развития операции. Противник был лишен возможности восстановить положение на фронте. Как отмечает в своих воспоминаниях генерал армии С. М. Штеменко, «в течение 22 августа отчетливо обозначились контуры огромного окружения, которое составляло суть разработанной Ставкой Верховного Главнокомандования операции по разгрому группы немецко-фашистских армий „Южная Украина“ под Яссами и Кишиневом» [44].

С выходом 23 августа 18-го танкового корпуса в район Хуши, 7-го мехкорпуса — к переправам на р. Прут в районе Леушени, а 4-го гвардейского мехкорпуса — в район Леово оперативное окружение кишиневской группировки завершилось: все пути отхода за Прут были перекрыты. Попытки немецких войск вырваться успеха не имели. Лишь часть сил противника сумела в ночь на 24 августа прорваться на запад через узкий проход между г. Хуши и р. Прут, но и она была окружена юго-западнее Хуши и позднее ликвидирована. Советские войска, действовав-

---

[41] Ясско-Кишиневские Канны. М., 1964, с. 133.

[42] Цит. по: Левит И. Э. Крах политики агрессии диктатуры Антонеску. Кишинев, 1983, с. 353—354.

[43] Фриснер Г. Указ. соч., с. 86.

[44] Штеменко С. М. Указ. соч., с. 132.

шие на внешнем фронте, освободили важный опорный пункт — г. Роман, а в ночь на 24 августа — г. Бырлад и подошли к г. Бакэу.

Гитлеровский генерал К. Типпельскирх, отмечая стремительность наступления советских войск в операции, писал: «Как огромные морские волны катились войска противника и захлестывали со всех сторон немецкие силы. Всякое централизованное руководство боевыми действиями прекратилось, тылы были отрезаны... Расчлененные на отдельные боевые группы немецкие войска вынуждены были пробиваться на запад... Вокруг нескольких немецких дивизий кольцо русских войск сузилось настолько, что им пришлось капитулировать»[45].

Поздно вечером 23 августа командование группы армий «Южная Украина» получило известие о свержении правительства Антонеску и о выходе Румынии из войны. Генерал Фриснер отдал приказ своим войскам отойти на карпатские позиции. Но главные силы немецкой армии уже не могли этого сделать. 24 августа соединения 2-го Украинского фронта ликвидировали образовавшийся накануне узкий коридор и плотно сомкнули кольцо окружения. В тот день советские войска освободили города Бакэу, Тыргу-Нямц, Хуши, Текуч, перерезали дорогу на Фокшаны и тем самым открыли путь для стремительного наступления в глубь Румынии.

24 августа войска 3-го Украинского фронта при содействии войск 2-го Украинского фронта освободили столицу Молдавской ССР — Кишинев.

Таким образом, в течение четырех дней 18 немецких дивизий (из 25 входивших в группу армий «Южная Украина») были окружены; разгрому подверглись почти все румынские дивизии, находившиеся на фронте[46].

Как отмечается в журнале боевых действий 2-го Украинского фронта, «к исходу 23 августа наши войска расширили прорыв до 240 *км* по фронту и 80 *км* в глубину, разгромили все оперативные резервы противника, пытавшегося остановить наше наступление, вышли на оперативный простор, отрезав, таким образом, пути отхода кишиневской группировки на юг и юго-запад. К исходу 23 августа разгром румынских войск, стоявших против 2-го Украинского фронта, был полным»[47]. Войска 3-го Украинского фронта совместно с Черноморским флотом окружили 3-ю румынскую армию и вынудили ее капитулировать. Гитлеровцы и военно-фашистское правительство Антонеску не имели реальных сил, чтобы воспрепятствовать стремительному наступлению советских войск.

Разгром Советской Армией основных сил группы армий «Южная Украина» лишил, таким образом, гитлеровцев и фашистский режим Антонеску вооруженной опоры в стране. Это создало благоприятные внешние условия для осуществления под руководством КПР антифашистского восстания. «Момент свержения фашистской диктатуры Антонеску и вступления Румынии в справедливую войну против фашистской Германии,— отмечал Г. Георгиу-Деж,— был избран Центральным Комитетом нашей партии ввиду наличия благоприятных условий, созданных стремительным советским наступлением на фронте Яссы — Кишинев»[48].

Первоначально на совещании 20 августа восстание было назначено на 26 августа[49]. Однако поражения немецких и румынских войск на фронте позволили начать его раньше. 23 августа по приказу короля Михая I был арестован диктатор И. Антонеску, прибывший на аудиенцию к королю с целью заручиться поддержкой короны продолжать вой-

---

[45] Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956, с. 463—464.
[46] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 9, с. 108; ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1175, л. 117.
[47] ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1175, л. 116.
[48] Георгиу-Деж Г. Указ. соч., с. 222.
[49] Insurecţia din august 1944 şi semnificaţia ei istorică, p. 158.

ну на стороне Германии. Вскоре были арестованы и министры его правительства.

Король и его окружение согласились на арест Антонеску и принятие плана действий, выработанного под руководством КПР, только после отказа диктатора заключить перемирие с союзниками и убедившись в том, что в стране нет сил, способных остановить наступление советских войск в центральные районы страны. Они понимали, что Советская Армия сама в состоянии освободить Румынию, а румынский народ поддержит ее освободительную миссию и может смести не только фашистский режим, но и монархию.

23 августа в 22 часа по радио была передана декларация короля о прекращении боевых действий против Объединенных Наций, о согласии принять условия перемирия, предложенные 12 апреля 1944 г. Советским правительством от имени СССР, США и Великобритании, об устранении диктатуры и создании нового правительства[50]. В духе этой декларации было опубликовано и заявление нового правительства, которое возглавил генерал К. Санатэску. Большинство в правительстве заняли реакционно настроенные генералы и чиновники. Партии Национально-демократического блока получили по одному месту государственного министра без портфеля.

Король и лидеры буржуазных партий, боясь народных масс, недовольных политикой правящих кругов страны, пытались ограничить события 23 августа дворцовым переворотом, чтобы сохранить реакционный режим в стране. Они стремились также «полюбовно» договориться с гитлеровцами об их «добровольном» уходе из Румынии и обратились к англо-американскому командованию с просьбой срочно высадить в районе Бухареста три авиадесантные бригады, чтобы не допустить революционных выступлений масс.

Однако события развернулись не так, как планировали король Михай и реакционные силы страны. Арест правительства Антонеску послужил сигналом для антифашистского восстания, которое возглавила Коммунистическая партия Румынии.

Основными движущими силами восстания были рабочий класс, трудящееся крестьянство и перешедшие на их сторону военнослужащие румынской армии.

К исходу 23 августа восставшие заняли правительственные здания и стратегические пункты столицы. Под ударами патриотических сил фашистский режим рухнул, не сумев организовать сопротивление. Даже охранный полк фашистского диктатора впоследствии присоединился к восставшим. Это показывает, насколько изолирован был фашистский режим, державшийся на немецких штыках. Восстание одержало победу. Оно положило начало народной революции в Румынии. «Осуществление исторического акта 23 августа 1944 г.,— подчеркивал Генеральный секретарь РКП, Президент СРР Н. Чаушеску,— в благоприятных международных условиях, предопределенных победами советских армий и армий союзников, борьбой народов Европы против германского фашизма, открыло новую эру в многовековой истории нашего народа...»[51].

Таким образом, победа советских войск в Ясско-Кишиневской операции, антифашистское восстание румынского народа единым мощным ударом свергли диктатуру Антонеску и привели к выводу Румынии из фашистского блока. В результате Германия понесла катастрофическое двойное (военное и политическое) поражение. Она потеряла группу армий «Южная Украина» и лишилась Румынии с ее экономическими и людскими ресурсами и военно-стратегическим положением.

---

[50] Pentru eliberarea Patriei. Documente, extrase din presă, memorii. Bucureşti, 1972, p. 29—30.

[51] Ceauşescu N. România pe drumul construcţiei socialiste multilateral dezvoltate. Bucureşti, 1983, vol. 24, p. 17.

Это вызвало ярость у гитлеровского руководства, стремление жестоко отомстить румынскому народу, дабы неповадно было и другим сателлитам идти по пути разрыва с фашистским блоком. Гитлер приказал подавить восстание и создать новое правительство во главе с генералом, преданным Германии. Фельдмаршал Кейтель и генерал Гудериан предлагали Гитлеру «принять все меры к тому, чтобы Румыния исчезла с карты Европы, а румынский народ перестал существовать как нация»[52]. Германское командование срочно стало перебрасывать войска из Югославии. Бухарест был подвергнут варварской бомбардировке. В этой обстановке правительство Санатэску объявило Германии войну. Военные действия против немецко-венгерских войск румынская армия начала вести с 4 часов 24 августа[53].

В сложившейся обстановке закрепление успеха восстания зависело от героической борьбы повстанцев, от быстроты и решительности действий Советской Армии. Снижение темпа ее наступления могло быть использовано германским командованием для подавления восстания. Учитывая это, советское командование предприняло все меры, чтобы не допустить переброску в Румынию германских войск с других участков фронта. Необходимо было учитывать также и то, что основные силы румынской армии были разгромлены на фронте, ее отступавшие части деморализованы. Требовалось время для их восстановления, чтобы привлечь для участия в войне против немецко-фашистских войск.

Важное значение в этом отношении имело Заявление Советского правительства в связи с происшедшими 23 августа событиями в Румынии. В нем говорилось об освободительных целях Советской Армии в Румынии и отмечалось, что если румынские войска прекратят военные действия против Красной Армии и если они обязуются рука об руку с Красной Армией вести освободительную войну против немцев за независимость Румынии, то Красная Армия не будет их разоружать, сохранит им полностью все вооружение и всеми мерами поможет им выполнить эту почетную задачу[54]. Некоторые румынские части уже в первые дни восстания стали вместе с Советской Армией сражаться против гитлеровцев.

Советское командование, выделив часть войск для ликвидации окруженной группировки гитлеровцев (34 дивизии), основные силы 2-го и 3-го Украинских фронтов (более 50 дивизий) направило в глубь Румынии. В связи с заявлением румынского правительства о выходе Румынии из войны и прекращением боевых действий против Советской Армии наступление советских войск осуществлялось уже в более благоприятной обстановке.

К началу антифашистского восстания Советская Армия отвлекла на себя основные силы гитлеровских войск в Румынии. Из более чем 600-тысячного состава немецко-фашистских войск[55], входивших в группу армий «Южная Украина» и находившихся в тыловых районах Румынии, свыше 550 тыс. были окружены или отступали под натиском превосходящих сил Советской Армии.

К исходу 27 августа советские войска завершили ликвидацию окруженной группировки противника восточнее Прута, а 29-го — разрозненных групп гитлеровцев, которым удалось переправиться на западный берег Прута. Было уничтожено 18 немецких дивизий и разгромлено — 4, в том числе одна танковая и одна моторизованная. В плен было взято более 200 тыс. человек[56].

---

[52] Anatele..., 1964, № 4, p. 31.
[53] Чаушеску И., Тукэ Ф. и др. Румыния и Великая победа, с. 216.
[54] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 172.
[55] Вторая мировая война. Военное искусство. М., 1966, с. 266.
[56] Ясско-Кишиневские Канны, с. 250.

В это же время основные силы 2-го и 3-го Украинских фронтов, Черноморского флота и Дунайской военной флотилии стремительно продвигались в глубь Румынии на помощь повстанцам, уничтожая остатки отступавших гитлеровских войск и их гарнизоны в тыловых районах страны. Это не был марш «с оружием на плечо», не «стратегический марш», как утверждают некоторые буржуазные историки (Пакье, Каше, Лиддел Гарт) [57] и те, кто повторяет эти недружественные в отношении нашей армии вымыслы. Это были упорные бои. Во многих населенных пунктах Румынии находятся могилы погибших советских воинов и обелиски, воздвигнутые в память об их героизме. Румынские трудящиеся свято чтут память об этих воинах. Открывая в 1946 г. в Бухаресте памятник героям Советской Армии, первый премьер-министр Народной Румынии Петру Гроза говорил: «Этот памятник должен быть вестником для грядущих поколений и веков о боевой дружбе румынского народа с народами Советского Союза... Всегда, проходя мимо этого памятника, каждый настоящий румын и настоящий гражданин этой страны с почтением будут преклоняться, показывая на этот памятник как на символ жертвы для общего блага, для блага своего народа и страны, а также для блага свободолюбивого и прогрессивного человечества» [58].

Осуществляя стремительное наступление, Советская Армия старалась как можно быстрее прийти на помощь восставшим румынским патриотам, не допустить подавления восстания гитлеровцами. Наступление велось на трех направлениях: карпатском, бухарестском и дунайско-приморском. Немецко-фашистские войска оказывали сильное сопротивление, стремясь отойти в Карпаты или на территорию Болгарии.

На бухарестском направлении действовали 27, 53-я и 6-я танковая армии, 18-й танковый корпус 2-го Украинского фронта и часть сил 46-й армии 3-го Украинского фронта.

Приведем только некоторые из многочисленных боевых документов тех дней, опровергающих измышления о «стратегическом марше» Советской Армии.

В документах 6-й танковой армии за 25 августа 1944 г. говорится, что «противник вел бои за удержание г. Текучь, Бретешти, предпринимал неоднократные контратаки силами рота, батальон, 4—8 танков и штурмовых орудий. За день боя противник выбит из основных опорных пунктов Пуршени, Текучи и, прикрываясь сильными арьергардами (отдельные орудия, самоходки, автоматы), отходил в юго-западном направлении». «27.8.44 г. противник остатками разбитых частей 10 мд, 239 штурмбригады, 15 зен. артил. дивизии, 259 пд оказывал сопротивление в укрепленном районе Фокшаны... В боях понес большие потери, был выбит с занимаемых позиций и стал отходить в направлении Рымникул-Сэрат». После освобождения г. Рымникул-Сэрат «противник отступил в направлении г. Бузэу с 25 танками и штурмовыми орудиями и артиллерией (до 5 артбатарей)». «28.8.44 г. противник оказывал огневое сопротивление арьергардными частями, бросая технику, поспешно отходил в юго-западном направлении, стремясь оторваться от наших передовых частей... В районе г. Бузэу противник остатками частей 10 мд, 239 штурмбригады, 542 пп 258 пд, саперного батальона и в районе Лимпезишу остатками частей 163 пд, 13 тд оказывал огневое сопротивление в основном из противотанковых и полевых орудий». «В боях за г. Бузэу противник потерял более 1500 солдат и офицеров убитыми и 1200 пленными». «29.8.44 г. 27 танковая бригада 27 армии возобновила наступление в направлении г. Плоешти, в 13.00 она достигла северо-западной окраины Плоешти, где завязала бой с оборонявшимся противником». «31.8.44 г. танковая бригада 27-й армии во взаимодействии с 3-й

[57] Cahiers France-Roumanie, № 5, septembre — octobre, 1946, p. 40—46; Liddell Hart. History of the Second World War, N. Y., 1970, p. 525.

[58] Graiul nou, 1946, 11 mai.

воздушно-десантной дивизией атаковала оборонявшегося противника в Стрежнику, сломив его сопротивление, овладела Стрежнику... К 16 часам дня вышла в район Сату-Ноу и заняла оборону на рубеже: Адынка, опушка леса вост. Сату-Ноу, имея в строю Т-34 — 18, СУ-76 — 7 машин». «Войска 27-й армии 1 и 2 сентября на своем правом фланге (33 ск) из района севернее Бузэу продолжали продвигаться с боями в западном направлении, в центре и на левом фланге закреплялись на рубеже Калинешти, Катина, Филипешти де Тырг, Влэдений, Белтица, Кожасна (зап. Плоешти), подтягивали артиллерию и тылы, передовыми отрядами действовали в направлении Тырговешти и готовились к продолжению наступления»[59]. В районе Кэлэраши части 46-й армии во взаимодействии с румынскими воинами местного гарнизона взяли в плен несколько тысяч немецких солдат и офицеров, в том числе 18 полковников и более 100 других офицеров. Большая часть из них была переправлена из Болгарии и предназначалась для наступления на Бухарест с юго-востока[60]. В районе Урзичени была разоружена колонна гитлеровцев численностью около 2 тыс. человек[61]. В этих и других боях было убито или ранено много советских воинов.

На карпатском направлении наступление вели войска 7-й гвардейской и 40-й армий, а также конно-механизированная группа в составе кавалерийского и 23-го танкового корпусов. Остатки 8-й и 6-й немецких армий, отходившие в Восточные Карпаты, оказывали сильное сопротивление. На этом направлении бои носили особенно ожесточенный и кровопролитный характер. Однако советские войска в сложнейших условиях горной местности сумели преодолеть сопротивление противника, освободили города Роман, Бакэу, Пятра-Нямц и вступили в Карпаты. 27 августа конно-механизированная группа генерала Горшкова вышла к перевалу Ойтуз, открывавшему путь к г. Брашову.

На дунайско-приморском направлении наступление вели 37, 57-я и 46-я армии 3-го Украинского фронта. Они очистили от остатков гитлеровских войск Добруджу, вышли к румыно-болгарской границе и 29 августа вступили в Констанцу.

Войска обоих фронтов поддерживались 5-й и 17-й воздушными армиями. Стремительные действия Советской Армии вынудили гитлеровцев перебазировать свой 4-й воздушный флот в Венгрию и прекратить бомбардировки Бухареста.

Важное значение для закрепления успеха восстания румынского народа имел разгром немецко-фашистских войск в районе Плоешти и вступление советских войск в Бухарест. В боях за Плоешти особенно ярко проявилось зарождавшееся советско-румынское боевое сотрудничество.

В районе этого нефтепромышленного района гитлеровцы располагали крупными силами: свыше 25 тыс. солдат и офицеров, на вооружении которых находилось значительное количество артиллерии и танков, а также более 100 самолетов и бронепоезд. Их войска блокировали город Плоешти и готовились к штурму с тем, чтобы удержать этот важный нефтепромышленный центр и важный узел коммуникаций в своих руках. Однако 29—30 августа гитлеровские войска в этом районе были полностью разгромлены. В их разгроме участвовали 5-й гвардейский танковый корпус 6-й танковой армии, 3-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, а также часть сил 18-й румынской дивизии, отходившей с фронта, и части 5-го территориального корпуса, находившегося в городе[62].

[59] ЦАМО СССР. Микрофотосборник документов Великой Отечественной войны. Вып. 16. Разгром группировки противника в районе Яссы — Кишинев. Освобождение Румынии и Болгарии (20.8.44—27.9.44). Коробка № 7.

[60] Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне, с. 159.

[61] Там же.

[62] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 9, с. 114.

В рапорте командира 5-го территориального корпуса корпусного генерала Василиу-Рэшкану в Генштаб говорилось, что упорное сопротивление румынских войск, а также прибытие «мощных сил русских войск в Плоешти парализовало согласованные действия немцев несмотря на то, что они имели превосходящие силы»[63]. В журнале боевых действий 4-й румынской армии за 31 августа 1944 г. отмечается: «В Плоештском районе действует бронетанковый корпус... который ведет бои по ликвидации сопротивления германских войск вокруг г. Плоешти»[64].

Освобождением Плоешти противнику был нанесен серьезный урон: гитлеровская армия лишилась румынской нефти, была ликидирована угроза Бухаресту с севера, советские и румынские войска получили возможность выхода в Трансильванию. Бывший гитлеровский генерал фон Бутлар отмечал позднее: «30 августа русские овладели нефтеносным районом Плоешти, несмотря на упорное сопротивление разрозненных частей, поддержанных с воздуха. С военно-экономической точки зрения это был самый тяжелый, решающий удар для Германии»[65].

31 августа состоялось официальное вступление советских войск в освобожденный румынскими повстанцами Бухарест[66]. В составе подвижной группы 53-й армии в столицу вошли также воины 1-й румынской добровольческой дивизии им. Тудора Владимиреску. Население столицы устроило советским воинам и румынским добровольцам восторженный прием. В приказе Верховного Главнокомандования от 31 августа 1944 г. говорится: «Войска 2-го Украинского фронта в результате стремительного наступления разгромили группировку немецких войск в районе Плоешти и южнее Плоешти и сегодня, 31 августа, вступили в город Бухарест, ликвидировав тем самым немецкую угрозу с севера столице Румынии».

Как отмечают румынские исследователи, Советская Армия «лишила гитлеровское командование возможности использовать против повстанцев» фронтовые части[67].

С разгромом немецко-фашистских войск в Плоешти и вступлением советских войск в Бухарест победа антифашистского восстания в Румынии была окончательно закреплена. Попытки румынской реакции добиться высадки англо-американских войск в районе Бухареста и использовать их против демократических сил оказались безуспешными. Присутствие советских войск сковало силы реакции и удержало их от репрессий против румынского народа.

Ясско-Кишиневская операция завершилась блестящей победой. В ходе ее была разгромлена почти миллионная группировка противника. Под Яссами и Кишиневом, отмечалось в журнале боевых действий немецко-румынской группы армий «Южная Украина», «произошла самая крупная катастрофа, какую когда-либо переживала группа армий»[68]. Были созданы благоприятные условия для завершения освобождения Румынии и других стран Юго-Восточной Европы от фашизма. Ясско-Кишиневская операция продемонстрировала высокий уровень развития советского военного искусства; не случайно она вошла в историю под названием Ясско-Кишиневских Канн. Операция явилась ярким примером умелого сочетания мощного наступления Советской Армии с антифашистским движением внутри страны, приведшим к победе демократических сил и открывшим новую страницу в истории братского румынского народа. «В результате победоносного наступления Советской

[63] Arhiva M. F. A., fond M. St. M., dos. 221/26, f. 321—322.
[64] Ibid., dos. 3/10, f. 277.
[65] Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 9, с. 114.
[66] Первые советские части 46-й армии прошли через Бухарест в Джурджу 29 и 30 августа.
[67] Rezistența europeană în anii celui de al doilea război mondial. 1938—1945. Bucureşti, 1973, p. 431, 492.
[68] Ясско-Кишиневские Канны, с. 183.

Армии,—отмечалось в приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР румынскому руководству по случаю 40-й годовщины освобождения Румынии от фашизма,— сокрушительного разгрома крупной группировки гитлеровских войск в ходе Ясско-Кишиневской операции и осуществленного в этих условиях 23 августа 1944 г. вооруженного восстания патриотических сил в Румынии во главе с коммунистами был сметен ненавистный режим военно-фашистской диктатуры, и перед румынским народом открылся путь к строительству нового общества»[69].

Говоря о решающей роли Советской Армии в освобождении Румынии и создании благоприятных условий для антифашистского восстания, необходимо отметить, что восстание и выход Румынии из войны не позволили германскому командованию и военно-фашистскому режиму Антонеску превратить территорию Румынии в арену опустошительной войны, избавили румынскую армию и население страны от значительных людских потерь.

Антифашистское восстание, в свою очередь, оказало значительную помощь Советской Армии в прорыве гитлеровского фронта на Балканах. Румынская армия, повернувшая оружие против гитлеровцев, и восставшие патриоты страны в период с 23 по 31 августа уничтожили свыше 5 тыс. и пленили более 56 тыс. немецких солдат и офицеров. Потери румын составили 8500 человек убитыми и ранеными[70]. Они спасли от разрушения многие предприятия, железнодорожные и автомобильные дороги и мосты, речные и морские порты, аэродромы и их оборудование, что позволило впоследствии советским и румынским войскам ускорить продвижение на запад. Удержание румынскими войсками перевалов в Карпатах до подхода советских войск положительно сказалось на развитии последующих операций Советской Армии.

С 7 сентября 1-я и 4-я румынские армии и авиационный корпус перешли в оперативное подчинение командования 2-го Украинского фронта и участвовали в стратегических операциях Советской Армии. Совместными усилиями было отражено наступление немецких и хортистских войск в Трансильвании, а также на западе — в Банате, где гитлеровцы потеснили румынские войска и заняли города Арад, Беюш, Инеу и др. К концу сентября оккупанты были изгнаны из западных и северо-западных районов Румынии. В этих операциях вместе с румынскими войсками сражались советские войска 40, 7-й гвардейской, 27, 53-й и 6-й танковой армий, а также конно-механизированной группы и 18-го танкового корпуса. Их поддерживала 5-я советская воздушная армия.

Полностью освобождение Румынии от фашистских захватчиков завершилось в ходе Дебреценской операции 2-го Украинского фронта, в которой участвовало 40 советских дивизий, 3 танковых, 2 механизированных и 3 кавалерийских корпуса, 2 укрепленных района и 5-я воздушная армия, а также 23 румынские пехотные дивизии и авиакорпус[71]. С освобождением 25 октября 1944 г. городов Карей и Сату-Маре вся румынская территория была очищена от немецко-фашистских войск.

Дорогой ценой заплатили советские воины за освобождение румынского народа от фашизма. Общие потери Советской Армии на румынской территории составили 286 тыс. человек, из них погибло 69 тыс. Велики были потери и румынских войск. С 23 августа по 31 октября 1944 г. они составили свыше 58 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести[72]. «Мы выражаем нашу признательность,— подчеркивал Н. Чаушеску,— славной армии Советского Союза, которая... сокрушила гитлеровскую военную машину и внесла решающий вклад в

[69] Правда, 1984, 23 августа.
[70] România în războiul antihitlerist. Bucureşti, 1966, p. 140.
[71] Антосяк А. В. В боях за свободу Румынии. М., 1974, с. 164.
[72] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 9, с. 118.

освобождение Румынии и других стран от фашистского ига, в разгром гитлеровской Германии»[73].

Румынские войска (1-я и 4-я армии, авиакорпус и ряд частей) вместе с советскими войсками сражались за освобождение Венгрии и Чехословакии, проявляя мужество и настойчивость в боях, и внесли свой вклад в достижение победы над фашизмом. Потери румынской армии до конца войны составили 167 525 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести[74].

Советское правительство высоко оценило активное участие румынской армии в войне против фашистской Германии после выхода Румынии из войны на стороне гитлеровцев и победы восстания. Многие румынские генералы, офицеры и солдаты, проявившие мужество в боях, были награждены советскими орденами и медалями. Румынские части и соединения неоднократно отмечались в приказах Советского Верховного Главнокомандования, а 1-я румынская добровольческая дивизия им. Тудора Владимиреску была награждена орденом Красного Знамени и удостоена наименования «Дебреценской».

В совместной борьбе против фашизма на завершающем этапе войны зародились дружба и сотрудничество между народами и воинами СССР и Румынии, которые успешно развиваются в послевоенное время. Идя по пути социалистического развития, Румыния стала равноправным членом мирового социалистического содружества. Наши страны являются членами оборонительной Организации Варшавского Договора, а также Совета Экономической Взаимопомощи. Опираясь на помощь СССР и других стран содружества, Румыния превратилась в социалистическое государство с развитой промышленностью, сельским хозяйством, высоким уровнем культуры.

Освобождение Румынии и ее успехи в социалистическом строительстве наглядно показывают, что подлинную свободу и независимость румынский народ смог завоевать, опираясь на дружбу и помощь первого в мире социалистического государства, созданного под руководством великого Ленина. В основе нашей дружбы лежат исторические традиции совместной борьбы против иностранных завоевателей, общность целей в борьбе за построение социализма и коммунизма.

---

[73] Чаушеску Н. Румыния на пути построения всесторонне развитого социалистического общества. Т. 5. Бухарест, 1971, с. 866.

[74] România în războiul antihitlerist, p. 583.

Член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПИСАРЕВ

РОССИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИЗИС В ПЕРИОД ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ (Октябрь 1912 г.— май 1913 г.)

Начиная с ноября 1912 г., когда еще шла первая балканская война, Петербург был взбудоражен противоречивыми известиями с Балканского полуострова. В одних телеграммах сообщалось, что Турция и Балканский союз готовы заключить мир и что с этой целью в Лондоне созываются два международных форума: мирная конференция представителей Турции и Балканских стран и совещание послов шести европейских держав — Англии, Франции, России, Германии, Австро-Венгрии и Италии. Организатор этих встреч министр иностранных дел Великобритании сэр Э. Грей предсказывал не только успех конференции, но и наступление в ближайшем будущем «эры мира», а его партнер и главный соперник из внешнеполитического ведомства Германии А. Кидерлен-Вехтер восторженно называл предстоящий форум «музыкой будущего»[1].

В Петербурге эти известия воспринимались с энтузиазмом. Прекращение войны на Балканах сулило Российской империи политические и экономические выгоды. Перемирие между Турцией и Балканским союзом позволяло надеяться на осуществление плана царизма по созданию всебалканского союза с участием Турции. Этот военно-политический блок, ориентированный на Россию, послужил бы ее опорой не только на Балканах, но и на Ближнем Востоке с большими перспективами в бассейне Средиземного моря. Прекращение войны открывало для России свободу торговли через проливы. Только за ноябрь 1912 г. из-за прекращения судоходства по Босфору и Дарданеллам царская казна и русское купечество понесли убытков на 100 млн. руб. Через проливы Россия ежегодно доставляла на внешний рынок 47% своей экспортной продукции, в том числе две трети вывозимого товарного хлеба[2].

Однако другие известия вызывали тревогу. На Балканах назревал новый международный конфликт, значительно более опасный, и те же Грей и Кидерлен-Вехтер отдавали секретные указания дипломатам сколачивать новые блоки и укреплять старые в преддверии войны.

То было удивительное время даже для буржуазного общества, привыкшего к обману и демагогии. Лондонские конференции созывались как раз в ту пору, когда невиданными ранее темпами накапливалось оружие военного разбоя и сладкоречивые сентенции их участников о мире перемежались с военным шантажом. В. И. Ленин назвал эти конференции «театром грызни и интриг» империалистических держав[3], а немногочисленные буржуазные исследователи этого периода, оказавшиеся не в состоянии объяснить его закономерности, объявили 1912—1913 гг. «историческим феноменом»[4].

[1] Писарев Ю. А. Балканы между миром и войной (Лондонские конференции 1912—1913 гг.).— Новая и новейшая история, 1984, № 5, с. 71.

[2] См.: Проливы. М., 1923, с. 62—63.

[3] См.: Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 38.

[4] См., напр.: Helmreych E. Die tieferen Ursachen der Politik Berchtolds im Oktober 1912. In: Berliner Monatshefte (BM), 1932, № 3, S. 218—244.

Между тем анализ происходивших в то время событий позволяет установить их причинно-следственную связь. Австро-Венгрия и стоявшая за ней Германия преднамеренно разжигали военный конфликт с Сербией, стремясь вовлечь в него и Россию; в тот период оба эти государства к войне еще не были готовы, тогда как Германия уже давно осуществила реорганизацию своей армии. Об этом, в частности, сообщал еще 11 декабря 1911 г. в докладе императору Вильгельму II начальник Большого генерального штаба Германии генерал-майор Г. Мольтке (младший). Будущая война, писал он, должна стать войной «германизма со славянами и галлами» [5].

Новый документ, обнаруженный в 1980 г. в Государственном внешнеполитическом архиве (Бонн),— секретная инструкция Вильгельма II министру иностранных дел от 13 августа 1913 г.— подтверждает правильность концепции историков ГДР, изложенной ими в коллективном труде «Германия в первой мировой войне» [6], а также точку зрения западногерманского историка прогрессивного направления Ф. Фишера [7], считавшего, что Германия взяла курс на войну уже в 1912—1913 гг. «Сейчас,— говорилось в этой инструкции,— должна быть отодвинута на второй план прежняя задача нашей политики сохранять мир» [8].

В свете этого документа по-новому выглядят и те материалы, которые ранее были доступны историкам: переписка начальников генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии генералов Мольтке и Конрада Гётцендорфа [9], сборники документов «Большая политика европейских государств» [10] и «Внешняя политика Австро-Венгрии от Боснийского кризиса 1908 г. до возникновения первой мировой войны» [11], мемуарная литература и т. п. Внимательное прочтение этих источников подтверждает общий вывод о наступательной стратегии Центральной коалиции и о том, что Германия играла главную роль в подготовке общеевропейской войны даже в те моменты, когда она сдерживала Австро-Венгрию от поспешных и слишком рискованных, с точки зрения Берлина, действий против Сербии.

Иной была позиция России. Она стремилась локализовать австро-сербский конфликт, чтобы Сербия, ослабленная войной с Турцией, не оказалась раздавленной Австро-Венгрией и Германией. В то же время в Петербурге не хотели оставить Сербию в изоляции перед лицом ее противников и старались оказать Белграду дипломатическую помощь, решая вопрос, чреватый возможным военным конфликтом, на путях мирных переговоров при содействии Франции и Англии.

Таковы были две принципиально расходящиеся позиции. Следует, однако, сказать, что Германия не сразу стала поддерживать Австро-Венгрию в ее конфликте с Сербией, а первое время даже была противницей его обострения, но по другим причинам, чем Россия. В Берлине какое-то время господствовало заблуждение насчет возможности поссо-

---

[5] Цит. по: Hillgruber A. Deutschlands Rolle in der Vorgeschichte der beiden Weltkriege. Göttingen, 1967, S. 42.

[6] См.: Deutschland im ersten Weltkrieg. Berlin, 1970, Bd. 1 (Vorbereitung).

[7] См.: Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1962; Fischer F. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969.

[8] См.: Mitrovic A. Prodor na Balkan 1908—1918. Beograd, 1981, S. 150. Любопытна история хранения и обнаружения этого документа. Правительство Германии тщательно скрывало инструкцию кайзера. Сначала эта бумага находилась в секретных сейфах императора в Потсдамском дворце, затем, после бегства кайзера в Голландию, она была передана в боннский архив и запрятана многоопытной рукой архивариуса среди второстепенных бумаг досье «Оксфордский университет», где ее случайно обнаружил в 1980 г. югославский историк А. Митрович.

[9] См.: Feldmarschal Conrad von Hötzendorf. Aus meiner Dienstzeit 1908—1918. Wien — Berlin, 1921, Bd. 3 (Conrad).

[10] См.: Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes (GP). Berlin, 1927, Bd. 35.

[11] См.: Österreich-Ungarn Aussenpolitik von der bosnischen Kriese 1908—1918 bis zum Kriegsausbruch 1914 (OUA). Wien, 1930, Bd. 2.

рить Сербию с Россией и привлечь сербское государство к Центральной коалиции. «Благодаря союзу Австрии, Сербии, Румынии и Греции опасная славянская война будет раздроблена»,— утверждал, например, кайзер, ошибочно считая, что Сербия еще может изменить делу славянского единства [12].

Кайзеровское правительство было также заинтересовано в том, чтобы назревавшей войне был придан «оборонительный характер» — только таким образом можно было получить кредиты на военные нужды в рейхстаге, где значительный вес имела оппозиция. В. И. Ленин отмечал нарастание в Германии рабочего движения [13], которое заставляло Берлин камуфлировать свою военную подготовку мирной демагогией [14].

«Мы,— писал Кидерлен-Вехтер министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Л. Берхтольду,— ни на минуту не отступим от союзных обязательств. Но мы высказываем пожелание, чтобы Австрия... в случае серьезных событий выглядела бы и казалась бы провоцируемой, а не провоцирующей» [15].

Источники немецкого и австрийского происхождения показывают, что Вена, в свою очередь, отнюдь не всегда и не во всем следовала советам Берлина. Австро-венгерское внешнеполитическое ведомство нередко расходилось во взглядах на балканскую политику с аналогичным немецким ведомством. Монархия Габсбургов, не считаясь с глобальной стратегией Германии, пыталась вовлечь ее в войну с Сербией и Черногорией, что вызывало у кайзера раздражение. Немецкий империализм, подготавливавшийся к войне за мировое господство, вовсе не собирался сражаться за локальные интересы своего союзника на Балканах [16]. Вильгельм II с циничной откровенностью говорил, что его мало трогает тревожная реакция Австро-Венгрии на политику Сербии. 9 ноября 1912 г., когда возник австро-сербский конфликт, он заявил канцлеру Т. Бетман-Гольвегу, что Германия не должна рисковать войной сразу с тремя государствами — Англией, Россией и Францией — «из-за ничтожных целей» своей союзницы [17]. Всю Европу облетела также крылатая фраза кайзера, пущенная им в ответ на попытку Франца-Иосифа вовлечь Германию в этот конфликт: «Ты слишком часто размахиваешь моей саблей» [18].

Вместе с тем в Берлине не хотели отказаться от такого союзника, каким являлась Австро-Венгрия. Германии в будущей войне нужны были ландскнехты, и монархия Габсбургов, население которой составляло 52 млн. человек, могла стать поставщиком «пушечного мяса» [19]. Кроме того, Дунайская империя занимала важное стратегическое положение, и ее войска должны были, по планам Берлина, действовать в случае войны как на французском, так и на русском фронтах. «В наших собственных интересах мы должны выступить (в защиту Австро-Венгрии.— *Ю. П.*), выполняя союзнический договор,— заявил Кидерлен-Вехтер 28 ноября 1912 г. в комитете по иностранным делам германского рейхстага.— Цель нашего союза состоит в том, чтобы большая страна, ведущая свое начало из средневековья (Австрия.— *Ю. П.*), находилась рядом с нами... и чтобы в один из дней мы не оказались бы, как выразился Бисмарк, один на один с Россией, имея за спиной Францию. Если Австрия — безразлично по какому поводу — будет сражаться за свое

---

[12] GP, Bd. 34, T. II, № 12937, 12941.

[13] См.: Ленин В. И. ПСС, т. 20, с. 10—18.

[14] См.: Klein F. Deutschland von 1897—98 bis 1917. Berlin, 1969.

[15] GP, Bd. 33, № 12402, S. 366—371.

[16] Ibid.

[17] См.: Klein F. Probleme des Bündnisses zwischen Österreich-Ungarn und Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges. In: Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1906—1918. Berlin, 1965.

[18] GP, Bd. 33, № 12349.

[19] См.: Јовановић Ј. Порекло светског рата.— Гласник Николе Чупића. Београд, 1930, књ. XXXIX, с. 30.

положение великой державы, то мы должны будем выступить на ее стороне»[20].

Взаимоотношения союзников по Центральной коалиции строились на принципах чистогана: Австро-Венгрия была заинтересована в поддержке Германии против сербской и русской угрозы, Германия надеялась использовать Австро-Венгрию в борьбе за мировое господство. Это был союз двух империалистических хищников. Начальник Генерального штаба Австро-Венгрии генерал-фельдмаршал Конрад Гётцендорф горько сетовал: «Я убежден, что немцы равнодушны к нашим интересам... Германия спокойно использует нас, так как этим она лучше обеспечивает себя против Франции»[21].

Впрочем, такие же отношения сложились и в рамках Тройственного согласия. Франция и Англия были заинтересованы в русской «убойной силе», но не хотели идти навстречу интересам России на Балканах и на Ближнем Востоке. В преамбуле к «Плану обороны России на случай общеевропейской войны», составленному российским Генеральным штабом в 1912 г., говорилось: «Опыт последних лет показал, что России трудно рассчитывать на помощь Франции в тех случаях, когда ее интересы непосредственно не затронуты... Современная политика этой страны ясно показывает, что прежде всего Франция будет считаться с собственными интересами, а не с интересами союза»[22]. Еще более обнаженно охарактеризовал политику Франции ее посол в Петербурге Т. Делькассе. Он писал в 1913 г., что французское правительство интересуется лишь русской армией, а «не судьбой 180 млн. русских мужиков»[23].

Аналогичным было отношение к России и со стороны Англии. Со всей ясностью ее позиция определилась на совещании министров иностранных дел обеих стран в Бальморале (Шотландия), состоявшемся 20 сентября — 2 октября 1912 г.[24] На прямой вопрос царского министра Сазонова, поможет ли Англия Сербии и России дать отпор Германии, если последняя выступит на стороне Австро-Венгрии, сэр Грей дал уклончивый ответ. Сазонов сделал пессимистический вывод из указанного обмена мнениями. «Нам,— писал он в докладе Николаю II,— нельзя рассчитывать на содействие Англии»[25]. Царь пришел к такому же выводу. В письме вдовствующей императрице Марии Федоровне, с которой он советовался в трудных для себя ситуациях, царь писал 21 октября 1912 г.: «Англия, к сожалению, мешает нам больше всех»[26].

Складывающаяся ситуация беспокоила и российский Генеральный штаб. В «Записке о силах, средствах и вероятных планах наших западных противников», составленной Генеральным штабом в 1912 г., говорилось: «Оценивая наше международное положение, можно прийти к выводу, что в возможной будущей войне нам прежде всего надлежит рассчитывать только на свои силы»[27].

Такова была расстановка политических сил на международной арене во время австро-сербского конфликта. Как будет показано ниже, она определила и позицию великих держав в австро-сербском споре.

---

[20] GP, Bd. 33, № 12475.
[21] Conrad. Bd. 3, S. 169.
[22] ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 2, д. 1079, л. 2.
[23] Цит. по: Боев Ю. А. Ближний Восток во внешней политике Франции (1898—1914). Киев, 1964, с. 40.
[24] См. подробнее: Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны. 1908—1914. М., 1962.
[25] См.: Международные отношения в эпоху империализма (далее — МОЭИ). Сер. 2, т. XX, ч. 2, № 1034.
[26] АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 194, л. 420.
[27] ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 170, л. 16.

* * *

Остановимся непосредственно на истории этого конфликта. Он имел глубокие корни. Австро-сербские отношения стали ухудшаться с 1903 г., после того как в Сербии произошел государственный переворот и к власти пришла русофильская династия Карагеоргиевичей вместо династии Обреновичей, ориентировавшейся на Австро-Венгрию. Дальнейшему углублению противоречий между двумя монархиями способствовали таможенная война 1906—1911 г., в результате которой Сербия освободилась от экономического протекционизма со стороны Вены, и боснийский кризис 1908—1909 гг., приведший к обострению политических взаимоотношений между Сербией и Австро-Венгрией. Монархия Габсбургов уже тогда готовилась к военной расправе с Сербией, но не решалась сделать это без поддержки Германии.

В 1912 г. наступил новый этап австро-сербского внешнеполитического кризиса. Сербия вступила в Балканский союз, находившийся под эгидой России, что вызвало резко отрицательную реакцию в Вене и Берлине. Австрийский официоз, газета «Нойе фрайе прессе» сравнивала образование этого военно-политического блока с «кинжалом, направленным в сердце Австрии», Вильгельм II назвал союз Балканских государств «славянским чудовищем»[28]. Центральная коалиция с первых дней возникновения Балканского союза повела против него атаку, ставя своей целью взорвать его изнутри[29].

Однако эта цель в 1912 г. не только не увенчалась успехом, но, напротив, Балканский союз, одержав победу в войне с Турцией, поднял свой международный престиж. Особенно неприятным для Австро-Венгрии был успех Сербии в войне. Сербское королевство, став центром притяжения южнославянских земель, оказывало разрушающее влияние на многонациональную монархию Габсбургов. Центробежные движения в империи угрожали ее распаду. «Великосербская пропаганда,— констатировал Франц-Иосиф,— подкапывается под мой дом, под мою династию»[30].

В ходе войны возникла так называемая адриатическая проблема, которая переполнила «чашу терпения» Австро-Венгрии. Сам по себе адриатический вопрос, не представляя угрозы для монархии Габсбургов, имел для нее немаловажное значение. Сербия, воспользовавшись войной с Турцией, оккупировала часть ее территории в районе северо-восточного побережья Адриатики, чтобы обеспечить себе выход к морю. Стремление Сербии стать морской державой отвечало жизненным интересам страны, находившейся в экономической изоляции. Сербия была единственным из Балканских государств, не имевшим «окна в Европу». Но действия Белграда были слишком прямолинейными, чем воспользовалась Дунайская империя, претендовавшая на гегемонию в бассейне Адриатики.

Уже на следующий день после официального обращения Сербии к крупнейшим европейским государствам с предложением поддержать ее требования[31] Австро-Венгрия дала отрицательный ответ. 15 октября на объединенном заседании австрийской и венгерской делегаций выступил Берхтольд, отклонивший просьбу Сербии. «Монархия,— сказал он,— имеет на Балканах свои интересы и будет отстаивать их при любых обстоятельствах». Берхтольд пригрозил Сербии войной, затребовав на

---

[28] GP, Bd. 35, № 13373, S. 21.

[29] См.: Бирман М. А. Дипломатия Германии и Балканский союз в 1912 г. В кн.: Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971; Жогов П. В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война 1912—1913 гг. М., 1969.

[30] АВПР, ф. Канцелярия, 1914, д. 3, л. 47.

[31] Самоуправа (Белград), 1912, 15 октября; Писарев Ю. А. Указ. соч., с. 116.

военные нужды чрезвычайные кредиты в размере 205 млн. крон сверх уже отпущенных на нужды армии 554 млн. крон [32].

Тогда же австро-венгерский посол в Петербурге граф Тури фон Вальсасина поставил в известность царское правительство о позиции Вены в конфликте с Сербией, указав, что его правительство «никоим образом не могло бы примириться с расширением Сербии до Адриатического моря». Тури отклонил все альтернативные предложения России, в том числе компромиссное Сазонова о получении Сербией не всей оккупированной ею территории, а лишь одного торгового порта в нейтральном районе побережья между границей Черногории и Албании [33]. Сазонов писал о неудаче своих переговоров с графом Турном: «Я старался убедить австрийского посла в опасности и нежелательности такого шага (конфликта с Сербией.— *Ю. П.*)... Я просил графа Турна телеграфировать в Вену, не признают ли там возможным предоставить Сербии гавань на Адриатике с сохранением за ней характера исключительно торгового порта» [34].

Отказ Австро-Венгрии от мирного решения вопроса [35] свидетельствовал о намерении использовать конфликт для военного шантажа Белграда: к границам Сербского королевства было направлено 60—80-тысячное имперское войско [36].

Однако на этой стадии событий монархия Габсбургов все же не решилась на войну, так как не имела еще поддержки ни Германии, ни Италии. Это позволяло России надеяться на урегулирование конфликта мирным путем. В октябре — первой половине ноября 1912 г. Сазонов направил в Белград ряд телеграмм с призывом к сербскому правительству соблюдать осторожность, не поддаваясь на австро-венгерские провокации. Так, в телеграмме от 29 октября министр, предостерегая Сербию от рискованных действий против Австро-Венгрии, дал ясно понять, что Россия не пойдет на войну с Дунайской империей. «Мы категорически предупреждаем Сербию, чтобы она не рассчитывала увлечь нас за собой. На вооруженное столкновение с державами Тройственного союза из-за вопроса о сербском порте мы не пойдем» [37].

3 ноября Сазонов вновь обратил внимание сербского правительства на необходимость соблюдения крайней осторожности в адриатическом вопросе. Он писал, что готовность Сербии к мирным переговорам сорвет агрессивные планы Австро-Венгрии.

О тактике петербургской дипломатии говорит следующий документ: инструкция министра иностранных дел С. Д. Сазонова от 3 ноября 1912 г. посланнику в Белграде Н. Г. Гартвигу и другим дипломатическим представителям, аккредитованным в Балканских странах. «За последние дни,— писал министр,— с особой остротой выдвинулся вопрос о выходе Сербии к Адриатическому морю. С самого начала мы встали на точку зрения благожелательного отношения к законным стремлениям сербов обеспечить их политические интересы. В этом смысле и происходили переговоры между нами и дружественными нам кабинетами. Из обмена мнений между державами выяснилось, что Австрия, Италия и Германия не согласятся на приобретение Сербией в собственность порта на Адриатическом побережье и что они пойдут на крайние меры для отстаивания своей точки зрения... Лондон и Париж не расположены обострять конфликт по этому частному вопросу...

---

[32] АВПР, ф. Канцелярия, 1912, д. 124, л. 111—112.

[33] Там же, ф. ПА, д. 130, л. 98, 125.

[34] Там же, ф. Канцелярия, 1912, д. 124, л. 202; Жогов П. В. Указ. соч., с. 107—108.

[35] Идентичное предложение сделал графу Турну Николай II, который призвал Австро-Венгрию к «спокойному обмену мнений» (OUA, Bd. IV, № 4339, S. 1025).

[36] АВПР, ф. Канцелярия, 1912, д. 124, л. 202.

[37] Там же, ф. ПА, д. 130, л. 121.

...Мы предостерегаем сербов от политики необдуманных увлечений и предупреждаем их, что при известной уступчивости они легче могут рассчитывать на содействие держав Тройственного согласия в деле установления выгодных для них условий экономического характера при общей ликвидации войны».

Чтобы поставить точки над «и», руководитель внешнеполитического ведомства России добавил: «По части вопроса о сербском порте на Адриатическом море нам не следует обострять конфликта до угрозы общеевропейской войны. В наших интересах было бы добиваться разрешения его не отдельно, а в связи с другими вопросами, вызванными балканской войной» [38].

Аналогичную позицию заняли Англия и Франция. Они предлагали передать рассмотрение вопроса о выходе Сербии к Адриатике Лондонской мирной конференции [39].

Однако Австро-Венгрия не хотела ограничиться полумерами. Она использовала каждый неосторожный шаг сербского правительства для разжигания конфликта. После того, как сербские войска в ожидании ответа великих держав заняли ряд новых территорий бывшего турецкого Приморья, Австро-Венгрия от угроз перешла к непосредственной военной подготовке.

Российский военный агент (атташе) в Вене полковник М. И. Зенкевич сообщал 11 ноября Главному управлению Генерального штаба: «Ежедневно происходят совещания между Берхтольдом, военным министром М. Ауфенбергом и начальником Генерального штаба генералом А. Шемуа. В них часто участвует престолонаследник Франц Фердинанд... По-видимому, Австро-Венгрия находится накануне принятия важного решения по балканскому вопросу» [40]. Вскоре это решение было принято [41], в стране была объявлена частичная мобилизация и против Сербии двинута армия в 200 тыс. человек, которая ожидала лишь приказа о переходе сербско-австрийской границы [42].

На этот раз Австро-Венгрию поддержала Германия, а Италия заявила о своем благожелательном нейтралитете. Обстановка резко изменилась, и австро-сербский конфликт приобрел международный характер.

Чем же объясняются эти перемены в позиции Германии? По словам знатока международных отношений того периода немецкого историка Э. Людвига, в основе этих перемен лежали три главные причины: опасение, что Австро-Венгрия окажется в изоляции и тем подорвет единство Центральной коалиции, провал переговоров Германии с Англией об ограничении строительства германского военно-морского флота в обмен на английский нейтралитет в войне (миссия лорда Холдена) и завершение реорганизации германской армии, что позволило кайзеровскому правительству держаться более решительно [43].

Большинство историков считают, что сам поворот во внешней политике Германии произошел после секретной встречи Вильгельма II и начальника Большого генерального штаба Германии генерала Мольтке с австрийским престолонаследником Францем Фердинандом и начальником Генерального штаба Австро-Венгрии генералом Шемуа 22 ноября 1912 г., хотя, как свидетельствуют немецкие документы, кайзер еще раньше высказывался в поддержку Австро-Венгрии. Так, 19 ноября Вильгельм II заявил Кидерлен-Вехтеру, что он готов выступить вместе

---

[38] Там же, д. 131, л. 10—11.

[39] Documents diplomatiques français (1871—1914), 3-me série, t. 4, p. 452. Paris, 1929.

[40] АВПР, ф. Канцелярия, 1912, д. 195, л. 697.

[41] ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 2, д. 3165, л. 175.

[42] АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 194, л. 467.

[43] См.: Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн. Л., 1929, с. 241.

с Австро-Венгрией не только против Сербии, но и против России, если она окажет военную помощь Белграду[44].

Тем не менее само свидание августейших особ и руководителей военного планирования обеих стран сыграло важную роль в переориентации Германии от нейтралитета в балканских делах к активному вмешательству в них.

Встреча состоялась в лесах Спринга близ Ганновера, куда высокие собеседники прибыли под предлогом охоты на кабанов. Все было обставлено с соблюдением строжайшей секретности. Шемуа и его адъютант майор Поль, чтобы не быть узнанными, переоделись в цивильные платья и скрывались под чужими фамилиями. Переговоры велись с глазу на глаз в келейной обстановке. Не было опубликовано коммюнике, сохранилась лишь телеграмма Франца Фердинанда в Вену, в которой говорилось: «Беседа с императором прошла исключительно удачно. Император Вильгельм милостиво заявил, что он поддержит нас во всем. Он говорил, что как только этого потребует наш престиж, мы должны будем предпринять энергичные шаги в Сербии и можем быть уверены в поддержке (Германии.— *Ю. П.*). Когда же зашла речь о России, в его словах почувствовалось раздражение»[45]. Но так ли это? Ограничилось ли дело одними антирусскими эмоциями кайзера или на встрече были приняты какие-то конкретные решения относительно России?

В австрийских и немецких публикациях документов — «Большой политике» и «Австро-венгерской внешней политике» — об этом нет ни слова, но, судя по дальнейшим шагам Германии и Австро-Венгрии, на совещании был согласован широкий круг вопросов, в том числе и русский. Одна из обсуждаемых тем касалась укрепления Центральной коалиции. На совещании, по некоторым данным, присутствовал премьер-министр Италии Сан-Джулиано, и была выработана единая линия балканской политики Тройственного союза[46]. 5 декабря был возобновлен тайный договор о союзных отношениях германской коалиции с Румынией, а за три дня до того, 2 декабря, в рейхстаге с воинственной речью об «общих целях» Центральной коалиции выступил канцлер Германии Бетман-Гольвег. 10 и 12 декабря произошли изменения в военном руководстве Австро-Венгрии. Военным министром был назначен генерал А. Кробатин, начальником Генерального штаба — фельдмаршал Ф. Конрад Гётцендорф, оба — сторонники решительных действий против Сербии и России[47].

Австро-венгерское правительство направило ультиматум Сербии, потребовав вывода ее войск из Приморья. 8 декабря глава сербского кабинета Н. Пашич сообщил об этом великим державам, запросив их мнение. Из Белграда началась эвакуация в глубь страны архивов Министерства иностранных дел, обсуждался также вопрос о переводе государственных учреждений в г. Ниш.

В свою очередь, австро-венгерское правительство распорядилось об отзыве наиболее секретных документов из Белграда, а также из Петербурга. Берхтольд дал указание графу Турну срочно изменить дипломатический шифр[48].

Генеральный штаб Австро-Венгрии внес изменения в военно-оперативный план на случай вступления в войну России[49]. Фельдмаршал фон Гётцендорф писал: «Если Россия и дальше будет стоять за Сербию, то следует в отношении Сербии держаться оборонительно, а всеми корпу-

---

[44] GP, Bd. 33, № 13404.
[45] OUA, Bd. IV, № 4571, 4572.
[46] Поповић Д. Борба за народно уједињење 1908—1918. Београд, 1936, с. 96—97.
[47] GP, Bd. 34, № 12572, S. 84; OUA, Bd. V, № 4746, S. 15; № 5057, S. 237.
[48] См.: Поповић Д. Указ. соч., с. 96—97.
[49] GP, Bd. 33, № 12425, 12434; OUA, Bd. IV, № 4710.

сами маршировать в Галицию»[50]. В соответствии с этими указаниями была произведена передислокация имперских войск. По разведывательным данным российского Генерального штаба, в Галицию было переброшено до 600 тыс. австро-венгерских солдат, а на сербской границе оставлено 200 тыс. Начальник царского Генерального штаба Жилинский информировал Сазонова 29 декабря 1912 г.: «Группировка войск в Галиции по сравнению с нормальной дислокацией мирного времени определенно указывает на приближение к нашей границе значительного числа пехотинцев и кавалерийских частей с явно определенной целью прикрытия границы и обеспечения будущего района развертывания»[51]. В письме Жилинского приводились данные о строительстве вдоль русской границы от Вислы до Днестра австрийских военных укреплений, об ускоренном изучении в имперских воинских частях, расположенных в Галиции, русского разговорника и об усилении деятельности на территории России военной разведки Австро-Венгрии[52].

Аналогичные сведения были получены в Петербурге от российского генерального консула в Праге В. Г. Жуковского, посла в Вене Н. Н. Гирса и полковника М. И. Зенкевича[53].

Тревожные известия поступали и из Германии. Император Вильгельм II искал лишь предлога для войны с Россией: «Если бы последовали русские контрмеры, которые заставили бы императора Франца-Иосифа начать войну, тогда я готов (как я уже не раз говорил канцлеру) выступить против России совместно с Австро-Венгрией». Ту же мысль высказывал Мольтке: «Необходимо найти предлог к войне, надо сманеврировать так, чтобы повод пришел от славян»[54].

По данным Главного управления Генерального штаба России, Германия сосредоточила на подступах к русской границе значительные силы и организовала военные маневры[55].

Какую же позицию заняла Россия?

Буржуазные историки 20—30-х годов Е. Хельмрайх, К. Шведеманн, Э. Штейниц и Х. Михаэлис[56], а также профессор Гарвардского университета У. Ленжер[57] весьма тенденциозно освещали политику России, приписывая ей агрессивные действия против Австро-Венгрии, которая будто бы во время военной тревоги конца 1912 г. была «обороняющейся стороной». Они оперировали при этом лишь двумя фактами: распоряжением Николая II от 4 ноября 1912 г. задержать увольнение в запас 350 тыс. военнослужащих западных военных округов и Кавказского военного округа, а также решением Совета министров России от 21 октября (8 ноября) и 29 ноября (12 декабря) 1912 г. о сверхсметных кредитах на «неотложные надобности Черноморского и Балтийского флотов»[58]. Однако эти меры носили не наступательный, а предохранительный характер и были приняты лишь в ответ на усиление австро-венгерских войск и в связи с бурным строительством германского военно-морского флота. Об этом, в частности, говорит переписка послов

---

[50] OUA, Bd. IV, № 4710, S. 1072—1073; Bd. II, S. 320—322, 332—340, 370; GP, Bd. 33, № 12454.

[51] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 465, л. 147—149.

[52] АВПР, ф. ПА, д. 3717, л. 336, 338; ф. Комиссия, оп. 910, д. 264, л. 1102—1103.

[53] GP, Bd. 33, № 12405, S. 373—374.

[54] Цит. по: Јовановић J. Одговорност Србије за рат. Београд, 1927, с. 9—11.

[55] ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 2585, л. 1—2.

[56] См.: Helmreych E. Russlands Einfluss auf dem Balkanbund im Oktober 1912.— BM, 1933, № 2, S. 217—234; Schwedemann K. Grundzüge der Balkanpolitik Österreich-Ungarn 1908—1914.— BM, 1930, № 3, S. 203—221; Steinitz E. Berchtolds Politik zu Beginn des Balkankrieges.— BM, 1931, № 1, S. 45—55; Michaelis H. Die deutsche Politik während der Balkankriege 1912. Leipzig, 1922.

[57] См.: Langer W. Russia, the Straits Question and the European Powers.— English Review, 1922, № 4.

[58] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 60, л. 80—81; д. 61, л. 156—157. Особый журнал Совета министров, 21.X (8.XI) и 29.XI (12.XII) 1912 г.

России в Англии А. К. Бенкендорфа и во Франции А. П. Извольского с Сазоновым за ноябрь—декабрь 1912 г., в которой упоминается об оборонных мероприятиях Петербурга [59].

Но наиболее рельефно позиция русского правительства в вопросе о войне и мире прослеживается по протоколам «Особого журнала Совета министров» от 19, 22, 29 ноября и 5 декабря 1912 г. Эти заседания носили чрезвычайный характер и были вызваны острейшей международной обстановкой, сложившейся к тому времени. Формально они были созваны в связи с письмами военного министра генерала В. А. Сухомлинова председателю Совета министров В. Н. Коковцову от 20(7) октября (это письмо не сохранилось) и от 22 и 25 ноября. В этих письмах обращалось внимание правительства на военные мероприятия Австро-Венгрии против России и выдвигалась задача приведения русских вооруженных сил в боевую готовность. Сухомлинов ставил вопрос о частичной или даже всеобщей мобилизации Одесского, Киевского и Варшавского военных округов и резком увеличении ассигнований на армию [60].

По существу предложения Сухомлинова означали принятие правительством курса на войну, что поддерживали панслависты, руководители военной партии России во главе с вел. кн. Николаем Николаевичем [61] и министры А. В. Кривошеин, С. И. Тимашов и И. Г. Щегловитов, а также экстремистские элементы из буржуазных партий [62]. Критикуя Сазонова за нерешительные действия во внешней политике, газета «Новое время», например, писала 10(23) декабря 1912 г.: «Уступчивость нашей дипломатии не вяжется со здравым смыслом и логикой фактов». Прямо ставился вопрос о военном захвате Россией Константинополя и вмешательстве в балканские дела: «надо сбросить с себя, наконец, эту боязнь, эту неврастению и приступить к разрешению задачи, никого не спрашивая» [63].

Германофилы, напротив, выступали за союз России с Германией и Австро-Венгрией, а черносотенцы ставили под сомнение союз России с «иудейско-масонской» республиканской Францией и Англией, которую они называли коварным Альбионом [64]. «Все крики на тему о том, что Россия должна, очертя голову, броситься в войну за славян,— писала черносотенная газета,— должны смолкнуть перед требованием государственной осторожности». В качестве аргумента такой политики приводилась угроза назревающей в России революции. «Нам нужен мир, чтобы оправиться после неудачной войны (с Японией.— *Ю. П.*) и революционной смуты» [65].

Небезынтересно, что те же аргументы, но с других позиций, использовали Сазонов и Коковцов в борьбе против экстремиста Сухомлинова. После «Очакова» и Ленских событий все царские чиновники, несмотря на разность взглядов и разную партийную принадлежность, боялись одного — революции.

Наиболее серьезные баталии между сторонниками и противниками так называемой «активной политики» России развернулись на заседании Совета министров 29 ноября 1912 г. Сазонов, выступая против плана Сухомлинова, заявил о «крайней опасности принятия правительством каких-либо мобилизационных мер, которые могут еще больше обострить отношения России с Австрией и побудить Сербию к еще большей резкости и неуступчивости в ее домогательствах». Министр иностранных

---

[59] АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 195, л. 116, 1032.

[60] Там же, д. 194, л. 300—305; ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 465, л. 47.

[61] GP, Bd. 33, № 12415, S. 385. Ф. Пурталес — Т. Бетман-Гольвегу, Петербург, 20.XI 1912.

[62] См.: Магазинер С. Балканская война 1912 г. и общественно-политические течения в России.— Труды Одесского гос. ун-та. История, 1939, т. 1, с. 124.

[63] Новое время (СПб.), 1912, 23(10) декабря.

[64] Земщина (СПб.), 1912, 3 августа.

[65] Там же, 28 ноября.

дел указал, что только поиски компромисса могут привести к ликвидации австро-сербского конфликта. В том же духе Сазонов беседовал накануне совещания с графом Турном [66].

Коковцов, развивая мысль Сазонова, остановился на германской угрозе, указав одновременно на необеспеченность поддержки России со стороны Англии и Франции. Он назвал участие России в войне в этих неблагоприятных для нее условиях «бедствием», предупредив о неподготовленности государства к войне с Центральной коалицией. «Армия,— сказал Коковцов,— еще не приведена к достаточной степени готовности, а флот на Балтике слаб». Большую тревогу, по его словам, вызывает «внутреннее состояние армии, далекое от одушевленного патриотизма. Нет его и у широких слоев населения, где сильны антивоенные революционные настроения» [67].

Подводя итоги заседания, Коковцов сказал: «Политическая обстановка настоящего времени представляется в высшей степени напряженной, а любая неосторожность с нашей стороны может привести к самым грозным последствиям — вооруженному столкновению с Австрией, которое, в свою очередь, неминуемо приведет к столкновению с Германией, т. е. к общеевропейской войне» [68]. Правительство решило «не обострять событий и не дать нашим противникам возможности вовлечь Россию в опасное положение» [69].

5 декабря Совет министров, снова рассмотрев этот вопрос, подтвердил свое решение от 29 ноября, 11 декабря царь скрепил своей подписью постановление Совета министров, после чего оно приобрело силу закона [70].

Россия предложила Сербии обратиться к Лондонской мирной конференции с просьбой рассмотреть адриатический вопрос и тем устранить предлог для австро-венгерского ультиматума Сербскому королевству. Сазонов в беседе с сербским посланником в Петербурге Д. Поповичем призвал Белград отказаться от ошибочного курса на обострение конфликта и осуществление великодержавных планов. Пригласив его к себе, он сказал: «Получили вы великую державу и хотите еще бо́льшую... Необходимо приостановиться, выждать время, чтобы выполнить и вторую часть (программы.— *Ю. П.*)... а когда дела улучшатся — забьете гвоздь в гроб Австро-Венгрии! Поступите мудро с этим» [71]. Министр в особенности настаивал на выводе сербских войск из Дураццо (Дурреса) и других территорий Албании, которая провозгласила себя 29 ноября 1912 г. независимым государством. Он указывал, что Австро-Венгрия спекулирует на независимости Албании, имея на самом деле в виду установление над ней своего протектората. Сазонов предупреждал Белград, что Англия и Франция откажутся в случае его несговорчивости поддержать Сербию [72] и что Германия ожидает лишь момента, чтобы вместе с Австро-Венгрией развязать против нее войну.

19 декабря сербское правительство приняло решение об отводе своих войск из Приморья и обратилось официально к Лондонской конференции об арбитраже.

Российский посол в Вене Гирс, извещая об этом Франца Иосифа, сообщил, что отныне ликвидирована формальная причина для предъявления Австро-Венгрией ультиматума Сербии. «Благодаря стараниям России,— заявил он,— Сербия выказывает большую сговорчивость в

[66] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 465, л. 47.
[67] Там же, л. 50.
[68] Там же, л. 65.
[69] Цит. по: Stieve F. Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis. Berlin, 1926, Bd. 2, S. 610.
[70] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 465, л. 144.
[71] См.: Поповић Д. Указ. соч., с. 100.
[72] Материалы по истории французско-русских отношений за 1910—1914. М., 1922, с. 300; ВД, V.IX, pt. II, № 238.

вопросах албанском и о порте, и этим устраняется необходимость военных действий» [73].

В Белграде, в свою очередь, трезвомыслящие круги во главе с председателем Совета министров Пашичем высоко оценили реалистическую позицию Петербурга, которая позволила Сербии избежать тяжелых для нее последствий конфликта с Австро-Венгрией и Германией в условиях еще не закончившейся войны с Турцией. Пашич, посетив 5(18) декабря 1912 г. российское посольство, пожаловался на трудности, которые ему пришлось пережить в борьбе с экстремистскими кругами в Верховном командовании Сербии, выступавшими против решения об эвакуации войск с побережья Адриатики. Гартвиг сообщал в Петербург 6(19) декабря: «Вчера в весьма откровенной беседе Пашич сказал мне следующее: „Задаваться широкими завоевательными планами мы не в состоянии, хорошо сознавая, что это могло бы привести к европейским осложнениям и оттолкнуло бы от нас симпатии и сочувствие России"». Вместе с тем Пашич в этой беседе заявил, что Сербия не отказывается от надежд осуществить свои планы выхода к Адриатическому морю в будущем [74].

Как известно, эти планы были осуществлены в 1918 г., после революции, которая привела к ликвидации реакционной монархии Габсбургов и образованию на ее развалинах новых национальных государств, в том числе Югославии.

[73] АВПР, ф. Политархив, д. 131, л. 192.
[74] Там же, д. 528, л. 221—222.

Т. М. КАЛИНИНА

ТОРГОВЫЕ ПУТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ IX ВЕКА
(По данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха)

Девятый век в истории Восточной Европы отмечен крайней скудостью письменных памятников. А между тем именно девятый век стал временем создания Древнерусского государства, выдвижения его на международную арену как в политическом, так и в экономическом отношениях.

Первую треть IX в. ученые выделяют как начальный период международной торговли на территории Восточной Европы, что зарегистрировано находками монет. Изучение их показало, что в общей массе кладов и единичных находок преобладают восточные монеты, сасанидские и куфические, что свидетельствует об установлении связей Восточной Европы с арабским миром. Сведения об этих взаимоотношениях (немногочисленные, а потому драгоценные) сохранились в сочинениях ученых Арабского халифата, в том числе у Ибн Хордадбеха (IX в.) и Ибн ал-Факиха (начало X в.). Данные эти вошли в научный оборот более 100 лет тому назад. Историография проблемы оказалась настолько обширной, что рассмотрение ее составило бы самостоятельную тему. Краткий обзор ее имеется в работе Н. М. Велихановой [1]. Однако, несмотря на частое обращение историков к сравнительно небольшим по объему фрагментам в сочинениях обоих авторов, повествующим о торговых путях иудейских и русских купцов, многое остается неясным. Прежде всего следует отметить, что историки обычно рассматривали отдельно фрагмент о путях иудейских купцов (для истории европейской или азиатской торговли) и отдельно — фрагмент о путях по Восточной Европе (для русской или хазарской истории). Такой подход к данным источникам не вполне удовлетворителен, поскольку их сведения не анализировались комплексно с учетом общих географических воззрений авторов, взаимодействия приводимой ими информации. До сих пор нет полного перевода фрагментов каждого из авторов на русский язык, а между тем контекст любого отрывка средневекового произведения зачастую бывает важнее самой информации. Кроме того, отсутствуют переводы из сочинений арабских ученых, освещающие их географические представления, что совершенно необходимо для понимания того, какое место занимал славянский мир в воззрениях средневекового ученого на ойкумену.

Ученые прошлого века касались указанных проблем, однако их переводы совершенно устарели ввиду того, что были сделаны до появления критического издания арабских текстов [2]. Частичные переводы были осуществлены В. В. Бартольдом, Б. Н. Заходером, А. П. Новосельцевым [3].

[1] Велиханова Н. М. О торговых путях купцов-русов и купцов-евреев ар-Разани по сочинению Ибн Хордадбеха «Книга путей и владений». В кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979, с. 37.

[2] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 48—49; Куник А. А., Розен В. Р. Известия ал-Бекри и других арабских авторов о Руси и славянах. СПб., 1903, ч. 2, с. 128—131.

[3] Бартольд В. В. Арабские известия о русах. Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 825; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967, ч. 2, с. 84—

Однако представляется необходимым привести полный перевод всего отрывка о торговых путях и, кроме того, фрагментов, освещающих представления арабских авторов о расселении славян и водных пространствах, поскольку от этого зависит анализ их информации. Переводы сделаны автором данной статьи по критическому изданию текстов Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха с учетом имеющихся переводов на европейские языки. В квадратных скобках даются добавления или поясняющие слова, вставленные автором перевода.

Учитывая все выше сказанное, необходимо снова обратиться к анализу уникальных данных Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха, тем более, что появился ряд новых работ по нумизматике, позволяющих сопоставить письменные свидетельства и находки монет в ином, чем ранее, аспекте.

Ибн Хордадбех — ученый первой половины IX в. — был высокопоставленным чиновником халифского двора, человеком аристократического происхождения и высокой образованности[4]. Его перу принадлежало большое число литературных трудов, но дошла до нас только сокращенная редакция его географического произведения «Книга путей и государств». В настоящее время известны две рукописи труда Ибн Хордадбеха: одна — в Бодлеанской библиотеке Оксфорда, другая — в Венской библиотеке. Последняя была впервые издана и переведена на французский язык Ш. Барбье де Мейнаром в 1865 г.[5] Эта рукопись содержит большое количество лакун, ошибок и разного рода погрешностей, подвергшихся издательскому исправлению.

В 1889 г. голландский арабист М. Де Гуе осуществил критическое издание арабского текста книги Ибн Хордадбеха в основанной им серии «Библиотека арабских географов», взяв за основу обе рукописи и отдельный фрагмент одной из рукописей, также найденный в Библиотеке Оксфорда[6]. Он высказал точку зрения, что существовали две редакции этого сочинения, относящиеся к 40-м и 80-м гг. IX в.[7] Однако есть мнение, что была лишь одна редакция 885 г.[8] Вопрос, таким образом, остается открытым.

Ибн Хордадбех, говоря о строении мира, в разделе о форме земли ссылается на Птолемея и выявляет античную традицию в рассказе о делении Земли на четыре части[9]. Вместе с тем в разделе о владениях «царей Земли» присутствует иранская мифологическая традиция: по Ибн Хордадбеху, «первый царь Земли» Афридун поделил Землю между сыновьями Сальмом, Тушем и Ираджем. Народы Византии и Согда нахо-

85, 87—88; Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 386.

[4] Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Избр. соч. М.— Л., 1957, с. 147—148; Hadj-Sadok M. Ibn Khurradadhbih.— Encyclopaedia of Islam (далее — EI), new ed., vol. III, fasc. 53/54, p. 839.

[5] Le Livre des routes et des provinces par Ibn Khordadbeh. Publié, trad. et annoté par C. Barbier de Meynard.— Journal asiatique, Paris, 1865, ser. VI, t. V, № 17, p. 5—127, 227—296, 446—532.

[6] Kitab al-Massalik wa'l-Mamalik auctore Abu'l-Kasim Obaidallah Ibn Khordadbeh... Ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. Bibliotheca geographorum arabicorum (далее — BGA), VI.

[7] De Goeje M. Prefatio.— BGA, VI, p. XX; Бартольд В. В. Введение к изданию «Худуд ал-алам». Соч., т. 8. М., 1973, с. 513—514; Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny (далее — ŹA). Wrocław — Kraków, 1956, t. 1; s. 55—56; Велиханова Н. М. О «Книге путей и владений» Абу-л-Касима Убейдаллаха Ибн Хордадбеха.— Известия АН АзербССР, сер. истор., филос. и права. Баку, 1976, № 1, с. 63—72.

[8] Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 390; Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе.— ЖМНП, Новая серия. СПб., 1908, ч. 13, с. 374; Булгаков П. Г. «Книга путей и государств» Ибн Хордадбеха.— Палестинский сборник. Л., 1958, т. 3(66), с. 136; Новосельцев А. П. Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе. В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982, с. 121.

[9] BGA VI, p. 155; см. также: Новосельцев А. П. Арабский географ..., с. 134.

дятся под властью потомков Сальма; народы тюрок и Китая — под властью династии Хосроев, которая восходит к Ираджу [10]. Сведения о форме и делении Земли не составляют в существующей версии книги Ибн Хордадбеха целостного раздела, а разбросаны в разных местах без единого плана [11].

Основную часть труда занимают «дорожники», описывающие известные автору пути: от Багдада до Средней Азии и Индии; от Индии до Китая; от Багдада до Испании и Византии; от Багдада до Азербайджана и Кавказа; от Багдада до Южной Аравии; от Багдада, Басры и Каира до Медины. Последняя часть содержит также сведения о маршрутах еврейских купцов из Западной Европы через Суэц и Красное море или через Антиохию на Евфрате в Индию и Китай. Здесь же приведено имеющее исключительно важное значение для истории Руси IX в. описание пути купцов-русов из Восточной Европы в Средиземное и Каспийское моря и Багдад, которое неоднократно было предметом дискуссий.

Дорожники, приводимые Ибн Хордадбехом, не всегда дают ясное представление о реальных знаниях автором населенного мира. Особенно это касается отдаленных, с точки зрения географа, областей и более всего — Европы. Кроме дорожных маршрутов в сочинении встречаются разнообразные замечания относительно географического положения народов, из которых можно понять, что Ибн Хордадбех представлял себе славян жителями Севера. «Делится обитаемая Земля на четыре части. Из них [есть] Европа, а в ней — Испания, [земли] славян, Византия, Франция, Танжер, и до пределов Египта... [Есть] Скифия, а в ней — Армения, Хорасан, [земли] тюрок, [земли] хазар» [12]. И еще отрывок: «Византийцы, придунайские болгары, страны славян и авар [находятся] к северу от Испании, и [вот] что прибывает с Западного моря: слуги славянские, византийские, французские, ломбардийские, девушки византийские и испанские, шкурки бобров, шерсть, благовония смол, звериные зубы. Отплывают из глубины этого моря вблизи Франции от ал-Бусазз, а это то место, которое в народе называется ал-Марджан. Что же касается моря, которое позади славян, а на нем [стоит] город Туле, то не приближается [к нему] и не выходит из него никто. Это море, на котором черные острова. Не плавают по нему, и не выходит из него никто. А оно — тоже Западное [море]» [13].

Наряду с приведенными данными о славянах Ибн Хордадбех получил сведения о них как соседях Византии от некоего Муслима ал-Джарми, побывавшего в византийском плену. С его слов Ибн Хордадбех перечисляет фемы Византии и в том числе утверждает, что Македония граничит с запада со страной славян, а с севера — с придунайскими болгарами [14].

Есть также в книге Ибн Хордадбеха фрагмент, упоминающий славян при описании «области севера» (ал-джарби). Сюда отнесены Армения, Азербайджан, территория южного побережья Каспия, страны хазар, славян и авар [15].

Наконец, еще один раздел сочинения Ибн Хордадбеха, посвященный описанию дороги между Горганом на южном побережье Каспия (арабским Джурджаном) и хазарским городом Хамлиджем, заслуживает того, чтобы привести его полностью, поскольку в нем идет речь о «реке, текущей из страны славян»: «Дорога между Джурджаном и Хамлиджем, городом хазар, а он — [город] северный и, как я упомянул, принадлежит тому [народу хазар] в этом месте. От Джурджана до Хамлид-

[10] BGA VI, p. 15—16.
[11] BGA VI, p. 15—16, 93, 155.
[12] BGA VI, p. 154—155.
[13] BGA VI, p. 92—93.
[14] BGA VI, p. 105.
[15] BGA VI, p. 117—118.

жа, а он — на конце реки, которая течет из страны славян, и впадает она в море Джурджана, [так вот] по этому морю, если хороший ветер, 8 дней пути. А города хазар — Хамлидж, Баланджар, ал-Байда. Сказал ал-Бухтури: „Почет увеличивается в Ираке тем, кто знает Хамлидж или Баланджар"» [16].

Приведенные цитаты показывают, что Ибн Хордадбех представлял себе славян и хазар близкими или обитающими рядом народами, но в то же время удаленными к северу, и полагал, что славяне, франки и испанцы живут поблизости друг от друга, а также рядом с западным побережьем Атлантики, которое он именует морем Запада.

Черное море известно Ибн Хордадбеху под названием «моря хазар», что для IX в. объяснимо [17]. Приводит он однажды античное название «Понт» (Бунтус), но это относится к Босфору (Константинопольскому проливу — у него же и других арабских авторов [18]). По отношению к Средиземному морю автор оперирует понятиями «море Сирии» (бахр аш-Шам), «море Румийское» (бахр ар-Руми), а в конце книги прямо отождествляет море Румийское и море Сирии [19]. Восточным морем названо море Красное, в противоположность Западному морю — Атлантическому океану и средиземноморскому побережью Испании [20]. Каспийское море Ибн Хордадбех знает под именем «моря Джурджана» и «моря Гиляна» [21].

Очертив общую картину воззрений автора на северную и западную часть ойкумены, приведем перевод фрагмента о маршрутах купцов по Европе. «Маршрут купцов-иудеев ар-разанийа, которые разговаривают по-арабски, по-персидски, по-гречески, по-французски, по-испански, по-славянски, так вот, что касается их, то они путешествуют с востока на запад и с запада на восток по суше и по воде. Вывозят с запада слуг, девушек и юношей, парчу, мех бобра, пушнину, соболя, мечи. Плывут из Франции в Западное море, выходят в Фараме и доставляют свои товары по суше в Кулзум, а между ними 25 фарсахов. Затем плывут по Красному морю из Кулзума в Джарр и Джидду. Затем отправляются в Синд, Хинд, Син. Вывозят из Сина мускус, алоэ, камфару, корицу и другие товары, из тех, что [обычно] везут из этих областей, пока не вернутся к Кулзуму. Затем везут это к Фараме. Затем плывут в Средиземное море. А иногда поворачивают со своими товарами к Константинополю и продают их византийцам. Иногда идут с ними к королю Франции и продают их там. А если хотят, отправляются со своими товарами из Франции в Западное море и выходят в Антиохии, проходят по суше три дневных перехода до ал-Джабии (?). Затем плывут по Евфрату к Багдаду, затем плывут по Тигру к Оболле, а от Оболлы к Оману, Синд, Хинд, Син — все это связано друг с другом.

А что касается купцов-русов, а они — вид славян, то они везут шкурки бобра, черных лисиц и мечи из отдаленных [земель] славянских к морю Румийскому, и берет с них десятину властитель Рума. А то идут по [...] [22] реке славян, входят в Хамлидж — город хазар, и берет с них десятину властитель их. Затем отправляются к морю Джурджана и выходят на каком-либо его берегу, понравившемуся им, а сторона этого моря — 500 фарсахов. А иногда везут свои товары из Джурджана на верблюдах к Багдаду, и переводят им славянские евнухи, и говорят они, что они — христиане, и платят джизью*.

---

[16] BGA VI, p. 124.
[17] Новосельцев А. П. Арабский географ..., с. 126.
[18] BGA VI, p. 102; ZA I, s. 103, ods. 54.
[19] BGA VI, p 102—104, 105, 154, 173, 177.
[20] BGA VI, p. 153, 174.
[21] BGA VI, p. 124, 155, 175; См. также: Новосельцев А. П. Арабский географ..., с. 125.
[22] Неясное сочетание букв. См. далее, с. 79.
* Подушная подать.

А что касается их [иудейских купцов] пути по суше, то выходят они из Испании или Франции и идут сушей к отдаленному Суку, отправляются к Танжеру, затем к Африке, затем к Египту, затем к Румле, затем к Дамаску, затем к Куфе, затем к Багдаду, затем к Басре, затем к Ахвазу, затем к Фарсу, затем к Кирману, затем к Синду, затем к Хинду, затем к Сину. Иногда следуют позади Византии[23] к областям славян, затем к Хамлиджу, городу хазар, затем в море Джурджана, затем к Балху и Мавераннахру, затем к Вурту[24] тугузгузов, затем к Сину»[25].

Отрывок, повторяющий отчасти приведенные выше сведения, встречается также в труде географа Ибн ал-Факиха, написавшего около 903 г. «Книгу стран».

Уроженец города Хамадан в Иране, Ибн ал-Факих был представителем литературы популярного жанра («адаба»), для которого характерным было включение большого количества разнообразных фрагментов из литературных трудов предшественников.

Три рукописи произведения Ибн ал-Факиха дошли до нас только в сокращенном изложении некоего Али аш-Шайзари, работавшего в 1022/23 г.[26] Эти рукописи стали основой критического издания в серии «Библиотека арабских географов» М. Де Гуе[27]. В 1923 г. в Мешхеде была обнаружена рукопись XIII в., содержащая часть более полного варианта труда Ибн ал-Факиха. Она не издана[28].

Имеющееся в литературе сопоставление книг Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха показало, что последний широко использовал данные Ибн Хордадбеха о торговых путях Ирана, Ирака, Средней Азии, Магриба; о товарах, привозимых «с запада»; о титулах царей и т. д. Он заимствовал представление о делении Земли на четыре части — Европу, Ливию, Эфиопию и Скифию, а также воззрение, что славяне, придунайские болгары и авары находятся «к северу от Испании»[29]. Следует отметить, что однажды Ибн ал-Факих называет Ибн Хордадбеха в ряду своих предшественников (в главе о Фарсе), но ошибочно именует его Абдаллахом ибн Мухаммедом[30]. Вместе с тем Ибн ал-Факих имеет и другие источники информации. В разделах о размере и форме Земли, ее экваторе и климатах он цитирует Мухаммеда Ибн Мусу ал-Хорезми, Амра ал-Аса ас Сахми, Ибн Аббаса, Абу Халафа; называет имена «мудрецов и философов» древности реальных и легендарных — Птолемея, Геркулеса, Дуритийуса[31].

Рассказывая о строении Земли, Ибн ал-Факих приводит воззрение о делении Земли на пять частей, схожих по форме с частями тела птицы, где голова — Китай и прилегающие народы; правое крыло — Хинд и соседние народы; левое — хазары и народы «позади них» — маншак и машак, йаджудж и маджудж; грудь птицы — Мекка, Хиджаз, Сирия и Еги-

---

[23] М. Де Гуе в издании приводит форму по Венской рукописи: *ар-Румийа*, т. е. Византия. Интересно, что оксфордская рукопись дает форму *Арминийа*. Тогда путь в страны славян следует «позади Армении, к областям славян», а затем в Хазарию. Подробнее см.: ZA I, s. 140, ods. 176.

[24] *Вурт тугузгузов* — конъектура М. Де Гуе. Венская рукопись приводит форму *рус тугузгуз*, оксфордская — просто *тугузгуз*. Исследователи полагают, что здесь скрыт тюркский корень *-йурт-* или *-урт-*. Подробнее см.: ZA I, s. 140, ods. 178.

[25] BGA VI, p. 154—155.

[26] Крачковский И. Ю. Указ. соч., с. 156; ZA, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, t. II, cz. 1 (далее — ZA II—1), p. 11.

[27] Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadani. Ed. M. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. (BGA V).

[28] Валидов А. З. Мешхедская рукопись Ибнуль-Факиха.— Известия РАН, 1924, с. 237—248. Существующее ныне фототипическое издание и русский перевод (Ибн ал-Факих ал-Хамадани. Ахбар ал-Булдан /Известия о странах/. Ереван, 1979) посвящены отдельным главам Мешхедской рукописи об Ираке, ранее не изученным

[29] BGA V, p. 83.

[30] BGA V, p. 203.

[31] BGA V, p. 3—5, 196.

пет, как «лучшие страны света», по мнению автора; хвост же находится «к западу от Александрии»[32].

Кроме этой любопытной теории, восходящей к автору VII в.[33], Ибн ал-Факих упоминает и об античном делении Земли на необитаемую и обитаемую части и о членении обитаемой части на семь климатов (т. е. широтных зон), встречающихся у представителей арабской математической географии VII в. Так, ал-Фергани описывает границы семи климатов, начиная их с Востока; ал-Хорезми отсчитывает пределы климатов с Запада; Ибн ал-Факих же не занимается скрупулезным описанием этих границ, отдавая предпочтение описательному жанру в изложении. Он не следует за представителями «точных» наук, а описывает климаты иначе, позволяя себе даже одни из климатов начинать с Востока, другие — с Запада и т. д.[34] В разделе о семи климатах встречаются античные мотивы — в упоминании «пылающей» земли, в отголосках легенды об амазонках. В то же время оригинальными являются сведения о тюрках.

Столь же эклектичны взгляды Ибн ал-Факиха на водные пространства Земли[35]. Здесь Ибн ал-Факих использовал какие-то не сохранившиеся источники или очень сжато компилировал уже имевшиеся до него. Подавляющее большинство известных арабских писателей в своем представлении о водных пространствах Земли показывали знакомство с теорией, наиболее ярко выраженной ал-Баттани (X в.)[36] и лишь отдаленно напоминающей воззрения Ибн ал-Факиха. Описание пяти морей у ал-Баттани достаточно точно отвечает Индийскому, Атлантическому океанам, Средиземному, Эгейскому, Мраморному, Черному и Азовскому морям вместе и Каспийскому морю. Есть среди этого описания в книге ал-Баттани и информация об острове Туле как самом северном в Атлантическом океане среди «островов Британии»; информация эта является отголоском античных воззрений. Интересно, что последние две фразы Ибн ал-Факиха (см. сноску 35) об этом острове

---

[32] BGA V, p. 3.

[33] Крачковский И. Ю. Указ. соч., с. 51—52.

[34] «Первый климат начинается от пылающей земли, которая называется по-гречески „райамийарус". Предел его — земля Цейлона... Длина этого климата 5 тысяч фарсахов, а ширина — 258 фарсахов. Второй климат начинается от широты земли Цейлона, а предел его — земля Эфиопии. Длина этого климата такая же, как у первого. Третий климат начинается широтой земли Согда и Джурджана, [простирается] до земель тюрок и границ Китая [и доходит] до самых отдаленных [областей] Востока. [Его границы] с запада — вблизи Египта, а с востока — Синда и Адена и поблизости широты земли Сирии, Фарса, Исбихана. Люди там мудрые. Ширина и длина его такая же, как у первого [климата]. Четвертый климат — Вавилон, средний из климатов. Он — самый достойный по природе. Начинается от Африки и [доходит] до Балха к востоку земли. Ширина и длина его такая же, как первого климата. Климат пятый — Константинополя, Рума и хазар, а ширина и длина его такие же, как у первого [климата]. Климат шестой — франков и других народов, и в нем [есть] воинственные женщины, которые отрезают себе грудь, пока она мала, чтобы не стала большой. Ширина и длина его [климата] такие же, как у первого. Седьмой климат — тюрок. Их мужчины и женщины выглядят тюрками по причине холода [в их стране]. Их звери низки ростом, и нет там ни насекомых, ни ящеров. Люди живут в домах, которые строят из досок и переносят их на телегах, запряженных быками. А скот их содержится в пустынях. Детей у них мало». (BGA V, p. 4.)

[35] «Сказал [Ибн ал-Факих]: [существуют на Земле] четыре моря. Великое море, самое большое из известных, оно [простирается] от Магриба до Красного моря (ал-Кулзума) и достигает Ваквака Китая... Затем море северо-западное Румийское, оно [простирается] от Антиохии до Канарских островов, а залив от него следует от Испании до Дальнего Суса. На берегу этого моря — Тарс, Масиса, Александрия, Триполи. Длина этого моря — 2500 фарсахов от Антиохии до Канарских островов, а ширина — 500 фарсахов. Третье море—Хорасанское Хазарское, вблизи ар-хазар, [простирается] до Мукана, Табаристана, Хорезма, Дербента. От моря Джурджана до пролива ал-хазар — 10 дней пути; если ветер благоприятен, то 8 дней пути морем и 2 дня по суше. Называют это море Хорасанским кругом. Диаметр его—100 фарсахов, а длина окружности 1500 фарсахов. Четвертое море — то, которое между Румией и Хорезмом [В нем] есть остров, называемый Тулийа. Не доходят до него никакие корабли». (BGA V, p. 7.)

[36] Крачковский Ю. И. Указ. соч., с. 100.

часто встречаются и у других арабских ученых, в том числе Ибн Хордадбеха и ал-Баттани, именно по отношению к северной части Атлантики.

Следует, однако, учитывать, что форма «Тулийа» (в переводе — *Туле*) в издании книги Ибн ал-Факиха является конъектурной, а рукописи дают форму — «Булийа», т. е. Апулия — местечко на побережье Адриатики. Не исключено, что фрагмент о четвертом море у Ибн ал-Факиха искажает более раннюю информацию: об Атлантике с островом Туле и об Адриатике. Есть также мнение, что в рассматриваемом кусочке фрагмента речь идет о Балтийском море с Финским заливом, по которому информаторы-торговцы доплывали через водные пути Восточной Европы до Хорезма [37]. Однако это предположение следует, пожалуй, признать чересчур смелым. В любом варианте при этом слово «Хорезм», вероятнее всего,— ошибка или описка, так как и при описании Каспия (Хорасанского Хазарского моря, по Ибн ал-Факиху, см. сноску 35) Хорезм фигурирует среди местностей побережья Каспия.

Догадка об упоминании Адриатического моря у Ибн ал-Факиха подтверждается и описанием земли Рума (т. е. Византии), где, по всей видимости, речь идет о славянском населении Адриатического побережья [38]. Ясно, таким образом, что фрагмент о четвертом море имеет два слоя информации, один из которых — византийского происхождения (о Руме, Адриатике и южных славянах), а другой — более ранний, отразившийся и у Ибн Хордадбеха и других авторов, о северной части Атлантики. Не исключено, что компиляция Ибн ал-Факиха вызвана смутным представлением о расселении славян в Европе и о ее водных пространствах.

Итак, Ибн ал-Факих перечисляет Индийский океан, Средиземное море вместе с Черным [39], Каспий и, вероятнее всего, Адриатическое море. Проливом хазар Ибн ал-Факих именует, по-видимому, Азовское море и подозревает возможную связь между ним и Каспием «морем и сушей», как это делает и энциклопедист ал-Масуди в середине X в.

Следовательно, информация Ибн ал-Факиха о странах и народах являет собой типичную для средневекового восточного автора сложную компиляцию разнообразных источников, дополненных собственной информацией.

Такой же характер носит известный фрагмент о купцах-рахданийа, основой которого послужили материалы книги Ибн Хордадбеха. Однако вставлен этот отрывок в весьма измененном виде в совершенно иной, чем у Ибн Хордадбеха, контекст.

«Один из ученых передает, что Торе написано о Рее — ворота ворот земли, туда [стекается] торговля мира. А Мухаммед ибн Исхак [40] сказал: в Рее прекрасный климат, чудесные здания; [он] — ворота купцов

---

[37] ZA II—1, S. 55, ods. 46.

[38] «Земля северо-западного Рума — это [территория] от Антиохии до [областей] славян и от Константинополя до Апулии. Большинство населения — это румийцы, славяне, испанцы. Славяне состоят из двух частей, темные и смуглые — эти примыкают к побережью, а [есть еще] светлые, что же касается их, то они красивы и живут на суше». (BGA V, p. 145.)

[39] Единство Средиземного, Эгейского и Черного морей Ибн ал-Факих выявляет следующим описанием: «Море Рума [простирается] от Антиохии до Константинополя, затем поворачивает, охватывая [земли] с севера, пока не выйдет позади Дербента со стороны хазар, [с другой же стороны] достигает Кайрувана Африки и Триполи Африки, достигает Андалуса, [доходит] до Дальнего Суса, до Канарских островов». (BGA V, p. 145.)

[40] Мнение О. Прицака, что Ибн ал-Факих в данном случае цитирует книгу своего отца, принадлежавшего к «элите» иракского общества, служившего вместе с Ибн Хордадбехом и писавшего одновременно с ним однотипную книгу с использованием одних и тех же источников, совершенно бездоказательно. Ни одному средневековому автору или справочнику такой автор неизвестен. (Pritsak O. An Arabic Text of the Trade Route of the Corporation of ar-Rus in the 2-nd Half of the 9th Century.— Folia Orientalia, Kraków, 1971, part 12, p. 245—247.)

и убежище лжецов. Он — украшение земли, станция [всего] мира и центр Хорасана, Джурджана, Ирака, Табаристана. Он — лучшее место на Земле для всего сущего. К нему принадлежат Сурр и ал-Сарбан [пригороды]. К нему прибывают товары Армении, Азербайджана, Хорасана, хазар, бурджан. Чтобы вести торговлю морем, плывут с востока на запад и с запада на восток и везут парчу, превосходный шелк из Франции к Фараме, и плывут морем от Кулзума и везут эту парчу в Китай, а вывозят корицу, чистотел, другие китайские товары, пока не достигнут [снова] Кулзума. Затем поворачивают к Фараме. А эти купцы — иудеи, которых называют ар-рахданийа. Они разговаривают по-персидски, по-гречески, по-арабски, по-французски. А выходят они из Фарамы и продают мускус, алоэ и все, что у них есть, в эту Францию. Иногда везут свои товары в Константинополь. Иногда везут испанских рабов в Антиохию, затем идут в Багдад, затем к Оболле.

Что же касается славянских купцов, то они везут шкурки лисиц и бобров из славянских окраин и приходят к морю Румийскому, и взимает с них десятину владетель Рума. Затем они прибывают по морю к Самкарш иудеев, затем переходят к славянам; или следуют от моря славян в эту реку, которая называется рекой славян, пока не достигнут пролива хазар, и взимает с них десятину владетель хазар. Затем идут к морю Хорасанскому. Иногда выходят в Джурджане и продают все, что у них есть. А идет все это в Рей»[41].

Если сравнить этот текст и приведенные выше фрагменты книги Ибн ал-Факиха с материалами сочинения Ибн Хордадбеха, то становится очевидным, что труд Ибн ал-Факиха невозможно считать простой компиляцией, как это полагал, например, В. Р. Розен в прошлом веке[42]. Несомненно Ибн ал-Факих во многих случаях брал за основу сведения Ибн Хордадбеха, но делал их лишь канвой информации, почерпнутой из других источников. Так, на основе свидетельства Ибн Хордадбеха о торговле купцов-разанийа и купцов-русов появляется фрагмент Ибн ал-Факиха о торговле купцов-рахданийа и купцов-славян. Ибн ал-Факих вводит понятие хазарского пролива — вместо хазарского города Хамлидж у Ибн Хордадбеха[43]. Неясное Ибн ал-Факиху название «реки, текущей от славян», приводимое Ибн Хордадбехом, он опускает и поясняет, что это «река, которую называют славянской»[44]. В отличие от Ибн Хордадбеха, он вводит понятие моря славян, которое нигде больше не упоминается в его сочинении. По общему описанию торгового маршрута нельзя признать это море тождественным тому четвертому морю, что лежит «между Румией и Хорезмом». Не исключено, что здесь подразумевается Балтийское море[45].

---

[41] BGA V, p. 297—298.

[42] Куник А. А., Розен В. Р. Указ. соч., с. 140, прим. «о».

[43] По-арабски «халидж» (пролив=залив) и «Хамлидж» (название хазарского города у Ибн Хордадбеха) в написании имеют несовпадение лишь в одной букве. Оксфордская рукопись Ибн Хордадбеха дает форму *халидж* (а не *Хамлидж*) во фрагменте о купцах-русах; так и переводят этот фрагмент А. Я. Гаркави и А. П. Новосельцев. Однако Венская рукопись Ибн Хордадбеха дает форму *Хамлидж* в этом месте, и так ее читает, например, Т. Левицкий. В правильности именно такого чтения здесь убеждают еще два отрывка из труда Ибн Хордадбеха, которые не дают иного толкования (см. выше). Ибн ал-Факих, однако, не знает такого города. Вместо него он вводит понятие хазарского пролива («халидж ал-хазар»), о чем упоминает и в описании четырех морей обитаемого мира. Т. Левицкий предпочитает и у Ибн ал-Факиха давать в указанном отрывке конъектурную форму, сближая ее с названием «Хамлидж» (у него — *Хамлых*). (ZA II—1, p. 29, 85, ods. 197).

[44] Мнение О. Прицака, что реку славян («нахр ас-сакалиба») Ибн ал-Факиха следует понимать как «реку рабов», ошибочно. (Pritsak O. Op. cit., p. 249.) Арабский язык знает термин «раб»: «ар-ракик», «гулам», «мамлук». Слово *ас-сакалиба* в арабском языке однозначно, это — этноним «славяне». Этимология его из среднегреческого «σκλαβοι» — «раб» — является научной теорией.

[45] ZA II—1, s. 84. ods. 195.

Ибн ал-Факих упоминает впервые иудейский (хазарский, по-видимому) город Самкарш [46] и определяет вообще несколько по-иному направления торговых путей, чем Ибн Хордадбех, для Восточной Европы.

Таким образом, следует констатировать, что информация Ибн ал-Факиха нисколько не проясняет текста Ибн Хордадбеха, а, напротив, дает свое собственное понимание населенного мира и славянских «окраин» в ней. Тем не менее практически все исследователи, касавшиеся фрагментов о купцах, относились к сведениям двух авторов как к равнозначным, поясняющим друг друга.

Такой подход может быть оправдан в какой-то мере в одном случае, а именно: в этимологии слова «ар-разанийа». Только Мешхедская рукопись труда Ибн ал-Факиха в точности повторяет написание Ибн Хордадбеха: ар-разанийа. Три прочие рукописи изложения аш-Шайзари текста Ибн ал-Факиха дают формы: «ар-рахданийа», «ар-рахданийа», где первая форма представляет собой множественное число второй.

Большинство востоковедов, исследовавших фрагмент предпочитают точку зрения, по которой более точным является термин «ар-рахданийа», а восходит он к персидскому словосочетанию «рах-дан», означающему «знающие пути» в отношении к странствующим купцам. Термин же «ар-разанийа» передает арабский вариант того же персидского термина [47].

Другая точка зрения, имеющая меньшее число последователей, состоит в том, что название «ар-разанийа» (здесь предпочитается форма Ибн Хордадбеха) произошло от топонимики Ирака, областей по Евфрату, где имеются в корнях сочетания «разан»: три области Разан в восточной части ас-Савада (совр. Южного Ирака), область Разан в Фарсе, области по Евфрату [48].

Есть и другие предположения. Д. Симонсен в 1907 г. впервые высказал мысль о западноевропейской этимологии этого слова, предложив в качестве исходной латинскую форму «nautae Rhodanici», т. е. название купеческого объединения с берегов Роны [49]. В 1971 г. это мнение было развито М. Ломбаром [50]. В 1970 г. Ф. Кмитович предложил версию, по которой слово происходит от *veredarii* — «посланцы, курьеры», через форму «редариус» — в «реданийа» [51]. Следует отметить, что оба вышеуказанные мнения выглядят искусственными, натянутыми, недостаточно доказательными.

Г. Якоби в серии статей 70-х гг. XX в. вернулся к первой точке зрения, утверждая, что «рахдан» и «разан» — разные формы одного и того же персидского словосочетания, означающего «знающие пути» и употреблявшегося как управленческий термин для торгово-дипломатических посланцев иудейского происхождения, державших в своих руках обшир-

[46] Следует отметить, что Мешхедская рукопись Ибн ал-Факиха не упоминает Самкарша и дает сильно сокращенный вариант всего фрагмента о славянских купцах. Пер. см.: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв., с. 386.

[47] Reinaud J. Géographie d'Aboulféda. T. 1. Introduction générale à la géographie des Orientaux. Paris, 1848, p. LVIII; Marquart J. Op. cit., p. 24, 350; ZA I, p. 119, ZA II — 1, p. 77; Куник А. А., Розен В. Р. Указ. соч., с. 142; Jacobi J. Bemerkungen zur Etymologie von RADANIYA.— Folia Orientalia. Wroclaw, etc., 1976, vol. 37, p. 177—179.

[48] Le livre des routes et des provinces, p. 512—513, № 2; Gil M. The Radhanite Merchants and the Land of Radhan.— Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden, 1974, vol. 14, part 3, p. 314—322; Велиханова Н. М. О торговых путях купцов-русов и купцов-евреев ар-Разани по сочинению Ибн Хордадбеха «Книга путей и владений».— Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979, с. 39.

[49] Simonsen D. Les marchands juifs appelés «Radanites»,— Revue des Etudes Juives. Paris, 1907, t. LIX, № 107, p. 141—142.

[50] Lombard M. L'Islam dans sa première grandeur. Paris, 1971, p. 290 ff.

[51] Kmietowicz F. The Term ar-Radaniya in the Work of Ibn Hurdadbeh.— Folia Orientalia. Kraków, 1970, p. XI, p. 163—173.

ную торговую зону [52]. Точка зрения Г. Якоби в последнем пункте совпала с версией Л. Рабиновича, писавшего о большом значении этого кулеческого объединения в жизни средневековой Европы и полагавшего, что оно носит всеобъемлющий характер, было известно всему тогдашнему миру [53]. Л. Рабинович и Г. Якоби полагали, что знание большого количества языков помогало торговому объединению иудейских купцов-рахданийа вести монопольную торговлю и держать главные мировые торговые пути в своих руках.

Сходных точек зрения относительно преобладающей роли торговых ассоциаций еврейских купцов в экономической жизни средневекового мира придерживались и Р. Лопец, О. Прицак и др.[54].

Однако К. Каэн в ряде работ 50—70-х гг. XX в. отмечал преувеличения в оценке деятельности еврейских торговых общин, указывал на политические и технические трудности непрерывного передвижения купцов с Запада на Восток в IX—X вв., очертил ограниченность ареала деятельности этих торговцев [55]. По его мнению, сообщения арабских авторов о «многоязыкости» купцов свидетельствуют об их полиэтничности.

Дифференциацию в сфере международной торговли между разными областями отмечали также крупные историки средневековой экономики Э. Аштор, Р. Фрай, А. Льюис, Б. Шпулер [56]. Исследователи рассматривали региональную деятельность торговцев разной национальности: так, северная, центрально- и восточноевропейская торговля сосредоточивалась в руках скандинавов, славян; средне- и центральноазиатская до Дальнего Востока и частично южнорусская — в руках согдийцев; идущая от Багдада в Ирак и Среднюю Азию — в руках иранцев и евреев; морские пути принадлежали в основном грекам и персам и т. д. Э. Аштор специально отмечал важность арабских, индийских и иранских торговцев, осуществлявших коммерческие связи по дальневосточным, малоазийским, иранским дорогам, а также обращал внимание на нерегулярность, затрудненность и узость рынка обмена, производимого торговцами-рахданийа в ареале, очерченном Ибн Хордадбехом.

Областями, откуда отправлялись иудейские купцы, Ибн Хордадбех называет Францию или Испанию. Однако отметим, что сами пункты маршрутов названы после перечисления предметов вывоза, которыми интересуются иудейские купцы, а именно — рабы, ткани, меха, мечи. Следовательно, фрагмент можно понимать и в том смысле, что во Франции или Испании купцы лишь приобретают интересующие их товары и движутся далее — туда, где эти товары имеют сбыт.

В Каролингском государстве были крупные торговые центры в Вердене, Нарбонне, Арле, Лионе, Майнце. В Испании крупнейшим центром торговли мехами был город Тудела, большими торговыми портами были Барселона, Тортоса, Валенсия и др. На пути на Восток крупным перевалочным пунктом служил египетский порт город Фарама, где рабы,

[52] Jacobi J. Die Radaniya.— Der Islam. Berlin, 1971, Bd. 47, S. 252—264; idem. Antwort auf einige Fragen über die Radaniya.— Der Islam. Berlin, 1975, Bd. 52, H. 2, S. 226—238; idem. Bemerkungen zur Etymologie von Radaniya.— Folia Orientalia. Wroclaw etc., 1976, vol. 37, p. 175—188.

[53] Rabinowitz L. The Routes of Radanites.— Jewish Quarterly Review. L., 1945, vol. 35, № 3, p. 251—280.

[54] Lopez R. S. The Commercial Revolution of the Middle Ages 950—1350. Cambridge etc., 1976, p. 60—62; Pritsak O. An Arabic Text..., p. 242, 250—251; idem. The Origin of the Rus. Cambridge (Mass.), 1981, p. 24—26.

[55] Cahen C. I a-t-il eu des Rahdanites? — Revue des Etudes Juives. Paris, 1964, sér. 4, t. 3, fasc. 3—4, p. 499—505; idem. Quelques questions sur les Radanites.— Der Islam. Berlin, 1972, Bd. 48, S. 333—334; idem. Tribes, Cities and Social Organisation. In: The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1975, vol. 4, p. 327.

[56] Ashtor E. A Social and Economic History of the Near East. Berkeley, 1976, p. 105—107; The Cambridge History of Iran, p. 333; Lewis A. Naval Power and Trade in the Mediterranean. N. Y., L., 1970, p. 125—127; Islam and the Trade of Asia. Oxford Philadelphia), 1970, p. 13—15

меха, мечи и прочие товары частично обменивались на африканское золото [57]. Затем дорога шла до Кульзума, порта на Красном море, располагавшегося неподалеку от современного Суэца, миновала порты Джарр в Хиджазе, Джидду в Красном море — здесь пришвартовывались суда из Индии и Восточной Африки. Отсюда путь лежал в Восточную Азию, на полуостров Индостан и в Китай. Обменяв в Китае африканское золото на пряности и другие экзотические товары, иудейские купцы тем же путем возвращались в Фараму, откуда иногда доходили по Средиземному морю до Константинополя.

Другой их путь — из Франции по Средиземному морю до сирийского города Антиохия в устье реки Оронт, оттуда — до границы Сирии с Ираком, затем — по крупнейшей реке Месопотамии Евфрату до центра Ирака — Багдада; оттуда — по реке Тигр к Оболле, находившейся в устье Тигра и Евфрата, затем в Оман и по Персидскому заливу — в Индию, а далее в Китай.

Третий, «сухопутный» маршрут еврейских купцов начинался также из Франции или Испании и лежал все же через Гибралтарский пролив в Магриб, к городу Дальнему Сусу, затем к марокканскому побережью Гибралтара, где стоит и поныне город Танжер — средневековая Танджа арабских источников,— затем к порту на Тунисском побережье — Ифрикие, затем в Египет, далее по сирийским городам — Дамаску, Басре, затем в Ирак — Багдад, в южные области Ирана — Ахваз, Фарс, Керман, затем в Индию и Китай.

Наконец, четвертый маршрут торговцев-рахданийа, сухопутный, проходил по европейскому континенту; однако его конкретный путь по данным источников наметить не просто.

В VIII в. уровень производительных сил западноевропейских «варварских королевств», как и восточноевропейских государственных образований, был невысок. Не представлявшие ценности для Византии, Индии, Китая ремесленные изделия, отсутствие там драгоценных металлов не способствовали оживленному торговому обмену. Интерес к мехам, сукнам (возможно, нидерландским) и прочим товарам Европы возник у азиатских купцов с развитием интенсивной азиатско-европейской торговли, с конца VIII в [58] Изобилие местных монет на рынке в Арабском халифате, связанное с высоким экономическим развитием в эпоху Аббасидов, и как следствие этого — появление восточных торговцев в других регионах мира, в частности в Европе,— совпали с развитием государственности, углублением социальной дифференциации у франков, скандинавов, славян, хазар [59]. Процессы складывания государственного аппарата, оформления правящей верхушки и военно-дружинной знати в Скандинавии, у славян, хазар хронологически сопутствуют притоку восточных монет.

В Хазарии, подвластных ей и соседних с ней территориях восточные монеты распространяются более всего в первой трети IX в.[60] Исследователями отмечено, что этот ранний период притока восточных монет в Хазарию и близлежащий восточноевропейский регион характеризуется значительным притоком монет африканской чеканки, помимо обычного, в том числе и для остальных периодов, аббасидского чекана [61]. Следует вспомнить наблюдения А. А. Куника, а за ним В. В. Бартольда, Т. Ле-

[57] Живелегов А. К. Торговля на Западе в средние века. СПб., 1904, с. 21.

[58] Петров А. М. Соотношение межазиатской и азиатско-европейской торговли в I—XVIII вв. В кн.: Ближний и Средний Восток. Экономика, история. М., 1976, с. 60.

[59] Фомин А. В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики.— КСИА, 1982, вып. 171, с. 17—18.

[60] Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967, с. 120; его же. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе. В кн.: Славяне и Русь. М., 1978, с. 113—114.

[61] Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе.— Известия АН СССР, Отд. обществ. наук, 1933, № 6—7, с. 477.

вицкого, что в Кайруване, крупном торговом центре Туниса, существовали ворота и базар с названием «ар-рахадина», засвидетельствованным ал-Мукаддаси (X в.) [62]. Там были торговые ряды льняных тканей, портных и т. д. Написание «ар-рахадина» очень напоминает термин «ар-рахданийа» Ибн ал-Факиха. Возможно, следовательно, что были правы те исследователи, которые считали более точным арабский термин «ар-рахданийа» Ибн ал-Факиха, нежели его персидский вариант у Ибн Хордадбеха. Относилось это название к торговцам льняными, хлопчатобумажными и прочими тканями. Вероятно, парча, упомянутая среди предметов вывоза «с Запада», происходила именно с африканских рынков; часть тканей, не нашедшая сбыта у франков, шла дальше. Привозившие африканскую монету еврейские купцы заходили и в восточноевропейские области, где действовали также скандинавские, хазарские, древнерусские торговцы и где происходил обмен пушниной и прочими товарами.

Нумизматические исследования показали, что монеты африканской чеканки проникали и на территорию Прибалтийского региона, но в меньшем количестве, чем в Восточную Европу. Здесь более всего было их найдено в бассейнах Дона и Северского Донца [63]. Аналогичные монеты найдены в областях Закавказья [64]. Малый удельный вес их в Прибалтике и Закавказье, по сравнению с Восточной Европой, означал, что через данные территории монеты шли транзитом. Период распространения монет африканской чеканки по указанным регионам примерно одинаков: конец VIII — первая четверть IX в. Следовательно, один из ранних торговых путей вел с африканского побережья в Сирию [65], затем в Закавказье, оттуда в Хазарский каганат, далее на территорию Восточной Европы и в страны Балтийского региона [66]. Таким образом, информация Ибн Хордадбеха согласуется с данными нумизматики, если предпочесть в переводе вариант маршрута еврейских купцов «позади Арминии» (а не Румийи, т. е. Византии) (см. сноску 23).

По территории Восточной Европы торговый путь проходил, по сведениям Ибн Хордадбеха, по некоей «реке славян». Написание названия этой реки в рукописях настолько искажено, что текстологически не может быть восстановлено (см. сноску 22). Исходя из реальных знаний о водных путях Восточной Европы, исследователи предлагали две конъектуры: Танаис (т. е. Дон) и Итиль (т. е. Волга). Относительно первой конъектуры, предложенной еще М. Де Гуе, В. Р. Розен справедливо замечал, что «эта арабская транскрипция имени Танаис совершенно несходна с общей транскрипцией его...» [67]. Греческое название «Танаис» встречается в трудах ал-Хорезми, Ибн Русте и других и передается по-арабски через эмфатическое «та», чего явно нет в рукописях Ибн Хордадбеха. Тем не менее можно предположить, что первая буква (т. е. «та») в рукописи потеряна. Тогда остальная часть слова будет очень

---

[62] Куник А. А., Розен В. Р. Указ. соч., с. 142, прим. «с»; Бартольд В. В. Харун ар-Рашид и Карл Великий. Соч., т. 6. М., 1966, с. 346; ZA I, s. 119, ods. 120; s. 139, ods. 165.

[63] Фомин А. В. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX—X вв. Автореф. канд. дис. М., 1982, с. 13.

[64] Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин В. В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984, с. 39—40.

[65] Там же, с. 41.

[66] Фомин А. В. Источниковедение кладов..., с. 12—13; Кропоткин В. В. О топографии кладов..., с. 113—114; его же. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье. В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 197; Быков А. А. О хазарском чекане VIII—IX вв.— Труды Гос. Эрмитажа, 1971, вып. 12, с. 33; его же. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. В кн.: Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974, с. 57.

[67] Куник А. А., Розен В. Р. Указ. соч., с. 130, *прим. «а»*.

напоминать название «Танаис», например, у ал-Хорезми и Ибн Русте: «[Т]-нис»[68]. Справедливости ради следует все же отметить, что если сохранившуюся графику принять за окончание названия реки — «нис», то такое сочетание у арабских географов часто передает любое греческое наименование: Барастанис (т. е. Борисфен), Туфанис (т. е. Феофаниос), Данубис (разница в арабской графике лишь в написании точки), т. е. Дунай.

Весьма отдаленной по написанию выглядит и вторая конъектура для «реки славян» Ибн Хордадбеха — Итиль. Исследователи, принимающие эту форму (с оговорками несхожести написания с оригиналом даже в испорченном виде)[69], исходят из фразы Ибн Хордадбеха, что русы-купцы, пройдя по «реке славян», попадают в Хамлидж — город в устье Волги, возможно, часть Итиля[70], после чего отправляются в Каспийское море. Однако В. Ф. Минорский заметил, что арабский глагол *марру*, переводимый обычно как «входят», может означать и «переправляются», и предположил, что речь может идти о переправе из Дона в Волгу[71].

О. Прицак изменил варианты написания «реки славян» в конъектуру «тин», предложив считать это названием Северского Донца[72]. Однако полная бездоказательность как первого текстологического, так и второго топонимического предположения делают его домысел неубедительным. То обстоятельство, что по берегам Северского Донца найдены клады куфических монет, не меняет дела, поскольку они были обнаружены и на Дону, и на левобережье Днепра и т. д.

Наиболее известной восточноевропейской рекой, сведения о которой пришли от античной географии, был у арабов Танаис-Танис ал-Хорезми и более поздних авторов. Совпадение нумизматических, исторических и текстологических данных позволяют предпочесть название Танаиса-Дона у Ибн Хордадбеха. При этом следует иметь в виду, что Ибн Хордадбех, как, впрочем, и многие более поздние авторы, весьма далек от какого бы то ни было реального понятия о Доне. Он называет эту реку как некий общий водный путь, идущий из «отдаленных окраин» земель славян и впадающий в Каспий. Можно также предполагать и смешение сведений о Доне и Волге у Ибн Хордадбеха. Таким образом, по данным Ибн Хордадбеха, купцы-русы, преодолев водные пути Восточной Европы, попадают в Каспийское море, заплатив в Хамлидже десятину хазарским властям.

Другой их путь намечен Ибн Хордадбехом еще более кратко, чем первый: из «отдаленных славянских земель» к «морю Рума», где русы платят пошлину византийскому властителю. Исследователи не единодушны в отношении понятия моря Рума в этом фрагменте. Подавляющее большинство полагает, что подразумевается Черное море[73]. Между тем Ибн Хордадбех, как было показано, везде именует морем Рума только Средиземное; Черное море он называет «морем хазар». Следовательно, этот маршрут русских купцов может быть намечен только гипотетически: вероятно, здесь можно видеть намек на начавший функционировать в IX в. путь «из варяг в греки», по которому русы по-

---

[68] Das Kitab Surat al-ard des Abu Ğa'far Muhammad Ibn Musa al-Huwarizmi. Hrsg. von H. v. Mžik. Leipzig, 1926, S. 154; Kitab. al-'Alak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ibn Omar Ibn Rosteh. Lugduni Batavorum, 1892, p. 85 (BGA VII).

[69] Вестберг Ф. Указ. соч., ч. 13. с. 373; ZA I, s. 76, 77, 133—134, ods. 156.

[70] Hudud, al-'Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography 327 A. H.— 982 A. D. Tr. and exptl. by V. Minorsky. L., 1937, p. 454; Marquart J. Streifzüge, S. 18; Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars, p. 61.

[71] Hudud al-'Alam, p. 429, § 43, note 3.

[72] Pritsak O. An Arabic Text..., p. 252; idem. The Origin of the Rus, p. 25.

[73] Marquart J. Streifzüge, S. 351; Hudud al-'Alam, p. 429; Вестберг Ф. Указ. соч., с. 371; Бартольд В. В. Арабские известия о русах, с. 825; Новосельцев А. П. Восточные источники..., с. 326; Велиханова Н. М. О торговых путях..., с. 40.

падали в Константинополь [74]. Вспомним, что одним из пунктов русско-византийских договоров X в. была именно беспошлинная торговля в Царьграде).

Если обратиться теперь к подобному сюжету у Ибн ал-Факиха, то бросается в глаза тот факт, что отрывок вставлен автором в совершенно иной, чем у Ибн Хордадбеха, контекст, а именно в описание города Рея как крупного центра международной торговли, располагавшегося в районе современного Тегерана.

Нумизматические данные показывают еще один путь проникновения восточных монет в восточноевропейские области: из Ирана через Каспий на Волгу, далее по территориям хазар и восточных славян в Прибалтику [75]. В этом потоке преобладали монеты азиатской чеканки происхождением из города Рея [76] (точнее, Мухаммадин — бывшей резиденции халифа ал-Махди в Рее, имя которой осталось на монетах) [77]. По-видимому, Ибн ал-Факих отметил иное, чем у Ибн-Хордадбеха, направление торговых путей, шедших из Ирана через Каспий в Хазарию. При этом маршрут иудейских купцов-ар-рахданийа не охватывает этой части пути; описание его, по сравнению с Ибн Хордадбехом, сокращено и не вносит чего-либо нового. Маршрут Прибалтика — Южная Русь — Хазария — Каспий — Иран, описанный Ибн ал-Факихом и подтверждаемый нумизматическими свидетельствами, относится, по Ибн ал-Факиху, к сфере деятельности славянских купцов. Учитывая географические воззрения Ибн ал-Факиха, не исключено, что кратко описанный им путь был дорогой между Германией и Польшей («морем славян») через Южную Русь, на Дон («славянскую реку»), в Хазарию («пролив хазар» — Азовское море) и далее,— той дорогой, о которой есть сведения археологического, топонимического характера, а также свидетельства более поздних источников [78]. Таким образом, очерчивается азиатский путь проникновения монет Рея в Восточную Европу и Прибалтику.

Другой маршрут славянских купцов, по Ибн ал-Факиху, лежал через Черное море, поскольку морем Румийским Ибн ал-Факих называл как Средиземное, так и Черное моря. Здесь купцы платили пошлину византийским властям (возможно, в Кафе — Корчеве), откуда они переправлялись в Азовское море («пролив хазар») где в Самкарше — Таматархе платили десятину хазарским властям [79]. Далее Ибн ал-Факих замечает, что из Самкарша (Тмутаракани — Таматархи) купцы снова «переходят к славянам», что следует, по-видимому, понимать как обратный путь по Дону.

В целом можно констатировать, что информация Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха не равнозначна. Несмотря на явное сходство сведений

---

[74] Мнение Н. М. Велихановой о пути купцов-русов через территорию дунайских болгар в IX в. не подтверждается данными нумизматики, поскольку земли Дуная находились в ареале византийской торговли. См.: Верлинден Ш. Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1577 г. М., 1970, с. 3.

[75] Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X в. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976, т. VIII, с. 100—110.

[76] Фомин А. В. Источниковедение кладов..., с. 12—13; Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Указ. соч., с. 40—41.

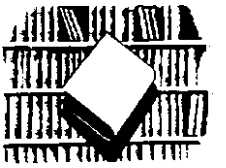
[77] Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. Соч., т. 7. М., 1971, с. 131; Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966, с. 324.

[78] Назаренко А. В. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX—XI вв.). В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1984, с. 104—106, 125; Даркевич В. П. Гемма из Смоленска.—КСИА, 1965, вып. 104, с. 98; Kiernowski R. Pieniądz kruszowy w Polsce Wczesnośredniowiecznej. Warszawa, 1960, s. 118.

[79] Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars, p. 166, 172.

двух авторов, их материалы отражают разные слои информации, сопоставимые с данными нумизматики. Известия Ибн Хордадбеха показывают путь проникновения монет из западных областей Арабского халифата в Восточную Европу, отмеченный монетами африканской чеканки. Главную роль в поставке указанных монет играли купцы-ар-рахданийа, доставлявшие их в Хазарию. Здесь инициативу проявляли купцы-русы, распространявшие как эти монеты, так и прочие по территории Восточной Европы, Прибалтики и Скандинавии. Известия Ибн ал-Факиха отражают путь проникновения монет азиатской чеканки из восточных областей Халифата, причем не акцентируют роли купцов-ар-рахданийа при этом, приписывая участие в этом обмене лишь славянским купцам. Данные Ибн Хордадбеха, вне зависимости от времени написания им книги, относятся, по аналогии с нумизматическими свидетельствами, к первой трети IX в. Сведения Ибн ал-Факиха больше относятся, по-видимому, ко второй половине IX в., когда азиатский путь проникновения восточных монет в Европу активно действовал.

Член-корреспондент АН СССР И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

ВОЗМОЖНОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ И ПРОБЛЕМЫ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Хорошо известно, что в отличие от природы история, как указывал К. Маркс, *«не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»* [1]. В общественно-историческом развитии, подчеркивал Ф. Энгельс, «действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» [2]. Вместе с тем общественно-историческое развитие представляет собой естественноисторический, внутренне обусловленный, закономерный и поступательно-прогрессивный процесс. В этой связи и возникает вопрос о возможности выбора в этом развитии, о складывании альтернативных исторических ситуаций, т. е. ситуаций, допускающих существенно различные исходы. Альтернативный характер целого ряда важных процессов современности обусловливает рост интереса к изучению альтернативных исторических ситуаций в прошлом. Однако связанные с этим теоретико-методологические проблемы не получили должной разработки. В привлечении внимания к ним и состоит задача настоящей статьи. В ней рассматриваются вопросы соотношения в общественно-историческом развитии субъективного и объективного, возможного и действительного, а также проблемы исторических предпосылок возникновения и разрешения альтернативных ситуаций, задачи и принципы их изучения.

* * *

Общественно-историческое развитие представляет собой сознательную и целенаправленную деятельность людей. Поэтому, указывал Ф. Энгельс,— «все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову» [3], оформиться в виде определенных идей и целей.

Однако источником этих идей и целей является не сознание, а объективный мир. В конечном счете «все идеи извлечены из опыта, они — отражения действительности, верные или искаженные» [4]. То обстоятельство, что нередко «кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы» [5], является иллюзией. Эта иллюзия проистекает из того, как отмечал Ф. Энгельс, что «...люди привыкли объяснять свои

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.
[2] Там же, т. 21, с. 306.
[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 308.
[4] Там же, т. 20, с. 629.
[5] Ленин В. И. ПСС, т. 29, с. 171.

действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснить их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)»[6].

Потребности являются глубинным источником общественно-исторического развития, лежат в основе его движущих сил[7]. В многообразной системе человеческих потребностей основную роль играют потребности материальные, ибо от их удовлетворения зависит сама возможность существования и развития общества. Поэтому производственная деятельность, указывал Ф. Энгельс, это — «самая существенная историческая деятельность людей, та деятельность, которая подняла их от животного состояния до человеческого, которая образует материальную основу всех прочих видов их деятельности»[8–9], а труд, как подчеркивал К. Маркс, представляет собой «вечное естественное условие человеческой жизни»[10] и является базисом всей человеческой деятельности. Этим обусловлено и то, что коренной движущей силой общественно-исторического прогресса выступают народные массы.

Человеческие потребности не только требуют их постоянного удовлетворения, но и непрерывно возрастают. «Сама удовлетворенная первая потребность,— отмечал К. Маркс,— действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям»[11]. Поэтому противоречие между опережающим ростом потребностей сравнительно с реальными возможностями их удовлетворения выступает движущей силой общественного и исторического прогресса.

Производственная деятельность является необходимым и непрерывно повторяющимся, внутренне обусловленным и закономерным естественноисторическим процессом. Этот процесс в конечном счете детерминирует другие сферы человеческой деятельности. И не только потому, что материальные потребности являются первичными по отношению к другим потребностям, но и потому, что производственно-экономические отношения, складывающиеся в процессе производства, через определяемую ими классовую структуру общества воздействуют на формирование как самих потребностей, так и вытекающих из них интересов, мотивов и целей деятельности.

Объективный и закономерный характер производственной деятельности сочетается с ее осознанностью и целенаправленностью. К. Маркс подчеркивал, что в сфере материальной деятельности, которая состоит во взаимодействии человека с природой, «человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой (цели — *И. К.*) он должен подчинять свою волю»[12].

Субъективная человеческая деятельность протекает в определенных независимых от людей условиях и приводит к объективным результатам. «Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»[13]. Эта зависимость диктуется, во-первых, тем, что, хотя люди, как указывал К. Маркс, «сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выби-

---

[6] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 493.

[7] См. подробнее: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981 (раздел второй, гл. IV); Келле В. и Ковальзон М. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981, с. 98 и сл.; Исторический материализм как социально-философская теория. Под ред. В. И. Разина. М., 1982, с. 297 и сл.; Здравомыслов А. Н. Потребности, интересы, ценности. М., 1986.

[8–9] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 358.

[10] Там же, т. 23, с. 195.

[11] Там же, т. 3, с. 27.

[12] Там же, т. 23, с. 189.

[13] Ленин В. И. ПСС. т. 29, с. 169—170.

рали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли из прошлого» [14]. Каждое историческое поколение людей в каждый данный момент исторического развития располагает определенными материальными и духовными ресурсами, определенной системой производственных, политических, культурных и других отношений, на основе которых только и может строить свою деятельность. В результате целенаправленной деятельности эти ресурсы могут быть приумножены, отношения изменены, но действовать можно только исходя из них. Во-вторых, осознанная и целенаправленная деятельность людей подчинена объективным законам, которые действуют «с железной необходимостью» [15]. Незнание этих законов делает людей рабами «слепой необходимости». Но и познав их, люди становятся «господами» положения лишь постольку, поскольку действуют в соответствии с этими законами [16]. В-третьих, чрезвычайно сложный характер общественно-исторического развития обусловливает то, что осознанная и целенаправленная деятельность людей может приводить к иным результатам, чем те, которых они стремились достичь, т. е. деятельность имеет объективный, независимый от субъективных устремлений и целей характер. Это происходит потому, что, как отмечал Ф. Энгельс, с одной строны, в историческом развитии взаимодействует множество всяких факторов (экономических, социальных, политических, идеологических и других); поэтому даже «экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу через бесконечное множество случайностей». С другой стороны, «конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных воль», «имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие... появляется нечто такое, чего никто не хотел» [17]. Поэтому в целом общественно-историческое развитие, органически сочетающее объективное и субъективное, имеет необходимо закономерный характер, представляет собой естественноисторический процесс.

Но «...идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории» [18]. Во-первых, субъект выступает не как пассивный созерцатель объективной реальности, а как ее сознательный и активный преобразователь. Во-вторых, от него зависит выбор объективно возможных направлений и способов деятельности. При этом по мере прогресса роль субъективного фактора в общественно-историческом развитии возрастает, ибо более высокий уровень развития объективных условий расширяет возможности выбора и созидательно-преобразующей деятельности людей, т. е. повышает степень их субъективной свободы. Реальные возможности такой свободы зависят прежде всего от социально-экономического строя, который непосредственно определяет степень участия в созидательно-преобразующей деятельности членов общества, их реальную субъективную свободу, а следовательно, и их воздействие на ход поступательно-прогрессивного развития.

Из сказанного о соотношении в общественно-историческом развитии субъективного и объективного становится более ясной необходимость учета в конкретно-исторических исследованиях того, что в этом развитии нет неких абсолютных, чисто объективных или субъективных факторов и явлений. Между объективным и субъективным всегда имеет место тесная диалектическая взаимосвязь и взаимодействие, основой которых является объективное. Говорить об этом приходится потому,

[14] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 119.
[15] Там же, т. 23, с. 6.
[16] См.: Ленин В. И. ПСС, т. 18, с. 198.
[17] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394—396.
[18] Ленин В. И. ПСС, т. 1, с. 159.

что порой объективное и субъективное разрываются и даже противопоставляются.

Наконец, заметим, что субъективное и объективное в общественно-историческом развитии не только диалектически взаимосвязаны, но и в каждом конкретном случае относительны. Иначе говоря, тот или иной вид человеческой деятельности в одном отношении может выступать как субъективный фактор, а в другом — как объективный. Так, классовая борьба, с позиций представителей класса, который ведет эту борьбу, является субъективной деятельностью, хотя и обусловленной объективными факторами. С позиций же класса, против которого ведется борьба, она выступает как фактор объективный. Вообще субъективные устремления, цели и деятельность любого индивидуума или коллектива являются объективными по отношению к любому другому индивидууму и коллективу. Даже результаты деятельности отдельного субъекта обретают объективный, независимый от него характер по отношению к его последующей деятельности.

Сложная взаимосвязь в общественно-историческом развитии объективного и субъективного и их относительность обусловлены тем, что человеческая деятельность представляет собой непрерывный процесс субъективизации объекта, т. е. овладения человеком в своих интересах объективной реальностью, и объективизации субъекта, т. е. превращения всех проявлений его деятельности в противостоящую ему реальность. Поэтому иногда объективным считают все совершившееся, т. е. историю, а субъективным все происходящее, т. е. современность[19]. В этом есть свой смысл. В общем, надо постоянно иметь в виду, что, как подчеркивал В. И. Ленин, «различие субъективного от объективного есть, *но и оно имеет свои границы*»[20], которые должны определяться конкретно.

Таким образом, перед историками стоит задача более глубокого проникновения в объективную диалектику субъективного и объективного в общественно-историческом развитии[21]. Такое углубление, направленное на проникновение в сущность общественно-исторического развития, требует учета соотношения в этом развитии возможного и действительного.

* * *

Объективная реальность, действительность противостоит субъекту, стремящемуся осознанно овладеть этой реальностью в познавательных или практически-прикладных целях. Эта действительность, с одной стороны, обладает многообразными чертами, свойствами и связями, которые выражают ее внутреннюю сущность и способы функционирования. С другой стороны, этой действительности, как и всякой материи, присуще развитие на основе внутренних противоречий, потенций и тенденций, что приводит к переходу от одних состояний к другим более высоким по уровню развития состояниям и их формам. В. И. Ленин подчеркивал, что «действительная жизнь, действительная история *включает* в себя... различные тенденции»[22]. Наличие в действительности различных свойств и потенций, которые при определенных условиях могут привести к новой реальности, и образуют возможности, заключенные в действительности. Следовательно, возможности — это свойства, определенные черты или тенденции текущей действительности, которые создают предпосылки будущей действительности, являются ее потенциями. Возможность не существует вне действительности. Воз-

[19] См.: Яцукевич А. Ф. Диалектика объективного и субъективного в проявлении законов общества. Минск, 1982, с. 171.

[20] Ленин В. И. ПСС, т. 29, с. 90.

[21] Об объективном и субъективном и их соотношении в действительности и познании см.: Кузьмин В. Ф. Объективное и субъективное (Анализ процесса познания). М., 1976; Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980; Вороновичь Б. А. Объективное и субъективное в социальных процессах.— Философские науки, 1984, № 3 и др.

[22] Ленин В. И. ПСС, т. 20, с. 66.

можность и действительность органически взаимосвязаны. Возможность — это потенциальная, грядущая действительность, а реальная действительность — это реализованная, осуществленная возможность.

Действительность может содержать одну, либо несколько возможностей перехода в иное состояние. В первом случае такой переход будет иметь однозначно закономерный характер. Во втором — превращение той или иной возможности в новую реальность имеет вероятностно-закономерный характер. Таким образом, реализация возможностей связана с необходимостью, случайностью и вероятностью[23]. Так, например, капитализму на стадии его развития в условиях свободной конкуренции присуща тенденция к концентрации производства. Это порождало возможность превращения «свободного» капитализма в монополистический капитализм и империализм. Превращение этой возможности в действительность применительно к развитой капиталистической стране в целом имело однозначно необходимый характер. Превращение же в реальность возможности возникновения монополистических объединений в той или иной отрасли промышленности или в том или ином регионе определенной страны могло реализовываться лишь как вероятностно-закономерный процесс, ибо эта реализация зависела от множества не поддающихся точному учету причин, равнодействующая которых может быть оценена лишь с определенной вероятностью.

Для превращения возможности в действительность необходимы определенные условия. В общественно-историческом развитии эти условия складываются в результате действия субъективных факторов, поскольку возникшая возможность сама по себе составляет лишь объективную предпосылку для перехода к новой реальности. Так, например, революционная ситуация создает возможность, объективную предпосылку для возникновения революции. Поэтому революции всегда должна предшествовать революционная ситуация. Но для превращения этой возможности в действительность необходимо еще наличие субъективного фактора. «Переворот, — указывал В. И. Ленин, — может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения»[24].

Роль субъективно-исторических факторов в превращении возможности в действительность состоит, во-первых, в выборе той или иной из них и, во-вторых, в создании условий, необходимых для превращения ее в новую реальность. Понятно, что при этом выборе те или иные общественные силы исходят из своих интересов и целей, которые всегда являются в конечном счете классовыми. Поэтому ориентация на реализацию возможностей, которые в наибольшей мере соответствуют поступательно-прогрессивному ходу общественно-исторического развития, возможна лишь в той мере, в какой интересы определенных общественных сил соответствуют объективному ходу этого развития.

Для выбора той или иной из возможностей современники должны иметь определенное представление о действительности, видеть наличие этих возможностей. Всесторонне обоснованный объективный выбор возможностей и деятельность по их реализации могут иметь место лишь на основе научного анализа действительности. В полной мере такой выбор стал доступен лишь с возникновением марксистского, диалектико-материалистического обществоведения. Собственно, и сама проблема действительного и возможного, играющая столь важную роль в общественно-историческом развитии, была последовательно научно поставлена лишь марксизмом. Другие научные подходы в лучшем случае позволяют ограниченно верно оценить и выбрать ту или иную из возможностей. Еще

[23] См.: Пилипенко Н. В. Диалектика необходимости и случайности. М., 1980, с. 110.

[24] Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 367.

в большей мере такой выбор является ограниченным на основе практически-эмпирического подхода к действительности.

Таким образом, диалектическая взаимосвязь действительного и возможного является важнейшей стороной общественно-исторического развития. Этим диктуется необходимость для историка учета при анализе реальной действительности и заключенных в ней возможностей. Точнее говоря, этот анализ должен иметь два аспекта. С одной стороны, рассматриваемая действительность должна быть показана как результат реализации возможностей предшествующего ей прошлого, а с другой — должны быть раскрыты те ее возможности, которые составляют потенциальную основу будущего.

Обществоведам, занимающимся изучением современной им эпохи, анализ заключенных в ней возможностей служит объективной основой для прогнозирования последующего хода общественного развития как в целом, так и в отдельных его аспектах. Блестящие образцы такого анализа, как в плане предвидения общего хода исторического развития так и применительно к непосредственному будущему, дали классики марксизма. Так, глубокий анализ сути капиталистического способа производства и коренящихся в нем возможностей позволили К. Марксу и Ф. Энгельсу доказать неизбежность перехода от капитализма к коммунизму. В. И. Ленин, рассматривая историческое развитие России на рубеже XIX—XX вв., показал не только неизбежность буржуазно-демократической революции, но и возможность ее перерастания в революцию социалистическую. Анализируя же характер общественно-исторического развития в условиях империализма и первой мировой войны, В. И. Ленин раскрыл возможность победы социализма в отдельно взятой стране. Все эти прогнозы, основанные на глубоком понимании закономерностей исторического развития и учете объективных возможностей реальной действительности, подтвердились последующим ходом этого развития.

Изучение историком возможностей той или иной действительности прошлого имеет, разумеется, свои особенности. Эта общественная действительность в том виде, как она совершилась, была инвариантной, т. е. однозначной. В познании прошлого в его инвариантности и состоит главная задача историка. Но эта инвариантность часто была результатом реализации одной из поливариантных, многозначных возможностей, заключенных в предшествующей этой действительности исторической реальности. Поэтому историк, характеризуя сущность рассматриваемой им действительности, должен показать, во-первых, результатом реализации каких возможностей она была, и, во-вторых, какие объективные возможности, потенции для будущего она содержала. Очевидно, что такой подход позволяет, с одной стороны, более глубоко раскрыть изучаемую действительность и, с другой — конкретно показать органическую взаимосвязь прошедшего, настоящего и будущего, т. е. раскрыть ход исторического развития как осознанно целенаправленный и одновременно объективно закономерный процесс.

Непременным условием при изучении возможностей в историческом развитии является выделение реальных и существенных возможностей. Историческая действительность характеризуется чрезвычайным многообразием присущих ей черт, связей и тенденций, в ней заключено множество всякого рода возможностей, в том числе и формальных. Поэтому В. И. Ленин подчеркивал необходимость отличать возможность от действительности и возможности реальные от формальных. В этой связи он, например, писал: «Возможны *всякие* превращения, даже дурака в умного, но *действительным* такое превращение является редко. И по одной „возможности" превращения этого рода дурака я не перестану считать дураком»[25].

[25] Ленин В. И. ПСС, т. 49, с. 320.

При выделении и оценке реальных возможностей важным и сложным, но необходимым является определение их временны́х и пространственных границ. В ходе общественного развития всякая возможность возникает в определенный момент. При наличии соответствующих условий, создаваемых общественными силами, она может превратиться в действительность. Но этого может и не произойти, если предпринимаемых усилий оказывается недостаточно. Некоторые возможности вообще могут оставаться потенциями, не замеченными современниками. Но в любом варианте возможность имеет пределы реального существования. Игнорирование этих пределов при анализе исторических возможностей может привести историка к ошибочным заключениям. Этим грешат многие исследования буржуазных историков.

Так, например, видное место в буржуазной историографии занимают вопросы социально-экономического развития России в начале XX в., предпосылок социалистической революции в нашей стране. Одно из распространенных мнений о якобы исторически случайном характере революции основывается на том утверждении, что если бы первая мировая война не помешала реализации столыпинской аграрной реформы, то в России укрепился бы капитализм западноевропейского типа и Октябрьской социалистической революции не произошло бы. Несостоятельность этого мнения состоит в игнорировании того несомненного факта, что все возможности укрепления существовавшего в России буржуазного социально-экономического строя и самодержавного государства на базе преобразований, предусмотренных столыпинской аграрной реформой, были исчерпаны уже к началу первой мировой войны. На это впервые обратил внимание В. И. Ленин. В январе 1912 г. он писал, что даже некоторые защитники реформы начинают чувствовать, что «...над этой „великой реформой" веет дыханием смерти»[26]. В апреле 1913 г. В. И. Ленин подчеркивал, что аграрная политика Столыпина и контрреволюционная система правительства «*...исчерпала себя*, исчерпала свои социальные силы. Обстоятельства сложились так, что никакая реформа в современной России невозможна... *Реформистских возможностей в современной России нет*»[27]. Эти выводы нашли полное конкретно-историческое подтверждение в исследованиях советских историков[28]. Таким образом, необоснованное расширительно-временное толкование возможностей укрепления буржуазного строя в России, допускавшееся столыпинской реформой, служит основой для искажения реального хода исторического развития.

Анализируя возможности той или иной исторической действительности, историк не должен становиться и на позицию сожаления по поводу того, что какие-то из существовавших возможностей не были замечены современниками или неправильно реализованы, в результате чего исторические события или даже историческое развитие якобы совершились не так, как могли бы совершиться. Имея в виду подобные подходы, В. И. Ленин подчеркивал, что надо, как это делал К. Маркс, смотреть на «историю с точки зрения тех, кто ее *творит*, не имея возможности наперед *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализирует „легко было предвидеть... не надо было браться..."»[29]. Сам Маркс указывал, что «творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов»[30]. Поэтому задача историка состоит прежде всего в выяснении и объяснении того, почему были учтены и реализованы именно данные возможности. Только при

[26] Там же, т. 21, с. 119.
[27] Там же, т. 23, с. 57.
[28] См.: Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963 и др.
[29] Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 379.
[30] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 175.

таком подходе изучение прошлого может быть основой для накопления исторического опыта, который необходим для решения современных задач.

Что же касается анализа самих возможностей, заключенных в изучаемой действительности, то здесь надо искать пути и методы для измерения той вероятности (определяемой всей совокупностью факторов общественно-исторического развития), с которой та или иная из существовавших возможностей могла превратиться в действительность. Тем самым откроется путь к наиболее точной и объективной оценке тех потенций будущего, которые были присущи определенной исторической реальности. Поиск путей и методов указанного измерения — задача, которую еще предстоит решать историкам совместно с другими специалистами. На первый взгляд, постановка такой задачи может показаться не только малореальной, но даже необоснованной. Но это — не так. Обоснованность постановки такой задачи определяется тем, что в самом общественно-историческом развитии претворение в действительность многих (можно сказать — большинства) возможностей имеет, как указывалось, вероятностный характер. Значит, надо искать способы измерения этой вероятности. Далее, историки уже давно пытаются оценивать вероятность реализации тех или иных возможностей, но делают это не прибегая к измерению.

Естественное стремление к оценке потенций исторического развития является одним из факторов, определяющих растущий интерес историков к изучению так называемых альтернативных ситуаций в историческом развитии. Анализ этих ситуаций дает возможность не только конкретно представить эти потенции, но и наглядно раскрыть соотношение и взаимосвязь в этом развитии объективного и субъективного, действительного и возможного, необходимого и случайного. В этой связи следует подробнее остановиться на вопросах альтернативности в историческом развитии и их изучении в исторической науке.

* * *

Проблемы альтернативы в общественном, в том числе и историческом развитии в той или иной мере затрагиваются во многих работах. Однако специальных исследований, посвященных анализу теоретико-методологических проблем альтернативности или развернутой характеристики конкретных общественно-исторических альтернативных ситуаций, крайне мало[31].

Проблема альтернативности в историческом развитии может рассматриваться, как и всякая другая проблема, в двух аспектах — онтологическом и гносеологическом, т. е. как явление исторической реальности и как задача исторического познания.

Рассматривая альтернативу как историческую реальность, надо начать с ее определения. Альтернативной является такая историческая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития. Следовательно, историческая альтернатива может иметь место тогда, когда в действительности, во-первых, содержатся существенно отличные возможности (потенции, тенденции) последующего развития и, во-вторых, имеются общественные силы, ведущие борьбу за реализацию этих возможностей. Значит, альтернативность в общественно-историческом развитии органически связана с возможностью и действительностью,

[31] Из этих работ обращают на себя внимание следующие: Могильницкий Б. Г. Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции.— Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 9. Томск, 1974; Херманн Иштван. В. И. Ленин об исторической альтернативе.— Вопросы философии, 1980, № 12

с объективным и субъективным. Учитывая то, что органическое сочетание объективного и субъективного выступает главным выражением особенностей явлений общественных сравнительно с естественными, можно рассматривать альтернативность как наиболее яркое выражение этой особенности. В природе альтернатив нет, хотя и там реальность содержит разные возможности для своего последующего развития. Но эти возможности в зависимости от множества случайных факторов реализуются как стихийно действующая однозначная необходимость.

Далее, историческая альтернатива — это феномен, связанный с массовыми явлениями общественной жизни, ибо только различия в массовых явлениях и процессах могут приводить к существенно отличному ходу общественного развития. «Существенность» здесь определяется тем, насколько фундаментальны в плане хода общественного развития различия в интересах и целях, за реализацию которых ведется борьба, и в объективных результатах этой борьбы. Фундаментальность целей и результатов и массовость общественных сил, стремящихся достичь их, определяют историческую масштабность и значимость альтернатив. Эта масштабность и значимость являются критериями для выявления исторических альтернатив. Это важно подчеркнуть потому, что выбор тех или иных возможностей и альтернативность результатов той или иной деятельности имеют место в историческом развитии не только на уровне массовом и общественно значимом, но и на уровне узкогрупповом и индивидуальном. В сущности, всякое решение о том или ином направлении и способе деятельности есть выбор из совокупности разных возможностей, что обусловливает и различные, в том числе и альтернативные, результаты этой деятельности. Точно так же всякая индивидуальная и групповая борьба связана с альтернативностью ее исхода для борющихся сторон. Подобные альтернативы не следует смешивать с историческими альтернативами ибо альтернативы, в разрешение которых не вовлечены широкие общественные силы, не влияют на содержание и формы, на направление, темпы и результаты функционирования и развития общественных систем, на интересы и положение различных классов и социальных слоев. Поэтому в дальнейшем речь будет идти об исторических альтернативах.

В исторической реальности возникновение альтернативной ситуации имеет свои объективные и субъективные предпосылки. Очевидно, что объективной основой альтернатив является наличие в исторической действительности существенно различных возможностей, потенций и тенденций последующего развития. Что же порождает такие возможности? Говоря кратко, возникновение таких возможностей обусловлено тем, что в историческом развитии в силу многообразия условий его протекания нет однозначной обусловленности формы содержанием. Содержание этого развития может иметь определенный диапазон форм, в которых оно выражается. «Материалистическое понимание истории,— совершенно справедливо подчеркивает Х. Н. Момджян, — исходит из того, что одна и та же закономерность — одна и та же по своей сущности — проявляется в многообразных формах... Существенные, решающие признаки данной исторической закономерности проявляются в поливариантных формах в различных социальных средах» [32].

Можно привести много примеров неоднозначной детерминированности формы содержанием как в сфере базисных, так и надстроечных явлений. К. Маркс указывал, что один и тот же базис «благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные ва-

[32] Момджян Х. Н. Единая сущность и многообразие форм проявления исторической закономерности. В сб.: Диалектика общего и особенного в историческом процессе. М., 1978, с. 8.

риации и градации»[33]. Эти вариации могут иметь и существенные различия, т. е. представлять альтернативные варианты развития. Так, например, феодальной системе производственных отношений как качественной определенности повсюду было присуще наличие личной зависимости крестьянина от феодала и связанной с этим системы внеэкономического принуждения. Но их формы варьировали в пределах от простого оброчного обязательства до личного закрепощения и прямого насилия над крестьянами.

Однозначно и то, что основой капиталистического способа производства является частная собственность на орудия и средства производства и эксплуатация свободного наемного труда. Но формы этой собственности могут быть разными — индивидуальными, корпоративными и государственными.

Безусловно, что капиталистический базис (как и всякий другой) однозначно определяет политическую надстройку в том плане, что политическая власть принадлежит господствующему экономически классу буржуазии, а государство выступает выразителем и защитником интересов этого класса. Но эта однозначность допускает варьирование форм политической надстройки в пределах от сравнительно развитых форм буржуазной демократии до фашистской диктатуры.

Понятно, что многообразие форм, в которых выражается одно и то же содержание, приводит к возникновению разных возможностей, что создает объективные предпосылки для возникновения альтернатив. Но есть и обратная сторона этого явления. Не только одно содержание может выражаться в разных формах, но и одна и та же форма может наполняться разным содержанием. Это происходит при переходе одного содержания в другое. Пока новая содержательная сущность не достигла своей зрелости и не породила адекватную себе форму, она может развиваться в старых формах. Если становление новой сущности идет в уже наличных, но разных формах, то будут иметь место разные, конкурирующие и в определенных условиях альтернативные возможности развития.

Таким образом, сложная диалектическая взаимосвязь содержания и формы в общественно-историческом развитии обусловливает возникновение существенно отличных возможностей, а следовательно, и альтернативных потенций этого развития.

Другой объективной предпосылкой возникновения альтернативных возможностей является специфика взаимосвязи в общественно-историческом развитии цели и результатов, средств и путей их достижения. Одни и те же цели и результаты при определенных конкретно-исторических условиях могут достигаться разными средствами и путями. Реформа и революция, легальные и нелегальные, мирные и вооруженные пути и средства деятельности — все это разные способы достижения одних и тех же целей и результатов. Очевидно, что, хотя разные средства и пути и позволяют достигнуть одного и того же в плане его основной, конечной сущности результата, но этот результат может иметь разные формы выражения, разный уровень развитости и зрелости и т. д., что будет оказывать существенное воздействие на многие стороны общественного развития, на положение, потребности и интересы различных классов и социальных слоев[34]. Так, например, тот факт, что в России и Японии переход от феодализма к капитализму совершался не революционным, а реформистским путем, оказал, как известно, существенное воздействие на их социальный и политический строй.

Таковы основные объективные предпосылки возникновения альтернативных исторических ситуаций. Поскольку соотношение цели и сред-

[33] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 354.

[34] О соотношении цели, средства и результата см.: Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1967.

ства можно рассматривать как разновидность соотношения содержания и формы, то в целом эти предпосылки связаны с наличием в текущей действительности существенно отличных возможностей ее последующего развития. В этой связи надо внести ясность в один существенный вопрос, а именно в вопрос о том, представляет ли историческая альтернатива антитезу, существенно отличный вариант развития, противостоящий реальной исторической действительности, или же альтернатива — это разные варианты последующего развития этой действительности. Нередко в исторических работах, когда говорят об альтернативах, имеют в виду иное направление развития в будущем сравнительно с существующей действительностью. С этим нельзя согласиться. Существующая действительность может представлять собой либо уже реализованную возможность прошлого, либо борьбу, которая ведется за реализацию существенно отличных, альтернативных возможностей ее последующего развития. Значит, альтернативы как реальность — это действительность, а как будущее — это лишь потенции этой действительности, заключенные в ней различные возможности. Правильно понять место альтернатив в общественно-историческом развитии можно только учитывая тесную и диалектическую связь прошлого, настоящего и будущего. Следовательно, альтернативность в общественно-историческом развитии — это реальная борьба, ведущаяся в действительности за существенно отличные варианты будущего. Пределы альтернативной ситуации (в плане объективных возможностей) занимают промежуток социального времени от возникновения существенно отличных возможностей дальнейшего развития до воплощения в действительность одной из альтернативных возможностей либо до снятия этих потенций ходом развития в результате возникновения новых возможностей.

Трактовка альтернатив как антитезы настоящему порождает порой попытки представлять как альтернативный такой ход последующего развития, который имеет однозначно закономерный характер. Так, порой говорят о социализме как альтернативе капитализму в будущем. Но в плане общего хода исторического развития социализм не альтернатива капитализму, поскольку альтернатива, как и всякая возможность, может быть реализована, а может остаться и нереализованной, а переход от капитализма к социализму — исторически однозначно обусловленная неизбежность. В зависимости от конкретно-исторических условий отдельных стран альтернативными могут быть пути и формы перехода к социализму, но не сам этот переход, когда для этого сложатся необходимые предпосылки.

В общем, еще раз подчеркнем, что объективной основой для возникновения исторических альтернатив является наличие в действительности существенно отличных возможностей для последующего развития, которые могут быть реализованы лишь с определенной вероятностью. Естественно, здесь возникает вопрос о том, чем же определяется эта вероятность и какая из существенно отличных возможностей может восторжествовать. Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассмотреть роль субъективно-исторических факторов в возникновении и разрешении альтернатив.

* * *

Прежде всего надо отметить, что одни объективные предпосылки еще не создают альтернативы. Для возникновения альтернативы необходимо еще наличие субъективного фактора, т. е. определенных общественных сил, которые деятельно стремятся претворить существенно отличные возможности в реальность. Это неизбежно приводит к столкновению разных общественных сил, к их борьбе. Но борьбе за реализацию той или иной возможности должен предшествовать ее выбор. Этот выбор определяется интересами соответствующих классовых и общественно-политических сил. Здесь надо коснуться того механизма, который вовлекал

людей в активную общественно-историческую деятельность. Выше уже отмечалось, что исходным двигателем здесь были потребности. Возможности удовлетворения потребностей, как и сама их суть, определялись соответствующим способом производства, т. е. имели объективный характер. Потребности находят непосредственное выражение в интересе. Интерес выступает как побудительная причина деятельности субъекта, служит непосредственным источником его активности. Потребности и интересы имеют объективный характер и поэтому первоначально могут и не осознаваться. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что «там где индивиды имеют потребности, они уже в силу этого имеют некоторое призвание и некоторую задачу, причем вначале еще безразлично, делают ли они это своим призванием также и в представлении» [35].

Интересы осознаются в форме мотивов и стимулов деятельности людей, на основе которых формируются цели этой деятельности и складываются идеалы, к которым люди стремятся.

Таким образом, в объективно-субъективном процессе восприятия историческими субъектами современной им действительности имеется цепь: способ производства, потребности и интересы, мотивы и стимулы, цели и идеалы [36]. В данном случае не столь важно, насколько эта цепь восприятия действительности полна. Существенно то, что ее звенья могут складываться как на основе теоретического, так и обыденного восприятия действительности.

Единство объективных и субъективных факторов в складывании исторических альтернатив означает, что наличие общественных сил и их борьба за такой путь развития, для которого нет объективных возможностей в действительности, не создают альтернативы. В качестве примера здесь можно привести борьбу революционного народничества в России. Народники исходили из того, что капитализм в силу присущих ему противоречий является упадком и регрессом в историческом развитии. Они отстаивали идею о возможности для России, благодаря наличию общины, перехода к социализму, минуя капитализм. Исходя из этой идеи, они вели борьбу за революционный социальный переворот, который, по их мнению, должен был привести к установлению социализма. Идея эта была утопией, ибо в России того времени еще не было объективных исторических возможностей для перехода к социализму. Поэтому их героическая борьба не создавала альтернативы: капитализм или социализм. Шло неуклонное становление и утверждение капитализма. Поэтому никак нельзя согласиться с тем мнением, что борьба народников якобы представляла альтернативный вариант социального развития [37].

Народники, руководствуясь ошибочной социологической теорией, не могли правильно понять современную им историческую действительность и те объективные возможности последующего развития, которые были ей присущи. Ошибочными были и их представления об интересах и устремлениях крестьянства. «...Нет ничего более нелепого,— указывал В. И. Ленин,— как выводить из противоречий капитализма его невозможность, непрогрессивность и т. д.— это значит спасаться в заоблачные выси романтических мечтаний от неприятной, но несомненной действительности» [38].

Борьба народников никак не может быть представлена альтернативой капитализму еще и потому, что объективно она была не борьбой против капитализма, а борьбой за один из вариантов его развития. «...*Реальное* историческое значение народнической идеологии (и борьбы.— *И. К.*) состояло в противоположении *двух* путей *капиталистического* развития: одного пути, приспособляющего новую, капиталистичес-

[35] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 279.
[36] См. подробнее: Черненко А. К. Причинность в истории. М., 1983.
[37] См.: Сухов А. Д. Прогресс и история. М., 1983, с. 146.
[38] Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 48.

кую Россию к старой...— и другого пути, заменяющего старое новым, устраняющего полностью отжившие помехи новому, ускоряющего ход развития»[39]. Объективно народники все-таки боролись за альтернативу, но не за ту, которую им приписывают.

Субъективный фактор в исторических альтернативах представлял собой тот компонент, который определял исход борьбы за реализацию той или иной из существенно отличных возможностей развития. Этот исход зависел от соотношения борющихся сил, их целеустремленности, сплоченности и организованности. Можно привести немало примеров того, когда альтернативные ситуации разрешались победой одной из сторон и утверждением одной из объективно допустимых возможностей.

Примером утверждения консервативной возможности и перевеса реакционных сил над демократическими может служить установление фашизма в Германии. Социально-политическая ситуация в стране в начале 30-х гг. несомненно имела альтернативный характер. Дальнейшее развитие могло идти как в форме буржуазной демократии, так и в форме фашистской диктатуры. Соотношение борющихся социальных сил оказалось таковым, что победил фашизм.

Примером победы прогрессивных тенденций и сил в историческом развитии могут быть те из развивающихся стран, которые стали на путь построения социализма. Разумеется, это пока не исключает попыток со стороны внешней и внутренней контрреволюции к утверждению капиталистического пути развития. Исход борьбы альтернативных тенденций здесь окончательно еще не решен.

Победа одной из альтернативных возможностей снимает противостоящую ей возможность, и альтернативная ситуация исчерпывает себя. То, в какой мере это снятие является окончательным, зависит от того, насколько победившим силам удалось подавить противостоящие силы и устранить возможности альтернативного развития. Это определяется тем, насколько глубоки объективные исторические корни этой возможности и как велики силы, борющиеся за нее. Победа одной из альтернатив может быть и временной.

Но возможны и такие альтернативные ситуации, когда ни одна из противоборствующих тенденций развития и стоящие за ними общественные силы не могут взять верх. Если такое противостояние является длительным, то ход исторического развития может снять эти альтернативы в результате возникновения новых возможностей. Так было в России с борьбой двух путей буржуазной аграрной эволюции, о чем подробнее будет сказано ниже.

И еще один вопрос, связанный с рассмотрением альтернатив как явлений исторической реальности. Это — вопрос о соотношении альтернативности и закономерности, о том, не нарушает ли наличие альтернативных ситуаций и ведущая роль в их разрешении субъективных факторов закономерности общественно-исторического развития. Несомненно, что ход исторического развития и в его однозначно необходимом, и в альтернативном вариантах является закономерным. Альтернативный характер развития многих исторических явлений не нарушает закономерности этого развития потому, что при всей ведущей роли субъективного фактора в складывании и разрешении альтернатив действие этого фактора ограничено объективными условиями. Альтернатива — это выбор из существующих возможностей и борьба за реализацию этого выбора. Но ведь возникновение разных возможностей — это объективный процесс. Поэтому при однозначно необходимом и альтернативном ходе развития различаются лишь формы проявления общественных законов[40].

[39] Там же, т. 20, с. 168—169.

[40] Для характеристики внутренне обусловленных и неизбежных связей и тенденций в функционировании и развитии объективной реальности в науке применяются понятия «закономерность» и «закон». Но соотношение между ними трактуется по-разному.

Одни из них являются законами жесткой, однозначной детерминации. Такими являются прежде всего наиболее общие законы общественно-исторического развития. Это законы об определяющей роли способа производства в общественном развитии, о соответствии производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, о первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию, об определяющей роли социально-экономического базиса по отношению к политически-правовой и культурно-идеологической надстройке и др. Действие законов однозначной детерминации распространяется на каждый элемент общественно-исторической системы. Эти законы прежде всего определяют динамику, развитие общественных систем.

К другому типу относятся законы вероятностной детерминации. Это — законы, присущие стохастическим, случайным процессам. Они проявляются как безусловная необходимость лишь по отношению к той или иной общественной системе в целом. Поведение же отдельных элементов системы детерминируется лишь вероятностным образом [41]. Вероятностные законы, как и всякие другие, характеризуются необходимостью, всеобщностью, повторяемостью. Они проявляются как законы-тенденции, как определенные закономерности, присущие общественно-историческому развитию. Впрочем, различия законов однозначной и вероятностной детерминации не следует преувеличивать, Так, эти законы сходны по характеру своего выражения. К. Маркс подчеркивал, что общественные «законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний» [42].

Ход общественно-исторического развития в его альтернативных вариантах и регулируется случайно вероятностными законами.

Между законами однозначно-необходимой и случайно-вероятностной детерминации существует определенное соотношение. Суть его очевидна. Законы однозначной детерминации как наиболее общие законы общественного развития определяют пределы действия законов вероятностных как законов, присущих особенному в этом развитии. Первые определяют (характеризуют) сущность высшего порядка, а вторые — сущность более низких порядков, которые конкретизируют первую. Эта конкретизация может быть весьма многообразна, но лишь в пределах общей сущности. Это значит, что альтернативные варианты общественно-исторического развития не только подчинены законам, но и имеют объективно ограниченный диапазон своего проявления не только со стороны возможностей, присущих действительности, но и со стороны законов, определяющих ее функционирование и развитие.

Кроме сущностно-качественной стороны соотношения рассматриваемых типов общественно-исторических законов, есть еще и количествен-

Одно из них состоит в том, что закономерность — это объективные свойства и связи реального мира, а закон — это отражение закономерностей в научном познании этой реальности, т. е. понятие гносеологическое (см.: Карпович В. Н. Проблема. Гипотеза. Закон. Новосибирск, 1980, с. 140—141). Думается, что более обоснованным является понимание и закономерности и закона как свойств реальности, которые отражаются сознанием в процессе ее познания. «Закон есть прочное (остающееся) в явлении» (Ленин В. И. ПСС, т. 29, с. 136), закон — это «господствующая тенденция» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 176). В конечном счете закон — это сущность, которая в своем функционировании и развитии выражается в закономерности, т. е. в устойчивости и повторяемости присущих ей коренных свойств.

[41] См. подробнее: Виноградов В. Г., Гончарук С. Н. Законы общества и научное предвидение. М., 1972; Сирин А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1978; Пилипенко Н. В. Указ. соч.; Жуков Е. М., Барг М. Л., Черняк Б. Б., Павлов В. М. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; Попов С. Общественные законы. М. 1980; Яцукевич Я. Ф. Указ. соч.; Панибратов В. Н. Категория закон. Л., 1986 и др.

[42] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 176.

ная сторона этого соотношения. Поскольку в общественно-историческом развитии преобладают массовые случайные явления и процессы, постольку «для законов общества в основном характерна вероятностная детерминация»[43]. Таково мнение большинства советских исследователей, рассматривающих эту проблему.

Но есть и иные трактовки. Так, высказывается мнение, что в «области общественных явлений нет места стохастическому процессу»[44]. А это значит, что нет места и для альтернативности общественно-исторического развития. Противоположное мнение состоит в следующем. В любой исторической ситуации есть возможность выбора, и историческое развитие ставит перед человеком альтернативу поведения. Это обусловлено тем, что «абсолютной неизбежности именно данного хода событий, исключающей какие бы то ни было иные возможности развития, не существует: всегда имеется множество тенденций»[45], которые все возможны и при определенных условиях могут осуществиться. Многозначность общественных явлений порождает вероятностный характер их осуществления. Следовательно, основная суть сводится к тому, что в общественно-историческом развитии имеет место лишь случайно-вероятностная детерминированность и закономерность[46]. Поэтому всегда есть выбор, и, в сущности, все развитие оказывается альтернативным. В свете сказанного очевидна необоснованность столь расширительной трактовки пределов исторических альтернатив.

Таким образом, альтернативность общественно-исторического развития никоим образом не устраняет объективного и закономерного характера этого развития.

* * *

Важное место, которое занимают альтернативы в историческом развитии, обусловливает необходимость их изучения историками. Возникающие порой сомнения в такой необходимости неосновательны. Игнорирование альтернативных ситуаций обедняет историческую реальность. Изучение этих ситуаций позволяет более широко и глубоко охарактеризовать ход исторического развития. Однако сложность альтернативных ситуаций как явлений исторической действительности и неразработанность принципов, путей и методов их изучения обусловливают его трудности. Отметим наиболее существенные моменты, которые следует иметь в виду при изучении исторических альтернативных ситуаций.

Прежде всего необходимо установить реальность такой ситуации, ее действительное наличие в историческом развитии. Это приходится подчеркивать потому что существует опасность увидеть такую ситуацию там, где ее в самой исторической реальности не было. В данном случае мы не имеем в виду преднамеренное конструирование или просто примысливание альтернативных исторических ситуаций, что присуще многим представителям современной буржуазной историографии. Эти явления порождены совершенно определенными социально-политическими интересами и целями и основаны на субъективистских принципах методологии исторического познания. Речь идет о том, что сложность исторических альтернатив и трудности их анализа могут привести и к непреднамеренной ошибке.

При выявлении альтернатив надо учитывать два момента. Во-первых, альтернатива, как было показано, это не антитеза существующей реальности, а сама реальность, характеризующаяся борьбой за разные

---

[43] Исторический материализм как социально-философская теория. М., 1982, с. 41.
[44] Маслов П. П. Статистика в социологии. М., 1971, с. 4.
[45] Гуревич А. Я. Об исторической закономерности. В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 69, 72.
[46] Такой же позиции придерживается А. В. Гулыга (Гулыга А. В. Эстетика истории. М., 1974, с. 16—17).

варианты и пути последующего развития. Во-вторых, альтернативы складываются только тогда, когда в действительности содержатся существенно отличные возможности дальнейшего развития и когда имеются общественные силы, ведущие борьбу за реализацию этих возможностей.

Первый момент методологически важен в том отношении, что он предохраняет от необоснованного расширения круга исторических альтернатив. Между тем это важное обстоятельство нередко предается забвению при выявлении и анализе альтернатив. Указывают, например, на то, что в России в 1917 г. (в период от Февраля к Октябрю) якобы имела место альтернатива — либо победа пролетарской социалистической революции, либо диктатура буржуазии [47]. В. И. Ленин, действительно, писал, что «...*нельзя* выскочить из империалистической войны, *нельзя* добиться демократического, не насильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к *другому* классу, к пролетариату» [48]. Без такого перехода, как известно, нельзя было решить и другие важнейшие вопросы (как, например, аграрный и национальный). Но альтернативы — либо победа пролетариата, либо диктатура буржуазии — не было, переход власти к пролетариату был не альтернативой, а безусловной исторической необходимостью, диктовавшейся всем ходом исторического развития [49]. Эта необходимость к осени 1917 г. была осознана не только рабочим классом, но и его союзниками, что и определило, во-первых, время революции и, во-вторых, относительную легкость победы революционного переворота и перехода власти к пролетариату. Навязанная же пролетариату гражданская война, которая была бы невозможна без поддержки международного империализма и военной интервенции,— это уже иная историческая ситуация. Приведенный пример хорошо показывает, какое важное значение имеет в понимании хода исторических событий определение реальности исторической альтернативы.

В целом очевидно, что представление как альтернативного однозначно детерминированного хода последующего развития и изображение альтернативы как антитезы существующей реальности запутывают понимание истинного хода исторического развития и даже чреваты его искажением.

Столь же важным является и рассмотрение исторической альтернативы в единстве образующих ее объективных и субъективных факторов. Возможные здесь просчеты связаны с тем, что наличие альтернативы констатируется лишь по наличию одного из этих факторов. Чаще всего, в силу его большей очевидности, таким является субъективный фактор. Выше уже приводился пример с народничеством, революционная борьба которого порой необоснованно представляется как социалистическая альтернатива капиталистическому развитию.

В связи с анализом роли субъективного фактора в альтернативных ситуациях следует обратить внимание на такой момент. Всякая общественная борьба может иметь своим исходом либо победу, либо поражение, т. е. этот исход является альтернативным. Но на этом основании относить всякую борьбу к альтернативной ситуации неправомерно. На это обращал внимание В. И. Ленин. В работе «Что делать?», возражая противникам создания централизованной революционной организации, утверждавшим, что такая организация может легко броситься в преждевременную атаку, он писал: «...Абстрактно говоря, нельзя, конечно,

---

[47] См., напр.: Херманн Иштван. Указ. соч., с. 101.

[48] Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 161.

[49] Отметим, что И. Херманн, говоря об указанной альтернативе, признает, что существовали объективные и субъективные условия для социалистической революции (Херманн Иштван. Указ. соч., с. 103—104).

отрицать, что боевая организация *может* повести на необдуманный бой, который *может* кончиться вовсе не необходимым при других условиях поражением. Но ограничиваться абстрактными соображениями в таком вопросе невозможно, ибо всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства *уменьшить* эту возможность, как организованная подготовка сражения»[50].

Значит, к таким ситуациям надо подходить конкретно-исторически. Объективно-абстрактная возможность победы или поражения в той или иной общественной борьбе может представлять и реальную историческую альтернативу. Это имеет место тогда, когда борющиеся осознают возможные исходы и, руководствуясь определенными целями, делают выбор. Такая ситуация, например, сложилась в период Парижской коммуны. Как указывал К. Маркс, рабочий класс оказался перед выбором: «либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо бóльшим несчастием, чем гибель какого угодно числа „вожаков"»[51]. Как известно, вызов был принят, хотя шансов на победу не было. Альтернатива здесь состояла не в том, что шла борьба рабочего класса с буржуазией, и не в абстрактной возможности победить или потерпеть поражение, а в том, что в этой борьбе рабочий класс должен был выбирать между возможностью продолжать борьбу и потерпеть поражение и возможностью отказаться от борьбы и заплатить за это собственной деморализацией.

Для более ясного представления о тех просчетах, которые могут быть допущены при выявлении исторических альтернатив, приведем еще два примера, когда наличие альтернатив констатируется при отсутствии объективных и субъективных предпосылок их возникновения, т. е. когда альтернативы, в сущности, лишь декларируются.

Так, некоторые историки полагают, что в России XVI в. имела место альтернатива, шла «борьба за два пути развития России — феодально-крепостнический и буржуазный»[52]. Выражение этой альтернативы усматривается в борьбе поднимающегося третьего сословия за освобождение городов от засилия феодалов и против централизаторской политики правительства, стягивавшего в Москву крупнейших представителей местного купечества, а ее объективной основой выступает значительное расслоение среди посадских людей и крестьян черносошных волостей, свидетельствовавшее о зарождении раннебуржуазных связей. Не будем касаться вопроса о том, в какой мере указанные явления имели буржуазный характер. Здесь есть и другие мнения. Допустим, что все было именно так, как полагают сторонники наличия указанной альтернативы. Но каким образом раннебуржуазные связи и классовая борьба посадских людей могли быть альтернативой развитию по пути крепостничества? Ведь переход от феодализма к капитализму — это не антитеза дальнейшему развитию феодализма, а историческая неизбежность, когда для этого сложились необходимые предпосылки, в частности, когда феодальная система исчерпала возможности прогрессирующего развития. Коль скоро утвердилось и длительное время существовало крепостничество, то, значит, объективных возможностей развития по буржуазному пути в XVI в. не было. Ростки нового были слишком слабы, чтобы создать такую возможность. Не было поэтому и общественных сил, которые осознанно могли выбирать между разными путями. Трактовка борьбы посадских людей и черносошных крестьян как борьбы за один из альтернативных путей — искусственна.

---

[50] Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 137.

[51] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 175.

[52] См.: Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии. В сб.: Исследования по социально-экономической истории России. Л., 1971, с. 168. См. также: его же. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. (К постановке вопроса). В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 70.

Более привлекательным на первый взгляд является мнение о наличии другой альтернативы в историческом развитии средневековой России. Она якобы состояла в следующем. «В конце XV в. явственно определились два пути развития феодального сельского хозяйства. Первый путь — путь без помещиков (или частного вотчинника), без крепостного права». «Другой путь означал укрепление и расширение поместного и вотчинного землевладения... увеличение уровня эксплуатации и связанного с ним закрепощения»[53]. Иначе говоря, существовала альтернатива: государственный или поместно-вотчинный феодализм. Сторонники первого — крестьяне, второго — господствующий класс феодалов. Все вроде бы исторично и логично. Однако объективные возможности первого пути остаются нераскрытыми. Да их и не было в действительности. Тот факт, что основой сельскохозяйственного производства в период феодализма является крестьянское хозяйство и что крестьянин мог обойтись без помещика,— это лишь абстрактная, формальная возможность развития феодализма без помещиков и вотчинников. Такая возможность могла бы быть реальной при наличии четко определившейся объективной тенденции к упразднению этой формы феодальных отношений и определенных сил, которые были способны претворить ее в жизнь. Но ни такой тенденции, ни таких сил не было в действительности. Наоборот, имела место тенденция к расширению и укреплению частных форм феодальных отношений. Поэтому в конечном счете указанная альтернатива, хотя и представляется привлекательной, но является декларативной.

Все указанные просчеты в выявлении исторических альтернатив свидетельствуют о сложности их выявления и анализа и необходимости придерживаться четких методологических принципов, которые надо разрабатывать. Но можно привести примеры и иного рода, которые показывают, как анализ реальных исторических альтернатив углубляет познание прошлого. Остановимся на двух примерах такого анализа, который был проделан В. И. Лениным.

Много интересного в плане выявления и анализа реальных исторических альтернатив дает историку ход борьбы за переход от буржуазно-демократической к социалистической революции в России в 1917 г. Об исторической неизбежности такого перехода и обусловленности победы пролетариата мы уже говорили. Речь идет о конкретных путях этого перехода.

Первый вопрос, который здесь возникает, это вопрос о том, существовала ли альтернатива такого перехода мирным или революционным путем. При обсуждении этого вопроса часто два эти пути представляют как альтернативные. В действительности такой альтернативы не было. В. И. Ленин подчеркивал: «Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти»[54]. Положение же было таково, что до осени 1917 г. «объективных условий для победы восстания... не было», ибо пролетариат не имел указанного *большинства*[55]. Следовательно, альтернативы — мирный путь или вооруженное восстание — не существовало.

После Февральской революции в стране сложилось двоевластие, две диктатуры — диктатура буржуазии во главе с Временным правительством и революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства во главе с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Ни одна власть не была полной. Временное правительство обладало силой чиновничьего государственного аппарата. Силой

---

[53] Аграрная история Северо-Западной России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971, с. 372.

[54] Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 147.

[55] Там же, т. 34, с. 243.

Советов был вооруженный народ. И хотя Временное правительство проводило антинародную империалистическую политику, оно не могло применить насилие к вооруженному народу. Это и «открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции»[56]. Иного пути не было, т. е. не было и альтернативы мирного или вооруженного пути развития революции.

Мирный путь этого развития мог быть реализован переходом власти к Советам. Отсюда и большевистский лозунг — «Вся власть Советам!» В процессе политической борьбы Советы могли быть превращены в органы диктатуры пролетариата и стать орудием социалистических преобразований. Большевистская партия и руководимые ею сознательные слои рабочего класса и боролись за такой путь развития революции. Но в Советах большинство принадлежало представителям мелкобуржуазных слоев населения. Мелкобуржуазная волна, подавив все, отдала большинство в Советах мелкобуржуазным партиям, меньшевикам и эсерам[57]. Поэтому мирный путь развития революции, переход власти к пролетариату зависел от того, возьмут ли мелкобуржуазные Советы власть. Объективная возможность для этого существовала. Ее же практическая реализация зависела от субъективного фактора — поведения политических партий, господствовавших в Советах. Поскольку двоевластие не могло продолжаться долго, будущее Советов представляло собой альтернативу — «либо дальнейшее развитие этих Советов, либо они умрут бесславной смертью»[58]. Соотношение сил сложилось таким образом, что, несмотря на все усилия революционного пролетариата во главе с большевистской партией, мелкобуржуазные партии и их вожди, которые с самого начала пошли на сотрудничество с буржуазией, во время июльских событий окончательно предали дело революции[59]. Двоевластие завершилось полным установлением диктатуры буржуазии. Возможность мирного перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции исчерпала себя. Единственным путем такого перехода становилось вооруженное восстание, к подготовке которого и перешла большевистская партия.

Что же дает историку учет того, что борьба за развитие Советов в период двоевластия имела альтернативный характер, а также того, в чем историческое развитие от Февраля к Октябрю было альтернативным, а в чем нет? Этот учет, несомненно, требует при изучении такого важного периода более глубокого и конкретного выявления соотношения в историческом развитии объективного и субъективного, возможного и действительного, закономерного и случайного, стихийного и сознательного, массового и индивидуального в их органическом единстве и противоречии. Но из-за богатства и яркости событий эпохи эти важные исследовательские задачи порой оказываются потесненными событийной стороной.

Другим примером изучения альтернативной исторической ситуации, которое обогащает и углубляет понимание хода исторического развития, является анализ двух путей буржуазной аграрной эволюции в пореформенной России, данный В. И. Лениным в ряде его работ[60]. В. И. Ленин прежде всего раскрыл суть имевшей место в этот период альтернативы. Она состояла в том, что буржуазная аграрная эволюция шла как на основе крестьянского хозяйства, по буржуазно-демократическому («американскому») пути, так и на основе помещичьего хозяйства, по буржуазно-консервативному («прусскому») пути. Это были, как хорошо известно, два существенно различных пути.

[56] Там же, с. 11.
[57] Там же, т. 31, с. 156.
[58] Там же, с. 358.
[59] Там же, т. 34, с. 2.
[60] Там же, т. 16, с. 215—220; т. 17, с. 77, 125 и др.

Объективно-исторической предпосылкой двух путей было то, что аграрный капитализм мог утвердиться и на основе помещичьего, и на основе крестьянского хозяйства. Так как именно эти формы организации сельскохозяйственного производства и были присущи феодализму, то все конкретные формы перехода от феодализма к капитализму сводились, как указывал В. И. Ленин, к «прусскому» и «американскому» путям. Теми общественными силами, которые вели борьбу за указанные пути, были, с одной стороны, крестьянство и выражавшие его интересы общественно-политические силы, с другой стороны, им противостоял помещичье-буржуазный лагерь.

Победа одного из путей определялась соотношением этих сил. Там, где помещичье землевладение отсутствовало (как, например, в США) или его позиции были радикально подорваны в результате революционного перехода от феодализма к капитализму (как, например, во Франции), сравнительно быстро торжествовал в чистом виде либо становился явно преобладающим «американский» тип буржуазной аграрной эволюции. Там же, где ведущую роль в сельскохозяйственном производстве при переходе к капитализму играло помещичье хозяйство (как, например, в Пруссии), побеждал «прусский» путь.

Особенность России состояла в том, что здесь при в целом преобладающей роли буржуазно-помещичьей тенденции (хотя в ряде регионов — Юг и Север европейской части страны, а также Сибирь и Дальний Восток — развитие шло в основном по буржуазно-крестьянскому пути), ни один из двух путей буржуазной аграрной эволюции вплоть до 1917 г. так и не победил. На стороне крестьянства была его господствующая роль в сельскохозяйственном производстве. К концу эпохи капитализма крестьяне давали более 90% производства валовой продукции земледелия и скотоводства и значительно более половины ее товарной массы [61]. Помещики же владели лучшими землями и пользовались мощной экономической и политической поддержкой самодержавного государства, т. е. располагали широкими возможностями давления на крестьянское хозяйство. В итоге ход исторического развития был таков, что в результате провала столыпинской аграрной реформы в канун первой мировой войны, как отмечалось, все возможности победы аграрного капитализма в его «прусском» варианте были исчерпаны. В результате буржуазно-демократической революции, которая должна была устранить помещичье землевладение, мог восторжествовать буржуазно-крестьянский тип аграрных отношений. Но и здесь ход истории внес свои коррективы. «Война, — указывал В. И. Ленин, — причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, и в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия *не могут* ограничиваться рамками капитализма» [62]. В этих условиях обрела иное значение и такая буржуазно-демократическая мера, как национализация земли. «...Национализация земли,— подчеркивал В. И. Ленин,— есть не только „последнее слово" буржуазной революции, но и *шаг к социализму*» [63].

Таким образом, в России вскоре после того, как определилась невозможность победы буржуазно-помещичьего пути аграрной эволюции, обнаружилась невозможность победы и буржуазно-демократического, крестьянского пути этой эволюции. Буржуазно-демократические, по своей сущности аграрные, преобразования могли быть теперь лишь

[61] См.: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России. В сб.: Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

[62] Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 412.

[63] Там же, с. 413.

частными задачами социалистической революции, оказывались отправным моментом на пути к социалистическим аграрным преобразованиям.

Блестящий ленинский анализ альтернативного характера буржуазного аграрного развития России в пореформенный период позволяет более глубоко понять целый ряд явлений как данного периода, так и предшествующих ему этапов исторического развития. Начать с того, что при учете этой альтернативы становится более очевидным такое явление, как то, что аграрно-крестьянский вопрос в России был в течение всей эпохи капитализма основным вопросом общественной жизни, главной социально-экономической задачей, которую должна была решить буржуазно-демократическая революция. Еще более существенным представляется то, что наличие объективных предпосылок для победы буржуазно-крестьянского пути и практическая невозможность такой победы в результате совместного противостояния этому пути дворянско-буржуазного лагеря и самодержавия фактически создавали ситуацию, когда буржуазное по своей сути явление не могло стать реальностью в буржуазных условиях. Это несомненно было одним из факторов, ускорявших перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, которая попутно решила буржуазно-демократическую задачу, ликвидировала частную собственность на землю и передала ее крестьянам.

Анализ рассматриваемой альтернативы позволяет историкам более глубоко понять историческое значение и ряд черт в аграрной истории феодальной эпохи. Это прежде всего относится к пониманию роли такой формы феодальных отношений, как система государственного феодализма. Широкое распространение в России государственного феодализма (перед отменой крепостного права государственные крестьяне составляли более 40% от их общей численности) было одним из важнейших факторов, обусловивших господствующую роль крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве.

В свете указанной альтернативы необходимы коррективы и во взглядах на крестьянскую общину. Она тоже сыграла свою роль в том, что крестьянское хозяйство оказалось объективно более подготовленным к буржуазной аграрной эволюции, чем помещичье. В общине, разумеется, отсутствовало равенство входивших в него хозяйств. Но при общинном землепользовании каждый крестьянин имел право на надел и, как правило, получал его. Принцип круговой поруки побуждал общину добиваться того, чтобы все дворы вели хозяйство и были тяглоспособны. Более того, существовала целая система мер по оказанию помощи нетяглоспособным крестьянам. Все это давало определенные результаты. Они выражались в том, что в районах с общинным землепользованием слой крестьян, не ведущих собственного хозяйства, был в целом невелик. Во всяком случае, он был в несколько раз меньше, чем в районах с подворным землепользованием (западные районы страны). Такое положение позволяло помещикам, ведущим собственное хозяйство и эксплуатировавшим крестьян на барщине, почти всецело базировать производство на крестьянском хозяйстве, используя не только их рабочую силу, но и инвентарь и тягловый скот. В результате этого большинство помещиков не имели собственной производственно-технической базы и не обрели опыта ведения хозяйства на основе этой базы путем эксплуатации лишенных средств производства крепостных крестьян. Этим была обусловлена неподготовленность помещичьего хозяйства к перестройке на капиталистический лад после падения крепостного права. Поэтому не только из-за своего низкого удельного веса в сельскохозяйственном производстве, но и по уровню производственно-технической базы и организации производства помещичье хозяйство не могло доминировать в процессе буржуазной аграрной эволюции.

Но указанная система общинных отношений сыграла свою роль и в том плане, что ее нацеленность на ведение хозяйства всеми дворами приводила к повышению доли крестьянского хозяйства в земледельческом производстве.

Иллюстрацию того, как анализ альтернативного характера буржуазной аграрной эволюции в пореформенной России позволяет углубить изучение целого ряда других явлений исторического развития, можно было бы и продолжить. Но и из отмеченного очевидна необходимость тщательного изучения исторических альтернатив с целью более глубокого понимания реального хода исторического развития. Главное состоит в том, чтобы выявлялись и конкретно исследовались реальные исторические альтернативы. Успех здесь определяется как обобщением опыта конкретно-исторического изучения альтернатив, так и прежде всего разработкой теоретических и методологических основ такого изучения. В привлечении внимания исследователей к связанным с этим вопросам и видел свою задачу автор.

О. Г. БУХОВЕЦ

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ОБЩЕСТВЕННОМУ СОЗНАНИЮ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

(Опыт применения контент-анализа при изучении приговоров и наказов 1905—1907 гг.)

Отличительной чертой советской исторической науки является тяготение к «интегральному, системному, т. е. целостному, рассмотрению изучаемых объектов, явлений и процессов» [1]. Понятно, что успешное решение задач, возникающих при таком подходе, возможно лишь при условии пополнения методического арсенала исторической науки методами наук «сопредельных». К числу таких методов относится и контент-анализ, разработке и применению которого положили начало социологи.

Контент-анализ представляет собой специальный метод анализа комплексов источников, разнообразных по содержанию и объему [2]. Его объектами могут быть делопроизводственные документы, дневники, письма, материалы прессы, научные трактаты, всякого рода анкетные и т. п. сведения. Причем контент-анализ дает возможность эффективно извлекать из источников не только явно выраженную, но и «скрытую» информацию, в разработке методов получения которой заключается одна из основных задач современного источниковедения [3].

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы на основе применения методов контент-анализа — выявить основные возможности использования приговоров, наказов, обращений, принимавшихся сельскими и волостными сходами и собраниями крестьян в 1905—1907 гг., для изучения массового сознания крестьянства в годы первой российской революции [4].

---

[1] Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984, с. 4.

[2] См.: Алексеев А. Н. Контент-анализ, его задачи, объекты и средства.— Социология культуры. Вып. 1. М., 1974; Количественные методы в исторических исследованиях, с. 39—40; Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984, с. 98—102; Словарь прикладной социологии. Минск, 1984, с. 57—59 и др.

[3] См.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с. 8; Лубский А. В., Пронштейн А. П. Некоторые теоретические и методические проблемы источниковедения массовых источников. В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982, с. 29—30; Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке проблемы).— История СССР, 1982, № 3, с. 145.

[4] Историография изучения приговоров и наказов весьма обширна: по нашим подсчетам, с 1906 г. по настоящее время вышло уже более 70 специальных и общих работ

Составляя приговоры и наказы, т. е. документы, содержание которых являлось принципиально новым для российской деревни 1905—1907 гг., крестьяне использовали такую традиционную разновидность письменной фиксации решений сельских и волостных сходов по административно-хозяйственным вопросам, как «приговор». Эта же форма лежала и в основе типовых, или примерных, политических приговоров, которые широко распространялись в деревне революционно-демократическими и либерально-оппозиционными партиями и нередко брались крестьянами за основу. Благодаря наличию формуляра приговоры и наказы по своей внутренней форме достаточно унифицированный источник.

Чтобы конкретно представить, что же собственно могут дать они для изучения общественного сознания крестьянства, необходимо прежде всего получить представление о том, какими способами выражено многообразие их содержания. Использовались ли в них более или менее повторяющиеся, инвариантные выразительные средства? Рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении 156 документов Самарской губернии и 44 документа Воронежской губернии[5]. Выбор именно этих губерний объясняется тем, что при проведении нами исследования о положении и социально-политическом поведении в революции крестьян, принимавших политические приговоры, необходимо было решить принципиальный вопрос о том, в какой степени при изучении этой и других форм борьбы крестьянства можно опираться на хроники крестьянского движения 1905—1907 гг. Из хроник же, выпущенных в свет к настоящему времени, наиболее отвечающими требованиям такого изучения являются хроники по Воронежской и Самарской губерниям. Анализ текстов приговоров и наказов по этим губерниям позволяет выделить следующие их группы по выразительности средств:

1. Суждения (к примеру: «Крестьяне и земля неразлучны», или «Рабочий класс находится во главе борьбы трудового народа»).

по истории первой революции, в которых они используются как исторический источник, дающий возможность получить представление о коренных сдвигах в общественном сознании российского крестьянства в эпоху революции 1905—1907 гг. См.: Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902—1906 гг.). СПб., 1907; Марев П. Политическая борьба крестьянства.— Борьба общественных сил в русской революции. Вып. 3. М., 1907; Сивков К. Крестьянские приговоры 1905 г.— Русская мысль, 1907, кн. 4; Маслов П. Аграрный вопрос в России, т. 2. СПб., 1908; Першин П. Н. Крестьянство в революции 1905 г.— Вопросы истории, 1946, № 11—12; Нильве А. И. Приговоры и наказы крестьян во II Государственную думу.— История СССР, 1975, № 5; Михайлова В. И. Социально-политические требования крестьянства в наказах Первой Государственной думе.— Актуальные проблемы аграрной истории Украины. Днепропетровск, 1980; Кузнецов А. А. Наказы сибирских крестьян в I и II Государственные думы.— Социально-экономические отношения и классовая борьба в дореволюционной деревне. Калинин, 1979; Трехбратов Б. А. О статистическом изучении приговоров и наказов крестьян в I Государственную думу (на примере степного Предкавказья).— Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982 и др.

[5] См.: ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 1, д. 2, л. 182, 190, 197, 199, 207, 661, 783—784, 922, 925, 927; д. 235, л. 38—38 об.; д. 237, л. 206—208; д. 238, л. 32—32 об.; д. 239, л. 3, 5, 25, 31, 53; 127, 143—144; д. 243, л. 5, 7, 14, 33, 49, 55, 70, 71, 91; д. 269, л. 3, 23; д. 270, л. 41; д. 271, л. 22, 39, 50; д. 281, л. 53—55 об.; д. 288, л. 251—252; д. 291, л. 63—63 об.; д. 293, л. 11, 222; д. 757, л. 3—3 об., 68, 69, 70, 71, 75—77 об., 78—78 об., 81—81 об., 82—83 об., 84—84 об., 85—87 об.; д. 759, л. 229—232; д. 785, л. 15—18; д. 786, л. 183—184; д. 1343, л. 3—6 об., 14—16; д. 1344, л. 153, 156, 176, 208; ф. 1276, оп. 1, д. 173, л. 38—39, 82, 126—128 об.; ЦГАОР СССР, ДП, 00, 1905 (II отд.), оп. 233, д. 2550, ч. 21, л. 30—31, 246а—246б; 1906 (II отд.), оп. 236, д. 715, т. 2, л. 266—266 об.; Воронежский гос. обл. архив, ф. 1, оп. 1, д. 764, л. 343 об.; д. 796, л. 1—22; д. 818, л. 6; д. 822, л. 1—1 об., 19; ф. 6, оп. 1, д. 704, л. 2—2 об.; Известия крестьянских депутатов, 1906, 27, 28 мая; Крестьянский депутат, 1906, 28 июня, 1, 5 июля; Трудовая Россия, 1906, 10 июня; Воронежское слово, № 1, 20, 107, 108, 125, 127—129, 150—152, 156, 159, 177, 191, 196; Самарский курьер, № 401, 430, 431, 434, 539, 552, 565, 566; Крестьянские наказы Самарской губернии. Самара, 1906, с. 32—79, 86—87; Второй период революции. 1906—1907 гг. Ч. 1. Январь — апрель 1906 г. Кн. 1. М., 1957, с. 686—688; Январь — июнь 1907 г. Кн. 1. М., 1963, с. 376—377; Высший подъем революции. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г., ч. 2. М., 1955, с. 324—325; Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Апрель — сентябрь, ч. 1. М., 1957, с. 677—678, 681—682; 1905 г. в Самарском крае. Самара, 1925, с. 444, 458—460; 1905 г. в Самарском крае. Самара, 1925. Приложения, с. 101, 105, 126, 141, 149, 166, 173; Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955, с. 240—241; Революционное движение в Воронежской губернии 1905—1907 гг. Воронеж, 1955, с. 302—303.

2. Требования (национализировать землю, созвать Учредительное собрание и т. д.).

3. Запросы и просьбы (например, о наделении землей, запросы о том, покупать ли крестьянам землю или же подождать до решения аграрного вопроса).

4. Призывы, лозунги, приветствия (например, призыв к армии — «Не проливать народной крови», приветствия Трудовой группе, лозунг «Земля и воля!» и др.).

5. Предупреждения, обещания, заверения (предупреждения депутатам Думы о том, что в случае уступок правительству они будут народом наказаны; обещание оказать Думе поддержку в ее конфликте с правительством и т. д.).

6. Постановления о конкретных мерах (об изгнании полиции, об отказе давать новобранцев и др.).

Очевидно, что для более или менее полного извлечения социальной информации, зафиксированной в приговорах и наказах, необходим учет всех выделенных инвариантных составляющих. В качестве примера, раскрывающего процедуру такого учета, используем текст краткой телеграммы в 1 Думу крестьян с. Верхняя Хава Воронежской губернии: «Крестьяне Верхне-Хавского сельского общества Воронежского уезда на сходе 22 мая постановили приветствовать Думу; боритесь... пока не добудете обездоленному народу землю и права. Ничем не смущайтесь, за вас 100 миллионов»[6]. На основе этого текста можно выделить 6 (как минимум) признаков (показателей), выраженных в тексте в прямой форме и отражающих потребности, интересы, настроение, отношение к ряду вопросов и, наконец, иллюзии крестьян: 1) общее суждение об «обездоленности» народа, 2) приветствие Думе, 3) призыв к Думе бороться за интересы народа, 4) требование (неконкретизированное) земли, 5) требование (неконкретизированное) политических прав, 6) заверение в поддержке.

Такую же работу мы проделаем по всей совокупности документов обеих губерний. Как видно из приложения 1, количество этих показателей внушительно (всего их 177), широка и тематика: от определения нормы наделения «всех граждан» России землей до требования учредить международный суд и др. Характерно то, что наряду с радикальными требованиями революционной демократии (Учредительное собрание, национализация земли и др.), крестьяне выдвигали и такие, на которых лежит явная печать царистских иллюзий («царь нам нужен» и т. д.).

Что можно сказать о распределении признаков в совокупности документов? Для ответа на этот вопрос построим ряд частот их встречаемости. Из данных приложения 2 видно, что значения частот встречаемости всех 177 показателей последовательно возрастают в диапазоне от 1 до 105. В верхней части ряда находятся наиболее инвариантные признаки. Однако говорить при этом об абсолютном доминировании каких-либо из них не приходится. Даже если взять, к примеру, группу признаков, связанных с Думой (а их столь широкая представленность объясняется просто: 158 из 200 документов адресованы I и II Думам), то, как видим, лишь самый распространенный из них — призыв всемерно отстаивать интересы народа (144 — здесь и далее в скобках указываем номер признака в приложении 1) — встречается чуть больше, чем в половине документов. Остальные же (109, 136, 138) не «преодолевают» даже 50-процентный «барьер».

Из признаков социально-экономического характера наиболее часто встречающимися являются, во-первых, различные формы констатации нищеты, разорения, малоземелья, высоких арендных цен и налогов (23, 39, 46, 49); во-вторых, различные вариации требований передать народу (крестьянам) землю и заменить косвенные налоги единым прогрессивно-подоходным налогом (1, 9, 15, 18, 21, 44).

Что касается «высокочастотных» показателей политического характера, то кроме упоминавшейся группы показателей, связанных с требованиями к Думе, мы также находим выражения враждебного отношения к самодержавно-крепостническому бюрократическому аппарату и заявления о готовности крестьян бороться за свои интересы (62, 85, 102, 109). Высокой частотой встречаемости отличаются также требования созыва Учредительного собрания и коренного демократического переустройства государства (58, 79, 90, 115, 125), широких политических свобод и всеобщего бесплатного обучения для народа (77, 126, 145, 146), амнистии, отмены смертной казни и военного положения (82—84).

Бо́льшую часть ряда (см. прил. 2) занимают показатели с невысокой встречаемостью признака, причем замыкают его 39 признаков, каждый из которых встречается

[6] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 1, д. 2, л. 922.

всего 1 раз. Вся совокупность, состоящая из 100 с лишним признаков, может быть подразделена на несколько групп. В одну из них следует включить показатели, отражающие стремление мелких производителей «обезопасить» свое существование в условиях буржуазной эволюции сельского хозяйства путем введения различных «норм» наделения землей, «запретов» найма рабочей силы и т. д. (10, 11, 13, 35, 40).

Другая группа объединяет показатели, касающиеся ряда таких частных в условиях революции вопросов, как, например, требования проведения обязательного государственного размежевания земель, или принятия Думой закона о землеустроительных комиссиях и др. (27, 28, 33, 34, 36, 53, 54, 57, 177). В нее включены также такие показатели, как требования и ходатайства об увеличении продовольственной ссуды и оказания помощи крестьянам во время голода и падежа скота (50—52).

Третью группу составляют признаки, характеризующие политическую зрелость крестьян и степень осознания ими проблем, от решения которых зависел исход революции. Это — суждения о необходимости объединения всего «трудового народа», требования 8-часового рабочего дня и республики, выражение недоверия к Думе и к партии кадетов (60, 63, 64, 66—70, 71—73, 75, 76, 86, 97, 106, 110, 112, 114, 156).

Четвертая группа состоит из совокупности показателей, представляющих собой, в сущности, более специфические варианты тех «высокочастотных» требований, суждений и т. д., которые находятся в начале частотного ряда (2—5, 14, 16, 22, 25, 29, 37, 38, 41, 43, 47, 48, 65, 74, 78, 80, 81, 91—95, 104, 105, 113, 118, 119, 122—124, 127—130, 132, 133, 137, 139—142, 147—149, 161). Например, суждение о том, что земля как «дар божий» не должна находиться в частной собственности, представляет собой разновидность требования национализации земли; требования общего сокращения госаппарата и народного контроля за деятельностью всех госорганов (варианты требования демократического переустройства государства). Между прочим, данное обстоятельство дает возможность при необходимости «укрупнять» однородные признаки посредством их усреднения.

В пятую группу входят постановления о всякого рода конкретных мерах, например, о захвате земли или об отказе участвовать в выборах в Думу и т. д. (6, 26, 61, 87, 88, 101, 108, 154, 157, 158).

В шестую группу объединены те показатели, которые отражают понимание крестьянами обреченности таких пережиточных институтов, как надельное землевладение и община. Это — требования передать надельные земли в частную собственность, ликвидировать общинные законы и др. (31, 32, 121).

И последнюю группу образуют показатели, свидетельствующие о таких весьма свойственных крестьянству проявлениях политической наивности и незрелости, как монархические, конституционные и реформистско-соглашательские иллюзии и настроения. Сюда кроме показателей типа: «царь нам нужен» и «устранить чиновничье средостение между царем и народом» — следует, в частности, включить допущение «справедливой» оценки и выкупа за отчуждаемые частновладельческие земли, призыв к единству депутатов — кадетов и депутатов от крестьян, выражение надежд на достижение мирным путем «заветных целей народа» и т. д. (55, 56, 135, 162—166, 168—176).

Таким образом, группировка столь внушительной по количеству совокупности «низкочастотных» признаков свидетельствует, что они отнюдь не представляют собой какое-то хаотичное множество, которое трудно упорядочить по формальному или сущностно-содержательному критерию.

Итак, уже в первом приближении анализ достаточно наглядно показывает, насколько объемно и разносторонне, с большим количеством нюансов отражены в выделенных признаках социально-экономические и социально-политические требования, интересы, идеалы боровшихся крестьян, их настроения, социальные чувства и отношение к широкому кругу проблем, стоящих перед крестьянством и страной в целом в условиях революции 1905—1907 гг.

Ряд частот встречаемости признаков показывает, что наиболее «высокочастотные» показатели, с одной стороны, и «низкочастотные» — с другой, сбалансированы таким образом, что относительное преобладание первых по встречаемости как бы уравновешивается большим количеством вторых, в результате чего взвешенная средняя арифметическая встречаемости всех 177 признаков равняется 11,4.

Посмотрим, что нового даст нам программа приговоров и наказов по каждой губернии в отдельности. Общее количество признаков по 156 документам Самарской губернии составляет 161 [7], а по 44 документам Воронежской губернии — 86 [8]. Что же является в их программе общим и что — особенным? Как видно из приложения 1 [9], такими общими для приговоров обеих губерний являются 70 признаков, т. е. всего лишь 39,5% от общего их количества (177). Без малого две трети — «высокочастотные». Характерно в этой связи, что из всех 49 показателей со встречаемостью, равной 10 и выше (см. прил. 2), в список 70 «общих» признаков попадают 45, т. е. меру общности в программах документов двух находящихся на значительном удалении друг от друга губерний отражают главным образом именно эти 45 признаков с высокой встречаемостью. Что они собой представляют? Из показателей социально-экономического характера это прежде всего показатели, свидетельствующие о нищете, разорении, малоземелье, высоких арендных ценах и налогах (23, 39, 46, 49); затем — показатели, свидетельствующие о надеждах крестьян с помощью требований приговоров решить аграрный вопрос. Здесь мы видим и самые радикальные требования — требование национализации земли (1) и более умеренное — в виде нескольких вариантов дополнительного наделения землей (17—19), и неопределенное — в форме лозунга «Земля и воля!» (21). «Общим» для документов обеих губерний был и подход к проблеме субъекта решения аграрного вопроса (разумеется, в тех случаях, когда крестьяне вообще касались ее): в качестве такового мыслились как Учредительное собрание, так и Дума (7, 24). Из признаков с высокой встречаемостью общими являются и требования введения подоходного налога и отмены недоимок и выкупных платежей (42, 44). Особенно интересно, что в числе «общих» находится и требование общинного землевладения и уравнительного землепользования (12).

Из «высокочастотных» признаков политического характера общими для документов обеих губерний являются заявления о присоединении к Всероссийскому крестьянскому союзу и о готовности бороться за свои интересы (59, 62), требование Учредительного собрания и различные варианты требований политических свобод, амнистии, отмены смертной казни и военного положения (58, 77, 82—84, 138, 145). Далее идут требования демократической реформы государственного устройства (79, 89, 90, 115, 116, 125). Видное место занимают показатели, фиксирующие крайне враждебное отношение крестьян к правительству и помещикам (102, 103, 109, 155). Примечательно, что в списке «общих» показателей оказалось и осуждение дискриминации по признаку национальности, религии, пола (150).

Теперь об оставшихся 25 (из 70) показателях со встречаемостью менее 10. Около половины из них являются различными вариантами охарактеризованных выше «высокочастотных» признаков (2, 16, 26, 37, 43, 47, 65, 93, 95, 161). Остальные представляют собой упоминавшиеся уже постановления о конкретных мерах (88, 101, 157, 158), свидетельства царистских, конституционных и реформистско-соглашательских иллюзий (55, 56, 140, 142, 163, 165, 171), выражения недоверия к Думе (106), приветствия Трудовой группе (71), обличения отработочной системы (41) и, наконец, осуждение русско-японской войны (100).

Выше мы уже отмечали, что 70 общих для обеих губерний признаков составляют 39,5% от общего их числа (177). Если же вывести процент отдельно для показателей экономического и политического характера, то результат получится очень интересным: из 57 «экономических» показателей в группу из 70 показателей попадает 25, или 43,9%, в то время как из 120 «политических» в нем оказывается 45, или уже только 37,5%. Таким образом, мера общности в части экономической программы документов заметно выше, нежели политической.

---

[7] См. показатели, приведенные в приложении 1, за исключением показателей 5, 31—33, 35, 57, 60, 61, 87, 108, 113, 121, 130, 135, 154, 176.

[8] См. там же, показатели 1, 2, 5, 7, 9, 12, 15—19, 21, 23, 24, 26, 31—33, 35, 37, 39, 41—44, 46, 47, 49, 55—62, 65, 71, 77, 79, 82—85, 87—90, 93, 95, 100—103, 106, 108, 109, 113, 115, 116, 121, 125, 126, 130, 131, 134—136, 138, 140, 142—146, 150, 154, 155, 157, 158, 161, 163, 165, 167, 171, 176.

[9] См. там же показатели 1, 2, 7, 9, 12, 15—19, 21, 23, 24, 26, 37, 39, 41, 42—44, 46, 47, 49, 55, 56, 58, 59, 62, 65, 71, 77, 79, 82—85, 88—90, 93, 95, 100—103, 106, 109, 115, 116, 125, 126, 131, 134, 136, 138, 140, 142—146, 150, 155, 157, 158, 161, 163, 165, 167, 171,

Теперь о тех показателях, которые встречаются только в приговорах либо одной, либо другой губернии, т. е. тех, которые отражают особенное в их «программах» [10].

Итак, 107 из 177 показателей (т. е. 60,5%) общими для документов Самарской и Воронежской губерний не являются. Какие показатели попали в эту совокупность? В подавляющем большинстве это признаки, занимающие центральные и нижние строчки ряда частот встречаемости. Прежде всего, естественно, сюда попадают все 39 признаков, встречающихся один раз. Однако абсолютное большинство в совокупности принадлежит все-таки не им. 64 показателя (или 59,8% от 107) встречаются от 2 до 9 раз (как помним, среди 70 «общих» признаков их только 25). В совокупности «необщих» оказались даже 4 признака, встречающиеся 10 и выше раз.

Конкретно обо всех этих показателях можно сказать следующее. Из четырех «высокочастотных» показателей один является предупреждением депутатам Думы о том, что в случае уступок правительству они будут народом наказаны, а остальные три представляют собой требования суда над должностными лицами, демократической реформы местных органов власти и перевода церкви на государственное содержание (96, 107, 120, 152).

Относительно оставшихся признаков в полной мере сохраняется группировка, проведенная выше при анализе частотного ряда. Причем в трех из семи выделенных тогда групп совокупность «необщих» показателей сохраняет за собой все признаки. Это, во-первых, показатели, отражающие стремления крестьян «застраховать» себя различными «нормами» и «запретами» (10, 11, 13, 35, 40); во-вторых, признаки, имеющие отношение к частным в условиях революции вопросам (27, 28, 33, 34, 36, 50—54, 57, 177), и, в-третьих, признаки, характеризующие «разрушительные» в отношении общины и надельного землевладения устремления крестьян (31, 32, 121). В составе «необщих» остается большая часть признаков, свидетельствующих о политической зрелости крестьян (60, 63, 64, 66—70, 72, 73—76, 86, 97, 110, 112, 114, 156). Лишь выражения недоверия к Думе и приветствия Трудовой группе, как помним, вошли в состав совокупности из 70 показателей. Группа постановлений о всякого рода конкретных мерах разделилась между совокупностями «общих» и «необщих» признаков поровну. Причем в последнюю попадают постановления о захвате земли, об организации сопротивления войскам, об упразднении полиции, о различных мерах против духовенства и об отказе от участия в выборах в Думу (6, 61, 87, 108, 154). Из группы признаков, отражающих проявления политической наивности и незрелости крестьян, к совокупности из 70 показателей относятся требования «довести до царя голос народа», допущение выкупа по «справедливой» оценке, выражения благодарности царю «за дарованные милости» и, наконец, выражение надежд на достижение мирным путем «заветных целей» народа. Остальные же являются «необщими» (135, 151, 162, 164, 166, 168—170, 172—177). В совокупность «необщих» входит и основная часть большой группы показателей, являющихся, в сущности, разновидностями тех «высокочастотных» экономических и политических требований, суждений и т. д., которые вошли в группу из 70 показателей. Это — различные варианты требований решения вопроса о земле (общенародный земельный фонд), понижения арендной платы и налогов (освободить бедняков от уплаты налога и податей), широких политических свобод («Претворить в жизнь свободы, обещанные Манифестом 17 октября!»), ликвидации сословного неравноправия крестьян (доступ крестьянам ко всем государственным должностям), всеобщего обучения (ликвидировать привилегированные школы) и др. [11]

Итак, при более глубоком рассмотрении, унифицированность документов «приговорного» движения оказывается явлением внешним и обманчивым. Общность их содержания имеет, как видим, свои границы, а меру разнообразия в их «программе» нельзя не признать высокой.

---

[10] Только в приговорах Самарской губернии содержатся показатели: 3, 4, 6, 8, 10, 11, 13, 14, 20, 22, 25, 27—30, 34, 36, 38, 40, 45, 48, 50—54, 63, 64, 66—70, 72—76, 78, 80, 81, 86, 91—94, 96—99, 104, 105, 107, 110—112, 114, 117—120, 122—124, 127—129, 132, 133, 137, 139, 141, 147—149, 151—153, 156, 159, 160, 162, 164, 166, 168—170, 172—175, 177. Только в документах Воронежской губернии встречаются показатели: 5, 31—33, 35, 57, 60, 61, 87, 108, 113, 121, 130, 135, 154, 176.

[11] См. приложение 1, показатели: 3—5, 14, 22, 25, 29, 38, 45, 48, 78, 80, 81, 91, 92, 94, 104, 105, 113, 118, 119, 122—124, 127—130, 132, 133, 137, 139, 141, 147—149.

Но не является ли столь высокая степень разнообразия лишь следствием того, что Воронежская и Самарская губернии не представляют собой единого целого ни в территориальном отношении, ни по социально-экономическому и социально-политическому облику? Более показательным в данном случае было бы, очевидно, установление меры общего и особенного в содержании документов различных районов внутри каждой губернии [12]. Посмотрим, какие наборы признаков дают приговоры и наказы различных районов Самарской [13] и Воронежской губерний [14]. Совершенно очевидно значительное разнообразие в наборах показателей и на районном уровне. Составим перечни общих признаков для документов различных районов внутри каждой из губерний [15]. Итак, соотношение «общих» и «необщих» показателей на внутригубернском срезе аналогично межгубернскому. Из 161 показателя документов Самарской губернии общими для северного и южного районов являются 74, или 46%, а из 84 признаков документов северо-западного и центрального районов Воронежской губернии общими для них являются 34 (т. е. 40,5%) (соответствующий «межгубернский» показатель — 39,5%). Таким образом, в каждой из губерний общие для документов различных районов признаки составляют значительно менее половины. Такое сочетание общих и специфических показателей свидетельствует как о многослойности содержащейся в приговорах и наказах информации, так и о ее региональной «полихромности».

Ведя выше речь о 70 признаках как о «носителях» общности содержания документов обеих губерний, мы как бы постулировали, что показатели, общие для губерний, таковыми же являются и для всех четырех районов данных губерний. На самом деле это не совсем так. Ведь для того, чтобы попасть в список 70 показателей, достаточно, чтобы показатели были представлены в документах всего лишь одного из районов каждой губернии. Поэтому в строгом смысле слова общими признаками можно назвать лишь те из 70, которые общими являются для совокупностей документов всех четырех районов. Посмотрим, что это за признаки [16].

---

[12] Самарская и Воронежская губернии по численности крестьянского населения принадлежали к числу крупнейших в России. В рассматриваемый период в них проживало свыше 5 млн. крестьян. В целях обеспечения наиболее оптимальных условий для проведения исследования нами была проведена — на базе важнейших признаков социально-экономического и социально-политического порядка — территориальная типизация обеих губерний, т. е. объединение всех 19 уездов в районы: по Самарской — северный (Бугульминский, Бугурусланский, Самарский, Ставропольский уезды) и южный (Бузулукский, Николаевский, Новоузенский); по Воронежской — северо-западный (Воронежский, Коротоякский, Нижнедевицкий, Землянский, Задонский), центральный (Бобровский, Острогожский, Павловский, Бирючинский, Валуйский) и юго-восточный (Богучарский и Новохоперский).

[13] Из 156 документов Самарской губернии 100 относятся к южному району (в них выделено 138 показателей), за исключением показателей: 5, 8, 10, 30—33, 35, 40, 41, 48, 50, 57, 59—61, 68, 70, 72—74, 87, 88, 93, 97, 108, 113, 114, 117, 121, 130, 133, 135, 147, 151, 154, 157, 166, 176) и 56 — к северному (выделено 97 показателей: 1, 2, 4, 6—10, 12, 15—19, 21, 23, 24, 26, 30, 39—42, 44, 46—50, 52, 58, 59, 62, 64, 66, 68, 70—77, 79, 82—85, 88, 89, 91—93, 95—97, 102, 103, 105—107, 109, 112, 114—117, 120, 122, 124—126, 131, 133, 134, 136—138, 140, 141, 143—147, 150—152, 155, 157, 162, 163, 166, 177).

[14] Из 44 приговоров Воронежской губернии 22 относятся к северо-западному району (выделено 64 признака: 1, 5, 9, 12, 15, 16, 18, 19, 21, 23, 31, 33, 35, 37, 39, 41, 42, 44, 49, 55—57, 59, 60, 62, 71, 77, 79, 82—84, 87, 88, 90, 93, 95, 100—103, 106, 109, 115, 116, 121, 125, 126, 131, 134—136, 138, 140, 143—146, 150, 154, 155, 158, 165, 167, 176); 18 — к центральному (выделено 53 показателя: 1, 2, 5, 7, 9, 12, 15, 17, 18, 21, 23, 24, 26, 32, 37, 39, 41—44, 46, 47, 49, 58, 59, 65, 77, 79, 82, 85, 90, 102, 106, 108, 109, 113, 115, 116, 126, 130, 136, 138, 140, 142, 144—146, 155, 157, 161, 163, 165, 171) и 4 — к юго-восточному (выделено 12 показателей: 15, 43, 61, 85, 87, 89, 109, 136, 144, 146, 154, 158).

[15] Показатели, общие для документов северного и южного районов Самарской губернии: 1, 2, 4, 6, 7, 9, 12, 15—19, 21, 23, 24, 26, 39, 42, 44, 46, 47, 49, 52, 58, 62, 64, 66, 71, 75—77, 79, 82—85, 89, 91, 92, 95, 96, 102, 103, 105—107, 109—112, 115, 116, 120, 122, 124—126, 131, 134, 136—138, 140, 141, 143—146, 150, 152, 155, 162, 163, 177. По Воронежской же губернии подобный перечень имеет смысл составлять только для центрального и северо-западного районов, поскольку количество документов по юго-восточному району слишком незначительно (см.: 1, 5, 9, 12, 15, 17, 21, 23, 37, 39, 41, 42, 44, 49, 59, 77, 79, 82, 85, 90, 102, 106, 109, 115, 116, 126, 136, 138, 140, 144—146, 155, 165).

[16] См. приложение 1, показатели: 1, 9, 12, 15, 18, 21, 23, 39, 42, 44, 49, 77, 79, 82, 85, 102, 106, 109, 115, 116, 126, 136, 138, 140, 144—146, 155.

Итак, в список общих для четырех районов признаков попало только 28 показателей. Однако, несмотря на то, что эти 28 признаков составляют лишь 15,8% от общего их количества (177), они тем не менее являются, благодаря высоким частотам встречаемости, своего рода «общим основанием» содержания всех 200 документов. Об этом свидетельствуют такие выкладки. Суммарная встречаемость всех 177 признаков составляет 2020. Из них 1261 (или 62,4%) приходится именно на указанные 28 показателей, а 759 (37,6%) — на остальные 149.

Интересно, что такая (отмеченная уже применительно к группе из 70 показателей) особенность как более высокая мера общности в части экономических показателей в той же степени проявляется и в группе из 28 показателей: из 57 «экономических» признаков в этой группе мы находим 11, или 19,3%, а из 120 «политических» в нее попали 17, что составляет только 14,2%.

Обратимся теперь к содержательному анализу 28 общих показателей для четырех документов районов. В части социально-экономической в них фигурируют показатели о нищете и малоземелье, высоких арендных ценах и разорительных налогах, недоимках и выкупных платежах. Есть среди них и показатели, свидетельствующие о том, что крестьянство видит пути решения этих проблем. При этом некоторые показатели весьма конкретны и радикальны (требование национализации, введения подоходного налога, «землю тем, кто сам ее обрабатывает»), другие же — довольно «туманны» (15, 18, 21). Характерным является и то, что в совокупности из 28 признаков есть требование общинного землевладения и уравнительного землепользования.

Теперь о показателях политического характера. Большая группа их отражает враждебность по отношению к помещикам и государственной власти (85, 102, 109, 138, 155). Выражением коренных сдвигов в крестьянском движении и сознании крестьянства является тот факт, что среди незначительного числа общих для всех районов показателей оказались и те, которые свидетельствуют о необходимости борьбы не только за «землю», но и за «волю». Это и собственно требование демократических свобод, и старый революционный лозунг «Земля и воля!», и требование упразднить сословный строй. Общим для крестьян было и представление о том, что созыв «выборных, облеченных доверием народа» и всеобщие, равные, прямые выборы с тайной подачей голосов приведут к коренным преобразованиям в стране. Чрезвычайно широкая распространенность требования амнистии борцам за народное дело является прямым подтверждением роста среди значительной части крестьянства чувства классовой солидарности. Знаменательно, что в группу из 28 показателей попало и требование всеобщего бесплатного обучения для народа. Оно свидетельствует о принципиально новом социальном явлении — массовой потребности крестьян в образовании.

Но, будучи носителем революционных настроений, крестьянство как класс мелких собственников подвержено в то же время конституционным настроениям. В период революции 1905—1907 гг. последняя потенция особенно ярко реализовалась в виде «думских» иллюзий. Понятно, что «приговорное» движение как составная часть общего движения в деревне также не являлось в данном отношении исключением. Конкретно это выразилось как в том, что из 200 выявленных документов 158 (или 79%) адресовались I и II Думам, так и в том, что в группу 28 признаков попало и несколько признаков, свидетельствующих о «думских» иллюзиях.

Итак, из 70 показателей условно «общих» для совокупностей документов двух губерний, лишь 28 являются общими в строгом смысле слова. Набор остальных 42 признаков дает интересный материал для понимания некоторых весьма важных нюансов в идеологии и психологии охваченного движением крестьянства [17].

Если характеризовать социально-экономические показатели группы из 42 признаков, то нельзя не отметить, что основная их часть принципиально ничем не отличается от аналогичных показателей в группе из 28 признаков. Например, суждение: «земля — „дар божий"...» — разновидность требования национализации земли. Суждение о том, что аграрный вопрос решит Учредительное собрание, также по своей «окраске» явно тяготеет к требованию о национализации. Обличения отработочной системы — частный случай обличений помещиков. Свои аналоги среди группы 28 показателей имеют также

[17] См. приложение 1, показатели: 2, 7, 16, 17, 19, 24, 26, 37, 41, 43, 46, 47, 55, 56, 58, 59, 62, 65, 71, 83, 84, 88—90, 93, 95, 100, 101, 103, 125, 131, 134, 142, 143, 150, 157, 158, 161, 163, 165, 167 171.

признаки, касающиеся налоговой системы и цен на аренду. Другое дело — показатели, которые вполне определенно отражают ожидания крестьян относительно того, что аграрный вопрос решит Дума (24, 26). И очень примечательно, что они-то как раз и не попали в число 28 признаков. Еще более важным представляется тот факт, что в эту группу не вошли другие два показателя, явно отражающие реформистские настроения: допущение «справедливой» оценки и выкупа за отчуждаемые частновладельческие земли.

Иная картина складывается при сравнении показателей политического характера. Здесь, в отличие от экономических показателей, самый революционный из которых (национализация земли) входит в совокупность 28 признаков, в группу из 42 признаков попадает целый ряд таких радикальных признаков, как требование Учредительного собрания, заявление о присоединении к Всероссийскому крестьянскому союзу, выражение поддержки Трудовой группы и др. (58, 59, 62, 71). Объяснить это можно тем, что эти требования были слишком «непривычными» для крестьян, чтобы сразу стать повсеместными. Интересным является то обстоятельство, что в группу из 28 показателей не попал ни один из тех показателей, которые свидетельствуют о неизжитых царистских иллюзиях и религиозности. А ведь в эпоху, предшествующую революции, это было характерной особенностью крестьянского сознания. Таким образом, уже сам по себе факт «отсева» подобных показателей из группы устойчиво общих (т. е. группы из 28 показателей) признаков — очень убедительное свидетельство коренных сдвигов, происшедших в сознании крестьян.

В показателях, характеризующих надежды крестьян на Думу (в составе выделенных нами), отражена уже иная разновидность крестьянских иллюзий — конституционная. По своей природе эти иллюзии отличались от царистских прежде всего тем, что они, в сущности, являлись «побочным продуктом» вовлечения крестьян в революционную борьбу и «политизации» крестьянского движения. Кроме того, конституционные иллюзии были куда менее долговечными, нежели вторые, и они, как это показал опыт истории, намного легче изживались крестьянами. Очень знаменателен в этой связи факт, что наряду с признаками, отражающими эти иллюзии, в список из 28 признаков попадает и тот, в котором выражено недоверие к Думе!

Таким образом, системный подход к изучению приговоров и наказов позволил выявить структуру содержащейся в них социальной информации, ее скрытую многослойность и региональную полихромность. Чтобы наглядно представить, какие принципиально новые возможности мы в результате этого получаем, обратимся к следующему примеру. Как выше уже отмечалось, нами было проведено специальное исследование о положении и социально-политическом поведении в революции самарских и воронежских крестьян, принимавших политические приговоры[18]. Один из выводов исследования состоит в том, что крестьяне северного района Самарской и центрального района Воронежской губерний принимали значительно более активное участие в крестьянском движении и применяли при этом более боевые формы борьбы, нежели крестьяне аналогичных селений южного и северо-западного районов этих губерний. В этой связи возникает такой вопрос: правомерно ли считать, что характеру социально-политического поведения в революции крестьян каждого из районов и характеру содержания приговоров, принятых ими, присуща определенная сопряженность? Или, напротив, такая сопряженность в действительности не наблюдалась? Для выяснения этого чрезвычайно важного вопроса сравним удельный вес различных признаков в совокупностях документов каждого из районов. Очевидно, что отобрать для сопоставления нужно те признаки, которые отображают сами цели и задачи революции 1905—1907 гг.

Стратегические и тактические цели и задачи первой буржуазно-демократической революции в России определены, как известно, в Программе партии, принятой на II съезде, в работах В. И. Ленина, а также в большевистских партийных документах и материалах III, IV и V съездов партии. Конкретные положения этих документов и

---

[18] См.: Буховец О. Г. К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905—1907 гг. (По материалам Самарской губернии).— История СССР, 1979, № 3; его же. «Приговорное» движение крестьян в 1905—1907 гг. (Методы изучения по материалам Самарской и Воронежской губерний). Автореф. канд. дис. М., 1984.

послужили критерием при отборе показателей [19]. В итоге отбора в список показателей, отвечающих конкретным программным положениям партии, выводам и оценкам В. И. Ленина, включено всего 87 признаков, т. е. почти половина от общего их числа [20].

Рассматривая показатели в документах каждого из районов с точки зрения их удельного веса, отметим, что преобладающая тенденция в приговорах Самарской губернии прослеживается достаточно четко: 41 показатель более заметно представлен в приговорах северного района и только 29 — южного [21]. Но это чисто количественная характеристика. Более важно то, что на севере губернии значительно шире представлены прежде всего признаки, отражающие требования национализации земли, созыва Учредительного собрания, захвата помещичьих и прочих земель, демократических свобод; содержащие суждения: «вопрос о земле решит Учредительное собрание», четырехчленную формулу избирательного права; выражающие недоверие Думе. Важно также то, что в целом чаще присутствуют показатели, отражающие осознание крестьянами руководящей роли рабочего класса в революции, с одной стороны, и необходимости консолидации крестьянства вокруг таких крестьянских политических организаций, как Всероссийский крестьянский союз и Трудовая группа — с другой [22] (59, 66—73). Лишь один из показателей «стратегического» характера — требование 8-часового рабочего дня — в большей степени (да и то незначительно) представлен в документах южного района.

Обобщенную и в то же время более конкретную картину о степени различий в представленности всех 79 «программных» признаков в северном и южном районах обеих губерний мы можем получить, соотнеся их суммарную встречаемость со встречаемостью всех признаков в совокупности документов каждого из районов. Суммарная встречаемость «программных» показателей на севере губернии составляет 367, а на юге — 520, общая же — соответственно 608 и 1098. Таким образом, на севере губернии в суммарной встречаемости всех признаков на долю «программных» приходится 60,4%, тогда как на юге — только 47,4%.

Коль скоро программные положения революционной социал-демократии намного шире, как мы убедились, представлены в документах северного района Самарской губернии, то можно ли обнаружить сколько-нибудь заметные различия в степени выражения монархических, конституционных и реформистско-соглашательских иллюзий в приговорах северного и южного районов?

Обратимся вначале к сопоставлению группы «думских» показателей (24—28, 38, 80, 104, 109, 131—139, 141, 142—144, 167, 172, 175, 176). Удельный вес их заметно выше в южном районе — в приговорах на их долю приходится 22,6% суммарной встречаемости всех признаков (249 из 1098), тогда как в северных — лишь 16,7% (102 из 608). Интересно также отметить, что даже в тех редких случаях, когда доля этих показателей выше все же на севере, то они носят отчетливо выраженный антиправительственный

---

[19] См.: Ленин В. И. ПСС, т. 1, с. 301; т. 2, с. 85—86, 455; т. 4, с. 251—252, 434—435; т. 5, с. 25, 30; т. 6, с. 311, 344, 348; т. 7, с. 193, 196—197, 371; т. 8, с. 82; т. 9, с. 282, 345, 357; т. 10, с. 161, 273—274, 286, 342; т. 11, с. 330; т. 12, с. 67—68, 70, 97—98, 120, 230, 253—254, 256, 264, 269, 333—334, 361—362, 364; т. 13, с. 11—13, 27, 78, 118, 144—147, 216, 219, 221, 227, 253, 285, 309, 313, 319; т. 14, с. 24, 40, 409; т. 15, с. 57, 103—104, 106—107, 109, 122, 154—155, 158, 196, 207, 225—226, 277, 363, 371; т. 16, с. 212, 213, 220, 223, 241, 246, 248, 258, 270, 329, 362, 372, 374, 406—407; т. 17, с. 270, 413, 437; т. 19, с. 370; т. 20, с. 177; т. 21, с. 51; т. 30, с. 314; т. 31, с. 423—424; т. 34, с. 41; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, т. 1. М., 1970, с. 63—66, 114, 115, 117, 137, 151, 155, 162—163, 168, 205, 206, 207, 208, 213, 215—216, 223, 224.

[20] См. показатели, отмеченные в приложении 1 звездочкой. Лозунги и призывы типа «Земля и воля!», «Права народа» и т. д. мы в данный список не включили. Они безусловно революционны, но для сравнительного анализа слишком неконкретны, «туманны», по выражению В. И. Ленина (см.: Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 345). Что же касается признаков, отражающих «уравнительность» и «трудовое начало», то их, на наш взгляд, в список включить следует, ибо, как указывал В. И. Ленин, будучи проявлением «отсталого, реакционного, мелкобуржуазного социализма», они в то же время являются «знаменем самой решительной борьбы против старой крепостнической России» (см.: Ленин В. И. ПСС, т. 15, с. 225—226; т. 16, с. 213).

[21] Общее количество программных признаков по совокупности документов Самарской губернии равно 79.

[22] Возникновение этих организаций В. И. Ленин считал событием большого исторического значения. См.: Ленин В. И. ПСС, т. 12, с. 97, 333—344; т. 17, с. 385.

характер (109, 133, 134), т. е. являются далеко не самыми «соглашательскими». В качестве примера возьмем такой «высокочастотный» показатель, как обязательство оказать Думе помощь в ее конфликте с правительством, и сравним его с еще более «высокочастотными» призывами к Думе отстаивать интересы народа. Совершенно ясно, что первый лозунг по своему характеру более решителен, нежели второй. Отношение встречаемости «обязательств» к «призывам» на севере губернии составляет 93,1%, а на юге — только 72,6%.

Что касается царистских и реформистско-соглашательских иллюзий (55, 56, 162—171, 173, 174, 177), то здесь картина еще более отчетливая: в приговорах севера губерний представлены лишь 3 из 14 таких показателей, тогда как в приговорах на юге — 13. Суммарная встречаемость первых (4) не составляет даже процента (0,6%) от общей, в то время как встречаемость вторых — уже 4% (44) от общей.

Поиск характерных особенностей представленности различных показателей в приговорах обоих районов Самарской губернии можно вести не только по линии «особенности движения — особенности программы», но и по линии «особенности экономического положения — особенности программы». Например, среди крестьян, принимавших приговоры в северном районе, значительно более высоким был удельный вес малоземельных [23]. Нашла ли эта особенность хоть какой-то «отзвук» в приговорах? Главным показателем, позволяющим получить прямой ответ на данный вопрос, является, конечно, констатация малоземелья (показатель этот присутствует в 33,9% документов севера губернии (в 19 из 56) и в 22%—юга (в 22 из 100). Таким образом, количество упоминаний о малоземелье явно зависело от степени представленности в движении малоземельных.

Перейдем к приговорам Воронежской губернии. Наблюдается ли сопряженность между характером движения крестьян северо-западного и центрального районов этой губернии и характером содержания приговоров? Прежде всего возьмем, естественно, показатели, отвечающие программным положениям большевистской партии. По данной губернии они составляют более половины всех признаков (45 из 86). Что же касается их удельного веса в документах северо-западного и центрального районов, то здесь сразу напрашивается прямая аналогия с положением в приговорах Самарской губернии: 27 показателей в приговорах центрального района и только 18 — в северо-западном районе. Причем в центре явно шире представлены опять-таки «стратегические» показатели: Учредительное собрание, недоверие к Думе, «вопрос о земле решит Учредительное собрание», заявления о присоединении к Всероссийскому крестьянскому союзу, четырехчленная формула избирательного права, требования демократических свобод, национализации земли. Исключением в этом отношении являются лишь требование республики и приветствия Трудовой группе, которые отсутствуют в документах центрального района и всего лишь по одному разу встречаются в приговорах северо-западного района. Интегральная же оценка степени присутствия всех 45 «программных» показателей в каждом из районов такова: в документах центра губернии их суммарная встречаемость составляет 70, или 50,4% от суммарной встречаемости всех признаков данного района (139), а в документах северо-запада губернии — 63, или уже только 39,4% (от 160).

Возьмем теперь группу показателей, характеризующих отношение крестьян к Думе. Они шире представлены на северо-западе губернии. Характерно при этом, что отношение их встречаемости к суммарной встречаемости всех признаков каждого из районов напоминает соответствующую картину в Самарской губернии. В документах оно составляет 22,5% (36 из 160) северо-западного района, центрального — 16,5% (23 из 139). Более заметно присутствие в приговорах северо-запада и показателей, отражающих монархические и реформистско-соглашательские иллюзии. Их суммарная встречаемость составляет здесь 4,3% от общей по району по сравнению с 2,1% в центральном районе.

Сопоставление по линии «особенности экономического положения — особенности программы» выявило, что констатация малоземелья содержится в 27,3% приговорах северо-западного района (в 6 из 22) и в 55,6% — центрального (в 10 из 18). Такой перепад следует считать явным отражением того факта, что самая малоземельная группа крестьян (от 0,1 до 5 дес. надельной земли на двор) составляла среди принимавших

[23] В структуре надельного землевладения крестьян, принимавших политические приговоры, удельный вес дворов с количеством земли от 0,1 до 5 дес. на двор составлял на севере губернии 15,5%, на юге — 9,3%, а с количеством земли от 5 до 10 дес.— соответственно 21,5 и 7,7%.

приговоры в центральном районе более трети всех дворов (34,9%), тогда как в северо-западном районе — лишь 3,8%.

Таким образом, насколько мы могли убедиться, между характером движения и характером программы приговоров в обеих губерниях существует прямая связь: основные программные положения революционной социал-демократии в значительно большей степени представлены в северном районе Самарской и центральном районе Воронежской губернии, где движение носило более боевой, наступательный характер. В свою очередь, свидетельства монархических, конституционных и реформистско-соглашательских иллюзий более заметное место занимают в документах южного и северо-западного районов, где движение не было в такой степени боевым. Совершенно определенно можно говорить также и о наличии прямой связи между экономической частью программы приговоров и степенью обеспеченности надельной землей крестьян селений, принимавших политические приговоры и наказы.

Понятно, что установление этих связей стало возможным лишь благодаря повышению посредством контент-анализа уровня информативной отдачи приговоров и наказов, системного подхода к их изучению. Разумеется, возможности контент-анализа этим не исчерпываются. Интересные данные мы, в частности, могли бы получить, воссоздав при помощи математических методов систему внутренних взаимосвязей в полученной совокупности признаков. Содержательная интерпретация этих взаимосвязей даст, несомненно, очень ценный материал о структуре политического сознания крестьянства в эпоху первой российской революции.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ОБЩИЙ СПИСОК ПРИЗНАКОВ ПО ДОКУМЕНТАМ САМАРСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ

1. Отмена частной собственности на землю и передача народу частновладельческих, казенных, удельных и др. земель *	25**
2. Земля как «дар божий» не может находиться в частной собственности *	9
3. Общенародный земельный фонд *	5.
4. Безвозмездное отчуждение «всей земли» и передача ее крестьянам без указаний о правах передачи	9
5. Отчуждение частновладельческих и др. земель и раздача их в собственность крестьянам без выкупа	2
6. Постановления о захвате земли *	6
7. Вопрос о земле решит Учредительное собрание *	10
8. Разработку закона об аграрной реформе — местным комитетам *	1
9. Земля должна принадлежать тем, кто сам ее обрабатывает *	25
10. Запрет найма рабочей силы	1
11. Наемный труд на земле допускается в исключительных случаях и только с разрешения сельского общества	1
12. Общинное землевладение и уравнительное землепользование *	12
13. Землей, отобранной у помещиков, казны и т. д., наделить граждан в «равной пропорции», по 15 дес. на мужскую душу	1
14. Если земля «не будет отдана народу — он возьмет ее сам»	1
15. Отчуждение помещичьих и других земель и передача их крестьянам (без указания о способе отчуждения и правах передачи)	26
16. Отчуждение помещичьих и др. земель (без указания о способе отчуждения и их судьбе)	6
17. Дополнительное наделение крестьян землей без выкупа	13
18. Дополнительное наделение крестьян землей (без указания условий)	24
19. Отчуждение помещичьих и др. земель (без указания о способе) и использование их для дополнительного наделения крестьян	10

** См. сноску № 20.

* Колонка цифр указывает на частоту встречаемости признака.

20. Требование о наделении крестьян сенокосами и лесом	2
21. Требование земли только в форме лозунга «Земля и воля!»	55
22. «Крестьяне и земля — неразлучны»	2
23. Констатация малоземелья	57
24. «Аграрный вопрос решит Дума»	10
25. Отчуждение частновладельческих и др. земель на условиях, разработанных Думой	2
26. Покупать ли землю до решения Думой аграрного вопроса?	3
27. Дума должна принять закон о землеустроительных комиссиях	1
28. Аграрная комиссия Думы должна работать гласно	2
29. Надельная земля должна остаться в распоряжении крестьянских обществ	3
30. Возвращение отрезков *	1
31. Передача надельной земли в частную собственность крестьянам	1
32. Свободное отчуждение и переход крестьянских купчих и надельных земель к любому гражданину России *	1
33. Обязательное государственное размежевание земель	1
34. Отрицательная оценка деятельности Крестьянского банка	5
35. Размер продаваемых Крестьянским банком земель не должен превышать установленную норму	1
36. Дешевый мелкий кредит за счет государства	3
37. Снизить цену на аренду земли *	5
38. Дума должна немедленно «урегулировать» арендную плату	2
39. Констатация высоких цен на аренду земли	26
40. Запретить аренду земли	1
41. Обличение отработочной системы *	3
42. Отмена недоимок и выкупных платежей *	14
43. Отмена налогов, податей, пошлин *	7
44. Замена косвенных налогов прогрессивно-подоходным налогом *	41
45. Освободить бедняков от уплаты налогов и податей *	3
46. Констатация высоких налогов	16
47. Уменьшить налоги и земские сборы *	3
48. Сокращение больших окладов и непроизводительных расходов *	2
49. Констатация нищеты, голода, разорения, рабского положения	62
50. Ходатайства об увеличении продовольственной ссуды	1
51. Безвозмездная помощь крестьянам во время падежа скота и голода	3
52. Принять меры к отражению надвигающегося голода	3
53. Вознаграждение сельским обществам за торговлю в селениях вином	4
54. Уничтожить винную монополию	2
55. Отчуждаемые частновладельческие земли выкупаются государством	7
56. Допущение «справедливой» оценки отчуждаемых земель	7
57. Определение условий работы в экономиях	1
58. Учредительное собрание *	25
59. Заявления о присоединении к Всероссийскому крестьянскому союзу *	10
60. Демократическая республика *	1
61. Постановление организовать сопротивление войскам *	1
62. Выражение готовности бороться за свои требования *	21
63. «Народ и армия сметут старый строй» *	1
64. Только борьбой народ может улучшить свою жизнь *	3
65. «Успокоение» в стране невозможно без решения аграрного вопроса и демократических преобразований *	4
66. Выражение необходимости объединения трудового народа *	4
67. Призывы к единству депутатов от крестьян и от рабочих *	3
68. «Рабочий класс находится во главе борьбы трудового народа» *	1
69. Благодарность рабочему классу и интеллигенции за их борьбу *	1
70. Приветствие левым фракциям II Думы *	1
71. Приветствия Трудовой группе *	6
72. Обязательства оказать поддержку Трудовой группе *	5
73. Трудовая группа должна предъявить правительству ультиматум *	1

74.	«Борцы за народное дело — лучшие люди» *	1
75.	Экономическое освобождение возможно лишь при политической свободе*	4
76.	Осуждение «господской партии кадетов» *	3
77.	Демократические свободы *	58
78.	Претворить в жизнь свободы по Манифесту 17 октября	9
79.	Четырехчленная формула избирательного права *	62
80.	Дума должна быть народной, а не дворянской	3
81.	«Справедливых выборов»	3
82.	Амнистия *	98
83.	Отмена смертной казни *	61
84.	Отмена военного положения, чрезвычайной и усиленной охраны *	20
85.	Упразднение полиции, земских начальников, стражников *	38
86.	Замена полиции народной милицией *	1
87.	Постановления упразднить, либо изгнать полицию *	2
88.	Постановления о смещении местных властей *	2
89.	Выборность и ответственность перед народом всех чиновников *	13
90.	Демократическое переустройство государства *	20
91.	Общее сокращение госаппарата *	3
92.	«Вся власть — народу!» *	3
93.	Народный контроль за деятельностью госорганов и госрасходами *	7
94.	Вопрос о начале войны должен решать народ *	2
95.	Ликвидация Государственного совета *	3
96.	Предание суду должностных лиц, виновных перед народом *	21
97.	Замена постоянного войска народным ополчением *	2
98.	Создание международного суда для решения споров между государствами *	2
99.	Осуждение войн как источника бедствий народа *	2
100.	Осуждение русско-японской войны *	8
101.	Заявления об отказе от рекрутской повинности и уплаты податей*	5
102.	Выражение враждебного отношения к правительству, госаппарату в целом *	93
103.	«Правительство Горемыкина — в отставку!»	10
104.	Отказ признавать законы, изданные после роспуска I Думы	1
105.	Осуждение Указа от 9 ноября 1906 г. и требование его отмены *	2
106.	Недоверие к Думе в связи с ее бессилием *	9
107.	Предупреждение депутатам Думы, что в случае уступок правительству они как «враги народа» будут наказаны *	11
108.	Отказ от выборов в Думу *	2
109.	Обязательство оказать помощь Думе в ее конфликте с правительством	84
110.	Равноправие всех народов России *	9
111.	Выражение возмущения деятельностью черносотенцев *	5
112.	8-часовой рабочий день для сельских и городских рабочих *	5
113.	Требование к царю об аграрной и политическо-административной реформе *	3
114.	Опровержение утверждений реакции о том, что крестьяне не понимают сути происходящих в стране событий *	1
115.	Упразднение сословного строя *	33
116.	Уравнение крестьян в правах с другими сословиями *	14
117.	Отмена телесных наказаний для крестьян *	1
118.	Доступ крестьянам ко всем государственным должностям *	3
119.	Воинская повинность должна быть равной для всех	1
120.	Демократическая реформа местных органов власти *	10
121.	Ликвидация общинных законов	1
122.	Обличение местных властей	4
123.	Всему начальству — жалованье от казны, а не от населения	3
124.	Демократическая реформа земства	9
125.	Реформа суда *	22
126.	Всеобщее бесплатное обучение для народа *	49
127.	Ликвидация привилегированных школ для богатых *	2
128.	Меры по улучшению положения сельских и городских рабочих *	9

129. Введение института посредников для решения конфликтов между рабочими и предпринимателями 3
130. Рабочим — равные с хозяевами права в отстаивании своих интересов при невмешательстве правительства * 1
131. «Полновластная» Государственная дума 16
132. Дума должна контролировать госрасходы 6
133. Дума должна расследовать действия администрации 1
134. Правительство, ответственно перед Думой 16
135. Образование правительства из «думского большинства» 1
136. Доверие к Думе и солидарность с ней 96
137. «Дума — последнее мирное оружие в руках народа» 3
138. Солидарность с положениями думского адреса царю 23
139. Поддержка резолюции Думы от 13 мая 1906 г. 3
140. Созыв «выборных, облеченных доверием народа» * 9
141. Созыв Государственной думы 6
142. Созыв Думы поможет «улучшению крестьянской жизни» 4
143. Требование к Думе не расходиться на каникулы 11
144. Призыв к Думе твердо отстаивать интересы народа 105
145. Лозунг «Земля и воля!» 76
146. Призывы бороться за «народное дело», «благо народа» и т. д. 35
147. «Свобода, равенство, братство» 1
148. «Долой оковы!» 2
149. Призыв к армии «не проливать народной крови» * 2
150. Осуждение национальной и религиозной дискриминации * 11
151. Культурно-религиозная автономия 8
152. Церковь — на государственное содержание 11
153. Выборность духовенства снизу доверху 3
154. Постановления о всякого рода мерах против духовенства * 2
155. Обличение помещиков * 12
156. Обличение купцов и кулаков как «хищников» * 1
157. Заявление об отказе от выборов в землеустроительные комиссии * 2
158. Предупреждение о том, что, если не будет решен аграрный вопрос, крестьяне откажутся нести повинности 3
159. Бесплатное медицинское обслуживание * 1
160. Осуждение «полумер», «половинчатых реформ» 2
161. Поддержка положений Манифеста 17 октября о свободах 3
162. «Царь нам нужен. Он желает добра народу» 2
163. Просьбы о «даровании монарших милостей» 9
164. Устранить чиновничье «средостение между царем и народом» 3
165. Требование к Думе «довести до царя голос народа» 4
166. Отрицательное отношение к «анархистам, социалистам и прочим врагам царя» 1
167. Управлять государством должны царь и Дума 10
168. «Аграрные беспорядки крестьянским бедам не помогут» 4
169. Решение волостного схода, обязывающее крестьян вернуть законным владельцам захваченные хлеб, фураж и т. д. 1
170. Решение волостного схода о применении санкций против крестьян, «посягающих на чужую собственность» 1
171. Надежды на достижение мирным путем «заветных целей народа» 2
172. В деле улучшения жизни крестьян надежда «только на Думу» 3
173. «Необходимо спасти страну от губительной междуусобицы» 4
174. «Единая и неделимая Россия» 3
175. Осуждение разделения депутатов Думы на партийные фракции 1
176. Призыв к единству между кадетами и депутатами от крестьян 1
177. Просьба о представительстве безземельных крестьян в Думе 2

РЯД ЧАСТОТ ВСТРЕЧАЕМОСТИ ПРИЗНАКОВ

144—105* 82—98 136—96 102—93 109—84 145—76 49—62 79—62 83—61 77—58 23—57 21—55 126—49 44—41 85—38 146—35 115—33 15—26 39—26 1—25 9—25 58—25 18—24 138—23 125—22 62—21 96—21 84—20 90—20 46—16 131—16 134—16 42—14 116—14 17—13 89—13 12—12 155—12 107—11 143—11 150—11 152—11 7—10 19—10 59—10 24—10 103—10 120—10 167—10 2—9 4—9 78—9 106—9 110—9 124—9 128—9 140—9 163—9 100—8 151—8 43—7 55—7 56—7 93—7 6—6 16—6 71—6 132—6 141—6 3—5 34—5 37—5 72—5 101—5 111—5 112—5 53—4 65—4 66—4 75—4 122—4 142—4 165—4 168—4 173—4 26—3 29—3 36—3 41—3 45—3 47—3 51—3 52—3 64—3 67—3 76—3 80—3 81—3 91—3 92—3 95—3 113—3 118—3 123—3 129—3 137—3 139—3 153—3 158—3 161—3 164—3 172—3 174—3 5—2 20—2 22—2 25—2 28—2 38—2 48—2 54—2 87—2 88—2 94—2 97—2 98—2 99—2 105—2 108—2 127—2 148—2 149—2 154—2 157—2 160—2 162—2 171—2 177—2 8—1 10—1 11—1 13—1 14—1 27—1 30—1 31—1 32—1 33—1 35—1 40—1 50—1 57—1 60—1 61—1 63—1 68—1 69—1 70—1 73—1 74—1 86—1 104—1 114—1 117—1 119—1 121—1 130—1 133—1 135—1 147—1 156—1 159—1 166—1 169—1 170—1 175—1 176—1

* Первая цифра в каждой колонке означает порядковый номер признака, под которым он помещен в приложении 1, а вторая — частоту его встречаемости.

М. В. СКРЖИНСКАЯ, Н. Ф. КОТЛЯР

ОБЗОР ЕЖЕГОДНИКА «ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СССР» *

Сектор истории древнейших государств на территории СССР был создан в Институте истории СССР в 1969 г. Перед ним были поставлены задачи изучения в сравнительно-историческом аспекте обстоятельств, времени возникновения и развития классов и государственности у народов СССР, и в первую очередь возникновения классового

* Материалы и исследования. 1975—1984 гг. М., 1976—1985.

общества и государства в Древней Руси. Приступить к их решению можно было лишь на качественно новом методическом и источниковом уровне. Поэтому с первых дней существования сектора его сотрудники наряду с разработкой проблем генезиса рабовладельческого и феодального обществ и зарождения государственности занялись подготовкой свода иностранных источников, созданных до середины XIII в. и освещающих историю народов Восточной Европы [1].

Комментированное издание источников, многие из которых впервые готовились к публикации на русском языке, потребовало широких источниковедческих исследований, выходящих за рамки собственно свода. Поэтому в 1976 г. по инициативе В. Т. Пашуто начал издаваться сопутствующий своду ежегодник «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования» [2]. Проблематика этой серии постепенно расширяется и ныне охватывает как вопросы источниковедческой критики письменных памятников и интерпретации их известий о народах, населявших территорию СССР, так и многообразные конкретно-исторические проблемы, связанные с древнейшими государственными образованиями, прежде всего в Восточной Европе.

Каждый том ежегодника состоит из монографического исследования, ряда статей (реже — только из статей), рецензий на советские и зарубежные издания, хроники работы сектора, содержащей полную библиографию опубликованных сотрудниками сектора работ.

В увидевших свет восьми томах ежегодника опубликовано около 80 различного рода работ — от фундаментальных монографических исследований до кратких заметок по конкретным вопросам источниковедения. Понятно, что в настоящем обзоре из-за ограниченности объема нет возможности остановиться на всех без исключения работах. Мы рассмотрим лишь исследования, вносящие, по нашему мнению, серьезный вклад в науку, а также затрагивающие малоизученные проблемы и факты.

Древнейшие письменные сведения об истории нашей страны имеются в трудах греческих и римских авторов. Они охватывают тысячелетний период — от начала греческой колонизации на северных берегах Черного моря до конца античной эпохи. Поэтому и в своде, и в рецензируемой серии античная проблематика занимает видное место. В первую очередь следует назвать две большие работы в седьмом и восьмом выпусках. Одна принадлежит А. В. Подосинову — «Овидий в Причерноморье. Опыт источниковедческого анализа поэтического текста» (1983), другая — Ф. В. Шелову-Коведяеву: «История Боспора в VI—IV вв. до н. э.» (1984) [3].

Овидий, один из немногих писателей древности, чьи произведения сохранились до нашего времени, был сослан в 9 г. н. э. в Томы (современная Констанца в Румынии). Его стихи издавна привлекались в качестве исторического источника авторами, писавшими о прошлом Северо-Западного Причерноморья. Почти все исследователи, не задумываясь о специфике поэтического творчества, воспринимали сведения Овидия без критической оценки фактов, вплетенных в ткань поэтического произведения, априорно признавая их достоверность.

Работа А. В. Подосинова является первым обобщающим трудом, в котором все сведения Овидия о Причерноморье подвергаются не только историческому, но и филологическому анализу. Автор показал, какие сведения можно считать исторически надежными в художественном произведении, где законы отражения исторической действительности значительно усложнены по сравнению с жанрами документальной и исторической прозы. В монографии прослежена эволюция знаний поэта о Причерноморье. Немногочисленные упоминания Причерноморья в римский период творчества Овидия до сих пор не были предметом внимания. Книжные знания наложили отчетливый отпечаток на восприятие поэтом места его ссылки. Например, «заснеженная Скифия», описывается одинаково на протяжении всей творческой жизни поэта. Корни подобных представлений лежат в античной литературной традиции, реальные же сведения греков, которые нередко приезжали в Томы из городов Северного Причерноморья, не изменили

[1] Пашуто В. Т., Рыбаков Б. А. Корпус древнейших источников по истории народов СССР.— Вопросы истории, 1974, № 7, с. 49—54. К настоящему времени опубликовано 5 томов свода.

[2] По тематике к нему примыкает сборник «Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР». М., 1978.

[3] В скобках здесь и далее указывается год тома ежегодника, обозначенный на обложке, в котором помещена упоминаемая работа.

взгляда Овидия на Скифию. Более того, поэт, с одной стороны, традиционно локализовал Скифию в Северном Причерноморье, с другой — отождествлял место своей ссылки со Скифией, откуда он перенес на Томы реалии, связанные с «полярным климатом» и «варварством» ее жителей. Таким образом, характеристика климата, ландшафта и условий земледелия западнопонтийской колонии в его произведениях малодостоверна.

Весьма обоснованно заключение А. В. Подосинова о том, что описания Овидия представляют собой резко тенденциозное, гиперболическое изображение «Томитанской земли» с целью привлечь к себе сочувствие тех, от кого зависела отмена ссылки. Анализ этой тенденциозности Овидия, рассмотрение поэтической специфики его произведений, влияния на его творчество риторики и стереотипов восприятия северного, «варварского» мира приводят исследователя к выводу о малой степени достоверности исторической информации Овидия, включенной в общую систему образа «варварской страны», расположенной им на «крайнем Севере».

Ценны сведения Овидия об этническом составе населения Северо-Западного Причерноморья в начале нашей эры, о гетах — основном варварском населении Добруджи, о набегах сарматов из-за Дуная, о расселении сарматов и языгов близ Дуная.

Высоко оценивая методику исследования и общие выводы А. В. Подосинова, хочется все же поспорить с ним в ряде случаев, когда он чересчур жестко критикует достоверность некоторых утверждений поэта. Овидий в его работе выглядит слишком расчетливым и постоянно думающим о своей аудитории в Риме, которую надо разжалобить. Допуская это, следует помнить, что мироощущение самого Овидия, страдавшего в ссылке, не отличалось от его слов.

Не следует и полностью отрицать возможность овладения поэтом «варварскими» языками и слишком строго воспринимать его заявления о том, что он слышит вокруг себя только «варварскую» речь. Проникновение варваров в города Причерноморья — явление достаточно распространенное и, конечно, греческий язык жителей небольшого провинциального города на границе с варварами мало походил на тот греческий язык с правильным произношением, на котором говорил Овидий. Наконец, упоминание храма греческого образца в Таврике, где происходили человеческие жертвоприношения, на наш взгляд, не может быть соотнесено с каким-либо реальным сооружением. Это поэтическая фикция, восходящая к трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде».

«Овидий и Причерноморье» — пока единственное крупное исследование отдельного античного источника в рассматриваемой серии. Вместе с тем статья Л. И. Грацианской «Место политической истории Боспора в „Географии" Страбона» (1975), где поставлены многие важные вопросы анализа текста этого автора, уступающего лишь Геродоту богатством сведений о Северном Причерноморье, и статья М. В. Агбунова «Проблемы и перспективы изучения произведений античных авторов о Причерноморье» (1982) представляют большой интерес и указывают на разнообразие и перспективность исследований в этой области. Во второй статье говорится о комплексном изучении археологических и палеогеографических данных. На основе сведений древних авторов и результатов исследований по палеогеографии автору статьи удалось установить очертания береговой линии периода античности в ряде районов Северо-Западного Причерноморья и достаточно точно определить место нахождения упоминаемых древними источниками Острова тирагетов, башни Неоптолемса, Гермонактовой деревни, а также конфигурацию устья Тираса и др.

В большом исследовании Ф. В. Шелова-Коведяева об истории Боспора в VI—IV вв. до н. э. широко привлечены к анализу не только письменные памятники, но и лапидарные надписи и граффити, монеты и другие материалы, добытые при археологических раскопках. Особо следует выделить главу о палеогеографии Боспора. В ней впервые обобщены сведения о природной среде, которая играла существенную роль при выборе греками мест для новых поселений и в дальнейшем оказывала серьезное воздействие на развитие экономики городов Боспора.

На наш взгляд, Ф. В. Шелов-Коведяев чрезмерно увлекается выявлением якобы уникального своеобразия политических и правовых институтов Боспорского царства. Действительно, с одной стороны, определенное своеобразие отличает организацию управления каждого греческого полиса, но вместе с тем в ряде случаев, когда автор считает то или иное явление единственным в своем роде, ему можно найти аналогии в греческом мире. Например, «корпоративную тиранию» (когда в управлении государством

участвуют несколько членов тиранической фамилии) нельзя назвать «в высшей степени оригинальным и совершенно особым явлением». Так, к примеру, в Аттике правили сыновья Писистрата Гиппий и Гиппарх, подобно сыновьям Левкона на Боспоре; Поликрат первое время управлял Самосом вместе с двумя братьями, а малолетние сыновья Гиппократа, тирана Гелы, номинально получили власть после смерти отца.

Сложнейший и малоизученный период так называемой эпохи переселения народов отразился в позднеантичных и раннесредневековых источниках. Ему посвящена статья И. Е. Ермоловой «Общественный строй гуннов в последней четверти IV — начале V в.» (1982). На основе сообщений Аммиана Марцеллина, Олимпиодора и Приска автор делает вывод о том, что военный союз гуннов возглавлялся выборными вождями, а к концу рассматриваемого периода власть вождей стала наследственной. Но сопоставление значений слова *primates* в тексте Аммиана Марцеллина по отношению к гуннам и по отношению к высшим слоям римского общества вряд ли дает основания для заключения, что primates гуннов были представителями родовой аристократии, да еще и выборными. Ведь Аммиан Марцеллин сам не наблюдал жизнь гуннов, а использовал чьи-то сведения. Естественно предположить, что, не имея четкого представления о социальной организации гуннов, он в данном случае вложил в слово *primates* широкий смысл — «те, кто первенствует в данном обществе». Из сообщений писателей V в. известно, что власть верховных военачальников гуннов могла быть наследственной. Однако столь важного момента, как переход от выборной власти к наследственной, древние авторы не зафиксировали. Дальнейшее уточнение общественного строя гуннов, кочевавших в IV в. в Северном Причерноморье, возможно только при анализе сведений письменных источников и сопоставлении их с данными сравнительной этнографии и археологии.

Не приходится доказывать значение византийских источников для исследования истории и культуры Древней Руси и других государств и народов, существовавших на территории нашей страны в эпоху феодализма. В отечественной историографии существует давняя и добрая византологическая традиция, которая ныне успешно развивается трудами советских ученых, в том числе и работающих в секторе истории древнейших государств. Остановимся прежде всего на работе М. В. Бибикова «Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.)» (1980). Особый интерес представляет третья часть монографии — «Русь в византийских источниках XII—XIII вв.» Автор обращается к периоду, когда, согласно почти всеобщему мнению исследователей, русско-византийские отношения как бы затухают, а сведения о русах в памятниках греческой письменности становятся к концу XII — началу XIII в. все более редкими. Обобщив данные разнородных, в том числе малоизвестных и почти не использованных доселе памятников, автор аргументированно рисует «картину интенсивных взаимоотношений древнерусских княжеств с Византией в продолжение всего XII и начала XIII в.» (с. 77). Оценивая исследование М. В. Бибикова как серьезный вклад в изучение источниковой основы русско-византийских отношений XII—XIII вв., следует вместе с тем отметить, что в его работе не нашли отражения такие важные аспекты проблемы, как экономический и церковный.

В ежегоднике за 1981 г. помещено другое большое исследование по византинистике, принадлежащее И. С. Чичурову: «Место „Хронографии" Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV — начало IX в.»). Эта работа отличается широтой проблематики, стремлением выявить общие закономерности развития византийской историографии почти пятивекового периода. И. С. Чичуров успешно сочетает сравнительно-исторический метод с методом внутреннего анализа источника. Представляют немалый теоретический интерес его выводы относительно особенностей проявлений самого характера авторского самосознания в византийской литературе. В своей «Хронографии» Феофан демонстративно отказался от авторских прав, хотя, как убедительно показал исследователь, авторское кредо Феофана проявилось в его труде достаточно отчетливо, прежде всего в отходе от положительных характеристик многих императоров, содержащихся в сочинениях его предшественников.

И. В. Чичуров раскрывает важные закономерности и прослеживает особенности греческой историографии времени, предшествующего зарождению летописания на Руси; тем самым проясняется византийское влияние на летописи.

Классическая для нашей литературы тема русско-византийских взаимоотношений также разрабатывается на страницах ежегодника. В томе за 1982 г. помещена интересная статья Ю. Д. Рыкова и А. А. Турилова «Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (киевский писатель Григорий Философ)». Проведенное авторами тонкое источниковедческое исследование позволило им уточнить время приезда митрополита Георгия в Киев (вторая половина сентябрьского — мартовский 6570 г.), определить национальное происхождение и язык самого Григория Философа, главное же — попытаться обосновать его авторство в отношении нескольких древнерусских сочинений.

Совершенно правомерно, что в ежегодниках преобладают исследования по древнерусской проблематике. Важнейшим из них является работа В. Т. Пашуто «Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм)» (1982), в которой теоретические проблемы решаются на основе обобщения и скрупулезного изучения дипломатической истории Древнерусского государства [4].

Как отмечает ученый, с самого начала своего существования дипломатия Древней Руси развивалась в единстве внутренних и внешних проявлений. Восточнославянское государство было многонациональным, при этом, подчеркивается в статье, «славянская колонизация не привела к ассимиляции этнически и экономически более устойчивых народов (неславянских. — *Авт.*); напротив, составлявшие их племена постепенно, уже в рамках Древнерусского государства, консолидировались в раннефеодальные народности — эстонцев, литву, мордву и др.» (с. 9). Поэтому правительство в Киеве всегда придавало большое значение отношениям с подвластными ему народами. В. Т. Пашуто указывает, что оно заботилось и о сохранении этнической и социальной структуры подвластных земель — прежде всего в интересах регулярного взимания дани, а также чтобы препятствовать освободительной и антифеодальной борьбе неславянских народов. Эти мысли и выводы ученого перспективны для дальнейших исследований.

В международной дипломатической практике Киевского государства начальной поры его существования В. Т. Пашуто выделяет регионы разной интенсивности контактов, определяет условия и формы складывания дипломатических отношений. Интерес представляют соображения ученого о роли церкви в поддержании дипломатических связей Киевской Руси. Русские князья широко использовали церковных деятелей на дипломатической службе, но, как пишет исследователь, «руководствовались во внешней политике не узкоцерковными, а государственными интересами класса», вступая в союзы с державами католического мира даже после церковного раскола 1054 г. (с. 12).

В. Т. Пашуто аргументированно относит зарождение посольской службы, а также складывание понятия дипломатического иммунитета к концу X—XI вв. Документы, в частности первые договоры с греками, неопровержимо свидетельствуют о формировании русской правовой мысли уже в начале X в. Древнерусская дипломатическая практика зародилась и росла в столкновении с многоопытной византийской дипломатией, что дало русской стороне необходимый опыт и в определенной мере способствовало оформлению ее дипломатических институций. Исследователь выступает против бытующего мнения, будто бы дипломатия Киевской Руси X—XI вв. была примитивной. Отмечая ослабление единства внешней политики Руси в эпоху феодальной раздробленности, В. Т. Пашуто в то же время определяет древнерусскую дипломатию XII—XIII вв. как во многом традиционную. Он усматривает в мозаике внешнеполитических связей Руси «некоторые, ставшие устойчивыми союзы, в целом враждебные экспансионистским устремлениям Германской и Византийской империй и папскому универсализму» (с. 15).

Историкам, изучающим внутренние пружины и скрытые подводные течения феодальной раздробленности, особенно интересно прочесть строки работы В. Т. Пашуто о новом элементе древнерусской дипломатии — междукняжеских внутренних отношениях, которые отразились и на внешней политике Руси. Складывание часто противоборствовавших коалиций земель и княжеств усложняло выработку единой внешнеполитической линии государства. Дипломатия дробится, распадается на локальные союзы отдельных княжеств или их групп с близкими и далекими иноземными соседями (например, в XII в. союз Галицкого княжества с Венгрией и Византией). Ученый отмечает вызванное новыми условиями дипломатической практики усложнение княжеского аппарата: появление дьяков и «печатников» — канцлеров.

[4] См. также книгу В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968) и ряд других его работ.

Мы не случайно уделили столь большое внимание этому фундаментальному (и это при скромном объеме — всего в 1,5 а. л.) труду: он вносит серьезный вклад в науку и имеет важное значение для дальнейших исследований дипломатической истории. Перед нами, по существу, тезисное изложение большой книги, написать которую ученому не довелось.

Среди работ по собственно древнерусской проблематике выделяется серьезное источниковедческое исследование В. А. Кучкина «Возникновение Твери и проблема тверского гостя в «Рукописании» Всеволода» (1983). При рассмотрении дискуссионного вопроса о времени основания Твери автор применил метод компаративного анализа вещественных и письменных источников. Во главу исследования он поставил любопытный документ — Устав князя Всеволода-Гавриила Мстиславича, данный им купеческой организации при новгородской церкви Ивана на Опоках. Оригинальная интерпретация памятника позволила ученому отнести время возникновения Твери к периоду между 1135 и 1149 гг. и утверждать, что «к началу 60-х годов XII в. Тверь уже существовала, причем даже в то время представляла собой определенный административно-феодальный центр» (с. 230).

Своей полемической заостренностью выделяется статья А. Н. Кирпичникова «Факты, гипотезы и заблуждения в изучении русской военной истории XIII—XIV вв.» (1984). Крупнейший знаток древнерусского военного дела и вооружения А. Н. Кирпичников выступает против встречающегося неверного понимания процесса централизации Русского государства, организации его войска, характера его отношений с Золотой Ордой. Ученый подвергает аргументированной критике распространенное в научной литературе мнение о совершенстве доспехов и вообще вооружения ордынцев, якобы благотворное их влияние на русское военное дело. В статье А. Н. Кирпичникова русское войско накануне Куликовской битвы показано как хорошо экипированное, обученное и дисциплинированное, способное успешно противостоять опытным и часто превосходившим в численности ордынским силам.

Значительная часть статей по истории Древней Руси, помещенных в ежегодниках, основывается на интерпретации сведений иностранных источников. Один из наиболее знаменитых памятников германской историографии рассмотрен в статье М. Б. Свердлова «Известия о Руси в Хронике Титмара Мерзебургского» (1975). В плане изучения истории Древнерусского государства интерес представляет главным образом рассказ этой хроники о событиях русско-польской войны 1017 г., когда польский князь Болеслав Храбрый вмешался в междоусобную борьбу на Руси между наследниками Владимира Святославича. М. Б. Свердлов высказывает ряд соображений об источниках сведений Титмара о русских событиях. Этой же темы касается и статья А. В. Назаренко «События 1017 г. в немецкой хронике начала XI в. и в русской летописи» (1980). Предпринятый автором сопоставительный анализ сведений иностранного и русского источников весьма интересен, хотя и не бесспорен (в частности, нам не кажется убедительным предположение, что сообщение Титмара о взятии Ярославом какого-то города Святополка связано с упомянутым в летописи походом Ярослава на Берестье—контекст летописного сообщения свидетельствует, что последний не овладел этим городом). Вместе с тем хотелось бы видеть более бережное отношение к трудам предшественников (например, А. А. Шахматова) и пожелать избавиться от безапелляционности суждений.

В. И. Матузова в статье «Англо-нормандские повествовательные источники XII—XIII вв. о Руси» (1975), рассмотрев и истолковав известия «Истории англов» Жеффрея Гаймара, «Законов Эдуарда Исповедника» и других памятников, приходит к выводу о существовании «хотя и немногих, но вполне реальных контактов Древней Руси с Англией, преимущественно торговых» (с. 140).

Предметом анализа на страницах ежегодника стали взаимоотношения Галицко-Волынской Руси со странами Запада. Эта проблема издавна находится в поле зрения отечественных историков. Не обошла ее вниманием и реакционная буржуазная историография, в особенности украинская буржуазно-националистическая, тщетно пытающаяся доказать «извечную ориентацию» Галицко-Волынской Руси на католический Запад, что, мол, естественно, привело ее народ к принятию церковной унии 1596 г.

Один из наиболее животрепещущих вопросов названной проблематики — переговоры галицко-волынского князя Даниила Романовича с папской курией, проводившиеся в 1243—1257 гг. Эти переговоры в свое время исследовал В. Т. Пашуто в книге «Очер-

ки по истории Галицко-Волынской Руси» (М., 1950). Изучали их и другие советские историки. В ежегоднике за 1975 г. помещена небольшая работа С. А. Большаковой «Папские послания галицкому князю как исторический источник», представляющая собой публикацию выполненного ею перевода десяти булл Иннокентия IV Даниилу Романовичу с краткой вступительной статьей. Следует одобрить издание первого научного перевода с латинского языка папских посланий галицко-волынскому князю. Однако хотелось бы видеть более основательное введение к этим документам, чем предложенное С. А. Большаковой. Так, намерения вступивших в переговоры сторон ею освещены общо, анализ же международной обстановки того времени страдает упрощенностью.

Одному из аспектов отношений Волынского княжества с Венгерским королевством посвящена статья А. В. Юрасовского «К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи» (1981). Речь идет о грамотах из архива волынского и великого киевского (1146—1154 гг.) князя Изяслава Мстиславича, внесенных, как считают некоторые исследователи, в Киевскую летопись XII в., дошедшую до нашего времени в составе Ипатьевского и ряда других сводов. Надо сказать, что выявление в тексте летописи официальных актов — дело сложное и почти всегда гипотетическое, поскольку под пером летописца источник всегда перерабатывался: излагалось лишь его содержание, а то и просто общий смысл, протокольные же формальности опускались. Сравнивая формуляры известных науке писем венгерских королей XII в. с «венгерскими грамотами» Киевской летописи, А. В. Юрасовский установил, что древнерусский книжник допустил ряд вольностей не только в титулатуре, но и в передаче содержания венгерских грамот, естественно, в благоприятном для волынской стороны смысле.

Немалый вклад в историю народов Прибалтики вносит монография Е. Л. Назаровой «Ливонские правды» как исторический источник» (1979). Исследовательница изучила древнейшие правовые кодексы Латвии и Эстонии, выросшие из обычного права латышей, ливов и эстонцев и объединенные общим названием «Ливонские правды». Работа построена в сравнительно-историческом плане, для проведения параллелей привлечены памятники средневекового права Руси, Польши и Германии. Выявленные автором списки кодексов (около 20 ранее неизвестных) позволили предложить оригинальную классификацию рассматриваемых в тексте источников и определить основные вехи кодификации древнейшего ливонского права, соответствующие принятой в нашей науке периодизации исторического процесса.

Заметную группу среди помещенных в ежегоднике статей составляют труды скандинавистов. Чрезвычайно полезна публикация в специальном томе ежегодника избранных трудов Е. А. Рыдзевской под названием «Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв.» (1978). Первый советский ученый-скандинавист Е. А. Рыдзевская внесла серьезный вклад в изучение истории русско-скандинавских отношений средневековья. Ее работы базируются на основательных знаниях скандинавских источников, в том числе и фольклорных. Многие труды Е. А. Рыдзевской остались неопубликованными и среди них увидевшая свет в ежегоднике фундаментальная статья «О роли варягов в Древней Руси». Написанным полвека назад работам Е. А. Рыдзевской суждена долгая жизнь в науке. И сегодня они звучат современно. Например, она фундированно оспорила одностороннее толкование русско-скандинавских связей, когда преувеличивалось значение варяжских влияний на Русь и недооценивалось русское воздействие на Скандинавские страны. Эта проблема последнее время плодотворно разрабатывается советскими учеными.

Основное место в томе избранных трудов Е. А. Рыдзевской занимает большое исследование «К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи», актуальное и в наше время. Автор аргументированно выделяет древнерусские предания и легенды в скандинавском фольклоре, определяет скандинавские элементы и сюжеты во вписанных в «Повесть временных лет» народных сказаниях. Особенно впечатляют страницы, посвященные Вещему Олегу, загадочной фигуре, отраженной в летописях более как фольклорный персонаж, чем как историческая личность.

Следует отметить работы Е. А. Мельниковой, удачно сочетающей археографические и источниковедческие занятия с исследованием различных проблем истории и культуры Скандинавских стран, их отношений с Русью. В ее статье «Древняя Русь в исландских географических сочинениях» (1975), впервые в нашей историографии классифицирова-

ны и систематизированы памятники географического и этнографического содержания, рассмотрены заключенные в них сведения о Древнерусском государстве, его народах, землях, реках, городах. Выявляются древние пласты и истоки представлений скандинавов о Восточной Европе.

Важным вкладом в науку представляется нам серия выполненных Е. А. Мельниковой публикаций новых находок рунических надписей на территории СССР. В статье, написанной ею в соавторстве с Л. В. Дучиц, «Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия)» (1980) рассмотрен комплекс из 100 с лишним граффити, выполненных руническим письмом на костях животных и птиц. Тщательно проведенный анализ позволил систематизировать буквенные знаки на костях, определить хронологию и динамические явления в их употреблении. Немалый научный интерес представляют заключающие статью соображения о скандинавском «бытовом» руническом письме, его носителях и путях его проникновения в район между устьем Западной Двины и Полоцком. В статье, написанной Е. А. Мельниковой совместно с М. В. Седовой и Г. В. Штыховым,— «Новые находки скандинавских рунических надписей на территории СССР» (1981) — публикуются рунические надписи на литейной форме, найденной в Суздале и на обнаруженной в Полоцке игральной кости. В другой ее статье в соавторстве с А. В. Фоминым и А. Б. Никитиным рассказывается о рунических граффити на куфических монетах из клада начала IX в. (1982). Изданные в ежегоднике работы отражают результаты многолетних исследований Е. А. Мельниковой в области рунической письменности. Ее книга «Скандинавские рунические надписи. Тексты. Перевод. Комментарий» (М., 1977) была высоко оценена специалистами. Хочется надеяться, что работы в этой области будут продолжены.

Принципиально важному вопросу русско-скандинавских отношений посвящена ее статья «Древнерусские лексические заимствования в шведском языке» (1982). Исследовательница выступает против одностороннего рассмотрения этих отношений «лишь с точки зрения влияния скандинавских языков на древнерусский в области лексики» (с. 62), справедливо отмечая, что в области языка влияния были взаимными. Е. А. Мельникова изучила древнерусские заимствования в древнешведском языке и пришла к выводу, что они отражают как общий характер русско-скандинавских связей раннесредневекового периода, так и отчетливые восточнославянские влияния на культуру Скандинавии.

В ряде статей ежегодника для изучения различных аспектов истории и культуры Древней Руси привлекаются в качестве источника скандинавские саги. Актуальнейшая проблема авторства фольклорного произведения затронута в статье Т. Н. Джаксон «О творческой активности автора «Хеймскринглы» (1981). На материале этого объемистого свода саг, записанных исландцем Снорри Стурлусоном около 1230 г., исследовательница выделяет различные формы авторского проникновения в повествование и приходит к обоснованному выводу, что «ни о какой „эпической объективности" королевских саг... не может быть и речи» (с. 174). Творчество Снорри Стурлусона рассматривается Т. Н. Джаксон и в статье «„Финны" в „Саге об Инглингах"» (1982), где выявлена еще одна форма авторского присутствия в цикле «Хеймскринглы» — употребление «говорящих» имен в повествовании.

Исследования саг Г. В. Глазыриной носят в основном историко-географический аспект. Ее статья «Русский город в норвежской саге. К вопросу о достоверности исторических описаний в сагах» (1982) вызывает интерес как историков и археологов, так и фольклористов. В ней подверглись анализу сведения саг об укреплениях Полоцка и русского города вообще. Автор пишет о контаминации в описаниях саг признаков русских и западноевропейских городов и приходит к выводу, что характеристику Полоцка в «Саге о Тидреке Бернском» нельзя считать исторически достоверной. Нам же представляется, что и в этой, и в других сагах отразилось непосредственное впечатление воинов-варягов от могучих крепостных сооружений древнерусских городов, напоминавших им мощные западноевропейские крепости и побудивших их счесть эти земляно-деревянные сооружения каменными. В другой статье Г. В. Глазыриной — «Alaborg „Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна". К истории русского Севера» (1983) — рассматривается топоним, по некоторым признакам имеющий отношение к Руси. Проведенное исследование позволило установить, что Alaborg — это Олонец, но в значении не конкретного города или селения, а местности (город с этим названием возник не ранее XVII в.).

В томе ежегодника за 1984 г. помещена статья Т. Н. Джаксон «Суздаль в древнескандинавской письменности», в которой дана сводка известий скандинавских источников об этом русском городе. Исследовательница отмечает, что, хотя в названных памятниках отсутствуют какие бы то ни было описания самого Суздаля, тем не менее они отражают связи Скандинавских стран с Суздалем и в целом с Волго-Окским междуречьем, зафиксировав, в частности, знакомство скандинавов с путем из Беломорья в центральные области Северо-Восточной Руси.

Немаловажное значение среди статей скандинавской проблематики имеет, на наш взгляд, работа В. Я. Петрухина «Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX—XI вв.)» (1981). Эта небольшая статья содержит серьезные теоретические выводы относительно характера и темпов ассимиляции скандинавов на Руси. Причину сравнительно быстрого хода ассимиляционных процессов В. Я. Петрухин видит не столько в малочисленности варягов, сколько в том, что они «в дружинах русских князей активно включились во внутреннюю и внешнюю политику и оказались подчиненными тем социально-экономическим процессам, которые проходили в Восточной Европе» (с. 179). Ассимиляции способствовали также и феодализация восточнославянского общества, генезис государственности и формирование древнерусской народности.

Скромнее представлена в ежегоднике восточная проблематика, в частности кавказоведение. Это трудно объяснить, поскольку восточные источники составляют заметную группу в числе источников по истории Древней Руси, а в секторе уже давно ведется работа над ними. К области кавказоведения относится небольшая, но емкая статья А. П. Новосельцева «Древнеармянский перевод Библии как источник по истории Закавказья» (1975). Речь идет о важном и древнем памятнике армянской письменности — выполненном в первой половине V в. переводе Библии. Умело интерпретируя терминологию памятника, исследователь приходит к важным и неожиданным (если учесть своеобразие источника) выводам относительно государственного строя Древней Армении и господствовавшего в ней способа производства: «Для Закавказья V в. н. э. времена господства коллективной или государственной собственности на землю уже прошли; в странах этого региона существовал достаточно развитый институт частной собственности, который типологически можно определить как раннефеодальный» (с. 64). Это принципиально важное заключение было обосновано и развито позднее в его монографии[5].

Проблемный характер носит опубликованная в ежегоднике за 1982 г. большая работа Я. Р. Дашкевича «Древняя Русь и Армения в общественно-политических связях XI—XIII вв. (Источники исследования темы)». Автор уже давно зарекомендовал себя серьезным исследователем истории армянской диаспоры в Восточной Европе эпохи феодализма. Его статья нацелена на установление аутентичности, атрибуцию, датировку памятников, в ней разбираются вопросы текстологии и публикации источников и их переводов. И хотя древнерусские исследователи не знают фактов обитания армян на восточнославянских землях вплоть до середины XIV в., приводимые автором источники свидетельствуют об оживленных связях между Русью и Арменией в XI—XIII вв.

Помещенная в томе за 1975 г. статья Р. А. Гусейнова «Место и роль сирийских источников в изучении истории народов СССР», как пишет сам автор, «имеет характер обзора, основное значение которого привлечь внимание медиевистов к памятникам сирийской письменности» (с. 41). Однако обзор этот носит слишком краткий и поверхностный характер для того, чтобы им могли воспользоваться желающие обратиться к указанным источникам. Классическим арабским сочинениям посвящены статьи В. М. Бейлиса «Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель» (1982) и Т. М. Калининой «Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии» (1983). Выполненный В. М. Бейлисом перевод снабжен обширным комментарием, в котором основательно учтены новейшая литература и материалы археологических раскопок последних лет. В статье Т. М. Калининой подведены предварительные итоги работы над изданием выпуска «Сведения ранних ученых Арабского халифата о народах нашей страны», в котором будут помещены и отрывки из книги ал-Хорез-

[5] Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья (Опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980.

ми. Исследовательница устанавливает круг источников арабского ученого, раскрывает его этническую географическую терминологию, уточняет локализацию упомянутых им населенных пунктов. Она приходит к выводу, что, хотя известия ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии в основном базируются на материалах греческого географа Птолемея, но отличаются некоторым своеобразием. В частности, сведения о Средней Азии у ал-Хорезми более реалистичны, чем у Птолемея.

Начиная с тома за 1979 г. в ежегоднике помещаются рецензии как на советские, так и на зарубежные издания. Их немного, и они неоднородны как по объему, так и по манере изложения: от кратких, но содержащих принципиальные оценки (например, рецензия В. Т. Пашуто /1982/ на кн. «Сказания о начале славянской письменности» /М., 1981/), до подробно рассматривающих то или иное издание (например, рецензия В. Я. Петрухина /1980/ на кн. Д. С. Раевского «Очерки идеологии скифских племен»/М., 1977/). Отметим, что почти все рецензии написаны в аналитическом ключе. Жаль, что в разделе рецензий редко появляются отклики на книги по истории нашей страны античного периода. Таких рецензий всего две — А. В. Подосинова (1979) на книгу М. В. Скржинской «Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего» (Киев, 1977) и упомянутая рецензия В. Я. Петрухина на книгу Д. С. Раевского.

Интересна и важна в информативном плане рецензия О. Р. Бородина на библиографию переводов византийских источников, опубликованную в Висбадене в 1982 г. (1983). По замыслу составителей это издание должно облегчить специалистам пользование начавшим выходить «Словарем раннесредневековой истории Европы». Рецензия М. В. Бибикова на уже вышедшие в свет выпуски этого словаря помещена в томе за 1981 г. По мнению рецензентов, оба издания выполнены на высоком научном уровне и станут незаменимым пособием для медиевистов.

В томе за 1983 г. опубликована рецензия А. В. Назаренко «Докиевский период истории Восточной Европы в „Handbuch der Geschichte Russlands"» (ФРГ), в которой он отмечает источниковую разнородность в разделах, написанных разными авторами, что помешало создать сколько-нибудь цельную и объективную картину догосударственного периода в истории народов Восточной Европы. Субъективизм авторов этой работы выразился также и в гиперкритическом отношении к сведениям источников о ранних славянах, избирательности изложения и случайности аргументации. Подобных этой, написанной с наступательных позиций, рецензии, аргументированно опровергающей тенденциозные взгляды на историческое прошлое нашей страны, в ежегоднике пока что немного. К сожалению, еще не получило развития и хорошее начинание давать обзоры иностранной периодики, подобно сделанному Л. И. Грацианской: «Англоязычная периодика (1970—1977) по истории античного периода на территории СССР» (1979).

Не все рецензии отличаются проблемным характером, стремлением рецензентов к серьезному и всестороннему анализу избранных для разбора работ. Если, например, помещенная в томе за 1984 г. рецензия В. Я. Петрухина на сборник материалов Международного симпозиума в Брюсселе по славянскому язычеству (май 1980 г.) носит подлинно аналитический характер и завершается изложением оригинальных взглядов исследователя на историю и образную систему язычества, то опубликованная в том же томе рецензия А. В. Юрасовского на основательную книгу В. А. Кучкина «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв.» сводится, по существу, к краткому пересказу ее основных положений.

К достоинствам ежегодника необходимо отнести регулярно публикуемые в каждом томе, начиная с 1979 г., подробные отчеты о работе сектора истории древнейших государств на территории СССР. Написанные Е. А. Мельниковой в соавторстве с А. В. Юрасовским (в 1979—1981 гг.) и с Г. В. Глазыриной (в 1984 г.) в аналитически-проблемном плане, они дают всестороннее представление о деятельности этого единственного в своем роде научного подразделения в нашей стране.

В заключение обзора обратим внимание на два момента. Рассматриваемому изданию присуща некоторая мозаичность тематики. Публикуемые в ежегодниках материалы по преимуществу соответствуют лишь одному магистральному направлению работы сектора: введению в научный оборот иностранных источников, наиболее важных для познания древнейшего прошлого народов нашей страны. Статей же проблемного и теоретического характера, в частности источниковедческого профиля, значительно меньше. А ведь сотрудники сектора накопили в процессе подготовки к печати источников (и ко-

ординации этой работы) немалый опыт, который был бы интересен и полезен научным работникам многих гуманитарных специальностей.

К сожалению, древнерусская проблематика, которой с самого начала существования сектора и издания ежегодника предполагалось уделять главное внимание, до сих пор остается как бы на втором плане. Поныне в ежегоднике не опубликовано ни одного большого исследования по этой проблематике, подобного тем, которые вышли по античной и византийской тематике. На наш взгляд, исследования по древнерусскому источниковедению в секторе и, соответственно, их публикация в ежегоднике должны занимать ведущее место. Хотелось бы видеть в ежегоднике серьезные теоретические работы, вносящие вклад в разработку кардинальных проблем источниковедения.

Разумеется, эти замечания и пожелания не могут снизить общего благоприятного впечатления о ежегоднике. Тома «Древнейших государств на территории СССР» внесли серьезный вклад в наше источниковедение, завоевали высокий авторитет среди читателей и стали необходимым пособием для антиковедов и медиевистов. Остается пожелать дальнейших успехов немногочисленному коллективу сектора в подготовке и публикации этого важного и полезного издания.

С. С. ДМИТРИЕВУ — 80 ЛЕТ

Имя Сергея Сергеевича Дмитриева — профессора Московского университета, эрудированного ученого, талантливого педагога, человека высокой культуры — широко известно историкам и литературоведам. Он — один из ведущих специалистов в области отечественной истории и культуры XIX — начала XX в. «Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех» — эти слова поэта как нельзя более приложимы к С. С. Дмитриеву и являются выражением его нравственных принципов в более чем полувековом служении науке. За свою многолетнюю работу в стенах старейшего русского университета он воспитал несколько поколений советских историков, сыграв видную роль в развитии высшего исторического образования в нашей стране. С полным основанием можно говорить о научной школе профессора С. С. Дмитриева, из которой вышли десятки исследователей, ныне успешно работающих в разных областях исторической науки; многие из них имеют высокие ученые степени и звания.

Родился С. С. Дмитриев 4 сентября 1906 г. в Ярославле в семье мелкого конторского служащего, происходившего из крепостных крестьян имений Нарышкиных в Тульской губернии. Отец историка, Сергей Васильевич, не имел законченного образования, но любил книгу, был по-своему талантлив, принимал живое участие в местной общественно-музыкальной жизни. Сохранились его рукописные воспоминания о Ярославле конца XIX — начала XX в.

Трудовая жизнь С. С. Дмитриева началась рано. После окончания средней школы — работа в Ярославском губернском статистическом бюро. В 1925 г. он, студент историко-литературного факультета Ярославского педагогического института, стал библиотекарем научной библиотеки Исторического музея г. Ярославля. Уже в это время у молодого историка проявился интерес к источнику, к глубокому и всестороннему его анализу, интерес к библиографии, к книге, что стало отличительной чертой его как ученого.

С 1925 г. С. С. Дмитриев принимал деятельное участие в работе местных краеведческих организаций Верхнего Поволжья, был ученым секретарем Ярославского естественноисторического и краеведческого общества, позднее — активным членом Иваново-Вознесенского общества краеведения. После окончания в 1929 г. института он работал несколько лет в Ивановском областном музее, заведуя отделом редких книг, потом — в Московском краеведческом музее и музее-усадьбе «Кусково» — крупном историко-бытовом и художественном музее. Работа там способствовала углублению его интереса к истории русской культуры, проявившегося еще в студенческие годы.

Рекомендованный для подготовки к научной деятельности еще в 1929 г., Сергей Сергеевич пришел в 1934 г. в аспирантуру Московского университета уже сложившимся исследователем, имея солидный опыт научно-библиографической и музейно-экскурсионной работы. Его поступление туда совпало с коренной перестройкой всего исторического образования в нашей стране на основе партийно-правительственных решений «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Восстановленный исторический факультет стал в те годы одним из центров советской науки, где были сосредоточены крупнейшие научные кадры страны. Занятия в аспирантуре под руководством профессора М. В. Нечкиной, активное участие в жизни факультета послужили для С. С. Дмитриева серьезной школой научного и педагогического труда.

Преподавать историю в московских вузах молодой историк начал еще во время учебы в аспирантуре, продолжая одновременно (до 1938 г. работать в обоих московских музеях. Он читал лекционные курсы и вел семинарские занятия в Московском планово-экономическом и Москов-

ском областном педагогическом институтах, МИФЛИ им. Н. Г. Чернышевского, позднее — в Московском историко-архивном институте, в Высшей партийной школе и Академии общественных наук при ЦК КПСС, в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, где с 1946 по 1953 г. заведовал кафедрой истории СССР. Однако уже в предвоенные годы и до настоящего времени основная педагогическая деятельность С.С. Дмитриева сосредоточивается в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. В течение многих лет он читает общие и специальные курсы по истории России XIX в., истории русской культуры XVII — начала XX в., по отдельным историко-культурным проблемам, ведет общекафедральные семинары и спецсеминары, руководит дипломниками и аспирантами. Признанием больших заслуг С. С. Дмитриева как талантливого педагога, воспитателя научной молодежи было присуждение ему в 1968 г. звания профессора. Его лекции, отличающиеся высоким научным уровнем, эрудицией, прекрасной культурой речи, неизменно вызывают интерес у студентов.

Широта научных интересов — характерное качество С. С. Дмитриева. Его привлекают сложные, малоизученные проблемы. Результаты научных изысканий Сергея Сергеевича становятся важными фактами развития советской исторической науки.

Большую заинтересованность научной общественности вызвал в 1940 г. доклад С. С. Дмитриева о славянофилах в Институте истории АН СССР. В том же году он защитил в качестве кандидатской диссертации фундаментальное исследование «Экономические воззрения славянофилов 1830—1850-х годов». Эти выступления, а также опубликованные вскоре статьи ученого явились важным этапом в изучении славянофильства как течения общественной мысли. Им были сформулированы и изложены марксистские принципы подхода к пониманию славянофильства и его места в общественном движении России XIX в. Имея в виду прежде всего дореформенное, «раннее» славянофильство, С. С. Дмитриев создал стройную, методологически и научно обоснованную систему взглядов на это сложное и противоречивое явление русской общественно-культурной жизни, в котором консервативные черты переплетались с относительно прогрессивными. Причем прогрессивные черты славянофилов, как показал исследователь, проявлялись прежде всего в решении коренных социально-экономических проблем той эпохи. Изучение огромного фактического материала позволило ему сделать важный и смелый для того времени вывод об идеологии славянофилов как идеологии буржуазно-помещичьей по классовой природе и либерально-консервативной по политической направленности. Впервые в советской историографии С. С. Дмитриевым была научно обоснована несостоятельность распространенного тогда отождествления славянофильства с теорией официальной народности, направленной на оправдание существовавшего социального и политического строя России. Эти положения прочно вошли в советскую историографию, в современную научную, учебную и справочную литературу.

Значительным событием общественно-научной жизни стал доклад С. С. Дмитриева об образовании русской нации на заседании Ученого совета Московского университета в 1955 г. Проблема формирования русской нации, конкретное исследование совокупности факторов, составляющих этот процесс, определение хронологических граней и исторических вех в ходе формирования и развития нации были по существу впервые поставлены и рассмотрены в советской исторической науке.

Сергей Сергеевич Дмитриев — признанный знаток русской общественной мысли и культуры XVIII — начала XX в. Показателем его неубывающей творческой энергии явился выход в прошлом году нового труда — «Очерк истории русской культуры начала XX в.» Эта «книга для учителя», как значится на титульном листе, по существу является

глубоким обобщающим исследованием, сочетающим обширнейший фактический материал и основанные на нем методологически-концепционные построения. Монография впервые воссоздает целостную картину национального культурно-исторического процесса предреволюционной России.

Заметное место в круге научных интересов историка занимают проблемы историографии и источниковедения. Ему принадлежат работы об исторической науке в Московском университете, о предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР, о выдающихся дореволюционных и советских историках — Т. Н. Грановском, С. М. Соловьеве, Н. М. Дружинине, М. К. Рожковой, Н. Л. Рубинштейне, А. З. Манфреде. В ряде статей и очерков С. С. Дмитриева рассматриваются разнообразные аспекты изучения источников личного происхождения — мемуаров, дневников, эпистолярных памятников XIX—начала XX в. Большое внимание его как источниковеда привлекает периодическая печать, особенно русские исторические журналы XVIII—начала XX в.

Среди других научных тем, которые разрабатывал С. С. Дмитриев и его ученики,— общественно-идейная борьба 30—40-х годов (Чаадаев, западники и славянофилы), история сельскохозяйственных знаний и агрономической науки в России в XVIII—XIX в., взаимоотношения православной церкви и государства в дореформенной России.

Труды С. С. Дмитриева получили признание за рубежом и были опубликованы во Франции, Швеции, Италии, ГДР, Чехословакии. Он выступал с лекциями в университетах ПНР. При его руководстве и научных консультациях собирали материалы и подготавливали диссертации около тридцати историков, приезжавших в Советский Союз из Чехословакии, Польши, Канады, США, Англии, ФРГ, Италии, Австрии. Среди них — молодые люди из Гейдельбергского, Геттингенского, Пражского, Венского, Бергамского университетов, из высших научно-учебных заведений США — Колумбийского, Чикагского, Калифорнийского и других университетов и колледжей. Работу со стажерами из-за рубежа Сергей Сергеевич продолжает вести и теперь.

Большое место в научном творчестве С. С. Дмитриева занимает работа по написанию учебников и учебных пособий. Он был одним из авторов первых советских учебников по истории СССР для университетов страны. Задача создания новых учебников на основе марксистско-ленинской концепции стала чрезвычайно актуальной во второй половине 30-х гг. в связи с коренными изменениями в преподавании истории. С. С. Дмитриев в составе авторского коллектива, в который вошли видные ученые (С. Н. Валк, Н. М. Дружинин, Ш. М. Левин, Е. А. Мороховец, М. В. Нечкина, В. И. Пичета, К. В. Сивков) участвовал в написании 2-го тома учебника «История СССР» для исторических факультетов, опубликованного в 1940 г. под редакцией М. В. Нечкиной (последующие переработанные издания учебника вышли в 1949 и 1954 гг.) С. С. Дмитриев был не только автором нескольких разделов и глав учебника. Он принимал также активное участие в разработке общих принципов, структуры учебника, который стал первым в советской историографии обобщающим трудом по истории России XIX в.

Для неисторических факультетов вузов С. С. Дмитриев и М. Н. Тихомиров написали особый учебник, вышедший в 1948 г. Сергей Сергеевич — автор глав в двухтомных учебниках по истории СССР, изданных в 1956—1959 и в 1964—1965 г., в учебниках по источниковедению отечественной истории (1970, 1973, 1981 гг.), в 6-м томе многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (1968 г.).

В научно-педагогической работе С. С. Дмитриева значительное место занимают различного рода материалы, адресованные учителю средней школы. Он — составитель нескольких хрестоматий и редактор биб-

лиографических пособий по истории СССР дооктябрьского периода, один из авторов и ответственный редактор «Очерков истории СССР 1861—1904 гг.», выпущенных в свет издательством «Просвещение» в 1960 г. Учителю предназначены и упоминавшиеся уже «Очерки истории русской культуры начала XX века» (1985 г.). Итоги многолетней работы автора по изучению и осмыслению сложнейших процессов, происходивших в разных областях культуры одного из наиболее напряженных и насыщенных событиями периодов истории России, изложены четко и доходчиво.

Для С. С. Дмитриева вообще характерно редкое умение излагать результаты длительной и кропотливой исследовательской работы — иногда по очень специальным вопросам — в чрезвычайно сжатой, отчеканенной форме. Таковы многие его статьи, опубликованные не только в научных, но и в научно-популярных изданиях. Адресованные широкому кругу читателей, они много дают и историкам-профессионалам, ученым, исследователям.

Много работает С. С. Дмитриев в качестве научного редактора — редактора благожелательного и требовательного. Он — член редакционных коллегий обобщающих трудов — в частности, «Очерков русской культуры XVIII века», серий «Памятники исторической мысли», «Университетская библиотека». Под его редакцией вышли монографии, библиографические указатели, около двадцати сборников аспирантских работ семи кафедр исторического факультета Московского университета. С. С. Дмитриев — ответственный редактор «Избранных трудов» академика Н. М. Дружинина, издающихся ныне в четырех книгах. Более четверти века Сергей Сергеевич является членом редакционной коллегии журнала «История СССР». Его вклад в работу журнала трудно переоценить.

С. С. Дмитриев ведет большую научно-общественную работу. В течение многих лет он состоял и состоит членом ученых советов Московского университета, Института истории СССР АН СССР, Государственного Исторического музея, Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР. Он — редактор-консультант по истории СССР Советской исторической энциклопедии, член секции исторических наук Комитета по Ленинским и Государственным премиям при Совете Министров СССР.

Широта интересов отличает Сергея Сергеевича Дмитриева не только в вопросах научных. Он — знаток и тонкий ценитель театра, живописи, музыки, поэзии. Общение с ним обогащает, а его ненавязчивые, но всегда глубокие и вдумчивые советы будят мысль. В молодых историках он стремится развить любовь к науке, творческую самостоятельность, научить их трудному искусству целенаправленно вести научный поиск, привить им умение мыслить конкретно-исторически и в то же время проблемно.

Поздравляя Сергея Сергеевича с 80-летием, пожелаем ему здоровья, больших успехов в научной и педагогической деятельности, в благородном деле воспитания молодежи.

Л. В. Кошман, Р. Г. Эймонтова

ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА С. С. ДМИТРИЕВА

1927

Шестнадцать дней. Экскурсия по истории белогвардейского мятежа в Ярославле 6—21 июля 1918 г.— В кн.: Октябрь. Историко-революционные экскурсии/Главполитпросвет. Под ред. В. Менжинской. М., [1927], с. 39—63. (*Совм. с Н. Г. Первухиным.*)

1928

Белогвардейский мятеж (Экскурсия по Ярославлю).— Наш труд, Ярославль, 1928, № 10, с. 15—20. (*Совм. с Н. Г. Первухиным.*)

План Ярославля в июле 1918 г.— Там же, отд. прил. (Составитель не указан.)

Объявления Некрасовых в ярославской газете.— В кн.: Ярославский край. Ярославль, 1928, сб. 1, с. 60—65. (Труды секции краеведения Яросл. естеств-истор. и краевед. о-ва, т. 3, вып. 1.)

Секция краеведения Ярославского естественноисторического и краеведческого общества (1923—1928).— Там же, с. 79—82. (Подп.: *С. Д.*)

1929

Сотрудничество Л. Н. Трефолева в исторических журналах.— В кн.: Ярославский край. Ярославль. 1929, сб. 2, с. 142—165.

Рец. на кн.: Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М., 1928.— Там же, с. 251—252.

1934

Кусково. Историко-бытовой музей XVIII века. М., 1934. 39 с.

Рец.: «С ученым видом знатока». [О кн.: *Дынник Т.* Крепостной театр. М.; Л.: Academia, 1933].— Книга и пролетарская революция, 1934, № 7, с. 79—83.

1935

Кусково. Историко-бытовой музей XVIII века. Краткий очерк-путеводитель. 2-е, доп. изд. М., 1935. 46 с.

Рабочий фольклор XVIII века.— Лит. наследство, 1935, т. 19—21, с. 1—15.

1936

Об одной «хронологии» в помощь историку-педагогу.— История в школе, 1936, № 4, с. 143—144.

1937

Хронология истории СССР.— В кн.: Хрестоматия по истории СССР./Сост. В. И. Лебедев, В. Е. Сыроечковский, М. Н. Тихомиров. М., 1937, т. 1, с. 388—402. (*Совм. с С. В. Бахрушиным и Н. М. Дружининым.*)

1938

Рец.: Материалы по истории СССР в «Пропагандисте и агитаторе РККА».— Книга и пролетарская революция, 1938, № 5—6, с. 213—216. (*Совм. с Н. Л. Рубинштейном, Г. А. Новицким, Б. А. Рыбаковым.*)

1939

Вступительная статья.— В кн.: *Ковалевский В.* Хозяин трех гор. М., 1939, с. 3—12.

Из истории нашей родины [Заметки:] Наши предки — славяне.— Борьба Руси с половцами.— Поражение шведов на Неве.— Ледовое побоище.— Конец татаро-монгольского ига.— Изгнание польских интервентов.— Богдан Хмельницкий и война крестьян Украины с польскими панами.— Крестьянская война под руководством Степана Разина.— Полтавский бой.— Крестьянская война под руководством Е. Пугачева.— Бородинский бой.— В кн.: Настольный календарь. 1939 год. М., 1939, с. 68—74. (Без подп.)

1940

Из прошлого нашей родины [Заметки:] Невская битва.— Конец татаро-монгольского ига.— Крестьянские войны в России.— Суворов.— Старейший университет Советского Союза [Дооктябрьский период].— В кн.: Настольный календарь на 1940 год. М., 1940, с. 125—128, с. 135—136. (Без подп.)

История СССР. [Учебник для ист. фак-тов ун-тов и пед. ин-тов]. Т. 2. Россия в XIX веке/Под ред. М. В. Нечкиной. М.: Соцэктиз, 1940.

То же. на укр. яз.: Киев, 1941.

То же на эст. яз.: Тарту, 1947—1948.

Авт. след. глав и разделов: Гл. 1. Хозяйственное развитие России в первой четверти XIX в., с. 5—20.— Гл. 20. Литература, искусство, наука в первой половине XIX в., с. 348—383.— Гл. 28. Средняя Азия к половине XIX в. Завоевание Средней Азии, с. 536—554.— Гл. 32. Народы царской России и национально-колониальная политика царизма в 60—80-е годы, разд: [Средняя Азия], с. 672—680.— Гл. 35. Литература, искусство и наука в 60—80-е годы, разд.: Украинская литература [текст об Иване Франко], с. 733; Белорусская лтиература, с. 734; Азербайджанская литература, с. 736—737; Географическая наука, с. 748—749.

1941

Архив редакции «Сельского благоустройства» (1858—1859 гг.)— Записки отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1941, вып. 10, с. 33—43.

Западники и славянофилы.— Молодой большевик, 1941, № 11 (июнь), с. 39—49.

Славянофилы и славянофильство, (Из истории рус. обществ. мысли сер. XIX в.).— Историк-марксист, 1941, № 1, с. 85—97.

Фельдмаршал Михаил Кутузов.— Большевистская сталь. Сталинск, Новосибирской обл., 1941, 21 дек.

Хрестоматия по истории СССР. Пособие для учителей средней школы. Т. 2, ч. 1 (1682—1856). М.: Учпедгиз, 1941. 568 с. (*Совм. с М. В. Нечкиной*).

1942

Генералиссимус Александр Суворов.— Большевистская сталь. Сталинск, Новосибирской обл., 1942, 11 янв.

Минин и Пожарский.— Там же, 1942, 4 марта.

1944

Пограничная служба в России в первой половине XIX века.— Пограничник, 1944, № 7—8, с. 44—48, с ил.; № 9, с. 39—44 с ил.

1945

Славянофилы.— БСЭ. 2-е изд. М., 1945, т. 51, стб. 365—375.

Чесменская победа. М.: Госполитиздат, 1945. 44 с.

Тимофей Николаевич Грановский (90 лет со дня смерти).— Горьковская коммуна. Горький, 1945, 17 окт.

То же: Звязда. Минск, 1945, 17 кастрычніка (окт.)

1946

Методическое руководство и примерный план семинарских занятий по истории СССР (для ист. фак-тов гос. пед. ин-тов)/Отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. М.: «Сов. наука», 1946. 44 с. (*Совм. с С. Л. Марголиным, И. Э. Разгоном, Н. Л. Рубинштейном*).

Славяне.— В кн.: 1946 год. Календарь-справочник. М., 1946, с. 310—325.

Рец. на кн.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. Предпосылки и сущность реформы. М.; Л., 1946.— Сов. книга, 1946, № 10—11, с. 64—70.

1947

Россия в 19 в.— БСЭ [Том:] Союз Советских Социалистических Республик. М., 1947, стб. 470—567, с ил. и карт.

Книга издана в переводе на нем яз. в Берлине в 1950 г.

Ред.: Кудрявцев И. А., Эвенчик С. Л. История СССР. Методические указания для заочников пед. ин-тов. Ист. фак./Гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1947. 104 с. (*Совм. с В. И. Лебедевым*).

1948

История СССР. [Учебник для неисторических фак-тов вузов]. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. М.: Госполитиздат, 1948. 410 с.— В надзаг.: Ордена Ленина Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. (*Совм. с М. Н. Тихомировым.*)

Хрестоматия по истории СССР. Пособие для учителей средней школы. Т. 3 (1857—1894). М.: Учпедгиз, 1948. 792 с. (*Совм. с Е. А. Мороховцом.*)

Рец. на кн.: *Окунь С. Б.* История СССР. 1796—1825 гг. Курс лекций. Л., 1948.— Вопросы истории, 1948, № 8, с. 118—120.

1949

История СССР [Учебник для ист. фак-тов гос. ун-тов и пед. ин-тов]. Т. 2. Россия в XIX веке/Под ред. М. В. Нечкиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Госполитиздат, 1949.

То же на укр. яз.: Киев, 1950.

То же на англ. яз.: Вашингтон, 1953.

То же на польск. яз.: Варшава, 1954.

Авт. след. глав и разделов: Гл. 1. Разложение феодально-крепостнического хозяйства и формирование капиталистических отношений в России в первой половине XIX в., с. 7—41.— Гл. 8. Украина, Молдавия, Белоруссия, Литва в первой половине XIX в., разд.: Великий поэт-демократ Т. Г. Шевченко, с. 185—187; Культура и просвещение [Украины], с. 187—189; Культура и просвещение Белоруссии и Литвы, с. 209—210.— Гл. 11. Народы Кавказа в первой половине XIX в., разд.: Художественная литература народов Кавказа, с. 283—285.— Гл. 15. Русская культура в первой половине XIX в., с. 350—392.— Гл. 23. Средняя Азия и Казахстан в 1860—1880-х гг. Завоевание Средней Азии, с. 573—603.

Хрестоматия по истории СССР. Т. 2. (1682—1856). 2-е изд., испр. и доп. М., 1949. 960 с. (*Совм. с М. В. Нечкиной.*)

То же на укр. яз.: Киев, 1951 (дополнительно включен ряд документов по истории Украины).

1951

Русская общественность и семисотлетие Москвы (1847 г.) — Исторические записки, 1951, т. 36, с. 219—251.

Рец. на кн.: Вопросы географии. Научные сборники Моск. филиала Геогр. о-ва СССР. Сб. 20. Истор. география СССР. М., 1950.— Изв. АН СССР. Сер. истор. и филос., 1951, т. 8, № 4, с. 370—373.

Рец. на кн.: Рабочее движение в России в XIX веке. Сб. документов/Под ред. А. М. Панкратовой. Т. 2, ч. 1 и 2, 1861—1884. М., 1950.— Вопросы истории, 1951, № 6, с. 108—111.

То же на чеш. яз.: Sovětská věda, Praha, 1954,ročn. 2, s. 528—533.

1952

Западники.— БСЭ. 2-е изд. М., 1952, т. 16, с. 424—425.

Хрестоматия по истории СССР. Т. 3. 1857—1894. 2-е изд., испр. и доп. М.: Учпедгиз, 1952. 895 с.

Рец.: Нужная и ценная книга [История Молдавии. От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции/Под ред. А. Д. Удальцова и Л. В. Черепнина]. Кишинев, 1951.— Сов. Молдавия, 1952, 25 мая.

1953

Хрестоматия по истории СССР. Т. 2. (1682—1856). 3-е изд., испр. и доп. М., Учпедгиз, 1953. 972 с. (*Совм. с М. В. Нечкиной.*)

Об изучении документов по истории рабочего движения в России в XIX веке. [В связи с выходом многотомного издания: Рабочее движение в России в XIX в. Сб. документов и материалов/Под ред. А. М. Панкратовой/М., Госполитиздат, 1951—1952, т. 1—3, в 5-ти кн.].— Вопросы истории, 1953, № 7, с. 131—137.

Рец. на кн.: Кренгольмская стачка 1872 г. Сб. документов и материалов. Таллин, 1952.— Сов. книга, 1953, № 1, с. 72—76.

Рец.: Ценный труд по истории земледелия [О книге: Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952] — Лит. газета, 1953, 14 апр. (*Совм. с С. Г. Струмилиным.*)

Рец. на кн.: История Латвийской ССР. Т. 1. С древнейших времен до 1860 г./Отв. ред. Я. Я. Зутис. Рига, 1952.— Сов. книга, 1953, № 8, с. 51—56 (*Совм. с А. К. Вассаром.*)

Ред. и авт. предисл.: *Гурьянов В. П.* Иван Михайлович Комов. Его жизнь и деятельность. К истории рус. агрономии и географии. М.: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1953. 105 с.

1954

Историческая наука в Московском университете в 60—90-х годах XIX в.— Вестн. Моск. ун-та. Сер. обществ. наук, 1954, № 7, с. 95—115.

История СССР. [Учебник для ист. фак-тов гос. ун-тов и пед. ин-тов]. Т. 2. Россия в XIX веке. Кризис феодализма. Утверждение капитализма/Под ред. М. В. Нечкиной. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Госполитиздат, 1954. 847 с.

То же на венг. яз.: Будапешт, 1956.

То же на кит. яз.: Пекин, 1959.

То же на корейск. яз.: Пхеньян, 1957.

Авт. след. глав и разделов: Гл. 1. Развитие капиталистических отношений в России в первой половине XIX в. и возникновение кризиса феодально-крепостнической формации, с. 7—41.— Гл. 10. Русская культура в первой половине XIX в., с. 235—279.— Гл. 11. Народы России в первой половине XIX в., разд.: Украинская культура. Великий украинский революционный демократ — поэт Т. Г. Шевченко, с. 290—294; Культура Грузии, с. 327—331; Культура Азербайджана, с. 333—334; Включение Восточной Армении в состав России. Культура Армении, с. 335—336.— Гл. 17. Средняя Азия и Казахстан в 60—90-е годах. Присоединение Средней Азии к России, с. 531—561.

Николай I.— БСЭ. 2-е изд. М., 1954, т. 30, с. 8—9. (Без подп.)

Рец.: Научный труд по истории Украины. [О книге: История Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1953].— Правда, 1954, 18 апр. (*Совм. с М. Н. Тихомировым, В. К. Яцунским, Е. Д. Черменским.*)

Рец.: Ценный труд по истории Белоруссии. [О книге: История Белорусской ССР. Т. 1/Под ред. В. Н. Перцева, К. И. Шабуни и Л. С. Абецедарского. Минск, 1954].— Коммунист, 1954, № 16, (ноябрь), с. 114—121. (*Совм. с Б. А. Рыбаковым, Н. В. Устюговым, Н. В. Каменской.*)

То же: Сов. Белоруссия, Минск, 1954. 16 ноября, с. 2—3.

1955

Историческая наука в Московском университете за 200 лет его существования (1755—1955).— В кн.: Тезисы докладов исторического факультета/Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юбилейная науч. сессия, посвящ. 200-летию университета, 9—13 мая 1955 г. М., 1955, с. 6—8.

Научная деятельность Московского университета в 1859—1895 годах.— В кн.: История Московского университета, в 2-х т. М., 1955. т. 1, гл. 9, с. 275—344.

К вопросу об образовании и основных этапах развития буржуазной русской нации.— Вестн. Моск. ун-та, № 11. Сер. обществ. наук, 1955, вып. 4, с. 33—62.

Некоторые вопросы истории крестьянства. Вместо предисловия.— В кн.: Из истории крестьянства в XVI—XIX вв. Сб. статей/Под ред. С. С. Дмитриева. М., 1955, с. 3—7. (Труды Гос. Ист. музея, вып. 27.)

О некоторых вопросах истории русской общественной мысли конца XVIII — первой половины XIX в. [Передовая статья].— Вопросы истории, 1955, № 9, с. 3—12. (*Совм. с Н. М. Дружининым.* Без подп.)

Образование русской нации.— Вопросы истории, 1955, № 7, с. 42—60.

Рец.: Ценный обобщающий труд по истории Латвии. [О книге: История Латвийской ССР. Т. 2. С 1861 г. по март 1917 г./Отв. ред. Я. П. Крастынь. Рига, 1954].— Коммунист Советской Латвии, 1955, № 3, с. 70—77. (*Совм. с К. Каулинем и В. Яцунским.*)

Рец. на кн.: История Москвы в шести томах/АН СССР. Ин-т истории. Т. 3. Период разложения крепостного строя. М., 1954.— Вопросы истории, 1955, № 2, с. 147—152.

Ред.: История Московского университета, в 2-х т. Т. 1. 1755—1917. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 562 с. (*Совм. с другими.*)

1956

Русская культура и культура народов России в первой половине XIX в.— В кн.: История СССР. [Учебник для ист. фак-тов гос. ун-тов и пед. ин-тов]. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г./Под ред. Л. В. Черепнина (отв. ред.) [и др.] М., 1956, гл. 32, с. 791—832.

Письмо «русских людей» Клейнмихелю. Публикация.— Лит. наследство, 1956, т. 63, с. 195—196.

Письмо «русского либерала». Публикация.— Там же, с. 226—227.

Протест против «Обвинительного акта» Чичерина. К вопросу о разногласиях среди русских либералов в конце 50-х годов XIX века. Публикация.— Там же, с. 209—219.

Стихотворение-памфлет на коронацию Александра II. Публикация.— Там же, с. 191—194.

Славянофилы.— БСЭ. 2-е изд. М., 1956, т. 39, с. 303—305.

1957

Россия в творчестве Жюля Верна и роман «Драма в Лифляндии».— В кн.: Верн Ж. Собр. соч. М., 1957, т. 11, с. 588—598. (*Совм. с Е. Брандисом.*)

Blad ur Russlands historia. I—VIII [Страницы истории СССР — с древнейших времен до 1917 г.].— Nyheter från Soviet Unionen (Нюхетер фрон Совьет Унионен). Стокгольм, 1957, № 23, S. 13—14; № 24, S. 15—16; № 25, S. 15—16; № 26, S. 15—16; № 27, S. 16—18; № 28, S. 9; № 29, S. 15—16; № 30, S. 15—16. На шведск. яз.

1959

История СССР. [Учебник для высших учебных заведений]. Т. 2. 1861—1917 гг. Период капитализма/Под ред. Л. М. Иванова, А. Л. Сидорова (отв. ред.), В. К. Яцунского. М.: Соцэкгиз, 1959. 768 с.

Авт. след. глав: Гл. 6. Присоединение Средней Азии, с 174—191.— Гл. 12. Русская культура и культура народов России во второй половине XIX в., с. 314—362.— Гл. 22. Русская культура и культура народов России в эпоху империализма, с. 673—712.

Профессор Я. А. Линовский и создание сельскохозяйственного музея при Московском университете в 1846 г. (К истории сельскохозяйственной науки и пропаганды в России).— Вестн. Моск. ун-та. Сер. истор.-филол., 1959, № 2, с. 79—104.

Ред.: Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. 276 с.

Ред.: Лебедева Г. М. Сатирический журнал «Искра», орган передовой демократической печати, 1859—1873. М.: «Сов. Россия», 1959, 84 с. с ил.

1960

Народнохозяйственные выставки в Ярославской губернии до 1861 г. (К истории сельскохозяйственной пропаганды в России).— В кн.: Краеведческие записки/Ярославо-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Ярославль, 1960, вып. 4, с. 212—241.

Развитие культуры в России во второй половине XIX в.— В кн.: Очерки истории СССР, 1861—1904. Пособие для учителей/Под ред. *С. С. Дмитриева.* М., 1960, гл. 6, с. 393—444.

Рец. на кн.: Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг. Документы. М., 1959.— Вопросы истории, 1960, № 11, с. 136—138.

1961

Возникновение сельскохозяйственных выставок в России.— В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сб. статей к 75-летию Н. М. Дружинина. М., 1961, с. 172—180.

История СССР периода капитализма. Научно-методическое пособие для преподавателей и студентов-заочников II курса ист. фак-тов гос. ун-тов/Под ред. *С. С. Дмитриева.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 224 с. (*Совм. с В. И. Бовыкиным и В. А. Федоровым.*)

Авт. след. разделов: Семинары по истории СССР периода капитализма. История СССР второй половины XIX в., с. 40—69.— Русские справочные издания для историка СССР, с. 143—166.— Русские исторические журналы по истории СССР, с. 167—190.

Рец.: Две новые книги по аграрной истории (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959, сб. 3; Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г. Таллин, 1959).— История СССР, 1961, № 1, с. 183—186.

Рец.: Опыт составления однотомного учебника истории СССР. [О книге: История СССР. Учеб. пособие/ВПШ при ЦК КПСС. Редколлегия: Б. Д. Дацюк (отв. ред.) и др. М., 1961].— История СССР, 1961, № 4, с. 157—163. (*Совм. с А. И. Гуковским и П. Г. Софиновым.*)

1962

Крестьянское движение и некоторые проблемы общей истории России в первой половине XIX в. (К выходу в свет сборников документов о крестьянском движении в 1796—1849 гг.) — Вопросы архивоведения, 1962, № 2, с. 108—114.

Рец. на кн.: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960.— Вопросы истории, 1962, № 10, с. 129—132.

Ред.: История СССР. Аннотированный указатель литературы для учителей средней школы/Гос. публ. ист. б-ка РСФСР. 4-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962, вып. 1. 247 с.

Ред.: Личные архивные фонды в хранилищах СССР. Указатель. Т. 1. А — М. М., 1962. 478 с. (*Совм. с другими.*)

Ред.: Художественно-историческая литература по истории СССР. Указатель для учащихся средней школы/Гос. публ. ист. б-ка РСФСР. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962. 122 с.

1963

О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР.— Вопросы истории, 1963, № 8, с. 80—84.

Памяти Николая Леонидовича Рубинштейна (1897—1963).— История СССР, 1963, № 3, с. 239—241. Прил. Список печатных трудов Н. Л. Рубинштейна/Сост. С. С. Дмитриев и С. М. Мейлер, с. 242—244.

По поводу письма академика Н. М. Дружинина.— Вопросы архивоведения, 1963, № 2, с. 121—123.

Слов'янофіли.— В кн.: Українська радянська енциклопедія. Київ, 1963, т. 13, с. 254—255.

Ред.: Личные архивные фонды в хранилищах СССР. Указатель. Т. 2. Н—Я. М., 1963. 502 с. (*Совм. с другими.*)

1964

Западники.— СИЭ. М., 1964, т. 5, стб. 615—619.

К истории советской исторической науки. Историк Н. Л. Рубинштейн (1897—1963).— Учен. зап. Горьк. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. истор.-филол. Горький, 1964, вып. 72, т. 1, с. 415—478.— Со списком печатных трудов Н. Л. Рубинштейна, с. 472—478.

Русская культура и культура народов России в первой половине XIX в.— В кн.: История СССР. С древнейших времен до 1861 г. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй. Период феодализма. Изд. 2-е, перераб. и доп., с. 700—759.

1965

Историческая периодика в России.— СИЭ. М., 1965, т. 6, стб. 530—532.

История СССР. [Учебник для студентов ист. фак-тов гос. ун-тов]. Т. 2. 1861—1917. Период капитализма/Под ред. Л. М. Иванова, А. Л. Сидорова (отв. ред.), Е. Д. Черменского, В. К. Яцунского. 2-е изд., перераб. М.: «Мысль», 1965.

Авт. след. глав: Гл. 6. Присоединение Средней Азии, с. 162—178.— Гл. 12. Русская культура и культура народов России во второй половине XIX в., с. 289—334.— Гл. 22. Русская культура и культура народов России в эпоху империализма, с. 639—678.

К публикации статьи Н. Л. Рубинштейна об И. Е. Забелине.— История СССР, 1965, № 1, с. 51—54.

Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников.— Вопросы архивоведения, 1965, № 3, с. 35—48.

1966

Православная церковь и государство в предреформенной России.— История СССР, 1966, № 4, с. 20—54.

1967

Именословие русских исторических журналов.— Рус. литература, 1967, № 1, с. 73—83.

Самарин Юрий Федорович.— Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 548—549.

Церковь на службе самодержавия и крепостничества в первой половине XIX в.— В кн.: Церковь в истории России (IX в.— 1917 г.) Критич. очерки. М., 1967, гл. 11, с. 206—226. (*Совм. с В. Ф. Миловидовым.*)

Рец.: Умное чтение Толстого. [О книге: Альтман М. Читая Толстого. Тула, 1966].— Вопросы литературы, 1967, № 8, с. 213—216.

Ред.: Из истории общественно-политического движения в России XIX в. Материалы Отдела письменных источников Гос. Истор. музея. М., 1967. 71 с.

1968

Культура России в эпоху империализма.— В кн.: История СССР. С древнейших времен до наших дней. В 2-х сер., в 12-ти т. М., 1968, т. 6, гл. 11, с. 717—800.

Рец.: Интеллигенция в первой русской революции. Заметки о книге Л. К. Ермана [Интеллигенция в Первой русской революции. М., 1966].— История СССР, 1968, № 1, с. 155—158.

1969

Грановский и Московский университет.— В кн.: Грановский Тимофей Николаевич. Библиография (1828—1967)./Под ред. *С. С. Дмитриева.* М., 1969, с. 3—43.

Алексей Исаевич Гуковский. [Некролог].— Вопросы истории, 1969, № 7, с. 220. (Без подп.)

Подход должен быть конкретно-исторический.— Вопросы литературы, 1969, № 12, с. 73—84. (Лит. критика ранних славянофилов).

1970

Агрономическое путешествие по Франции профессора Я. А. Линовского в 1842—1844 гг.— В кн.: Франко-русские экономические связи. Москва — Париж, 1970, с. 369—396.

То же на франц. яз.: Le voyage agronomique du professeur Y. A. Linovski en France en 1842—1844.— In: Russie et l'Europe XVIe—XXe siècles. Paris — Moscou, 1970, p. 103—123. (Bibliothèque générale de l'Ecole pratique des Hautes Études, Sorbonne. VI-e section. Sciences économiques et sociales).

Биография как историческое исследование [Выступление на обсуждении темы в редакции журнала «История СССР»].— История СССР, 1970, № 4, с. 236—238.

Источниковедение истории СССР XIX — нач. XX в. [Учебное пособие для студентов истор. фак-тов]/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Истор. фак. Кафедра истории СССР (период капитализма)/Под ред. И. А. Федосова (отв. ред.), И. И. Астафьева, И. Д. Ковальченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.

Авт. след разделов: Разд. 5, гл. 11. Периодическая печать дореформенной России (1801—1860 гг.), с. 243—268.— Разд. 6. гл. 14. Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в., с. 346—367.

Хрестоматия по истории СССР, 1861—1917. Пособие для учителей. М.: «Просвещение», 1970. 608 с.+20 л. ил. (*Совм. с Р. Г. Эймонтовой.*)

То же на лит. яз.: Каунас, 1977.

1971

Ред.: Аппарович Н. И., Никифоров Д. Н. Альбом по истории культуры СССР. Вып. 1. [Дооктябрьский период]. М.: «Просвещение», 1971.

1972

Проблемы источниковедения русской исторической периодики. М., 1972. 27 с. (Симпозиум по актуальным проблемам источниковедения. Материалы к обсуждению. Таллин, 1972). Репрогр.

Ред.: *Галин Г. А., Эймонтова Р. Г.* Революционные демократы России середины XIX в. Рекомендательный указатель литературы. М.: «Книга», 1972. 94 с. (Страницы биографий/Гос. публ. истор. б-ка РСФСР).

1973

Источниковедение истории СССР. [Учебник для студентов ист. фак-тов ун-тов и пед. ин-тов)/Под ред. И. Д. Ковальченко. М.: «Высшая школа», 1973. 559 с.

Авт. след. разделов: Ч. 2. Источники по истории СССР XVIII — первой половины XIX в. Гл. 16. Периодическая печать, с. 257—273.— Ч. 3. Источники по истории СССР эпохи капитализма. Гл. 23. Периодическая печать, с. 373—392.— Гл. 24. Воспоминания, дневники, частная переписка, с. 393—414.

Население страны и ее история.— В кн.: *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973, с. 3—21.

Ред.: История СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Рекомендательный указатель литературы для учителей средней школы/Гос. публ. истор. б-ка РСФСР. М.: «Книга», 1973. 144 с.

1974

Отв. ред.: Проблемы истории СССР. [Сб. статей аспирантов]/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974, вып. 4. 348 с. Репрогр.

1976

Источниковедение русской исторической журналистики. (Постановка темы и проблематика).— В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1975. М., 1976, с. 272—305.

Ред.: *Аппарович Н. И., Никифоров Д. Н.* Альбом по истории культуры СССР. Вып. 2. Советский период. М.: «Просвещение», 1976.

Отв. ред.: Проблемы истории СССР. [Сб. статей аспирантов]/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Истор. фак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976, вып. 5. 520 с. Репрогр.

1977

[Выступление на симпозиуме по актуальным проблемам источниковения в Таллине, окт. 1972 г.] — В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1976. М., 1977, с. 239—240.

Рец. на кн.: Рудницкая Е. Л. Шестидесятник Николай Ножин.— Вопросы истории, 1977, № 6, с. 154—157.

Ред.: История нашей Родины. (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Рекомендательный указатель литературы для молодежи/Гос. публ. ист. б-ка РСФСР. М.: «Книга», 1977. 109 с.

Отв. ред.: Проблемы истории СССР. [Сб. статей аспирантов]/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977, вып. 6, 365 с. Репрогр.

1978

Памяти историка-библиографа А. А. Соленниковой.— В кн.: Освободительное движение в России. Межвузовский науч. сб. Саратов, 1978, вып. 7, с. 111—112.

Профессор Манфред.— В кн.: Французский ежегодник. 1976. М., 1978, с. 22—24.

Ред.: Литературные взгляды и творчество славянофилов, 1830—1850 годы. [Коллективный труд]/АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: «Наука», 1978. 502 с. (*Совм. с К. Н. Ломуновым (отв. ред.) и А. С. Куриловым.*)

Отв. ред.: Проблемы истории СССР. [Сб. статей аспирантов]/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978, вып. 7. 334 с. Репрогр.

1979

Предмет и метод истории культуры. [Выступление за «круглым столом» в редакции журнала «История СССР» в январе 1979 г.] — История СССР, 1979, № 6, с. 126—128.

Семинар по истории СССР периода капитализма на II курсе.— В кн.: Методика проведения семинарских занятий на исторических факультетах университетов/Под ред. М. Т. Белявского. М., 1979, с. 91—115. (*Совм. с В. А. Федоровым.*)

Указатели к десяти книгам сборника «Проблемы истории СССР».— В кн.: Проблемы истории СССР. [Сб. статей аспирантов]/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Истор. фак. М., 1979, вып. 10, с. 273—290. Репрогр.

Отв. ред.: Проблемы истории СССР. [Сб. статей аспирантов]/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Истор. фак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979, вып. 8—10. Репрогр.

Ред.: Летопись Московского университета, 1755—1979. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 533 с. (*Совм. с другими.*)

1980

Опыт и суждения Николая Михайловича Дружинина. [К 95-летию со дня рождения].— История СССР, 1980, № 6, с. 215—223.

Ред.: Личные архивные фонды в хранилищах СССР. Указатель. М.: «Книга», 1980, т. 3. 544 с. (*Совм. с другими.*)

Отв. ред.: Проблемы истории СССР [Сб. статей аспирантов]/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Истор. фак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980, вып. 11. 338 с. Репрогр.

1981

Источниковедение истории СССР. 2-е изд., перераб. и доп. [Учебник для студентов исторических специальностей ун-тов и пед. ин-тов]/Под ред. И. Д. Ковальченко. М.: «Высшая школа», 1981. 496 с.

Авт. след. глав: Ч. 2. Источники по истории СССР XVIII — первой половины XIX в. Гл. 15. Периодическая печать, с. 221—237.— Ч. 3. Источники по истории СССР эпохи капитализма. Гл. 21. Периодическая печать, с. 325—342.— Гл. 22. Воспоминания, дневники, частная переписка, с. 342—358.

Ученый и наставник Николай Михайлович Дружинин. (К 95-летию со дня рождения).— Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История, 1981, № 1, с. 27—39.

«Философические письма» П. Я. Чаадаева.— В кн.: Памятные книжные даты. 1981. М.: «Книга», 1981, с. 76—84 с ил. и портр.

Рец.: Мемуаристика как феномен культуры (К выходу книги А. Г. Тартаковского «1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения»).— История СССР, 1981, № 6, с. 125—131.

Ред.: Памятные книжные даты. 1981. М.: «Книга», 1981. 286 с. (*Совм. с другими.*)

1982

Мария Константиновна Рожкова. К истории советской исторической науки.— История СССР, 1982. № 5, с. 120—130. (*Совм. с А. С. Нифонтовым.*)

Рец.: История исторической науки в СССР. Советский период. Октябрь 1917—1967 гг. Библиография.— Вопросы истории, 1982, № 1, с. 119—125.

Ред.: Памятные книжные даты. 1982. М.: «Книга», 1982. 287 с. (*Совм. с другими.*)

Отв. ред.: Проблемы истории СССР [Сб. статей аспирантов]/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Истор. фак./М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982, вып. 12. 337 с. Репрогр.

1983

«Новоселье», альманах А. Ф. Смирдина [1833 г.].— В кн.: Памятные книжные даты. М., 1983, с. 271—272.

«Ученые записки имп. Московского университета [1833—1836 гг.] — Там же, с. 45—48.

Ред.: Памятные книжные даты. 1983. М.: «Книга», 1983. 288 с. (*Совм. с другими.*)

Отв. ред.: Проблемы истории СССР. [Сб. статей аспирантов]/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак./М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983, вып. 13. 326 с. Репрогр.

1984

«Век девятнадцатый, железный...» — В кн.: Москва. Иллюстрированная история. Т. 1. С древнейших времен до 1917 г. М., 1984. с. 190—257.

Вещественные и письменные источники в музейном исследовании.— В кн.: Материалы по истории русской культуры конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1984, с. 5—10.

Соловьев и Московский университет.— В кн.: С. М. Соловьев. Персональный указатель литературы (1838—1981)/Науч. руководство и ред. проф. *С. С. Дмитриева*. М., 1984, с. 5—28.

Ред.: Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. Сб. науч. статей/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Истор. фак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 133 с. Репрогр.

Отв ред.: Материалы по истории русской культуры конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1984. 151 с. (Труды Гос. ордена Ленина Истор. музея, вып. 58).

Ред.: Памятные книжные даты. 1984. М.: «Книга», 1984. 288 с. (*Совм. с другими.*)

Отв. ред.: Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. Сб. науч. статей/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 84 с. Репрогр.

1985

Очерки истории русской культуры начала XX в. М.: «Просвещение», 1985. 256 с. с ил.+8 л. ил.

Редкостный юбилей советского историка. (К 100-летию академика Н. М. Дружинина).— Вопросы истории, 1985, № 12, с. 13—25. (*Совм. с А. С. Нифонтовым.*)

Отв. ред.: Дружинин Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX веке. М.: «Наука», 1985. 486 с.+1 л. портр.

Ред.: Очерки русской культуры XVIII века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985, ч. 1. 384 с. (*Совм. с другими.*)

Отв. ред.: Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. [Сб. науч. статей]/Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 154 с. Репрогр.

Отв. ред.: Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. (От России крепостной к России капиталистической). М.: Наука», 1985. 350 с.

Готовится к изданию в 1986 г.

Академик Н. М. Дружинин. Его творчество, опыт, суждения.— Вестн. АН СССР, 1986, № 6.

Грановский и русская общественность.— В кн.: *Грановский Т. Н.* Лекции по истории позднего средневековья/Под ред. *Е. В. Гутновой* и *С. С. Дмитриева*. М.: «Наука», 1986.

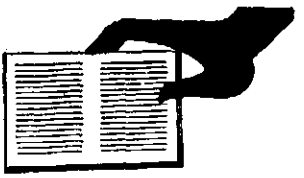
«Избранные труды» Н. М. Дружинина.— Преподавание истории в школе, 1986, № 2.

Историк Н. М. Дружинин.— В кн.: Социально-экономическая история России. Сб. статей, посвящ. 100-летию со дня рождения академика Н. М. Дружинина. М., 1986.

Отв. ред.: Дружинин Н. М. Избранные труды. Социально-экономическая история России.

Готовится к изданию в 1987 г.

Записки княгини Дашковой и письма сестер Вильмот из России.— В кн.: Записки Е. Р. Дашковой и письма сестер Вильмот/Под ред. *С. С. Дмитриева*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987 (Университетская б-ка).

СООБЩЕНИЯ

В. Н. ВОЛКОВИНСКИЙ

ОРГАНИЗАЦИЯ ШЕФСКИХ СВЯЗЕЙ ТРУДЯЩИХСЯ УКРАИНСКОЙ ССР И ВОИНОВ КРАСНОЙ АРМИИ В 20—30-х ГОДАХ

Решая задачу обеспечения надежной обороны страны, партия всегда исходила из единства основных слагаемых оборонной мощи государства — его экономического, научно-технического, морально-политического и военного потенциалов.

Разрабатывая проблему защиты Социалистического отечества, решая практические задачи строительства Советских Вооруженных Сил, В. И. Ленин указывал на необходимость привлечения к сознательному участию в обороне страны широких народных масс. Одним из важнейших мероприятий партии по вовлечению трудящихся в решение задач советского военного строительства стало пролетарское шефство над Красной Армией и Флотом. Особый размах оно получило в 20—30-е гг., оказав существенное влияние на воспитание советских людей в духе постоянной готовности к защите социалистической Родины, способствуя всемерному укреплению нерушимого единства армии и народа, формированию тех факторов, которые во многом предопределили победу Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Большой размах военно-шефское движение получило на Украине. У его истоков стоял видный советский военачальник, выдающийся полководец ленинской школы, один из активных организаторов Советских Вооруженных Сил М. В. Фрунзе. Вопросы участия трудящихся Украинской ССР в укреплении Красной Армии в рассматриваемый период освещались во многих работах[1]. Однако исследования, специально посвященного истории организации шефства трудовых коллективов республики над РККА и РККФ в 1921—1941 гг., нет. В данном сообщении сделана попытка восполнить этот пробел.

Международная обстановка, в которой молодая Советская Республика приступила к восстановлению народного хозяйства после окончания гражданской войны, характеризовалась обострением межимпериалистических противоречий и неустойчивым равновесием сил между Советским государством и капиталистическим миром, оказавшимся не в состоянии задушить Страну Советов в 1918—1920 гг. Основным содержанием

[1] Бабко Ю. В. Из истории борьбы коммунистов Украины за укрепление обороноспособности СССР (1933—1937 гг.).— Український історичний журнал, 1963, № 1; Матвиенко И. А., Котелевский П. М. Деятельность парторганизаций Украины по укреплению единства народа и армии в 1933—1941 гг.— Там же, 1970, № 9; Ковалев И. Я. Комсомол и оборона Родины. Киев, 1975; Боевой отряд советских патриотов. Очерки истории ДОСААФ УССР. Киев, 1976; Волковинский В. Н. Шефство рабочего класса Украины над Красной Армией (1921—1925 гг.).— Український історичний журнал, 1976, № 11; его же. Участие М. В. Фрунзе в организации шефства трудящихся Украины над частями Красной Армии.— Военно-исторический журнал, 1983, № 3; Краснознаменный Киевский. Очерки истории Краснознаменного Киевского военного округа (1919—1978 гг.). Киев, 1979; Пиха Д. Д. Деятельность Коммунистической партии по подготовке трудящихся к защите СССР. 1929—1941 гг. На материалах Украины. Киев, 1979.

внутриполитической обстановки была борьба между строящимся социализмом и свергнутым, но не уничтоженным еще капитализмом, возрождавшимся на базе мелкотоварного хозяйства.

Переход к хозяйственному строительству начался в условиях крайней разрухи, вызванной империалистической войной, интервенцией и белогвардейской контрреволюцией. Трудности экономического и социального характера переплелись с политическим кризисом, вызванным недовольством крестьян политикой «военного коммунизма».

В этих условиях особенно остро стоял вопрос об укреплении боевой и политической подготовки Красной Армии, ее материальной основы, в чем немалую роль сыграло пролетарское шефство.

В основе пролетарского шефства лежала инициатива широких народных масс, их огромное желание помочь молодой Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Главная цель военно-шефской работы заключалась в усилении влияния рабочего класса на личный состав Красной Армии и Флота, содействии в его материальном обеспечении, в организации массово-политической и культурно-просветительной работы в войсках. Партия постоянно уделяла большое внимание развитию шефских связей между трудовыми коллективами и воинскими частями, определяла их наиболее эффективные формы в зависимости от конкретных условий развития страны.

Шефство как патриотическое движение возникло в годы гражданской войны в РСФСР, на Украине, в других советских республиках почти одновременно, став ярким свидетельством стремления народов всей страны крепить боевую мощь Вооруженных Сил первого в мире социалистического государства. Институт красного шефства был одобрен специальным постановлением ВЦИК от 17 ноября 1921 г.[2]

Трудящиеся Советской Украины включились в это движение в 1921 г. В декабре 1921 г. IX Всероссийский и VI Всеукраинский съезды Советов руководствуясь решениями X съезда РКП(б) по военному вопросу, призвали всех трудящихся всемерно укреплять Красную Армию.

Активными пропагандистами и организаторами шефского движения на Украине были видные партийные и государственные деятели В. П. Затонский, С. В. Косиор, Д. З. Мануильский, Д. З. Лебедь, Г. И. Петровский, Н. А. Скрыпник, В. Я. Чубарь и др. Активно способствовали установлению шефских связей между трудовыми коллективами республики и частями Красной Армии К. А. Авксентьевский, Г. И. Котовский, В. М. Примаков, Р. П. Эйдеман, И. Э. Якир и другие военачальники, занимавшие в начале 20-х гг. командные посты в войсках Украинского военного округа (УВО). Большой вклад в организацию шефства трудящихся Украины над частями Красной Армии и экипажами Черноморского флота внес выдающийся советский военачальник М. В. Фрунзе, командовавший с декабря 1920 г. по март 1924 г. Вооруженными Силами Украины и высоко оценивавший политическое значение этого движения трудящихся.

Массовое принятие трудовыми коллективами Советской Украины шефства над частями Красной Армии началось в феврале 1922 г., в канун 4-й годовщины Рабоче-Крестьянских Вооруженных Сил. В это время в республике проходили первые массовые кампании содействия РККА — «Неделя красноармейца» и «Неделя помощи Красной Армии», когда подавляющее большинство заводов, фабрик, советских учреждений, профсоюзных организаций хозяйственных органов, откликнувшись на призыв партии, взяли шефство над воинскими частями. Так, Запорожский губисполком стал шефом 1-й кавалерийской дивизии, Кременчугский — 25-й стрелковой дивизии и пехотных командирских курсов, профсоюзные организации Черниговщины — местного гарнизона, киевский завод «Арсенал» — 43-го полка, Елизаветградский уездный исполком — команды бронепоезда «Доброволец» и 5-й кавалерийской школы и т. д.[3]

В дальнейшем трудовые коллективы начало шефства приурочивали к революционным праздникам — годовщине Великого Октября, Дню Красной Армии, 1 Мая и т. д.

Шефство трудящихся Советской Украины над Красной Армией в восстановительный период получило широкий размах. В авангарде этого патриотического движения шел рабочий класс. Ведя борьбу за охват шефством всех воинских частей РККА на Украине, заводские коллективы, ставшие шефами, призывали трудящихся республики

[2] Сувениров О. В. Коммунистическая партия — организатор политического воспитания Красной Армии и Флота. 1921—1928. М., 1976, с. 74.

[3] ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 2, д. 863, л. 64; д. 897, л. 15; ф. 2605, оп. 1, д. 932, л. 14.

активно включаться в это патриотическое движение[4]. В то же время рабочие зорко следили за тем, чтобы в шефские организации не проникали нэпманы, кулаки и другие классово чуждые элементы. 27 марта 1922 г. общее собрание коллектива Харьковского паровозостроительного завода постановило, что шефом над Красной Армией может быть только тот, кто имеет право быть красноармейцем. Шефство, таким образом, носило классовый характер.

Пролетарское шефство быстро распространилось в республике. На 1 марта 1923 г. только рабочие промышленных предприятий УССР шефствовали почти над 30 тыс. красноармейцев[5], оказывая им материальную и моральную поддержку, способствуя их воспитанию в духе верности Коммунистической партии.

Своим примером рабочий класс привлекал к активному участию в укреплении обороноспособности РККА широкие слои трудового крестьянства. «Незаможник, откликнись с искренним сердцем и помоги красноармейцам так, как помогают рабочие фабрик и заводов своим подшефным»,— говорилось, например, в воззвании Полтавской губернской комиссии незаможных селян к деревенской бедноте[6].

Важную роль в становлении шефского движения сыграли Советы. Во время выборов в Советы рабочие и крестьяне дали наказы своим депутатам всемерно крепить боевое могущество Красной Армии. «Каждый советский съезд, начиная с уездного и кончая Всеукраинским, не завершает своей работы, пока не побеспокоится и не примет мер к тому, чтобы помочь Красной Армии»,— писал секретарь ВУЦИК А. П. Буценко[7]. Принимавшиеся на съездах Советов решения были проникнуты готовностью уделить неослабное внимание РККА. В них четко определялась его цель, назывались конкретные мероприятия по улучшению материального положения красноармейцев. II Волынский губернский съезд Советов, приняв 20 февраля 1922 г. шефство над 45-й дивизией, отметил, что трудящиеся Волыни будут выполнять все заявки дивизии. Съезд подчеркнул, что «шефство должно символизировать братское единение армии и страны и всемерную материально-духовную поддержку Красной Армии»[8]. К концу 1923 г. советские органы шефствовали над 101 боевой единицей УВО.

Активно включились в движение многочисленные профсоюзные организации республики. 7 февраля 1922 г.[9] президиум Южбюро ВЦСПС принял шефство над Заволжским полком, 14 апреля 1922 г. пленум Донецкого губпрофсовета взял шефство над 109-м батальоном войск ГПУ. Приветствуя этот почин, председатель Донецкого райкома профсоюза металлистов Н. М. Шверник от имени всего пролетариата Донбасса пообещал всестороннюю помощь воинской части как в материальном отношении, так и в деле воспитания личного состава[10]. Профсоюзы Запорожской губернии стали шефами частей 7-го корпуса, профсоюзные организации Волыни — 44-го артдивизиона и т. д.

Значительный вклад в становление шефских связей внес Ленинский комсомол. В 1922 г. организации КСМУ взяли шефство над 1-м конным корпусом Червонного казачества, Черноморским флотом, 5-й кавалерийской школой им. С. М. Буденного. С апреля 1924 г. по рекомендации ЦК ЛКСМУ эта работа была сосредоточена главным образом на Черноморском флоте.

Образование в декабре 1922 г. СССР расширило масштабы шефства, способствовало более активному и плодотворному участию трудящихся других братских республик в шефстве над частями УВО и экипажами Черноморского флота. В начале 1923 г. над 35 из 105 крупных воинских единиц УВО шефствовали организации из других советских республик и автономных областей страны[11]. В свою очередь, предприятия Центрального правления каменноугольной и сланцевой промышленности Левобережной Украины, например, были шефами воинских частей, дислоцирующихся в Московской губернии[12]. Крепли дружба и единение народов Союза ССР, что способ-

[4] Коммунист (Харьков), 1922, 24 февраля.
[5] ЦГАОР УССР, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 20.
[6] Там же, ф. 257, оп. 1, д. 125, л. 320.
[7] Буценко А. Десять Всеукраинских съездов. Харьков. 1927 (на укр. яз.), с. 58.
[8] ЦГАОР УССР, ф. 5, оп. 1, д. 1116, л. 6.
[9] Там же, ф. 2630, оп. 1, д. 37, л. 43.
[10] Там же, ф. 2605, оп. 1, д. 911, л. 25.
[11] Там же, ф. 2, оп. 2, д. 472.
[12] Там же, ф. 34, оп. 4, д. 319, л. 4.

ствовало воспитанию личного состава армии и флота в духе классовой солидарности и интернационализма.

Для организации всего движения, основываясь на опыте РСФСР, 25 октября 1922 г. была создана Центральная шефская комиссия (ЦШК) при ВУЦИК. В состав ее вошли представители Политуправления УВО, Совнаркома УССР, Южбюро ВЦСПС, Укрсовнархоза и Харьковского губисполкома. Возглавил комиссию секретарь ВУЦИК В. И. Ермощенко [13].

За годы деятельности комиссии (с октября 1922 г. по ноябрь 1924 г.) на ее заседаниях было рассмотрено свыше 150 вопросов, посвященных развитию пролетарского шефства в республике. Она утверждала принятие организациями и учреждениями шефства над воинскими частями; определяла формы, виды и размеры шефской помощи; осуществляла контроль за использованием материальных средств, получаемых воинскими частями от шефов. Выносила наиболее важные вопросы, связанные с участием трудящихся в укреплении Вооруженных Сил, на рассмотрение заседаний Президиума ВУЦИК.

В восстановительный период, в условиях крайне тяжелого экономического положения страны основную роль в военно-шефской работе играла материальная помощь воинским частям. Наиболее распространенными ее формами являлись добровольные отчисления рабочими и служащими средств из своего заработка, сбор крестьянами хлеба и других сельскохозяйственных продуктов для нужд армии, обеспечение воинских частей обмундированием, обувью и другими предметами быта, проведение субботников и воскресников в пользу подшефных. Только в 1921—1925 гг. шефы оказали материальную помощь частям Красной Армии на сумму свыше 1,5 млн. руб. золотом, приняли участие в 20 ударных кампаниях содействия Вооруженным Силам страны, оказали помощь в ремонте 80% всех казарм округа и т. д.[14]

Одним из важнейших направлений этой работы было культурное шефство. 23 февраля 1923 г. Всероссийские профсоюзы работников искусств и просвещения взяли шефство над Красной Армией и Флотом. Творческая интеллигенция Украины единодушно поддержала это начинание. Работники просвещения республики оказали огромную помощь политорганам частей УВО в ликвидации неграмотности среди красноармейцев. К концу 1923 г. 97,3% личного состава УВО владели грамотой [15].

К концу восстановительного периода пролетарское шефство над Красной Армией превратилось в массовое общественное движение, которое постоянно развивалось и укреплялось. В 1922 г. Советские Вооруженные Силы имели 450 шефствующих организаций. В следующем году их количество возросло до 1280. На Украине к началу сентября 1924 г. все воинские части округа имели шефов [16].

С 1923 г. общая тенденция в развитии народного хозяйства страны характеризовалась ускорением темпов восстановления промышленности и сельскохозяйственного производства. В 1924 г. валовая продукция промышленности по сравнению с 1921 г. увеличилась в 2 раза, объем валовой продукции — на 16%. В результате осуществления Ленинского плана ГОЭЛРО к началу 1924 г. мощность электростанций составила 1,28 млн. *кВт*, превысив мощность электростанций дореволюционной России [17].

С улучшением экономического положения СССР улучшилось материальное обеспечение Красной Армии. 12 декабря 1924 г. Реввоенсовет СССР принял решение «О ликвидации материального шефства» в связи «с переходом страны на твердый годовой бюджет. ...Ныне признается необходимым перенесение центра тяжести в шефской работе на укрепление спайки и культурной смычки трудящихся с Красной Армией, т. е. на идейное шефство» [18]. В конце 1925 — начале 1926 г. во многих округах было проведено новое прикрепление красноармейских частей к учреждениям и предприятиям.

21 февраля 1926 г. рабочие Херсонского завода им. Г. И. Петровского взяли шефство над учебной школой 45-го полка, 23 февраля коллектив харьковского завода «Электросила» стал шефом автомотополка. В шефское движение активно включались

[13] ЦГАСА, ф. 25899, оп. 1, д. 49, л. 63; ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 2, д. 2139, л. 42.
[14] ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 2, д. 1900, л. 10; д. 487, л. 283.
[15] Украина. Статистический справочник. Харьков, 1925, с. 42.
[16] ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 2, д. 1372; Красная Армия (Киев), 1924, 14 сентября.
[17] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 1. М., 1970, с. 324—325.
[18] ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 2, д. 2793, л. 8.

новостройки социалистической индустрии. Коллектив Днепростроя изъявил желание активно участвовать в укреплении Красной Армии. В первых числах января 1928 г. делегация днепростроевцев посетила Украинский Краснознаменный полк. им. Ф. Э. Дзержинского и взяла шефство над его личным составом [19].

Во второй половине 20-х гг. резко обострилось международное положение. Усилились антисоветские интервенционистские устремления реакционных сил империализма. В 1927 г. правительство английских консерваторов, возглавляемое Чемберленом, разорвало дипломатические отношения с СССР. В ряде капиталистических стран были организованы антисоветские провокации, одной из которых явилось убийство в Варшаве 7 июня 1927 г. полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова. Наиболее реакционные круги международного империализма призывали к «крестовому походу» против Страны Советов. Коммунистическая партия и Советское правительство делали все возможное, чтобы все конфликты решать путем политического урегулирования. В то же время предпринимались новые практические шаги по укреплению обороноспособности страны.

В связи с угрозой военной агрессии против Советского государства ЦК ВКП(б) 1 июня 1927 г. призвал партийные организации, всех рабочих и крестьян страны к революционной бдительности [20].

В этот напряженный период большое внимание стало уделяться шефству над войсками, обеспечивавшими охрану государственных границ. В апреле 1928 г. над ними взял шефство ЛКСМУ — прежде всего комсомольские организации Артемовска, Днепропетровска, Днепростроя, Запорожья, Киева, Луганска, Сталино, Одессы и Харькова.

Активизации шефской работы, повышению ее действенности и эффективности способствовала также широкая подготовка и всенародное празднование 10-летия РККА, когда были продемонстрированы достижения трудящихся в работе по укреплению обороноспособности СССР. В дни юбилея широко освещались задачи обороны страны в связи с непрекращающимися угрозами военного нападения на социалистическое государство со стороны наиболее агрессивных и реакционных кругов капиталистических стран.

В 1928 г. был проведен ряд окружных и городских шефских совещаний и конференций, принявших решение о дальнейшем усилении пролетарского влияния на личный состав армии и флота. «Мы призываем все рабочие организации,— говорилось в резолюции Черкасской общегородской шефской конференции от 11 сентября 1928 г.,— выполнить завещание Ильича и усилить пролетарское влияние на Красную Армию, укрепляя шефство» [21].

15 июля 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О состоянии обороны СССР», в котором, отметив значительные сдвиги в деле укрепления Вооруженных Сил, указал на основные задачи в области военного строительства на следующее пятилетие. Особое внимание было обращено на создание современной военно-технической базы обороны страны и техническое перевооружение Красной Армии, на необходимость совершенствования боевой и политической подготовки личного состава [22].

В марте 1929 г. рабочие Макеевского металлургического завода на цеховых общих собраниях приняли решение об укреплении шефской связи с 7-м кавалерийским Червонного казачества полком. С целью увеличения среди личного состава подшефной части пролетарской прослойки металлурги направили 100 молодых рабочих для прохождения службы в полку. 5 марта 1929 г. пленум завкома Макеевского металлургического завода утвердил эти решения и возбудил перед Реввоенсоветом СССР ходатайство о присвоении подшефному полку имени «Макеевских пролетариев» [23].

Тогда же рабочее шефство распространилось на флотские экипажи Черноморского флота. 9 июля 1929 г. президиум ВУСПС рассмотрел многочисленные просьбы заводов и фабрик Украины и признал целесообразным принятие крупными промышленными предприятиями республики рабочего шефства над Военно-Морскими Силами [24].

---

[19] Пролетарий (Харьков), 1928, 17 января.
[20] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. 1918—1968. М., 1969, с. 240—242.
[21] ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 2, д. 286, л. 310.
[22] КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 281—283.
[23] ЦГАОР УССР, ф. 2595, оп. 1, д. 3436, л. 10 об.
[24] Там же, ф. 2605, оп. 2, д. 733, л. 378 об.

ЦК КП(б)У придавал вопросу о рабочем шефстве в республике особое значение, что во многом способствовало успешному развитию этого движения масс [25].

Для укрепления шефских связей профсоюзных организаций республики с воинскими частями широко использовались «Недели обороны». Важным направлением рабочего шефства стали массовые кампании «смотра Красной казармы», проводившиеся в войсках УВО в 1929—1934 гг. Они способствовали заметному улучшению культурно-бытовых условий личного состава. Реввоенсовет СССР в этой связи отмечал 3 сентября 1929 г.: «Смотр укрепил влияние пролетариата на Красную Армию и поднял шефство рабочих на более высокую ступень» [26]. Так же высоко были оценены в 1932 г. итоги этой массовой кампании командованием УВО [27].

Одной из главных задач рабочего шефства была пропаганда успехов социалистического строительства. В мае 1929 г. делегация рабочих елизаветградского завода «Красная Звезда», побывав в подшефной кавалерийской школе, сообщила курсантам, что предприятие выпускает продукции в 2,5 раза больше, чем накануне империалистической войны; в 1928 г. завод дал сельскому хозяйству 4200 сеялок, выполнив тем самым плановое задание на 100%; широкий размах на предприятии получило рационализаторство, давшее экономию средств в размере 23 тыс. руб.[28]

Красноармейцы УВО оказывали всемерную помощь коллективам заводов и фабрик, которые шефствовали над их воинскими частями, в выполнении плановых заданий. В январе 1930 г. каждый полк 100-й дивизии оказывал помощь трем деревням с общим охватом 10 тыс. крестьянских дворов [29].

Особенно отличились на трудовом фронте красноармейцы 30-й Иркутской дивизии им. ВЦИК, участвовавшие в сооружении Днепрогэса, 80-й стрелковой дивизии им. Донбасса, помогавшей строителям Краматорского завода тяжелого машиностроения и Азовстали, 41-й стрелковой дивизии — строителям Криворожского металлургического комбината. Партия и правительство высоко оценили трудовой героизм воинов УВО. Секретарь ЦК КП(б)У и Председатель Совнаркома УССР А. П. Любченко в своем докладе на I Всеукраинском совещании по военно-шефской работе отметил активную помощь воинов 23-й стрелковой дивизии в строительстве Харьковского тракторного завода [30].

В августе 1931 г. Политуправление УВО направило ЦК КП(б)У докладную записку «О рабочем шефстве над Красной Армией», в которой был обобщен опыт шефской работы фабрично-заводских коллективов республики. Партийная организация УССР отметила важную роль рабочего шефства в деле укрепления обороноспособности страны, считая его действенным средством упрочения союза рабочих и крестьян, нерушимого единства трудящихся масс и личного состава Вооруженных Сил СССР [31].

Рабочее шефство над РККА было и действенным средством влияния рабочего класса на крестьянство. Члены заводских коллективов, работая с красноармейцами, большую часть которых составляли выходцы из деревень, выступали проводниками идей социализма среди крестьянского населения.

В связи с началом проведения в стране сплошной коллективизации сельского хозяйства шефские рабочие коллективы большое внимание уделяли пропаганде среди красноармейцев — выходцев из крестьян — сельскохозяйственных знаний, раскрытию преимуществ коллективных способов ведения хозяйства перед индивидуальным, помогали солдатам овладевать техническими профессиями, которые после демобилизации можно было применить в сельском хозяйстве.

Подавляющее большинство воинов округа после демобилизации вступали в колхозы вместе со своими семьями, своим примером вовлекая в колхозное строительство других односельчан.

Получив в Красной Армии трудовую закалку и нужные в народном хозяйстве специальности, уволенные в запас красноармейцы пополняли ряды рабочего класса.

---

[25] См.: Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, т. 1. Киев, 1976, с. 677.
[26] ЦГАСА, ф. 9, оп. 13, д. 617, л. 120.
[27] Красная Армия, 1932, 24 февраля.
[28] Червона Армія (Киев), 1929, 16 мая.
[29] Красная Армия, 1930, 25 января.
[30] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 16, д. 829, л. 43.
[31] ЦГАСА, ф. 25899, оп. 3, д. 1317, л. 67.

В 1930 г. Красная Армия впервые организованно направила 30 тыс. человек на предприятия Донбасса, Магнитогорска, Харькова, Днепропетровска и других промышленных центров. В последующие годы это сталой традицией [32].

Личный состав подшефных частей и соединений внимательно следил за выполнением плановых заданий и социалистических обязательств своих шефов и в случае отставания предприятия обращался к рабочим с призывом ликвидировать прорыв, а зачастую и сам оказывал им посильную помощь.

В декабре 1930 г. воины Днепропетровского гарнизона выступили с инициативой помочь рабочим заводов и фабрик г. Днепропетровска в выполнении их плановых заданий и призвали все части УВО последовать их примеру и тем самым внести свой вклад в социалистическое строительство.

В целях морального стимулирования выполнения народнохозяйственных планов подшефные части учреждали переходящие Красные знамена, которые вручались лучшим бригадам и цехам шефствующих предприятий за трудовые достижения. За высокие показатели в добыче угля получила такое знамя в октябре 1931 г. шахта им. М. Горького Кадиевского рудоуправления [33].

В 1929 г. в стране развернулось массовое социалистическое соревнование за успешное выполнение заданий первой пятилетки. В него включилось и шефское движение.

В дни празднования 1 Мая 1929 г. первыми договоры о соревновании заключили рабочие киевского завода «Арсенал» и воины 130-го полка, коллектив кировоградского завода «Красная Звезда» и курсанты кавалерийской школы, трудящиеся предприятий Житомира и красноармейцы 132-го полка. Вскоре этот почин был подхвачен многими другими шефскими организациями и воинскими частями УВО, причем в соревновании участвовали, как правило, все шефствующие над конкретным воинским подразделением или флотским экипажем коллективы.

Партийная оранизация республики поддержала эту инициативу [34].

Материально-техническая оснащенность Советских Вооруженных Сил благодаря заботам партии и государства, самоотверженному труду народа постоянно улучшалась. Интенсивно развивались Военно-Воздушные Силы, Военно-Морской Флот, артиллерия, танковые войска. В 30-х гг. эти виды Вооруженных Сил были охвачены военно-шефской работой.

В январе 1931 г. IX съезд ВЛКСМ взял шефство над Военно-Воздушным Флотом. В 1932 г. горкомы ЛКСМУ Луганска, Кадиевки и Алчевска стали шефами 11-й авиашколы. В конце того же года ЦК ЛКСМУ и ВУСПС утвердили список совместного шефства комсомольских и профсоюзных организаций Киевской области, г. Первомайска, Штеровской ГРЭС, Буденновского рудоуправления над 5-й авиабригадой, комсомольские и профсоюзные организации Харьковской области взяли шефство над 20-й авиабригадой, Одесской области — над 8-й школой пилотов и т. д.[35] 23 февраля 1932 г. ВУСПС принял шефство еще над одной из авиашкол.

Важным этапом в развитии шефства трудовых коллективов УССР над ВВС УВО стало участие в праздновании Всесоюзного дня авиации, который начал отмечаться с августа 1933 г. 4 августа 1933 г. ВУСПС принял решение о проведении в канун нового праздника с 10 по 18 августа декады проверки шефства профсоюзов республики над Военно-Воздушными Силами, приурочив к этой кампании проверку социалистических договоров между предприятиями и организациями и авиачастями УВО[36].

В годы первых пятилеток продолжали совершенствоваться шефские связи между трудящимися, в первую очередь комсомольскими организациями, и моряками Черноморского флота. Комсомольское шефство над флотом благотворно влияло на решение всех ответственных задач, стоявших перед военными моряками.

Тысячи юношей шли по комсомольским путевкам на флот, способствуя повышению оборонной мощи Страны Советов. В начале 30-х гг. на Черноморском флоте проходи-

---

[32] Клочков В. Ф. Красная Армия — школа коммунистического воспитания советских воинов. М., 1984, с. 117.
[33] Червона Армія. 1931, 16 октября.
[34] ЦГАСА, ф. 25899, оп. 3, д. 1317, л. 67.
[35] Ковалев И. Я. Указ. соч., с. 156.
[36] ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 4, д. 18, л. 391.

ли службу до 40% посланцев Украины [37]. Шефство над ВМФ стало одним из важнейших дел Ленинского комсомола, эффективной формой героико-патриотического воспитания советской молодежи, ее подготовки к воинской службе. С начала 30-х гг. активизировалось шефство над погранвойсками. Комсомол Украины направил в них тысячи лучших комсомольцев-рабочих, ударников социалистического производства.

В 30-е годы значительно расширились масштабы рабочего шефства, возникли объективные условия для его постоянного совершенствования, в частности, вовлечения в шефскую работу новых производственных коллективов, увеличения числа активных участников военно-шефской работы.

В годы социалистической индустриализации ввод в действие каждого нового промышленного гиганта означал дальнейшее развитие рабочего шефства над Красной Армией и Флотом. Коллектив каждой социалистической новостройки, едва вступив в действие, изъявлял желание шефствовать над одной, а зачастую и несколькими воинскими частями.

1 октября 1931 г. вступил в строй действующих Харьковский тракторный завод им. С. Орджоникидзе, а к середине 1932 г. его коллектив уже шефствовал над целым рядом погранзастав и военных училищ.

В конце 20-х — 30-е гг. трудовые коллективы Украины все чаще стали брать шефство над соединениями Красной Армии, входящими в состав других военных округов.

Во время конфликта на КВЖД, спровоцированного в 1929 г. китайскими милитаристами при поддержке мирового империализма, трудящиеся УССР, как и всей страны, оказали большую моральную и материальную поддержку Особой Дальне-Восточной армии (ОДВА). Некоторые трудовые коллективы, как, например, Артемовский керамический завод им. С. М. Буденного, Одесский горсовет, Овидиопольская МТС и др., взяли шефство над отдельными подразделениями ОДВА. Между украинскими трудящимися и воинами-дальневосточниками поддерживались постоянные шефские связи. Члены горсовета для ознакомления с жизнью личного состава полка выезжали в часть, делегация подшефных воинов посещала Одессу в дни революционных праздников [38].

Над отдельными крупными соединениями Красной Армии шефствовали трудящиеся нескольких республик.

К началу 30-х гг. широкий размах получило культурное шефство. Из года в год росло число культурно-шефских мероприятий. Если в 1925 г. их было проведено свыше 200 для 100 тыс. воинов, то в 1926 г.— 285 для 150 тыс. бойцов и командиров, а в 1931 — до 1660 для 500 тыс. красноармейцев [39].

Важной вехой в развитии шефского движения в республике стало состоявшееся в Харькове со 2 по 4 октября 1932 г. Всеукраинское совещание по военно-шефской работе.

Такое совещание проводилось впервые в стране. И тот факт, что проходило оно на Украине, убедительно свидетельствовал, как отмечало Политуправление РККА, о значительном положительном опыте военно-шефской работы, накопленном в республике, о том большом внимании, которое уделяли этому важному делу партийные, советские и профсоюзные организации УССР. «Рабочий класс Украины,— отмечалось в приветствии ВЦСПС,— достиг больших успехов в осуществлении шефства над частями РККА. Шефство приобретает форму массовости, почти все предприятия имеют подшефные части. Шефство проводится на основе широко развернутого социалистического соревнования, причем соревнования не только предприятий с частями, но и отдельных подразделений с цехами, бригадами, а многие заводы даже осуществляют социалистическое соревнование между отдельными рабочими и красноармейцами» [40].

Опытом военно-шефской работы на совещании поделились 20 делегатов, в том числе посланцы Харьковского тракторного завода, Днепростроя, Мариупольского завода им. Ильича и др. О роли шефства в укреплении Красной Армии и со словами благодарности трудящимся республики за оказанную помощь на совещании выступили 15

---

[37] Сологуб В. П. Нерушимая связь советского народа и его Вооруженных Сил. М., 1981, с. 35.

[38] Госархив Одесской обл., ф. Р—1234, оп. 1, д. 1742, л. 72.

[39] ЦГАОР СССР, ф. 5508, оп. 1, д. 2040, л. 133; ЦГАОР УССР, ф. 2708, оп. 2, д. 109, л. 29; д. 820, л. 66.

[40] ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 3, д. 1187, л. 100.

делегатов от частей и соединений округа, в частности, посланцы 23-й стрелковой, 2-й и 3-й кавалерийских дивизий, Одесских пехотной и авиационной школ, представители Черноморского флота и пограничных войск.

Главным в военно-шефской работе совещание признало рабочее шефство, которое должно было в будущем развиваться на основе интенсивной и массовой политической работы, всецело направленной на решение задач социалистического строительства и укрепление оборонного потенциала СССР [41].

На совещаниях, прошедших в областных профсоюзных организациях Украины, были обсуждены конкретные задачи шефской работы. Их участники внесли много ценных предложений. Так, в конце октября 1932 г. президиум Одесского облпрофсовета, отметив, что в области рабочее шефство осуществлялось практически лишь комсомольскими организациями, рекомендовал всем профсоюзным организациям включиться в это движение, широко практиковать методы соцсоревнования, с помощью подшефных частей активизировать деятельность по подготовке трудящихся к обороне страны. Решено было создать на всех предприятиях военно-шефские комиссии [42].

Неоценимое значение для подъема военно-шефской работы имел тот факт, что наряду с крупными промышленными предприятиями шефами красноармейских частей и флотских экипажей стали также многие государственные, научные, культурно-просветительные учреждения. Над 1-м понтонным полком шефствовали завод «Арсенал», Всеукраинская Академия наук и капелла «Думка». Шефами 33-го артдивизиона и крейсера «Красный Кавказ» были рабочие киевского завода «Ленинская кузница», артисты Киевского драмтеатра им. И. Я. Франко и т. д.

К середине 30-х гг. с появлением в центре Европы фашистского государства, созданием агрессивного блока Берлин — Рим — Токио укрепление обороны страны приобрело особую важность.

С целью дальнейшего углубления и совершенствования военно-шефской работы в республике 13 февраля 1935 г. ВУСПС постановил провести с 1 марта по 1 июня Всеукраинский конкурс профорганизаций на лучшую постановку шефской и массово-оборонной работы на предприятиях. Для премирования победителей конкурса ВУСПС выделил 20 тыс. руб.[43]

В ходе проведения смотра состояния шефской работы главное внимание уделялось повышению идейно-политического уровня шефства, в частности, проверялось выполнение заключенных ранее социалистических договоров между трудовыми коллективами и частями РККА, анализировалось влияние военно-шефских связей на улучшение качества боевой подготовки личного состава подшефных частей и постановку оборонно-массовой работы на предприятиях и в организациях.

Большой энтузиазм среди красноармейцев вызвали блестящие трудовые рекорды ставших известными на всю страну шахтеров А. Г. Стаханова и Н. А. Изотова, кузнеца А. Х. Бусыгина, машиниста П. Ф. Кривоноса, трактористки П. Н. Ангелиной. Стахановское движение быстро охватило личный состав армии и флота. Основным его содержанием было образцовое изучение всех видов техники, ее применения в боевой обстановке, экономное расходование горюче-смазочных материалов, сбережение частей и механизмов.

Командование и Политуправление округа всемерно популяризировали результаты стахановского движения. В дни торжеств и массовых встреч красноармейцев с шефами в частях и соединениях организовывался показ современной техники и владения ею личного состава. Посланцы шефских коллективов знакомились с достижениями красноармейцев в области культуры и просвещения. «Мы,— писали 3 февраля 1936 г. своим шефам воины 5-й Блиновской Краснознаменной кавалерийской дивизии,— по-стахановски овладеваем той сложной техникой, которой вооружила нас наша великая социалистическая Родина. Мы сейчас с гордостью можем заявить, что, овладев техникой, которой располагает РККА, мы в любую минуту сумеем защитить Родину» [44].

---

[41] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 16, д. 829, л. 43—44.
[42] Госархив Одесской обл., ф. Р-1763, оп. 1, д. 36, л. 114.
[43] ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 4, д. 732, л. 24—25.
[44] ПА ИИП при ЦК Компартии Украины, ф. 7, оп. 1, д. 402, л. 1.

Патриотический подъем среди личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота и их шефов — многочисленных коллективов предприятий, колхозов, учреждений и организаций вызвали успехи советского народа в выполнении планов первых пятилеток, в создании основ социалистического общества, принятие новой Конституции СССР 1936 г., отразившей победу социализма в стране. Это способствовало упрочению единства армии и народа, усилению заботы трудящихся об укреплении обороноспособности СССР.

В условиях возрастающей угрозы империалистического нападения на СССР Коммунистическая партия и Советское правительство разработали комплекс неотложных мер по укреплению Советских Вооруженных Сил. В частности, увеличилась их численность, вся армия была переведена на кадровую систему комплектования и подготовки, усилилась руководящая роль партии в военном строительстве. Большое внимание вопросам укрепления обороноспособности страны было уделено XVIII съездом ВКП(б) и XVIII Всесоюзной партконференцией. Партия приняла необходимые меры для увеличения ассигнований на военные расходы.

В 1938—1941 гг. военно-шефская работа в республике проходила под непосредственным руководством ЦК КП(б)У, областных, городских и районных партийных организаций. Основными ее формами на этом этапе было воспитание у широких слоев народных масс патриотизма, верности высокому конституционному долгу — службе в рядах Советских Вооруженных Сил.

Харьковская партийная организация, анализируя решения XVIII съезда ВКП(б), особо остановилась на вопросах повседневной подготовки населения к обороне, укрепления шефских связей между трудящимися и воинами Красной Армии. В 1940 г. над частями и военно-учебными заведениями Харьковского гарнизона шефствовало 42 промышленных предприятия и 49 вузов и научно-исследовательских институтов города. Трудовые коллективы Киева были шефами 178 воинских частей и подразделений [45].

XVIII съезд ВКП(б) и XVIII Всесоюзная партийная конференция призвали трудящихся к повышению бдительности в условиях реально надвигающейся войны. Поэтому в 1938—1941 гг. широкий размах в военно-шефской работе получило новое направление, когда командиры и бойцы брали шефство (среди трудящихся оно получило название «обратного») над военными кружками, осоавиахимовскими организациями и допризывной молодежью тех предприятий и организаций, с которыми они поддерживали шефские связи.

В 1939 г. воины Харьковского военного округа создали 372 оборонных кружка, в которых занималось свыше 7 тыс. трудящихся.

Военное шефство, участие широких слоев трудящихся в массовых кампаниях содействия Красной Армии воспитывали у рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции чувство высокой ответственности за успешное и своевременное решение различных задач, направленных на укрепление боевого могущества Вооруженных Сил. С особой силой эти качества советских людей проявились в период Великой Отечественной войны, сыграв важную роль в разгроме фашизма.

Безраздельная поддержка широчайшими массами трудящихся Советских Вооруженных Сил явилась важным фактором в идейном воспитании личного состава армии и флота. Тесные связи между личным составом Вооруженных Сил и трудовыми коллективами способствовали решению задач совершенствования боевой и политической подготовки воинов, что сыграло большую роль в разгроме фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

---

[45] ЦГАСА, ф. 25900, оп. 6, д. 282, л. 164.

Е. В. КУЗНЕЦОВ, З. Г. ДУБРОВСКИЙ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АЛЬЯНС

Весной 1919 г. иностранные империалисты усилили военную интервенцию против Страны Советов. В начале марта армия Колчака захватила Уфу, в мае начал наступление на Петроград генерал Юденич, на севере активизировались белогвардейцы генерала Миллера, отряды английских, американских и французских интервентов. Тяжелое положение складывалось и на юге. Генерал Деникин начал широкое наступление на Донбасс, Левобережную Украину и Крым; петлюровские войска готовились к «решающему» наступлению на Киев, на северо-западной границе Украины и на Днепре сконцентрировались войска панской Польши и боярской Румынии, готовые по первому сигналу начать боевые действия против Страны Советов.

В это время командир 6-й Украинской стрелковой дивизии Н. Григорьев, предварительно заручившись поддержкой Махно и опираясь на местное кулачество, поднял контрреволюционный мятеж в тылу Красной Армии. Имея более 20 тыс. штыков, 6 бронепоездов, 52 орудия и большое количество боеприпасов, Григорьев захватил Елизаветград, Екатеринослав, Кременчуг, Черкассы и направил часть своих войск на Киев. Этот мятеж был подготовлен украинской партией эсеров, членом которой являлся и сам Григорьев. Поводом для мятежа послужил приказ, по которому 6-я дивизия должна была перебазироваться на румынский фронт в связи с тем, что боярская Румыния, использовав слабость молодой Советской Республики, захватила Бессарабию и угрожала революции в Венгрии.

Григорьевский мятеж получил освещение в литературе. Исследованы его причины, социальная, классовая, политическая сущность [1]. Цель данного сообщения — обратить внимание читателей на связь григорьевщины с махновщиной, показать, что только быстрый разгром Красной Армией контрреволюционного мятежа Григорьева не позволил Махно открыто поддержать изменника и выступить вместе с ним против Советской власти.

Кто же такой Григорьев, возомнивший себя очередным спасителем Украины? — Хозяин большого хутора у с. Верблюжье, недалеко от Александрии. Штабс-капитан царской армии. После Февральской буржуазно-демократической революции Григорьев вступил в партию эсеров, в декабре 1918 г. присоединился к петлюровцам. Руководство эсеров выдвинуло Григорьева на должность уездного военного комиссара; в период оккупации Украины германскими войсками командир партизанских отрядов Херсонщины. С февраля 1919 г. в Красной Армии — командир 1-й Заднепровской бригады [2], а с 25 апреля — 6-й Украинской стрелковой дивизии.

Действуя в составе частей Красной Армии, отряды Григорьева участвовали в освобождении от англо-французских интервентов Херсона, Николаева, Одессы. Дисциплина в его отрядах не соблюдалась. Командующий 2-й Украинской советской армией А. Е. Скачко после посещения им Александрии — центра повстанческого движения, выдвинувшего Григорьева, докладывал: «Я был в Александрии, в штабе Григорьева. Сам Григорьев, предупрежденный о моем приезде, за несколько часов до него уехал вместе со своим начальником штаба на фронт, не оставив никакого ответственного лица. Я нашел вместо штаба грязный вагон и кучу неорганизованных бандитов... Цистерна спирта, из которой пьет всякий. Сотни две-три солдат...» Докладная заканчи-

[1] Дубровский С. Ликвидация григорьевщины.— Военно-исторический журнал, 1941, № 2; Супруненко Н. И. Украина в период иноземной военной интервенции и гражданской войны. Киев, 1951; История гражданской войны в СССР, т. 4. М., 1959; Раковский М. Е. Крах григорьевщины.— История СССР, 1966, № 5; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983, с. 158.

[2] В целях реорганизации партизанских отрядов и слияния их с регулярными частями Красной Армии исполняющий обязанности командующего группой войск Скачко 19 февраля 1919 г. издал приказ, в котором говорилось: «Войска, входящие во вверенную мне группу, приказано свести в дивизию, а посему приказываю: из частей, находящихся под командой тт. Дыбенко, Махно и Григорьева образовать одну стрелковую дивизию, которой впредь именоваться Заднепровской советской дивизией». Согласно этому же приказу командиром дивизии назначался П. Е. Дыбенко, а командирами бригад — Махно и Григорьев. (Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2. Киев, 1967, с. 150.)

валась словами: «Мое впечатление: Григорьеву доверять нельзя»[3]. Правда, сам Скачко решительных мер против Григорьева не предпринимал, мотивируя это тем, что части находятся в бою и поэтому нецелесообразно менять привычного им командира.

Всюду, куда вступали григорьевские отряды, они устраивали погромы, занимались грабежами. Так было и в Одессе. В журнале одесской военно-продовольственной заготовительной комиссии есть, например, такая запись от 10 апреля: «Слушали: о расхищении в складах порта. Части атамана Григорьева захватывают явочным порядком товары, как, например, ими сейчас захвачено 2 тыс. пудов сала; они самочинно грузят товары в порту и вывозят их на шаландах и в вагонах»[4]. Поведение григорьевцев тревожило местные власти; необходимо было принимать срочные меры для пресечения беззакония и мародерства. 15 апреля 1919 г. в Одесском губкоме КП(б)У состоялось экстренное совещание, на котором выступили командарм Н. А. Худяков, член Реввоенсовета фронта Е. А. Щаденко и военный комиссар А. Т. Кривошеев. Все они единогласно заявили, что бригада Григорьева окончательно разложилась; ее следует срочно расформировать, а самого Григорьева — арестовать. Одесский губком КП(б)У обратился с этим к Н. И. Подвойскому — наркомвоенмору Украины. Однако, когда пришел утвердительный ответ, было уже поздно — григорьевские отряды уже вышли из Одессы[5]. 30 апреля 1919 г. председатель Елизаветградской уездной ЧК в своей телеграмме Всеукраинской Чрезвычайной комиссии сообщал: «Прибывают и останавливаются на железнодорожной станции григорьевские тысячные отряды и производят недопустимые бесчинства. Арестовывают сотрудников ЧК, избивают... устраивают засады на членов коллегии, требуют отпустить из тюрем крупных бандитов, в противном случае грозятся сделать все сами. Примите срочные меры ликвидации сего»[6].

7 мая 1919 г. Григорьев отдал приказ об аресте советских и партийных работников и опубликовал свой манифест — «Универсал», в котором, в частности, говорилось: «...Народ украинский, народ измученный... ты трудишься день и ночь, ты светишь лучиной, ты ходишь в лаптях... но те, что обещают тебе светлое будущее, эксплуатируют тебя, тобой воюют с оружием в руках, забирают твой хлеб...»[7]. Прикрываясь громкими фразами и обманывая украинский народ, Григорьев утверждал, что трудовому крестьянству пытаются силой навязать «коммуну, чрезвычайку, продразверстку, коммунистов с московской обжорки»[8].

Появление на Украине в годы гражданской войны довольно большого количества больших и малых банд В. И. Ленин объяснял следующим образом: «При крайне недостаточном пролетарском сознании на Украине, при слабости и неорганизованности, при петлюровской дезорганизации и давлении немецкого империализма,— на этой почве там стихийно вырастала вражда и партизанщина. В каждом отряде крестьяне хватались за оружие, выбирали своего атамана или своего „батька", чтобы ввести, создать власть на месте. С центральной властью они совершенно не считались, и каждый батько думал, что он есть атаман на месте, воображал, что он сам может решать все украинские вопросы, не считаясь ни с чем, что предпринимается в центре»[9].

Перед самым началом мятежа Григорьев заручился поддержкой атаманов многих банд, которые обещали ему выступить единым фронтом против большевиков. Вел с ними переговоры через своих представителей Козельского и Колесниченко и Махно. Атаманы знали друг друга давно, знали, что каждый из них ненавидит Советскую власть. Григорьев еще после первой встречи с Махно предложил ему перебить имеющихся у него коммунистов и евреев и советовал впредь не церемониться с теми и другими[10]. 10 апреля 1919 г. Екатеринославский городской комитет партии сообщал Реввоенсовету Украинского фронта: «Махновцы ведут переговоры с Григорьевым об одновременном выступлении против Советов. Наши задержали сегодня делегата Махно

---

[3] См.: Антонов-Овсеенко В. Записки о гражданской войне, т. 4. М.— Л., 1933, с. 68.
[4] См.: История СССР, 1966, № 5, с. 38—39.
[5] Коновалов В. Г. Схватка у Черного моря. Одесса, 1965, с. 21.
[6] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 232, л. 125.
[7] История СССР, 1966, № 5, с. 40.
[8] Там же, с. 42.
[9] Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 35.
[10] Руднев В. Махновщина. Харьков, 1928, с. 40.

к Григорьеву. Просим принять срочные меры к ликвидации махновцев, так как сейчас в районе расположения Махно нет никакой возможности работать коммунистам, которых подпольно убивают, в дальнейшем могут возникнуть волнения»[11]. Заявляя о своей верности и поддержке Григорьеву, Махно, однако, не спешил открыто выступить вместе с ним, хотя отдельные факты совместных действий махновцев и григорьевцев имели место[12]. Уже в ходе мятежа Григорьев телеграфировал анархистскому вождю: «От комиссаров, чрезвычаек не было житья, коммунисты диктаторствали, мои войска не выдержали и сами начали бить чрезвычайки и гнать комиссаров. Все мои заявления Раковскому и Антонову кончались обыкновенно присылкой комиссаров; когда их набралось 42 души, когда они меня измучили,— я их просто выгнал вон. Они тогда объявили меня вне закона. Вот я, незаконный атаман, гоню их вон из пределов Украины. Пока на всех фронтах мой верх, ко мне присоединилось несколько полков и эскадронов непрятельской кавалерии. Не пора ли вам, батько, сказать веское слово тем, которые вместо власти народа проводят диктатуру отдельной партии»[13]. Однако своего «веского слова» Махно говорить не спешил. Он выжидал, присматривался, изучал обстановку. Но прямого выбора он сделать так и не успел. 12 мая 1919 г. ему был вручен ультиматум главнокомандующего всеми Вооруженными Силами РСФСР С. С. Каменева, в котором говорилось: «Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа идти на фронт, он повернул оружие. Подошел решительный момент: или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на деле откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение Ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию. Неполучение ответа буду считать объявлением войны...»[14]. Медлить было нельзя. И Махно ответил: «... как революционер-анархист, заявляю, что никоим образом не могу поддерживать захват власти Григорьевым...»[15]. В то же время он указывал, что и «чрезвычайки и комиссариаты, проводящие партийную диктатуру — насилие даже в отношении анархических объединений и анархической печати, встретят в нас энергичных противников»[16].

Мятеж Григорьева длился не более двух недель. Коммунистическая партия Украины возглавила всенародную борьбу против григорьевщины. Регулярным воинским частям активно помогали рабочие продовольственные отряды, комитеты бедноты, ополченские формирования, созданные местными партийными и профсоюзными организациями. В период разгрома григорьевщины беднейшее и среднее крестьянство в своем большинстве полностью поддерживало политику Коммунистической партии. «Уже сам факт массовой организации комбедов в период, когда Юг Украины находился в огне кулацкого мятежа,— пишет М. Е. Раковский,— свидетельствует о том, что беднейшее и среднее крестьянство поддерживало политику партии, понимало необходимость политически сорганизоваться и противопоставить кулачеству свою классовую революционную политику»[17].

К концу мая советские части под командованием К. Е. Ворошилова на кременчугском направлении, А. Я. Пархоменко на екатеринославском в результате успешных боев разгромили григорьевские банды.

24 мая 1919 г. В. И. Ленин поздравлял Красную Армию «со взятием Александрии и Знаменки»[18] — основных центров мятежа. Владимир Ильич внимательно следил за ходом событий. В одной из своих телеграмм он указывал Раковскому и Межлауку: «Не пропускайте момента победы над Григорьевым, не отпускайте ни одного солдата из сражающихся против Григорьева... Весь гвоздь момента: быстрая победа в Донбассе...»[19].

---

[11] Фомин Ф. Записки старого чекиста. М., 1962, с. 75.
[12] История СССР, 1966, № 5, с. 42.
[13] Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне, т. 3. М.— Л., 1933, с. 254.
[14] ЦГАОР УССР, ф. Р—2579, оп. 1, д. 15, л. 46.
[15] Аршинов П. История махновского движения (1918—1921 гг.). Берлин, 1923, с. 110.
[16] Там же.
[17] История СССР, 1966, № 5, с. 43.
[18] Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 324.
[19] Там же.

Григорьевский мятеж был подавлен. Сам Григорьев с небольшими остатками своих войск бежал в Гуляй-Поле. Махно встретил его сдержанно. Во время беседы он предложил Григорьеву влить остатки его войск в свои отряды. Григорьев наотрез отказался, мотивируя тем, что он тоже атаман и хочет действовать на равных. После беседы с Григорьевым у Махно созрело решение убрать его и придать этой акции определенную политическую окраску.

27 июля 1919 г. в с. Сентове, близ Александрии Херсонской губернии, по инициативе Махно был созван съезд повстанцев Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии, который должен был наметить задачи «всему повстанчеству» (!?) Украины. Иными словами, это был типичный кулацко-махновский съезд, пытавшийся навязать свою волю крестьянам в подвластных им губерниях. Планировалось, что на съезде выступят Махно и Григорьев. Но на первом же заседании Григорьеву предъявили целый ряд обвинений, которые должны были окончательно подорвать его авторитет среди присутствующих [20]. В этот же день по приказу Махно Григорьев был убит.

Григорьевская авантюра потерпела крах. Уже в самом начале мятежа стало ясно, что трудовое крестьянство Украины не поддержит его. Из пяти полков дивизии Григорьева два сразу отказались выступить против Советской власти, большинство солдат в других полках колебались и при первых же столкновениях переходили на сторону Красной Армии [21]. «Опыт махновщины, григорьевщины, колебания меньшевиков и эсеров показали нам, что их влияние на рабочие и крестьянские массы — кажущееся» [22],— отмечал В. И. Ленин в июле 1919 г.

В ходе ликвидации тригорьевского мятежа еще более упрочился союз рабочего класса и трудового крестьянства, наглядно проявилось их стремление защитить завоевания Великого Октября.

[20] Кубанин М. Махновщина. Л., 1927.
[21] История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 177.
[22] Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 86.

С. В. КУШНИРУК

СИНДИКАТ «ПРОДУГОЛЬ» И РЫНКИ СБЫТА ДОНЕЦКОГО МИНЕРАЛЬНОГО ТОПЛИВА

История синдиката «Продуголь» — крупнейшего монополистического объединения российских углепромышленников — привлекала внимание многочисленных исследователей. Дореволюционные работы, принадлежавшие перу экономистов, в основном носили публицистический характер. Их авторы, являвшиеся либо сторонниками, либо противниками синдиката, соответствующим образом излагали факты его деятельности [1].

В работах советских исследователей, посвященных истории этого монополистического объединения [2], дан анализ организационной структуры синдиката, а также методов борьбы, которую вел «Продуголь» за монополию на топливном рынке. Многие

[1] См.: Фертнер Ф. Р. Нужен ли донецкой угольной промышленности синдикат. Харьков, 1909; Дэн В. Э. Каменноугольная и железоделательная промышленность. СПб., 1912; Гольдштейн И. М. Синдикат «Продуголь» и кризис топлива. М., 1913; его же. Синдикат «Продуголь» и дороговизна топлива. Пг., 1914; Гужон Ю. П. Мнимый голод угля и чугуна. М., 1914; Кафенгауз Л. Б. Снабжение страны минеральным топливом во время войны. Вып. 2. М., 1915 и др.

[2] См.: Цыперович Г. В. Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР. Л., 1927; Шполянский В. Д. Монополии угольно-металлургической промышленности. М., 1953; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. 2. М., 1956; Волобуев П. В. Из истории синдиката «Продуголь».— Исторические записки, т. 58, 1956; его же. Политика, проводимая угольными и нефтяными монополиями накануне первой мировой войны.— Вестник Московского университета, сер. истор.-филос. 1956, № 1; его же. Топливный кризис и монополии в России накануне первой мировой войны.— Вопросы истории, 1957, № 1; Лившин Я. И. Монополии в экономике России. М., 1961 и др.

авторы этих работ полагают, что синдикат «Продуголь» полностью подчинил себе всю каменноугольную промышленность Донбасса, разорил конкурирующие фирмы и добился гегемонии на топливном рынке России. Эта политика не встречала противодействия со стороны государственного аппарата и в первую очередь — со стороны Министерства путей сообщения, которое было фактическим союзником монополистов [3].

В то же время данные архивных и статистических документов не дают оснований для однозначных выводов о полном преобладании «Продугля» на главных участках топливного рынка. Как подчеркивал В. И. Ленин, монополистические союзы не в состоянии полностью устранить конкуренцию. «Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, „спутывает" со свободой конкуренции монополии, но *устранить* обмена, рынка, конкуренций, кризисов и т. д. империализм *не может*... Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами,— вот существеннейшая особенность империализма вообще» [4].

Это обусловило необходимость более глубокого изучения уже известных и новых источников по истории «Продугля» с целью выявления характера его отношений с основными группами потребителей минерального топлива и ответа на вопрос о том, удалось ли синдикату поставить под свой контроль развитие всей каменноугольной промышленности Донецкого бассейна и устранить конкуренцию на топливном рынке России.

Анализ данных, содержащихся в таких статистических и справочных изданиях, как «Труды съездов горнопромышленников Юга России», «Каменноугольная промышленность России», «Описание Донецкого бассейна» и др. [5], позволил установить долевое участие «Продугля» в общедонецкой добыче и вывозе минерального топлива на рынок, а также в обеспечении железных дорог и металлургических заводов (см. табл.).

В данной статье использованы архивные документы, основная часть которых находится в ЦГИА СССР. В фондах Министерства торговли и промышленности (ф. 23, оп. 10, д. 424) и Совета Министров (ф. 1276, оп. 5, д. 290) отложилась большая документация, отражающая сложный характер отношений «Продугля» с казенными железными дорогами. В фонде акционерного общества «Русский Провиданс» (ф. 1502, оп. 1, д. 51) хранятся материалы, дающие возможность определить общие принципы политики «Продугля» в отношении металлургических заводов.

В фонде Горного департамента представлены сведения о добыче и поставках топлива отдельными предприятиями «Продугля» (ф. 37, оп. 67, д. 1082), об уровне технического и экономического развития этих предприятий (оп. 77, д. 278, 279), об общем положении донецкой горнодобывающей промышленности в период предвоенного подъема (оп. 65, д. 1544; оп. 77, д. 297), о необходимости изменения архаического горного законодательства (оп. 74, д. 541) и т. д.

В работе были использованы также документальные материалы по истории отдельных обществ — контрагентов «Продугля», находящиеся в фондах Марковского общества (Гос. архив Донецкой обл., ф. 38, оп. 2, д. 21) и общества Криворожских железных руд (Гос. архив Ворошиловградской обл., ф. 11, оп. 1, д. 2), показывающие конкретные примеры контактов синдиката с железнодорожным ведомством в 1907 и 1912—1913 гг.

Сведения, содержащиеся в указанных источниках, дают возможность охарактеризовать отношения «Продугля» с железными дорогами и металлургическими заводами, но, к сожалению, не позволяют выявить роль синдиката в обеспечении топливом других категорий потребителей. Однако, учитывая тот факт, что основная часть товарной продукции «Продугля» предназначалась железным дорогам и металлургическим предприятиям (см. табл.), на основании имеющейся информации можно дать оценку положения синдиката на топливном рынке России.

---

[3] См.; напр.: Волобуев П. В. Из истории синдиката «Продуголь», с. 117—118.

[4] Ленин В. И. ПСС, т. 32, с. 145.

[5] См.: Труды съездов горнопромышленников Юга России... 1902—1914, т. 1—2. Харьков, 1903—1915; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России... 1906—1911, т. 4—9. СПб.,— Пг., 1907—1918; Каменноугольная промышленность России (под ред. Н. Ф. фон Дитмара)... 1906—1914, вып. 1—2. Харьков, 1907—1915; Описание Донецкого бассейна (под ред. А. М. Терпигорева), т. 1—2 (вып. 1—4). Харьков — Екатеринослав, 1914—1916 и др.

* * *

Самым крупным потребителем донецкого минерального топлива являлся железнодорожный транспорт. Как следует из таблицы, синдикат «Продуголь» уже в первые годы своей деятельности (в 1906—1908 гг.) контролировал от 43,6 до 44,7% вывоза каменного угля казенным железным дорогам. При анализе взаимоотношений «Продугля» с данной категорией потребителей следует учитывать такой фактор, как вмешательство государства, имевшего собственные интересы на топливном рынке.

Главная задача Министерства путей сообщения (МПС) состояла в приобретении самого высококачественного топлива по минимальным ценам. Для этого Комитетом управления железных дорог в 1904—1905 гг. была разработана система показателей, в соответствии с которой уголь, предназначенный для сжигания в топках паровозов, должен был иметь такие же качественные характеристики, как и уголь, используемый для коксования (зольность — не более 10%, содержание серы — не выше 2%) [6]. Но если товарная цена коксующегося угля составляла 11—12 коп. за пуд, то железнодорожное ведомство требовало, чтобы закупаемый им уголь расценивался как стандартный и предлагало цену 5—7,75 коп. за пуд (табл.). Эти неоправданно высокие требования к качеству угля вызывали нарекания как со стороны горнопромышленников, так и со стороны крупных специалистов горного дела. Такой порядок закупки приводил к повышению себестоимости топлива, поскольку вынуждал предпринимателей вести избирательную выработку пластов только самого высококачественного угля, оставляя неиспользованными пласты угля, хотя и не стандартного, но вполне пригодного для железнодорожного транспорта [7].

Это вызвало обратную реакцию горнопромышленников, которые стали заключать между собой картельные соглашения о совместных поставках крупных партий минерального топлива по ценам, которые были выше предлагаемых МПС. Так, в 1907 г. 30 горнопромышленных обществ Донбасса сумели добиться от Управления железных дорог повышения цен на уголь на 1,2 коп. за пуд по сравнению с ценами 1906 г. [8]

Однако уже в 1908 г. МПС отказалось возобновить договор и, стремясь не допускать согласованных действий предпринимателей, использовало конкуренцию между отдельными группами горнопромышленников. В частности, Харьковская комиссия по заготовке угля для казенных железных дорог блокировала попытку капиталистов повысить цену еще на 1 коп. за пуд и пообещала отдать весь подряд «независимым» фирмам, если они согласятся продать уголь по ценам 1906 г. Пока те колебались, «Продуголь» проявил оперативность и предложил железнодорожному ведомству поставить в 1908—1910 гг. 160 млн. пуд. угля по ценам, которые были в среднем на 0,5 коп. за пуд ниже, чем в 1907 г. [9]. Такой нехитрый маневр в сочетании с растерянностью аутсайдеров привел к тому, что МПС приняло условия «Продугля».

Через некоторое время представители группы «независимых» обществ — Прохоровского, Новопрохоровского, Днепровского, Новороссийского и общества Русских каменноугольных копей — также потребовали долгосрочных гарантированных заказов.

Комитет управления железных дорог согласился закупить у этих фирм 79 млн. пуд. угля при условии снижения ими цен на 0,25 коп. за пуд по сравнению с «Продуглем». После принятия этих требований Комитет пообещал представителю вышеуказанных обществ К. А. Овчарову передать им также право на поставку 100 млн. пуд. угля в Одессу для Юго-Западной железной дороги по цене 15,5 коп. за пуд. Подряд этот ранее был отдан «Продуглю», была согласована и цена — 16,5 коп. [10] Обеспокоенный возможностью потери столь крупного заказа, синдикат предложил объявить торги и снизил цену до 14,75 коп. Комитет управления железных дорог согласился. Тогда Овчаров обратился с жалобой в правительственные инстанции [11].

---

[6] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 10, д. 424, л. 164—165.

[7] См.: Описание Донецкого бассейна... т. 2, вып. 1, с. 148.

[8] «Продуголь» был одним из активных участников этого соглашения: на его долю приходился 61% всего количества топлива, предназначенного железным дорогам (Гос. архив Донецкой обл., ф. 38, оп. 2, д. 21, л. 108).

[9] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 290, л. 22.

[10] Там же, л. 120.

[11] Там же, ф. 23, оп. 10, д. 424, л. 125.

Особое совещание Совета Министров 27 января 1909 г. заявило о необходимости противодействия синдикату «Продуголь» и приняло решение о передаче подряда «независимым» обществам при условии снижения ими цены до 14,7 коп/пуд [12]. Фирмы-аутсайдеры отказались от подряда, который сохранил за собой «Продуголь». Трое из пяти участников соглашения (Прохоровское, Днепровское и Русских каменноугольных копей) отказались от борьбы с синдикатом и вошли в его состав.

Однако «Продуглю» не всегда удавалось добиваться успеха. Так, во время торгов 1909 г. Комитет управления железных дорог закупил у «независимых» горнопромышленных обществ 200 млн. пуд. угля по цене 5,5—8,5 коп. за пуд. Все попытки синдиката перехватить подряд и добиться повышения товарных цен были безуспешны [13].

Таким образом, политика Министерства путей сообщения по отношению ко всей каменноугольной промышленности Юга России состояла в том, чтобы под предлогом борьбы с «Продуглем» лавировать между отдельными группами капиталистов, добиваясь уменьшения расходов на приобретение минерального топлива. В рамках этой политики МПС могло фактически расторгнуть уже заключенные сделки, если находило для себя более выгодным использовать другие виды топлива. Например, когда в 1909—1910 гг. бакинские и грозненские нефтепромышленники предложили продать железным дорогам крупную партию нефтепродуктов, Комитет управления железных дорог стал покупать лишь самый высококачественный донецкий уголь, а при отсутствии такового зачастую необоснованно использовал в целях экономии систему скидок за отклонение от качественных стандартов. В докладной записке на имя министра торговли и промышленности председатель Совета Съездов горнопромышленников Юга России Н. С. Авдаков указывал, что в особо неблагоприятные условия были поставлены контрагенты «Продугля», которым назначалась наибольшая сумма скидок, несмотря на незначительные отклонения качества продукции от принятых нормативов [14].

Благодаря маневрированию между нефтяной и угольной промышленностью Министерство путей сообщения добилось существенного (в среднем на 0,5—1,5 коп. за пуд) снижения цен по сравнению с уровнем 1907 г. и закупило к началу 1910 г. 100 млн. пуд. самого высококачественного минерального топлива [15], что позволило не только полностью удовлетворить потребность казенных железных дорог на весь 1910 г., но и обеспечить их более чем на 30% также на 1911 и 1912 гг. Эта программа осуществлялась под лозунгом превентивной борьбы с «Продуглем». «Комитет счел необходимым теперь же обеспечить потребление угля и в последующие два года в размере 1/3 годового расхода, чтобы казенные дороги не были поставлены перед необходимостью приобретать уголь по повышенной цене или худшего, чем требуют технические условия, качества в случае, если синдикат „Продуголь" сумеет занять на рынке господствующее положение и повлиять в сторону увеличения цен» [16].

Для того, чтобы законодательно закрепить практику снижения цен на минеральное топливо, министр путей сообщения С. С. Рухлов внес на рассмотрение Совета Министров проект новых правил закупки угля, в соответствии с которым предполагалось ввести систему долгосрочных индивидуальных заказов горнопромышленным обществам, в которых были бы заранее указаны цены на поставляемое топливо. Приоритет в их распределении отдавался несиндицированным предприятиям [17]. Однако Совет Министров 16 февраля 1910 г. отклонил проект МПС, ссылаясь на возможные убытки казны в случае колебания цен на рынке [18].

Итак, если МПС проводило в отношении каменноугольной промышленности линию гибкого прагматизма, направленную на противопоставление «Продуглю» независимых предприятий, то правительство в целом не имело никакой программы противодействия синдикату и во взаимоотношениях с ним руководствовалось принципами сиюминутной выгоды.

Весной 1912 г. МПС вновь выступило с проектом введения долгосрочных заказов угольным шахтам на поставку ими топлива по твердым ценам, устанавливаемым

[12] Там же, ф. 1276, оп. 5, д. 290, л. 25.
[13] Там же, ф. 23, оп. 20, д. 424, л. 145.
[14] Там же, л. 236.
[15] Там же, ф. 37, оп. 65, д. 1544, л. 4.
[16] Там же, ф. 23, оп. 10, д. 424, л. 146.
[17] Там же, л. 147.
[18] Там же, л. 159.

самим железнодорожным ведомством. Проект этот вызвал резкое недовольство не только предпринимателей, но и чиновников Горного департамента, а также многих крупных ученых. Поэтому была создана специальная комиссия Горного департамента под председательством его вице-директора А. О. Иванова, которая провела анализ себестоимости каменного угля Донецкого бассейна в связи с тем, что представители МПС постоянно обвиняли предпринимателей в искусственном повышении цен на минеральное топливо. Комиссия пришла к выводу, что повышение цен было связано с постоянным увеличением себестоимости каменного угля (с 3,8 коп. за пуд в 1906 г. до 7,32 коп. в 1912 г.) [19], которое было обусловлено, во-первых, исключительно трудными горно-техническими условиями Донбасса [20], во-вторых, высокой арендной платой за недра вследствие отсутствия закона о «горной свободе» [21]. В-третьих, как указывал член комиссии Б. Н. Бокий, ведущий русский, а впоследствии советский специалист горного дела, чье авторитетное мнение никогда не оспаривалось, возрастанию себестоимости способствовали повышенные и, с технической точки зрения, неоправданные требования МПС к качеству угля, поставляемого железным дорогам [22].

В таких условиях, подчеркнула комиссия, ни на одном из горных предприятий Донбасса не могла быть достигнута предельная производительность каменноугольных копей [23].

* * *

Со второй половины 1912 г. железнодорожный транспорт стал испытывать нехватку минерального топлива. По данным МПС, недопоставка каменного угля на 1 октября 1912 г. составила 80 млн. пуд. [24] Совет Министров постановил закупить за границей 65 млн. пуд. угля по цене 10 коп. за пуд в связи с тем, что цены на донецкий уголь выросли с 8,85 коп. в 1909—1910 гг. до 10,5 коп. за пуд в 1911—1912 гг. [25]

В октябре 1912 г. с целью выявления причин возникновения «угольного голода» и разработки мер по его преодолению было созвано специальное межведомственное совещание под председательством министра торговли и промышленности. Представители МПС, выступавшие на заседаниях совещания, главную вину за создавшееся положение возлагали на синдикат «Продуголь», обвиняя его в умышленном сокращении добычи с целью взвинчивания цен на каменный уголь [26] и требуя их немедленного снижения. Предприниматели, ссылаясь на выводы комиссии Иванова, указывали, что при себестоимости рядового угля 7,32 коп. за пуд цена одного его пуда в размере 8,5—9 коп. являлась вполне нормальной. Вместе с тем они не отрицали своей попытки использовать выгодную рыночную конъюнктуру для еще большего повышения цен на уголь [27].

Горнопромышленники считали нецелесообразным умышленное сокращение добычи, поскольку это привело бы к резкому повышению цеховой себестоимости топлива вследствие необходимости поддержания в рабочем состоянии большого количества бездействующих капитальных и подготовительных выработок [28]. Однако вполне допустимой была временная приостановка одной из стадий технологического процесса. Так, в 1912 г. некоторые фирмы — контрагенты «Продугля» стали искусственно сокращать фронт очистных работ, сосредоточивая основные усилия на проведении подготовительных выработок с целью резервирования дополнительных мощностей на случай возможного увеличения спроса на уголь [29]. С коммерческой точки зрения, налицо была попытка выждать, пока цены на уголь возрастут, и только тогда приступить к его форсированной добыче, что и произошло в 1913—1914 гг.

---

[19] Там же, ф. 37, оп. 77, д. 279/22, л. 220.
[20] Там же, д. 278, л. 19.
[21] Там же, оп. 74, д. 541, л. 19.
[22] Там же, оп. 77, д. 279/ч. 2, л. 218.
[23] Там же, л. 221.
[24] Там же, ф. 1276, оп. 5, д. 290, л. 185.
[25] Там же, л. 178.
[26] Там же, л. 196.
[27] Там же, л. 190.
[28] Там же, л. 211.
[29] См.: Кушнирук С. В. К вопросу об уровне технического прогресса на предприятиях синдиката «Продуголь». Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР 13.10.83, № 14106, с. 25.

Представители МПС утверждали, что «Продуголь» полностью подчинил себе всю каменноугольную промышленность Донбасса и разорил независимые фирмы. Однако статистические данные свидетельствуют, что в 1911—1912 гг. «Продуголь» контролировал не более 54—56% общедонецкого вывоза каменного угля и с ним конкурировали остальные предприятия, которые в течение шестилетнего срока существования синдиката не только не были разорены, но и постоянно увеличивали свою добычу [30]. В значительной мере это было обусловлено тем, что фирмы-аутсайдеры синдиката, находившиеся, как правило, в более благоприятных горнотехнических условиях, могли успешно противостоять его наступлению, обеспечивая более низкую себестоимость топлива по сравнению с предприятиями «Продугля» [31]. В документах Горного департамента в этой связи отмечалось: «Что касается второй категории предприятий с производительностью 5—10 м. п. в год (большинство из которых принадлежало „независимым" обществам.— *С. К.*), то многие из входящих в нее предприятий находятся в особо благоприятных условиях по залеганию, характеру и качеству угольных пластов, почему и могут дать несколько пониженную величину себестоимости пуда угля» [32].

В первом полугодии 1912 г. добыча топлива производилась в размере, полностью покрывавшем потребности рынка. К концу 1912 г. было запланировано вывезти 1030 млн. пуд. топлива, однако в условиях экономического подъема спрос на донецкое минеральное топливо увеличился до 1080 млн. пуд. Это было обусловлено резким возрастанием производственных мощностей в металлургической и цементной промышленности, усилением движения на железных дорогах, заменой антрацитом нефти и дров вследствие их недостатка и роста цен на эти виды топлива [33]. Как уже отмечалось выше, в 1909—1910 гг. казенные железные дороги осуществили частичный перевод паровозного парка на нефтепродукты и аннулировали многочисленные соглашения с каменноугольными фирмами. Когда же осенью 1912 г. резко сократились поставки нефтепродуктов, железнодорожное ведомство потребовало от горнопромышленников дополнительного вывоза взамен нефти 46 млн. пуд. угля и антрацита. Это оказалось невозможным, поскольку предприниматели уже получили заказы от других групп потребителей. Кроме того, МПС, желая устранить от поставок «Продуголь», обращалось к более слабым фирмам, которые оказались неисправными поставщиками [34].

Представители Съездов горнопромышленников Юга России, выступая на совещании, пообещали увеличить добычу угля в 1913 г. на 268 млн. пуд. (на 24%) по сравнению с 1912 г. Вместе с тем они отмечали, что для реализации этой задачи необходимо дополнительно иметь 27 тыс. горнорабочих, тогда как к середине 1912 г. на шахтах Донбасса ощущалась их сильная нехватка (до 50%). Н. С. Авдаков так объяснял сложившееся положение: «Причины недостаточно быстрого развития добычи кроются в несовершенстве оборудования большинства шахт и отсутствии благоустроенных казарм для рабочих с целью привлечения их в Донбасс, поскольку это требует весьма крупных затрат. Между тем капиталисты не забыли кризиса, что их настораживает и мешает приливу в дело новых капиталов» [35].

Проведенные исследования показали, что сложные горнотехнические условия Донбасса, а не действия синдиката «Продуголь», мешали внедрению обычно применявшейся довольно примитивной горной техники [36]. Предприниматели старались привлекать дополнительную рабочую силу, используя подрядную систему найма, не требующую дополнительных затрат для создания нормальных социально-бытовых условий для шахтеров.

В условиях начавшегося промышленного подъема многие фирмы — контрагенты «Продугля» стали, однако, реконструировать производство. Это дало возможность не-

[30] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 290, л. 211; ф. 37, оп. 67, д. 1082, л. 5—9.
[31] Кушнирук С. В. Указ. соч., с. 36.
[32] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, д. 279 (ч. 2), л. 220.
[33] Там же, ф. 1276, оп. 5, д. 290, л. 211.
[34] Например, первоначальный подряд, выданный в октябре 1912 г. Харьковским комитетом по перевозке горнозаводских грузов, составлял 58,3 млн. пуд., из которых 37,7 млн. пуд. предназначалось вывезти «независимым» обществам, а 20,6 млн. пуд.— контрагентам «Продугля». Синдикат реализовал этот подряд на 60%, а «независимые» общества — только на 19%. (Гос. архив Ворошиловградской обл., ф. 11, оп. 1, д. 2, л. 5.)
[35] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 290, л. 169.
[36] См.: Кушнирук С. В. Указ. соч., с. 31—32.

только обойтись без привлечения дополнительной рабочей силы, но и в целях экономии провести массовые увольнения на шахтах [37]. Благодаря технологическим нововведениям «Продуголь» в 1913—1914 гг. значительно увеличил добычу и вывоз минерального топлива на рынок (см. табл.).

Хотя некоторые представители государственных организаций в своих выступлениях и признавали, что основные причины затруднений в снабжении железных дорог минеральным топливом были обусловлены тем, что донецкая каменноугольная промышленность даже при значительном приросте производства не поспевала за расширением рыночного спроса, межведомственное совещание сделало однозначный вывод об искусственном характере «угольного голода», обвинив «Продуголь» в его организации [38].

Совет Министров согласился с заключением совещания о том, что потребности железных дорог следует обеспечивать в первую очередь, т. е. фактически поддержал требование Комитета управления железных дорог о частичном перераспределении в их пользу угля, предназначенного к отправке другим категориям потребителей. Представители МПС потребовали от 37-го съезда горнопромышленников Юга России довести к концу 1912 г. запас угля на казенных железных дорогах до 100 млн. пуд., что было на 53 млн. пуд. больше количества, заказанного ранее. Вывоз топлива в 1913 г. МПС требовало увеличить еще на 120 млн. пуд. Горнопромышленники заявили о невозможности выполнить это требование, поскольку весь уголь был уже распределен между покупателями [39]. В связи с полученным отказом начальник Управления железных дорог 23 ноября 1912 г. распорядился провести частичную реквизицию угля через посредство Харьковского комитета по перевозке горнозаводских грузов, который занимался распределением транспортных средств, необходимых для вывоза донецкого минерального топлива [40]. С юридической точки зрения эта мера была противозаконной, поскольку «Правила распределения вагонов под погрузку» давали железным дорогам право распоряжаться только самими вагонами и направлением перевозок, но не товаром отправителей [41].

К концу декабря 1912 г. было реквизировано 16,2 млн. пуд. угля (в том числе 9,5 млн. пуд.— у «Продугля»). Однако эти меры не дали желаемых результатов, поскольку топливный дефицит сохранялся и составлял 41,4 млн. пуд. Реквизиции вызвали поток жалоб со стороны владельцев металлургических заводов. Управление железных дорог было вынуждено вернуть последним 1,2 млн. пудов коксующегося угля [42].

* * *

В 1913 г. размер добычи и вывоза донецкого минерального топлива увеличился по сравнению с 1912 г. на 17 и 12,2%, составив 1264 и 897 млн. пуд. Однако, несмотря на достигнутый прирост, железные дороги и металлургические заводы недополучили соответственно 48 и 22 млн. пуд. каменного угля [43]. Недопоставки угля и кокса металлургическим заводам были в значительной мере обусловлены продолжавшейся в 1913 г. в пользу казенных железных дорог реквизицией топлива.

38-й съезд горнопромышленников Юга России (декабрь 1913 г.) отметил необходимость ускоренного развития антрацитового производства [44]. Огромные залежи антрацита, расположенные в восточной части Донбасса, были практически не освоены, хотя благоприятные условия для интенсивных капиталовложений в эту подотрасль топливной промышленности имелись [45]. Развитие антрацитового производства накануне указанного съезда осуществлялось исключительно усилиями «независимых» обществ («Продуголь» практически не участвовал в этом процессе) [46].

[37] Кушнирук С. В. Синдикат «Продуголь» (1906—1914 гг.). Автореф. канд. дис. М., 1984, с. 12.
[38] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 290, л. 190, 210.
[39] Там же, л. 213.
[40] Гос. архив Ворошиловградской обл., ф. 11, оп. 1, д. 2, л. 61.
[41] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 290, л. 218.
[42] Гос. архив Ворошиловградской обл., ф. 11, оп. 1, д. 2, л. 10, 13.
[43] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, д. 297, л. 36—37.
[44] См.: Труды 38 съезда горнопромышленников Юга России, т. 1, Харьков, 1914, с. 39.
[45] В 1913 г. реальная добыча антрацита перекрывала ожидаемую на 19 млн. пуд., а реальный вывоз оказался на 25 млн. пуд. выше предполагаемого (ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, л. 297, л. 36—37).
[46] См.: Кушнирук С. В. К вопросу об уровне технического прогресса на предприятиях синдиката «Продуголь», с. 20—21.

В 1914 г. (по удвоенным сведениям за первое полугодие) реальная добыча всех видов минерального топлива на 17 млн. пуд. превысила предполагаемую (данные горного надзора и Харьковского комитета по перевозке горнозаводских грузов). Общее увеличение производства было обеспечено за счет дополнительной добычи 22 млн. пуд. антрацита, тогда как каменного угля было добыто на 3 млн. пуд. меньше, чем предполагалось ранее. Объем реальных поставок всех видов минерального топлива превысил ожидаемый на 11 млн. пуд. И в этом случае превышение было достигнуто за счет дополнительного вывоза потребителям 14 млн. пуд. кокса и 30 млн. пуд. антрацита. Недопоставки собственно каменного угля уменьшились по сравнению с 1913 г. на 33 млн. пуд. Дефицит в обеспечении топливом казенных железных дорог сократился до 17 млн. пуд., а потребности металлургических заводов были удовлетворены с избытком в 16 млн. пуд. [47]

В 1913 г. добыча и вывоз «Продуглем» на рынок минерального топлива увеличились по сравнению с 1912 г. на 5,8 и 36% и достигли соответственно 668 и 582,6 млн. пуд. (табл.). Добыча угля «независимыми» обществами росла в три раза быстрее, чем на шахтах «Продугля». В то же время по темпам увеличения вывоза синдикат в три раза опережал аутсайдеров. Это означает, что шахты «свободных» обществ, находившиеся в более благоприятных по сравнению с «Продуглем» горнотехнических условиях, смогли в период резкого увеличения спроса на топливо расширить его производство значительно быстрее, чем шахты синдиката. Однако наличие синдикатской организации позволяло его участникам более оперативно реагировать на изменение рыночной конъюнктуры. Фирмы-контрагенты стали вывозить на рынок почти весь добываемый уголь, включая и ту его часть, которая предназначалась для выжига кокса на собственных батареях. Это привело к резкому усилению позиций «Продугля» на топливном рынке, которое могло носить только временный характер, поскольку в противном случае был бы нанесен значительный ущерб развитию производства на металлургических заводах, принадлежащих контрагентам «Продугля» [48].

В 1913 г. «Продуголь», поставивший под свой контроль 71,2% вывоза донецкого минерального топлива железным дорогам, добился полного преобладания на этом участке топливного рынка. Однако в 1914 г. позиции синдиката ослабели: несмотря на значительное увеличение абсолютных размеров товарных поставок (на 17%), относительное участие «Продугля» в общем вывозе топлива сократилось до 67,4%, что было обусловлено усилением роли «независимых» обществ в обеспечении углем железнодорожного транспорта (см. табл.).

* * *

Как следует из таблицы, общий объем синдикатских поставок металлургическим заводам Юга России увеличился в 1906—1908 гг. на 34,6 млн. пуд. и составил 47,1 млн. пуд. На долю «Продугля» в 1908 г. приходилось 31,6% вывоза донецкого минерального топлива этой категории потребителей, что свидетельствует об относительной слабости позиций синдиката на данном участке топливного рынка.

«Продуглю» противостояли крупнейшие металлургические предприятия, объединенные в синдикат «Продамет», имевшие собственные угольные копи. К числу таких предприятий относились Русско-Бельгийское металлургическое общество, Южнорусское Днепровское металлургическое общество, общество Брянского завода, Новороссийское и Таганрогское металлургические общества. Добыча угля на шахтах этих обществ намного превышала собственные потребности, что позволяло им быть крупнейшими продавцами угля и кокса [49]. С одной стороны, эти фирмы являлись конкурентами «Прод-

[47] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, д. 297, л. 36—39.

[48] Наиболее крупные из них были следующие: Кадиевский завод Южнорусского Днепровского металлургического общества, Макеевский завод общества «Горный и металлургический унион», образованного в 1910 г. посредством объединения Русско-Донецкого и Макеевского обществ, а также завод Донецко-Юрьевского общества, возникшего в 1912 г. за счет слияния капиталов Алексеевского горнопромышленного общества и общества Донецко-Юрьевского металлургического завода. (Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России... т. 9. Пг., 1916.) Если в 1912 г. общее потребление минерального сырья этими заводами составляло 72 млн. пуд. угля, то в 1913 г. оно сократилось до 19,8 млн. пуд. (ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 74, д. 623, л. 3).

[49] См.: Цукерник А. А. Из истории монополизации железного рынка в России.— Исторические записки, № 42, 1953, с. 163—164.

угля», а с другой — существовала реальная возможность для их участия в синдикате. Именно поэтому одним из лидеров «Продугля» стало Русско-Бельгийское металлургическое общество. В 1909 г. в состав «Продугля» вошли также лидеры «Продаметы»: Южнорусское Днепровское [50] и Донецко-Юрьевское металлургические общества. Данное обстоятельство способствовало увеличению «Продуглем» в 1910 г. абсолютных размеров товарных поставок топлива металлургическим заводам до 55,6 млн. пуд.; доля синдиката в обеспечении этого участка рынка сырьем для коксования поднялась до 33,9%.

В 1911—1912 гг. после выхода из «Продугля» Русско-Бельгийского металлургического общества, оттесненного на второй план в результате конкурентной борьбы между контрагентами [51], а также в связи с начавшейся реквизицией донецкого минерального топлива казенными железными дорогами, абсолютные размеры синдикатских поставок металлургическим предприятиям сократились до 47,2 млн. пуд., а относительное участие «Продугля» в общем вывозе сырья для коксования было сведено к минимуму (24,7%).

В 1913 г. «Продуголь», резко повысивший качество и несколько сокративший цены на коксующийся уголь (с 13,5 коп. в 1911—1912 гг. до 12,9 коп. за пуд в 1913 г.) [52], добился более чем двукратного увеличения вывоза минерального сырья, что составляло 46,3% всех товарных поставок металлургическим заводам. Это увеличение было обусловлено тем, что фирмы—контрагенты «Продугля» стали выбрасывать на рынок и ту часть топлива, которая обычно использовалась для выжига кокса на собственных батареях, поскольку находили более выгодным поставлять потребителям сырье, а не готовую продукцию [53]. В 1914 г. (по удвоенным данным за первое полугодие) общий вывоз минерального топлива увеличился только на 4,3 млн. пуд., а относительное участие «Продугля» в обеспечении сырьем и топливом доменных заводов Юга России сократилось до 42,5% (табл.). Таким образом, «Продуголь» не сумел добиться монополии на этом участке топливного рынка. Этому помешали аутсайдеры синдиката в лице крупных угольно-металлургических комплексов с собственной сырьевой базой, а также «независимые» угольные предприятия (Азовская угольная компания, Донецко-Грушевское горнопромышленное общество и др.).

В таких условиях синдикат стремился завязать тесные коммерческие связи с теми металлургическими предприятиями, которые не имели собственных угольных шахт и зависели от внешних поставок минерального сырья [54].

Одним из примеров, характеризующих отношения синдиката с металлургическими предприятиями, является договор между «Продуглем» и акционерным обществом «Русский Провиданс», заключенный в 1907 г. В соответствии с условиями этого соглашения фирмы синдиката должны были в течение трех лет поставлять 12 млн. пуд. высококачественного коксующегося угля по цене 10,65 коп. за пуд. «Русский Провиданс» обязывался в течение всего срока действия договора приобретать минеральное сырье только через посредство «Продугля», а в случае нарушения этого условия уплачивать неустойку в размере 2 коп. с пуда угля, купленного помимо синдиката [55].

В 1909 г. договор был продлен, и «Продуголь» сумел добиться для себя дополнительных льгот. Во-первых, минимальное количество топлива, которое «Русский Провиданс» должен был закупить у «Продугля», увеличилось до 18,9 млн. пуд. Во-вторых, даже в случае сокращения наполовину производства чугуна на заводах «Русского Провиданса» последний был обязан закупить не менее 50% заказанного у синдиката угля [56].

Анализ договора 1909 г. показывает, что между фирмами — контрагентами «Прод-

---

[50] Руководитель Южнорусского Днепровского металлургического общества одновременно возглавлял «Продамет». (См.: Лященко П. И. Из истории «Продамета».— Исторические записки, т. 20, 1946, с. 167.)

[51] См.: Кушнирук С. В. О некоторых формах конкурентной борьбы внутри синдиката «Продуголь».— История СССР, 1984, № 4, с. 133.

[52] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 65, д. 1544, л. 18.

[53] Цены на кокс оставались стабильными в течение 1909—1913 гг. и составляли в среднем 16,8 коп. за пуд, тогда как цены на коксующийся уголь выросли за это время на 3—3,5 коп. (Там же, л. 3—7.)

[54] К числу таких предприятий относились Акционерное общество «Русский Провиданс», общество Краматорского завода, Донецкое общество железоделательного и сталелитейного производства, Никополь-Мариупольское общество и др.

[55] ЦГИА СССР, ф. 1502, оп. 1, д. 51, л. 5.

[56] Там же, л. 3.

Таблица

Распределение добычи и вывоза донецкого каменного угля по категориям потребителей и участие в нем «Продугля» *

(в млн. пуд. и %)

Год	Общая добыча		Общий вывоз		В том числе:				
					железным дорогам			металлург. заводам	
	всего	«Продуголь»	всего	«Продуголь»	всего	«Продуголь»	цена (в коп.)	всего	«Продуголь»
1906	805,8 100%	363,8 45,2%	612,8 100%	256,1 41,1%	229	102,3 44,7%	7,75— —8,9	128	35,0 27,3%
1907	934,5 100%	445,3 47,7%	718,7 100%	312,2 43,2%	292	132,1 45,4%	8,3— —9,75	146	40,7 27,9%
1908	960,0 100%	476,9 49,7%	712,0 100%	300,1 42,7%	298	129,8 43,6%	8,3— —8,55	149	47,1 31,6%
1909	927,3 100%	618,4 66,7%	697,0 100%	418,8 60,1%	258	125,4 48,6%	8,125— —8,25	151	51,9 34,4%
1910	862,0 100%	577,5 67,0%	653,8 100%	387,1 57,2%	210	119,9 57,1%	8,125— —8,25	164	55,6 33,9%
1911	1033,4 100%	605,4 58,6%	759,3 100%	412,8 55,6%	233	136,2 58,4%	8,25— —8,5	186	49,4 26,1%
1912	1086,6 100%	633,2 58,3%	799,3 100%	428,3 54,8%	243	150,8 62,1%	8,5—9,5	191	47,2 24,7%
1913	1264,0 100%	668,0 52,6%	896,9 100%	582,6 65,0%	307	218,6 71,2%	8,0— —11,0	216	105,3 46,3%
1914	1493,1 100%	708,1 47,4%	1073,0 100%	645,7 57,3%	378	254,8 67,4%	10 (12)— —16,0	258	109,6 42,5%

* Подсчитано по: ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 67, д. 1082; Сборник статистических сведений горнозаводской промышленности России... 1906—1911, т. 4—9, с. 8—320; Каменноугольная промышленность России... 1906—1914, вып. 1—2, с. 5—60.

угля» велась борьба за получение нарядов на поставку топлива «Русскому Провидансу». Около половины всех заказов было захвачено Вознесенским и Южнорусским Днепровским металлургическими обществами. Третью часть подряда обеспечило себе Екатериновское общество, занимавшее первое место в «Продугле» по размерам годовой добычи топлива. В то же время наряды Горловского и Голубовского обществ были значительно сокращены по сравнению с 1907 г. [57].

В 1912 г. договор был продлен еще на три года. В это время на заводах «Русского Провиданса» в целях экономии коксующегося угля стала широко применяться прогрессивная технология выжига кокса с использованием в качестве отощающих присадок дешевых газовых углей, которые также поставлялись синдикатом. «Продуголь» воспользовался этим и значительно (на 1,5 коп. за пуд) увеличил цену на этот низкосортный вид топлива, что резко снизило экономический эффект от внедрения новой технологии. В договоре 1912 г. нашло отражение изменение соотношения сил внутри «Продугля», что было следствием конкурентной борьбы между его участниками. На первое место по производству вышло Рутченковское горнопромышленное общество, которое захватило подряд на поставку более 50% предназначенного «Русскому Провидансу» коксующегося и 100% газового угля [58].

Вместе с тем «Продуголь», будучи заинтересованным в заключении крупной и долгосрочной сделки, был вынужден пойти на уступки «Русскому Провидансу». Так, если по договору 1909 г. допускалась зольность коксующегося угля в размере 11%, то в 1912 г. «Продуголь» обязался уменьшить ее до 9% и соглашался на скидку в размере 0,1 коп. за пуд в случае превышения содержания золы на 1%. Еще более жесткими были требования к содержанию серы в угле, так как в процессе его термической обработки вся сера переходила в кокс, который при ее содержании свыше 2% становился

[57] Там же.
[58] Там же, л. 17.

хрупким. Поэтому за каждый процент содержания серы в угле свыше 2% устанавливалась скидка в размере 2,5 коп. с пуда. Но самой главной уступкой было согласие синдиката на существенное по сравнению с 1909 г. снижение цен на коксующийся уголь (в среднем на 0,55 коп. за пуд), продолжавший и в 1912 г. составлять основной объем товарных поставок «Русскому Провидансу»[59].

Следовательно, в основе отношений «Продугля» с металлургическими предприятиями лежали чисто капиталистические коммерческие принципы, которые включали в себя как стремление навязывать потребителям выгодные для синдиката условия сбыта товарной продукции, так и его способность идти на значительные уступки владельцам доменных заводов с тем, чтобы не упускать возможность заключения взаимовыгодных и долгосрочных торговых сделок.

* * *

Проведенное исследование показало, что в борьбе за монополию на топливном рынке «Продуголь» основное внимание уделял железным дорогам и металлургическим заводам.

Отношения синдиката с металлургическими предприятиями были основаны на чисто капиталистических коммерческих принципах, что свидетельствует о его неспособности навязывать владельцам доменных заводов выгодные лишь «Продуглю» условия сбыта товарной продукции.

Взаимоотношения синдиката с МПС носили более сложный характер. Железнодорожное ведомство, выступавшее на рынке в качестве крупнейшего покупателя продукции донецкой каменноугольной промышленности, являлось одним из звеньев государственного аппарата и могло использовать его силу, если полагало, что интересы казны не были обеспечены в должной мере. Министерство путей сообщения стремилось вызвать конкуренцию между отдельными группами поставщиков топлива. Наличие наряду с «Продуглем» большого числа «независимых» горнопромышленных обществ, которые не были разорены синдикатом, а постоянно развивали свое производство, позволяло железнодорожному ведомству лавировать между отдельными группами предпринимателей в целях приобретения топлива по умеренным ценам.

Государство стремилось ограничить роль монополистического союза донецких углепромышленников на топливном рынке. Поэтому Министерство путей сообщения, заключавшее с «Продуглем» крупные торговые соглашения, могло по своему усмотрению аннулировать эти сделки или прибегнуть к реквизиции каменного угля у предприятий — контрагентов синдиката.

В 1913 г. «Продуглю» удалось поставить под свой контроль свыше 70% вывоза минерального топлива железным дорогам. Однако монополия эта носила временный характер, поскольку не подкреплялась развитием производства, а достигалась за счет перенапряжения внутренних ресурсов предприятий контрагентов. «Продуголь» не мог добиться монополии и в обеспечении топливом металлургических заводов. Этому помешало наличие «независимых» угольно-металлургических предприятий, контролировавших положение в металлургической промышленности Юга России.

Таким образом, синдикат «Продуголь» не смог подчинить себе «независимые» предприятия, оказался не в состоянии навязывать свои условия государственным организациям и не сумел устранить конкуренцию на топливном рынке России.

[59] Там же, л. 5, 17.

Н. И. НИКИТИН

О ПРОИСХОЖДЕНИИ, СТРУКТУРЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ СООБЩЕСТВ РУССКИХ КАЗАКОВ XVI — СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Русское казачество изучается историками давно и в различных аспектах, однако нельзя не заметить, что его активное участие в крестьянских войнах XVII—XVIII вв. определяет преимущественный интерес исследователей к сравнительно поздним перио-

дам развития казачьих областей. Между тем анализ уже достигнутого в изучении сообществ русских казаков показывает важность исследования ранних этапов их истории. Оно позволяет лучше понять формационную природу и закономерности эволюции казачьих общин, точнее определить характер ряда социальных движений эпохи феодализма, дает материал для решения вопроса об общем уровне и особенностях социального развития России в XVI—XVII вв.

В рамках одной статьи невозможно охватить весь комплекс проблем, связанных с ранней историей казачества. Автор предпринял попытку систематизировать и осмыслить лишь некоторые, забытые и хорошо известные, но не всегда однозначно трактовавшиеся факты истории казаков, обосновавшихся в XVI — середине XVII в. на берегах Волги, Дона, Терека и Яика.

Начало формирования вольных казачьих общин исследователи обычно относят к концу XV в., хотя не исключают, что предыстория казачества охватывает и более раннее время: с давних пор социальные конфликты «выталкивали» на слабозаселенные степные окраины Восточной Европы выходцев из различных политических и этнических образований. В частности, в домонгольский период в южнорусских степях, возможно, именно таким путем формировались так называемые «бродники»; во всяком случае, некоторые исследователи видят в них «прообраз будущих казаков»[1]. Известно, что после монгольского нашествия в степных пространствах, становившихся с течением времени буферной зоной между несколькими государственными образованиями, стали находить убежище прежде всего представители татарского населения. Имеется ряд убедительных свидетельств, что институт казачества существовал практически у всех кочевых народов тюркско-татарского мира[2].

Термин «казак» тюркского происхождения. Этимология этого слова не вполне ясна, но его суть применительно к степным районам страны, по мнению большинства исследователей, как правило, сводилась к тому, что им в XVI в. обозначался изгой, свободный человек, бродяга, вольный удалец, промышлявший военным делом. В вышедшем в конце XIX в. словаре В. В. Радлова основное значение слова *казак* обозначено как «человек вольный, независимый, искатель приключений, бродяга»[3]. Характерны соответствующие русские синонимы: в грамоте Ивана III рязанской княгине Аграфене от 1502 г. бегство в казаки обозначается как уход «в молодечество»; еще в XVII в. на Дону привычная формула обращения «атаманы и казаки», случалось, выглядела как «атаманы и молодцы»[4].

С XVI в. среди казаков становятся все более заметными выходцы из русских земель (прежде всего, по-видимому, с территории Рязанского княжества). Постепенно восточнославянское население стало преобладать в казачьей среде, но и в XVII в., как уже давно выяснено, татарский компонент в ней составлял еще значительную часть[5]. Тесные контакты с тюркскими народами оказали большое влияние на военную организацию

---

[1] Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909, с. 71—73; Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв.— Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена, фак. истор. наук, 1937, т. XI, с. 37; Попов А. И. Кыпчаки и Русь.— Уч. зап. ЛГУ, 1949, № 112, сер. истор. наук, вып. 14, с. 114; Волынкин Н. М. Предшественники казачества — бродники.— Вестник Ленинградского университета, 1949, № 8, с. 61; Виноградов В. Б. Рец. на кн. Л. Б. Заседателевой «Терские казаки».— История СССР, 1976, № 1.

[2] См.: Голобуцкий В. А. Рец. на кн. Г. Штёкля «Возникновение казачества».— Вопросы истории, 1957, № 2, с. 172—175; Тхоржевский С. Донское войско в первой половине XVII в.— Русское прошлое, сб. 3, 1923, с. 9—10; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982, с. 64.

[3] Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, ч. 1. СПб., 1899, с. 364.

[4] См.: Соколовский П. А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб., 1878, с. 220; Тхоржевский С. Указ. соч., с. 16; Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI—XVIII вв.— Вопросы истории, 1970 № 8, с. 50.

[5] Тхоржевский С. Указ. соч., с. 10, 12, 22, 26. Любопытно, что именно этим обстоятельством донские казаки в 1645 г. мотивировали свой отказ присягать царю Алексею Михайловичу: «„Казаки-де не могут заставить по-христиански" присягать донцов, среди которых имеется много нехристиан и большинство детей которых родилось от басурманок» (Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. М.— Л., 1934, с. 137).

казаков, проявились во многих чертах их бытового и хозяйственного уклада, сказались на их языке и внешнем облике. На Северном Кавказе, кроме того, казачество испытало влияние местных горских народов. Историки единодушно отмечают, что в казаки часто попадали и представители других народов, в том числе молдаване, поляки, турки, греки. Украинцы и белорусы пополняли прежде всего ряды запорожского казачества, но и среди казаков Дона и Волги в XVI—XVII вв. их оказывалось немало. Все эти народы могли оставить определенный след и в материальной, и в духовной культуре формировавшегося в казачьих областях населения, но, оказавшись в равных для выходцев из разных мест условиях, вынужденные быстро осваиваться с новым для себя укладом жизни, они под его воздействием столь же быстро переплавлялись в массу, жившую уже собственными интересами, чаще всего совершенно отличными от свойственных им на родине [6].

Самые ранние казачьи общины состояли, видимо, только из мужчин. Однако довольно скоро в рассматриваемых нами областях казаки обзаводятся семьями (например, на Дону упоминания о казачьих семьях нередки в документах первой половины XVII в.), хотя преобладание среди казаков холостяков было обычным явлением и в более позднее время [7].

В XVI—XVII вв. основным типом казачьих поселений повсеместно были «городки», обычно укрепляемые плетнями и часто весьма небольшие по размерам [8]. Впрочем, как явствует из некоторых документов, многие казаки вели, по сути дела, кочевой образ жизни и сооружали лишь временные укрепленные лагеря — так называемые городки-«зимники» [9].

Дон с его притоками был самой крупной областью формирования русского казачества. Первые казачьи городки на этой реке упоминаются во второй четверти XVI в., но вплоть до конца столетия их насчитывалось немного, и располагались они далеко друг от друга. К середине XVII в. там упоминается 31 казачье поселение [10]. На Волге казаки начали активно действовать также с XVI в. (особо исследователи отмечают 70—80-е гг.), концентрируясь возле «перевозов», к северу от Астрахани, в Самарской Луке и уже в 60-х гг. XVI в. сооружая местами небольшие «острожки» [11]. Казачьи городки во второй половине XVI в. появляются на Яике и Эмбе, к XVII в. их было там около десяти. Вначале казаки оседали на приморских и дельтовых островах Яика и Эмбы, затем стали подниматься выше по течению, расселяясь среди редких кочевий ногайцев. В первой половине XVII в. казаки в этом районе концентрируются вокруг Яицкого городка и оставляют Эмбу [12]. На Северном Кавказе старейшей группой казачества считаются гребенцы, поселившиеся во второй половине XVI в. в бассейне среднего течения Терека и его притока Сунжи [13]. Низовое, собственно «терское» казачество

---

[6] Тхоржевский С. Указ. соч., с. 14; Лунин Б. В. К истории донского казачества. Ростов н/Д, 1938, с. 23—25; его же. Очерки истории Подонья — Приазовья. Ростов н/Д, 1954, кн. 2, с. 8—9; История Дона с древнейших времен до отмены крепостного права. Ростов н/Д, 1973, с. 115; Заседателева Л. Б. Терские казаки. М., 1974, с. 90.

[7] Соколовский П. А. Указ. соч., с. 217; Дариенко В. Н. Община на Яике в XVII — перв. четв. XVIII в. — Ежегодник по аграрной истории, вып. VI. Вологда, 1976, с. 51; Заседателева Л. Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI—XIX в. — Кавказский этнографический сборник, VIII. М., 1984, с. 56.

[8] Так, на Тереке в середине XVII в. в городках находилось обычно лишь по 20—30 боеспособных казаков, а с семьями общая численность населения таких городков не превышала 100 чел. (Заседателева Л. Б. Культура и быт..., с. 56).

[9] См. там же, с. 42; Соколовский П. А. Указ. соч., с. 210.

[10] Пронштейн А. П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону. В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 118; Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 23—24.

[11] Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877, с. 304—305; Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVII—XVIII вв. Саратов — М., 1923, с. 114—117; Сергеев В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков. В кн.: Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976, с. 33; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака, с. 77; его же. Россия накануне «Смутного времени». М., 1980, с. 94.

[12] Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955, с. 271—272; Дариенко В. Н. Указ. соч., с. 47—49.

[13] Вопрос о местах первоначального расселения гребенских казаков явился в последнее время предметом оживленной дискуссии. См.: Виноградов В. Б., Маго-

сформировалось несколько позднее гребенского, но также при активном участии выходцев из соседних народов, с которыми, как убедительно показано специальными исследованиями, русские поселенцы на Северном Кавказе вообще длительное время сохраняли тесные и дружеские отношения [14].

Численность населения в казачьих областях не была сколько-нибудь постоянной. На Дону, например, некоторые казаки уже в конце XVI в. «постарились живучи», но многие, «погуляв» на «поле», возвращались в родные места либо на зиму, либо совсем [15]. В числе временных обитателей Дона оказывались и «государевы служилые люди», в том числе дворяне и дети боярские, как «сшедшие» на Дон самовольно, «с бедности», так и «казаковавшие» (в первой половине и середине XVII в.) с санкции правительства. Некоторые из обедневших феодалов (в том числе представители княжеских фамилий) так и оставались в казаках, причем далеко не всегда на положении лидеров: происхождение не имело определяющего значения в казачьей среде [16]. В рассматриваемое время общая численность казаков на Дону при всех колебаниях, видимо, не превышала 10 тыс. человек (не менее 9 тыс. их обнаружилось уже в конце XVI в.) [17]; в других областях казаков было гораздо меньше. Так, на Яике в середине XVII в. их насчитывалось лишь около 2 тыс., гребенских казаков в 1628 г., по-видимому, было всего 500 человек [18].

Территориальное разделение казачества (по рекам) в значительной мере условно: отдельные отряды казаков часто переходили с Дона на Волгу, с Волги на Яик и Терек и т. д. Бывало, что одни группы казаков враждовали с другими, но преобладающей в казачьей среде все же была (и с течением времени все усиливалась) тенденция к взаимопомощи и единению. Тесные контакты и постоянные переезды наблюдались, например, у донцов с запорожцами. «Разных рек» казаки нередко объединялись для совместных походов [19]. Сравнительно небольшая подвижность была характерна, видимо, лишь для малочисленного гребенского казачества, вообще жившего несколько обособленно от „метрополии" и других казачьих областей [20].

В целом же экономические, социальные и политические связи с соседними народами и странами (и прежде всего с метрополией) являлись неотъемлемой частью быта и важнейшим условием существования всех казаков [21]. Хлебопашество в рассматриваемое время не могло стать источником существования для вольных казаков из-за постоянной военной угрозы, к тому же оно было у них запрещено [22]: с сохой и плугом

мадова Т. С. О месте первоначального расселения гребенских казаков.— Советская этнография, 1972, № 3; их же. О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека.— История СССР, 1975, № 6; Кушева Е. Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков. В кн.: Историческая география России XVIII в., ч. II. М., 1981.

[14] Тотоев М. С. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе.— Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та, т. XII. Дзауджикау, 1948, с. 140—143, 147—151; Заседателева Л. Б. Терские казаки, с. 194; ее же. Культура и быт..., с. 46.

[15] Пронштейн А. П. Указ. соч., с. 167; История Дона с древнейших времен..., с. 107; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака, с. 65.

[16] Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. СПб., 1910, с. 96; Васенко П. Г. Заметки к истории служилого класса в Московском государстве.— Дела и дни, 1920, № 1, с. 38—39; Пронштейн А. П. Войско Донское накануне Булавинского восстания. В кн.: Вопросы военной истории России. М., 1969, с. 320; Станиславский А. Л. Восстание 1614—1615 гг. и поход атамана Баловня.— Вопросы истории, 1978, № 5, с. 124; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985, с. 136.

[17] Тхоржевский С. Указ. соч., с. 12—15; Назаров В. Д. К истории начального периода Первой крестьянской войны в России. В кн.: Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985, с. 186.

[18] Дариенко В. Н. Указ. соч., с. 49; Заседателева Л. Б. Культура и быт..., с. 56.

[19] Платонов С. Ф. Указ. соч., с. 113; Лунин Б. В. Очерки истории Подонья— Приазовья, кн. 2, с. 37—38; Очерки истории СССР. XVII в., с. 273; Заседателева Л. Б. Терские казаки, с. 181.

[20] Бентковский И. В. Гребенцы. М., 1899, с. 9, 19—21, 37—38; Потто В. А. Два века терского казачества, т. 1. Владикавказ, 1912, с. 61—62.

[21] Назаров В. Д. О некоторых особенностях Крестьянской войны начала XVII в. в России. В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 124.

[22] Соколовский П. А. Указ. соч., с. 215.

у бывших холопов и крестьян прочно связывалось представление о феодальном гнете. В качестве основы казачьего хозяйства все исследователи обычно называют промыслы — охоту, добычу рыбы, соли, бортничество и т. п., а применительно к Северному Кавказу и виноделие (на базе главным образом дикорастущего винограда). Известно, что значительную роль в хозяйстве казаков постепенно стало играть и скотоводство. Рыбу, продукты других промыслов и скот казаки продавали купцам в своих «острожках» и русских городах, в Азове, однако (и на это уже не раз обращалось внимание) вырученных в результате такой торговли средств не могло хватить для обеспечения всем необходимым [23]. Поэтому крайне важным видом казачьих «промыслов» стали военные походы за добычей (прежде всего ясырем), которую казаки вначале «дувании», а затем уже на правах личной собственности продавали (или возвращали за выкуп) [24]. Невозможность существования без доходов от продажи захваченных у «бусурман» пленных и «зипунов» сами казаки подчеркивали неоднократно [25]. Не могли казаки обойтись и без того, чтобы не «отгонять» лошадей у соседей-кочевников [26], не «шарпать» на торговых путях царскую и купеческую «казну» [27].

Обращаем на это особое внимание потому, что в последнее время эта реальная сторона жизни казаков иногда выпадает из поля зрения исследователей, вследствие чего вольное казачество в некоторых трудах предстает в явно идеализированном виде [28]. Разумеется, изображать казаков примитивными грабителями, как это делалось в дворянско-буржуазной историографии, неправомерно. Мы знаем, что многие походы предпринимались казаками в качестве ответных мер, что, например, донские казаки в середине XVII в. во время походов к крымским и турецким берегам не только захватывали «зипуны» и «ясырь», но и освобождали из неволи много «русского полону». «Отгромленных» полоняников казаки кормили своим «припасом» и даже снабжали в дорогу всем необходимым, если те желали вернуться на родину, причем такая помощь оказывалась одинаково всем христианам, в том числе «литовской» шляхте, венграм [29]. Хорошо известна та роль, которую сыграло казачество в сдерживании турецкой экспансии и в борьбе с набегами враждебных Руси кочевых феодалов. Объективно прогрессивное значение действий казаков на южной и юго-восточной окраинах Русского государства не дает, однако, оснований сбрасывать со счетов менее привлекательные в глазах современного читателя стороны деятельности «рыцарей степей» и прежде всего военные походы с целью грабежа и захвата ясыря.

Касаясь связей вольного казачества с соседними государствами и народами, нельзя пройти мимо того обстоятельства, что в условиях, как правило, враждебного окружения и частых вооруженных столкновений казакам нельзя было долго продержаться без постоянного пополнения людьми извне. Совершенно ясно, что им была необходима и материальная поддержка со стороны экономически развитого государства. Казачьи отряды обычно умели постоять за себя; они отличались высокой боеспособностью, которая определялась их боевой закалкой, богатым военным опытом и хорошим знанием «воинских обычаев» окружавших их народов. Казаки владели как «русскими», так и «татарскими» боевыми приемами, умело сочетали их в сражениях и выработали ряд собственных и весьма эффективных способов борьбы. В совокупности все это давало казакам большие преимущества перед окрестными «ордами». В отличие от кочевников, казаки, например, умели не только совершать набеги, но и брать (и защищать) города; казакам в равной степени были «за обычай» сражения как в пешем, так и в конном строю, как на воде, так и на суше, как «лучный», так и «огненный бой». Вместе с тем совершенно очевидно, что без того же «огненного боя» в наполненных «многими ордами» степях казакам, несмотря на все их воинское умение, выжить было бы невозможно (слишком неравным было численное соотношение сил), наладить же в не-

[23] Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг., т. 1. Л., 1966, с. 227—228, 284; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака, с. 68.

[24] Тхоржевский С. Указ. соч., с. 17; Лупин Б. В. К истории донского казачества, с. 45; Очерки истории СССР. XVII в., с. 266; История Дона, с. 116—117.

[25] Платонов С. Ф. Указ. соч., с. 109; Тхоржевский С. Указ. соч., с. 13, 22.

[26] См.: Сергеев В. И. Указ. соч., с. 29—30.

[27] Преображенский А. А. Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России...— История СССР, 1984, № 1, с. 108.

[28] См., напр., первый и последний разделы книги И. Г. Рознера «Яик перед бурей» (М., 1966).

[29] Тхоржевский С. Указ. соч., с. 13—14, 22.

обходимом количестве собственное производство оружия и боеприпасов они не могли. Как следствие этого в казачьей среде очень часто и очень рано возникает стремление «служить великому государю». В Москве довольно быстро поняли, какую силу могла представлять казачья вольница в борьбе с ногайцами, крымскими татарами и турками, и, стремясь опереться на казачество в этой борьбе, русское правительство стало в основном преследовать лишь «воровских казаков» (т. е. тех, кто был уличен в преступлениях против государственной власти), а остальным «за службы» оказывать материальную поддержку [30].

Служба казаков «государю» в XVI — середине XVII в. не носила систематического характера и состояла главным образом в сопровождении и охране посольств, следующих «с Руси» и «на Русь» через степи, в поставке разведывательных сведений, в «воинских промыслах» над враждебными кочевниками и т. д. За оказываемые услуги русское правительство снабжало «атаманов и молодцов» свинцом и порохом, сукном, хлебом, вином, высылало деньги [31]. Различные «припасы» могли, впрочем, выдаваться и за бездействие: случалось, что свои просьбы о жалованье казаки обосновывали невозможностью во время мира, заключаемого ими в «государевых» интересах с соседями, «прокормиться и одетись» [32].

Жалованье на Дон после событий «смутного времени» отправлялось вполне регулярно, хотя размеры его определялись «смотря по службе». В начале правления Михаила Романова стали постоянно снабжаться боеприпасами и провиантом яицкие казаки. Вопрос о жалованье гребенцам был впервые поставлен в 1623 г., но регулярно получать его они стали, видимо, не ранее середины XVII в.[33] Жалованье превратилось в весьма сильное средство влияния на казаков, но действенность его была ограниченной — полностью подчинить себе вольное казачество с помощью поставок (или задержек) «припасов» Москва не смогла в течение всего XVII в.

Существуя в конечном итоге за счет соседних стран и народов, казаки тем не менее долго сохраняли политическую самостоятельность. Даже включенные в состав русской армии отряды казачьей вольницы находились за пределами московской юрисдикции. Г. Котошихин, бывший подьячий Посольского приказа, так писал о донских казаках: «И дана им на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя, атаманов и иных, избирают, и судятца во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу. А кого лучитца им казнити за воровство, или за иные дела, и не за крепкую службу, и тех людей, посадя на площади или на поле, из луков или ис пищалей розстреляют сами; так же будучи на Москве или в полкех, кто что сворует, царского наказания и казней не бывает, а чинят они меж собою сами ж... А ежели б им воли своей не было, и они б на Дону служить и послушны быть не учали» [34]. По мнению А. Л. Станиславского, «представление о необязательном характере своей службы сыграло огромную роль» в складывании социальной психологии казачества [35].

Видимо, не лишено оснований и мнение С. И. Тхоржевского, согласно которому «первоначально связи донского казачества с Московским государством строились по типу отношений последнего к различным ордам кочевников» в XVI—XVII вв., и прежде всего вассальных, но практически независимых ногайцев. Заметим, что до середины XVII в. даже внешняя сторона сношений русского правительства с казаками имела формы, характерные для отношений между самостоятельными государствами: в Москве казачьими делами ведает Посольский приказ; прибывающие на Дон царские посланники должны являться в казачий «круг», поклониться и от имени «государя» спросить

[30] Там же, с. 14; Сергеев В. И. Указ. соч., с. 33—35; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака, с. 68.

[31] Отдельные отряды вольных казаков нанимались московским правительством на службу во время войн и действовали в составе русской армии. Часть вольного казачества оседала на житье в «русских городах», превращаясь, как правило, в приборных служилых людей. Всем им жалованье выплачивалось уже на особом основании (см.: Васенко П. Г. Указ. соч., с. 39; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака, с. 65, 69; его же. Социально-политическая борьба..., с. 137—139).

[32] Тхоржевский С. Указ. соч., с. 22.

[33] Бентковский И. В. Указ. соч., с. 22—24; Тхоржевский С. Указ. соч., с. 23; Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования..., с. 51.

[34] Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, с. 135.

[35] Станиславский А. Л. Русское казачество в первой четверти XVII в. Автореф. докт. дис. М., 1984, с. 18.

«войско» «о здоровье»; в свою очередь, когда казаки приезжают в Москву, то, по свидетельству Котошихина, «им честь бывает такова, как чюжеземским нарочитым людем». Наиболее ярко независимость казачьих областей выражалась в предоставлении убежища всем, желавшим стать казаками («с Дона выдачи нет», «Доном от всяких бед свобождаются») [36]. Не менее существенным было и то, что в вопросах внешних сношений (и прежде всего войны и мира) казаки руководствовались прежде всего собственными интересами, которые не всегда совпадали с планами московской дипломатии. Крупные неприятности ей, в частности, причиняли такие акции казаков, как предпринимаемые вопреки царским указам походы на турецкие города [37]. Поставить под свой контроль внешние сношения казаков Москва полностью не могла до конца XVII в.; еще меньше возможностей было у нее для воздействия на внутренние порядки казачьих общин. Такие попытки до XVIII в. практически и не предпринимались.

Как показали специальные исследования, в целом общественному укладу вольных казачьих сообществ были присущи устойчивые традиции коллективизма и взаимопомощи, «начиная от защиты своих членов от врагов и совместной трудовой деятельности (артельное рыболовство, коллективная охота, совместный выгон скота, воинское казачье «односумье», «складничество», различные «помочи» и «спрягачество») и кончая разнообразными проявлениями коллективизма в быту...» [38].

Военной, политической и социальной формой объединения казаков было «войско». В XVII в. оно упоминается применительно к Дону, Тереку и Яику. Волжские казаки не смогли создать единой воинской организации и уже в первой половине XVII в. сошли с исторической арены, оказавшись в зоне действия городов-крепостей, поставленных царским правительством в 1586—1590 гг. [39] Процесс складывания «войска» на Дону прослежен историками наиболее полно. Вначале там независимо друг от друга действовали отдельные группы казаков во главе с собственными атаманами. К концу XVI в. войсковая организация, видимо, сложилась у «низового» казачества, и лишь в начале XVII в. объединился весь Дон [40].

Высшую законодательную власть в «войске» осуществлял «круг» — собрание казаков-воинов «всей реки». Женщины, а также те, кто проживали на территории «войска», но не являлись полноправными казаками, «в круги», как правило, «не хаживали». Из дальних городков для решения особо важных дел в «столицу» обычно посылали лишь представителей; для решения текущих дел было достаточно только присутствующих в главном городке казаков [41]. Круг ведал дележом военной добычи и жалованья, судопроизводством, посылал депутации, решал вопросы войны и мира, давал санкции на военные походы, постройку новых городков и т. д. Исполнительная власть принадлежала войсковому атаману, который избирался кругом и мог быть лишен им власти в любое время, после чего в правовом отношении уже ничем не отличался от рядовых казаков. На время похода избирался походный атаман, пользовавшийся неограниченной властью над его участниками, а «войско» делилось на «станицы» (отряды примерно в 100 чел.) [42] во главе со станичными атаманами; станицы делились на десятки [43]. Вторы-

[36] Котошихин Г. Указ. соч., с. 135; Тхоржевский С. Указ. соч., с. 14, 20, 26—28.

[37] Тхоржевский С. Указ. соч., с. 20—21.

[38] Заседателева Л. Б. Культура и быт..., с. 56. См. также: Соколовский П. А. Указ. соч., с. 212.

[39] Гераклитов А. А. Указ. соч., с. 190—191, 244.

[40] Тхоржевский С. Указ. соч., с. 10—12; Очерки истории СССР. XVII в., с. 264.

[41] Там же, с. 16—17; Пронштейн А. П. Войско Донское накануне Булавинского восстания, с. 316; Дариенко В. Н. Указ. соч., с. 53.

[42] Численность отдельно действовавших казачьих станиц обычно была менее определенной, и они могли насчитывать от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

[43] Как полагает В. Н. Дариенко, в самых ранних казачьих общинах, еще «до появления семьи», десяток, «похоже, был своеобразной низшей хозяйственной ячейкой и податным субъектом, вносившим долю своих доходов в общинный бюджет. Реликтовые следы такого его качества улавливаются позднее...» (Дариенко В. Н. Указ. соч., с. 53). По мнению же Л. Б. Заседателевой, «в отличие от степной военно-административной десятичной системы, делившей все население по принципу воинских подразделений в хозяйственно-территориальном плане, в казачьих обществах она распространялась только на служилую часть казачества, воинов-казаков». «Казачество заимствовало от соседей степняков только внешнюю математическую форму этой структуры... но никак не ее внутреннее содержание». (Заседателева Л. Б. Терские казаки, с. 91—92.)

ми после атаманов лицами у казаков являлись «есаулы» (соответственно войсковые и станичные). Управление в отдельных городках строилось по тому же принципу: там имелись свои круги, свои атаманы и есаулы. Решения круга были обязательны для всех. Отказ выполнить общее решение влек за собой изгнание из общины или казнь. Системой суровых наказаний поддерживалась в казачьем войске и строгая дисциплина во время походов [44].

Главную роль в принятии решений на кругу играли «старые казаки», из числа которых обычно избирали атаманов. Атаманы в своих действиях, по некоторым данным, могли опираться не только на «старшину» и «домовитую» часть казачества, но и на подобие личной дружины — «атаманскую станицу» [45]. Отметим, наконец, что, по-видимому, у большинства казаков под началом находились молодые «товарищи», или «чубы», т. е. казаки-ученики, занимавшие в «войске» подчиненное положение [46]. Однако социальная дифференциация среди казаков в рассматриваемое время еще не зашла далеко; например, донские казаки как в 1592-м, так и в 1638 г. имели основание заявить Москве, что «лутчих-де людей у них... нет, все они меж себя ровны» [47].

Попытки типологизации социальной структуры казачьих общин не раз предпринимались в исторической литературе. Так, С. И. Тхоржевский в 1923 г. писал, что у «Донского войска» первой половины XVII в. «были все признаки, которые почитаются современной теорией необходимыми для государства: своя непроизводная власть, территория, население, право международных сношений» [48]. Н. Янчевский и С. Томсинский в 1930-х гг., напротив, фактически отрицали всякую самостоятельность донского войска XVI—XVII вв., но пошли еще дальше в модернизации его социальной структуры, хотя и с разных позиций. Н. Янчевский утверждал, что донское казачество «постоянно оставалось орудием торгового капитала, являлось наемным войском в буквальном смысле этого слова», а С. Томсинский, упрекая Н. Янчевского в том, что он не замечает дифференциации казачества, полагал, что оно «не было однородным по своему классовому составу», что «верховое казачество» надо рассматривать как «беглое крестьянство и городскую мелкобуржуазную группу» и что «казацким идеалом» являлось «буржуазно-демократическое равенство» [49].

В 60—70-х гг. некоторые исследователи (И. Г. Рознер, В. А. Голобуцкий), рассматривая «само появление вольного казачества в конце XV — начале XVI в.» как «признак... начавшегося разложения феодально-крепостнического строя», увидели в казачьих сообществах не только «политические организации государственного типа», но и «антифеодальные государственные образования», «своеобразные (пусть и не развитые) демократические «республиканские» организации» [50].

С этими оценками трудно согласиться. Уровню государственности, предполагающей, как известно, деление общества на классы — «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства...» [51], казачьи сообщества в XVI — первой половине XVII в. в силу отмеченных особенностей бытового и хозяйственного уклада, конечно же, не соответствовали.

В этой связи напомним замечания К. Маркса, высказанные при изучении книги Н. И. Костомарова о С. Разине. К. Маркс отметил, что казачество «было противодействием старого новому», что «в казачестве воскресали старые полуугасшие стихии вечевой вольницы», что «само по себе оно было не новым жизненным началом, а чем-то отсталым, устаревшим» [52]. Независимо от Маркса отсталым и устаревшим социальным

[44] Тхоржевский С. Указ. соч., с. 10—12, 16, 19; Очерки истории СССР. XVII в., с. 266, 270; Пронштейн А. П. К истории возникновения казачьих поселений..., с. 172—173; его же. Войско Донское накануне Булавинского восстания, с. 323; История Дона..., с. 112, 120.

[45] См.: Дарienко В. Н. Указ. соч., с. 54.

[46] Станиславский А. Л. Восстание 1614—1615 гг. и поход атамана Баловня, с. 121; его же. Русское казачество в первой четверти XVII в., с. 22—23; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба..., с. 137.

[47] Соколовский П. А. Указ. соч., с. 213; Тхоржевский С. Указ. соч., с. 18.

[48] Тхоржевский С. Указ. соч., с. 25.

[49] См.: Томсинский С. Г. Указ. соч., с. 132—143, 185.

[50] Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования..., с. 47—48, 56; его же. Яик перед бурей, с. 203; Голобуцкий В. А. Запорожская Сечь.— Вопросы истории, 1970, № 2, с. 100—101.

[51] Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 15.

[52] Молодая гвардия, 1926, кн. 1, с. 107, 109.

организмом, по сути дела, считал казачество Н. А. Рожков [53], но, к сожалению, приведенные Марксом положения развернутого раскрытия и обоснования в нашей историографии не получили. Более того, занимающиеся казачеством советские историки, как правило, «не замечают» процитированного выше текста, хотя и ссылаются на эту работу Маркса. Думается, однако, что изложенное в его заметках мнение заслуживает пристального внимания. Оно может служить ключом к пониманию социальной природы ранних казачьих общин, и, если ставить вопрос об их типологизации, то, на наш взгляд, гораздо больше оснований видеть в общественном устройстве вольного казачества аналогии не с государственностью нового типа, а с социально-политической структурой доклассового общества в период военной демократии. Напомним, что Ф. Энгельс в качестве «органов военной демократии» выделял «военачальника, совет, народное собрание». Именно в период военной демократии «война и организация для войны становятся... регулярными функциями народной жизни», причем находящимся на этой стадии развития народам, как подчеркивает Энгельс, «грабеж... кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд», а война для них «становится постоянным промыслом» [54].

Рассматривая под этим углом зрения ранние казачьи общины, нельзя не заметить, что аналогии с периодом военной демократии напрашиваются при анализе как социального устройства, так и самого образа жизни вольных казаков. В атаманах, например, нетрудно узнать военных вождей, в «кругах» — народные собрания; выборность вождей, равенство в правах и обязанностях, личная свобода и поголовное вооружение членов сообщества, крайне важное место и значение военных походов в жизни — эти и другие черты казачьего уклада хорошо вписываются в рамки той стадии формационного развития, которая именуется периодом военной демократии, хотя, конечно, и не делают этот уклад полностью адекватным ей. Не логичнее ли, таким образом, предположить, что в XVI—XVII вв. казачьи сообщества являлись не олицетворением грядущих социальных отношений, а представляли собой отголосок минувшего, своеобразный рудимент дофеодальных времен? — Во всяком случае, по бытовому укладу и общественному устройству вольное казачество рассматриваемого времени гораздо ближе к последней стадии доклассового общества, чем к следующим за феодализмом формациям.

Разумеется, казачьи общины не были тождественны социальным организмам доклассовой эпохи: казаков сплачивали отнюдь не родо-племенные связи, и на образ их жизни не могла не воздействовать та социальная среда, из которой они вышли и которая их окружала, а это была прежде всего среда феодального общества. Речь, таким образом, не идет о простом возвращении какой-то части восточнославянского населения к последнему на пути к классовому обществу этапу социального развития.

Конечно, поскольку и во вполне сложившихся классовых обществах остатки первобытнообщинных отношений сохраняются довольно долго (естественно, видоизменяясь и подгоняясь к господствующей системе социальных отношений), мы вправе допустить возможность известной их регенерации при наличии соответствующих условий, тем более, что случаи восстановления строя военной демократии у находившихся на стадии феодального развития народов нам известны [55]. Вполне возможно, в частно-

[53] Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. 6. Пг.— М., 1923, с. 26, 35.

[54] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164. Исследователи, изучающие период военной демократии на конкретно-историческом и этнографическом материале, приходят к выводам, показывающим справедливость данной Ф. Энгельсом характеристики не только для Старого, но и для Нового света. «Военные столкновения и угон лошадей были нормальным состоянием индейского общества в американских степях почти до середины XIX в.,— пишет, в частности, Ю. П. Аверкиева.— По-видимому, мы имеем здесь пример общества на той стадии его развития, на которой военное дело, завоевание по-существу относились к экономическим условиям существования этого общества. Благодаря этому само общество приобрело характер военизированного общества. Индейские кочевники были в постоянной готовности с оружием в руках защищать свои табуны и земли или отправиться в поход с целью захвата чужих лошадей. Все мужчины племени были воинами... Война у американских кочевников считалась самым почетным занятием у мужчин, а воинская храбрость—их высшей добродетелью». (Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 312.)

[55] Так, в конце XVIII в. в результате народного восстания строй военной демократии был по существу восстановлен у части адыгов. См.: Люлье Л. Я. О натухаж-

сти, что социальные институты казачьих сообществ генетически восходят к крестьянской соседской общине [56], ее же многие исследователи рассматривают как наследие первобытно-общинного строя [57]. Глубоко укоренившимися в России нормами общинного строя, генетически восходящими к социальным институтам «первобытного коммунизма», видимо, вообще следует объяснять широкое распространение в русском обществе XVII в. традиций «мирского» самоуправления, бытовавших, по сути дела, повсеместно, а в служилой приборной среде обычно принимавших формы самоуправления по казачьему образцу. Показательно, что практически всякое ослабление государственной власти (в целом по стране или в отдельных ее районах) влекло за собой оживление этих традиций (вплоть до захвата «миром» всей власти на местах) и даже их творческое развитие (особенно во время народных восстаний) [58]. И, видимо, не случайно в период «Смутного времени» не только окраины, но и центр страны стал местом формирования вольного казачества (быстро, правда, становившегося служилым, феодализировавшегося) [59].

Отметим, наконец, что известная архаизация образа жизни в казачьих областях могла быть связана также с влиянием политических институтов и патриархального бытового уклада тех народов, выходцы из которых стали ядром казачества и с которыми в XVI—XVII вв. казаки постоянно находились в тесном контакте.

Полагаем, однако, что при всем этом присущая казачьим общинам социальная структура должна была сложиться и независимо от бытовавших где бы то ни было пережитков первобытнообщинного строя, вырабатываясь стихийно. Социальная организация казачества была порождена в первую очередь экстремальными условиями их бытия и наилучшим образом приспособлена именно к ним. Предоставленные по большей части сами себе, действуя на свой страх и риск в условиях, как правило, враждебного окружения и постоянной военной опасности, не имея возможности прокормить себя одним лишь производительным трудом, вольные казачьи общины просто не выжили бы в восточноевропейских степях, если бы еще раздирались и внутренними социальными конфликтами. Казаки не продержались бы долго без личной свободы, социального равенства и поголовного вооружения членов своего сообщества, без широкого демократизма в решении общих дел и, вместе с тем, дисциплины и строгого единоначалия во время военных действий.

Кроме того, сколь бы архаично ни выглядела социальная структура ранних казачьих общин, необходимо постоянно учитывать их довольно быструю (в исторических масштабах) эволюцию, происходившую, естественно, в одном направлении — в сторону втягивания казачьих сообществ в систему развивавшихся в центре страны феодальных отношений. Поскольку казачьи области никогда не были экономически самостоятель-

---

цах, шапсугах и абадзехах.— «Записки» Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1857, кн. IV, с. 227—237; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957, т. 1, с. 190—192, 200—205. (Определение сложившегося после восстания конца XVIII в. у части адыгов общественного строя **как военной демократии принадлежит Э. Берзину.**)

[56] В литературе на этот счет высказываются хотя и различные, но в целом близкие мнения. Так, Л. Б. Заседателева полагает, что «терский казачий курень, состоявший вначале из членов разноплеменной казачьей ватажки, с самого начала складывался как сельская соседская община» (Заседателева Л. Б. Терские казаки, с. 229). По мнению же В. Д. Назарова, распорядок внутренней жизни казачьих областей «строился на своеобразном преломлении традиций крестьянской общины». (Назаров В. Д. О некоторых особенностях Крестьянской войны..., с. 122. Разрядка наша.— *Н. Н.*).

[57] Обобщение новейших исследований вопроса об остатках первобытнообщинного строя в классовых обществах см.: Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982, с. 206—207.

[58] См.: Покровский Н. Н. Сибирские мирские организации и сословно-представительная монархия XVII в. В кн.: Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. М., 1985, с. 74—77; Преображенский А. А. Классовая борьба в России XVII — начала XVIII в. и социальный опыт народных масс.— Там же, с. 178—183; Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в.— История СССР, 1986, № 1, с. 47—68.

[59] Станиславский А. Л. Русское казачество в первой четверти XVII в., с. 18, 29—45; его же. Первая крестьянская война в России и правительственная политика по отношению к вольному казачеству. В кн.: Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984, с. 235—247.

ными, то и кардинальные факторы дальнейшей их эволюции в конечном итоге зависели от исторических судеб государств Восточной Европы, что, как справедливо отметил В. Д. Назаров, предопределило «неизбежность повторения... цикла зарождения и укрепления феодальной социальной структуры в казачьих областях» [60].

С изменением условий жизни казаков, с усилением их зависимости от Москвы все большее влияние на образ их жизни и общественное устройство оказывали господствовавшие в центре страны порядки, а это были порядки феодального общества. Казачьи области постепенно, но неуклонно втягивались в господствовавшую в окружавших их странах систему феодальных отношений, становились составной частью феодального Российского государства и «своеобразным резервом... поступательного развития феодальных отношений на новых территориях» [61].

Вместе с тем казаки еще длительное время сохраняли социальное устройство, являвшееся предметом чаяний многих крестьян, холопов и посадских людей, и тем самым оказывали огромное воздействие на развитие в стране классовой борьбы. Это воздействие определялось не только самим фактором существования вольного казачества: хорошо известна его авангардная роль в крестьянских войнах XVII—XVIII вв. в России. Как же оценивать в связи с вышеизложенным возглавлявшиеся казаками движения в целом и массовые «показачивания» в охваченных восстаниями районах в частности?

Вопрос это не простой. Известно, что в меньшевистской историографии архаичностью социально-бытового уклада казачьих сообществ подкреплялось мнение о реакционности крестьянских войн в России [62]. В рамках настоящей статьи рассмотреть данную проблему всесторонне невозможно. Отметим лишь, что автор этих строк разделяет принятую в советской историографии общую оценку казацко-крестьянских движений, так как он исходит из того, что в феодальную эпоху субъективные намерения восставших и объективное значение их действий чаще всего не совпадали, а потому и оценивать те или иные социальные движения следует прежде всего по их реальным последствиям, а не по лозунгам. Ни у кого из советских исследователей не вызывает сомнения прогрессивность народных восстаний в раннефеодальную эпоху, хотя участники их обычно и выступали за возврат к старым, дофеодальным порядкам. Или, в пояснение той же мысли, другой пример. Когда в захваченном повстанцами городе вводились казачьи формы правления, объявление посадских людей «казаками» вовсе не делало их таковыми, а имело иной, совсем особый социальный смысл, если не меняло их сущности как торговцев и ремесленников [63].

Действительно, в изучаемую нами эпоху казаки не были связаны ни с передовыми отраслями производства, ни с передовыми общественными отношениями, однако диалектика возглавлявшейся ими социальной борьбы заключалась в том, что идеализировавшие казачьи порядки и стремившиеся всюду «заводить Дон» и «жить без бояр» социальные слои в конечном итоге заставляли своими выступлениями эволюционировать феодально-крепостнический строй не в сторону укрепления каких-либо архаичных форм, а в сторону развития все более зрелых общественных отношений и этим ускоряли исторический процесс, приближая крушение всей феодально-крепостнической системы. Именно поэтому социальные движения, застрельщиком которых выступало казачество, мы вправе считать прогрессивными по своему объективному содержанию и значению.

---

[60] Назаров В. Д. О некоторых особенностях Крестьянской войны..., с. 124—125. По мнению автора, этот процесс активно развернулся со второй половины XVII в. См.: Nasarow W. Der Platz der Bauerkriege Russlands in der Geschichte des Klassenkampfes Europas. В кн.: Die historische vergleichende Methode in der sowjetischen Mediävistik. М., 1980, с. 176. Тот же текст на английском языке см. в кн.: The comparative Historical Method in Soviet Mediaeval Studies. М., 1979, с. 127.

[61] Назаров В. Д. О некоторых особенностях Крестьянской войны..., с. 125.

[62] См.: Историография истории СССР... (Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева). Изд. 2. М., 1971, с. 434—435.

[63] Конечно, если все они оставят «торги и промыслы» и будут «кормиться зипуном», то это нельзя не оценить как социальный регресс, однако возможность таких метаморфоз в крупных масштабах допустить трудно.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

Э. Ю. ЮСУПОВ, Р. Х. АМИНОВА, Б. В. ЛУНИН, Б. Л. ОРОНЮК. ПЛОДЫ ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЫ. Ташкент, «Фан», 1984, 191 с., тир. 2000

Очевидна актуальность научного освещения истории народов ранее отсталых окраин дореволюционной России, того, как с помощью русского народа осуществлялись в этих регионах ликвидация хозяйственной и культурной отсталости, переход от докапиталистических отношений к высокоразвитой социалистической экономике. Важное значение имеет исследование процесса сближения социалистических наций, освещение заинтересованности народов нашей страны в развитии и укреплении отношений взаимопомощи и сотрудничества. Эти проблемы раскрываются в рецензируемой монографии на примере отношений узбекского и русского народов.

Хронологические рамки работы охватывают 1917—1941 гг. Предваряет изложение глава, в которой речь идет о судьбе узбекского народа после присоединения Средней Азии к России.

Авторы отмечают, что на протяжении второй половины XIX в. Средняя Азия была присоединена к Российской империи и фактически превратилась в колонию царского самодержавия.

В соответствии с основными направлениями колониальной политики царизма, помещиков и капиталистов эксплуатация населения и природных ресурсов Средней Азии осуществлялась методами политического и экономического порабощения трудящихся, жестокого социального и национального угнетения. При этом народные массы региона оказались под двойным гнетом — местных эксплуататоров и царских колонизаторов.

Средняя Азия рассматривалась как аграрно-сырьевой придаток центральных промышленных районов России и рынок сбыта продукции. Характерно, что на долю всей Средней Азии приходилось менее 2% промышленной продукции, производившейся на фабриках и заводах дореволюционной России.

Вместе с тем в работе показано, что присоединение Туркестана к России объективно было прогрессивным явлением. Разрушались основы старой и косной системы феодально-патриархальных отношений, отживало свой век замкнутое натуральное хозяйство. Строительство железных дорог, возникновение новых городов и селений, усиленное развитие хлопководства, появление, пусть небольших и немногочисленных, промышленных предприятий фабрично-заводского типа, влияние передовой русской культуры открывали новые страницы в истории региона. Рост местной промышленности вызвал приток в Узбекистан рабочих из центральных областей России. Здесь возникают первые отряды местного рабочего класса. Рабочие из среды коренного населения находили общий язык с русскими рабочими на базе единства их классовых интересов, ненависти к угнетателям трудового народа. Ссылавшиеся сюда царскими властями русские социал-демократы содействовали росту политического сознания масс.

Российский рабочий класс и его боевой авангард — партия большевиков протянули руку братской помощи всем народам России. Труженики Узбекистана все

больше втягивались в русло общероссийского освободительного движения, что стало особенно видно в ходе событий революции 1905—1907 гг. в России.

Интересны страницы книги, дающие представление о том, как в дореволюционное время в крае под влиянием прогрессивной русской культуры развивались передовая общественная мысль и искусство. Замечательными представителями просветительства были Ахмад Дониш, Фуркат, Мукими, Завки, Садриддин Айни, Хамза Хаким-заде Ниязи, Аваз Отар оглы и многие другие. Одновременно с оживлением литературной жизни в Туркестане были созданы многочисленные научные общества. В них активно работали такие выдающиеся русские ученые, как П. П. Семенов-Тяншанский, Н. А. Северцев, А. П. Федченко, И. В. Мушкетов, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин. В 1870 г. в Ташкенте состоялось открытие первой в крае публичной библиотеки, появился русский театр, стала выходить газета.

В целом же культурный уровень народа оставался крайне низким. Царизм не был заинтересован в развитии культуры колониальных окраин, поощрял мусульманскую религию, помогавшую ему держать народы Туркестана в невежестве.

Великий Октябрь ознаменовал начало новой эпохи в истории узбекского народа.

В книге убедительно показано, как в тяжелые годы гражданской войны и империалистической интервенции В. И. Ленин использовал все возможности для оказания помощи Туркестану, укрепления в нем Советской власти. По инициативе В. И. Ленина была организована Комиссия ВЦИК и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана (Туркомиссия). В ее состав вошли В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, Г. И. Бокий, Ф. И. Голощекин, Я. Э. Рудзутак, Ш. З. Элиава.

Деятельность комиссии была направлена на создание тесного союза трудящихся масс России с народами Туркестана, обеспечение самоопределения народов Туркестана, ликвидацию национального неравенства и привилегий одной национальности за счет другой.

С именем Ленина связана грандиозная работа по развитию образования и культуры в Туркестане, созданию высшей школы. В сентябре 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об учреждении Туркестанского государственного университета». Университет сыграл решающую роль в развитии высшего образования, подготовке кадров специалистов и развертывании научных исследований во всех республиках Средней Азии.

В работе раскрывается многогранная помощь Коммунистической партии, Советского государства, русского пролетариата трудящимся Узбекистана в осуществлении социалистической индустриализации края.

В процессе индустриализации рос национальный рабочий класс, расширялась социальная база диктатуры пролетариата, укреплялся союз рабочего класса и крестьянства, возрастала руководящая роль партийных организаций.

В книге подчеркивается, что осуществление индустриализации в Средней Азии представляло весьма сложную задачу. Здесь почти полностью отсутствовала машинная индустрия, не было квалифицированных кадров, господствовала крайняя культурная отсталость населения и т. п. Трудящиеся массы края не могли собственными силами преодолеть эту отсталость и в короткий срок создать промышленную базу. Помощь Коммунистической партии и Советского государства, русского пролетариата и трудящихся всей страны приобрела решающее значение в решении этой задачи.

В годы довоенных пятилеток сюда из центральных районов Советского Союза прибыли инженерно-технические работники, квалифицированные рабочие. Одновременно осуществлялась подготовка специалистов из местного населения в центральных районах страны. Эти меры способствовали тому, что уже в довоенные годы в Узбекистане были построены крупные промышленные предприятия, проведена реконструкция хлопкоочистительной и маслобойной промышленности, созданы новые отрасли промышленности, такие, как текстильная, химическая, энергетика, сельскохозяйственное машиностроение и т. д. В итоге это привело к преодолению экономической и культурной отсталости республики, закладывало основы материально-технической базы социализма.

В работе подробно освещается многообразная помощь Советского государства трудящимся Узбекистана в социалистическом переустройстве сельского хозяйства, утверждении колхозного строя.

Развитие ирригационной сети в республике способствовало вводу в эксплуатацию новых орошаемых земель, подъему хлопководства и других отраслей земледелия.

В результате тесного сотрудничества всех народов страны Советов вместе с глубочайшими социально-экономическими преобразованиями во всех республиках, в том числе в Узбекистане, был обеспечен могучий подъем культуры и науки, созданы предпосылки для их дальнейшего развития. Были построены основы социалистического общества.

Рецензируемая монография — удачное пополнение историографии дружбы народов нашей страны.

Л. У. Юсупов

В. Н. УВАЧАН. ГОДЫ, РАВНЫЕ ВЕКАМ (Строительство социализма на Советском Севере). М., «Мысль», 1984, 357 с., тир. 5000

Работы автора об особенностях и конкретных путях перехода к социализму ранее отсталых народов в нашей стране занимают достойное место в советской историографии данной проблемы*. Новую его книгу отличает более широкий хронологический и географический охват материала. В ней освещается период от предреволюционных лет до наших дней. Автор рассматривает историю строительства социализма у народов Советского Севера и Дальнего Востока: от Кольского полуострова до Чукотки, Камчатки, Сахалина и Амура.

Исследование строится на широкой и разнообразной источниковой базе. Обосновывая хронологические рамки и структуру работы, автор отмечает, что исторические этапы в жизни малых народов Севера «в силу специфики и особенностей общественного развития не всегда совпадали с общей периодизацией истории советского общества, особенно в начальный период» (с. 9). Поэтому проблема соотношения периодизации истории СССР и периодизации истории народов Севера рассматривается в исследовании как диалектическое единство общих закономерностей развития социализма в СССР и специфики его строительства на Севере.

В книге характеризуется положение северных народов в составе Российского государства начиная с 90-х гг. XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции. С учетом результатов новейших исследований историков и этнографов раскрыты социально-экономические условия, в которых жили эти народы, сложившиеся у них особенности социальных отношений. Характеризуются особенности социальной структуры у северных народов (с. 29—41).

Прослеживая путь народов Севера от родового строя к социализму, автор показывает значение победы Октябрьской революции для дальнейших судеб этих народов, останавливается на освещении конкретно-исторических особенностей края в ходе установления здесь Советской власти и при проведении первых ее мероприятий по улучшению положения местного населения. Представляет интерес сопоставление событий гражданской войны в центре и на сибирских окраинах.

Одно из достоинств монографии — показ роли В. И. Ленина в развитии революционных преобразований на далеких северных окраинах, неослабного внимания вождя партии и государства к проблемам Севера и задачам его освоения.

Непосредственным воплощением в жизнь ленинских идей стали и образование специальных органов для решения специфических проблем Севера (Комитет Севера при Президиуме ВЦИК), и первые ростки социалистической экономики, и начало культурного строительства, и подготовки кадров из среды самих северных народов. Об этом конкретно и обстоятельно говорится на страницах книги.

Один из важнейших этапов в истории народов Севера — период строительства основ социализма — включал в себя, отмечает автор, создание национальных округов и становление системы местных

* Увачан В. Н. Путь народов Севера к социализму. Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере (Исторический очерк). М., 1971; его же. Народы Севера в условиях развитого социализма. Красноярск, 1977.

Советов, утверждение основ социалистической экономики, выразившееся здесь в переходе от простейших производственных объединений к сельхозартелям, успешное культурное строительство. Автор уделяет особое внимание созданию и деятельности окружных партийных организаций, руководивших всей советской и хозяйственной работой, характеризует трудности, которые приходилось им преодолевать в условиях Севера. Залогом успехов строительства новой жизни, справедливо отмечается в книге, стало широкое вовлечение в работу, проводившуюся партией, трудовых масс коренного населения.

Останавливаясь на периоде Великой Отечественной войны, автор подробно описывает участие представителей Советского Севера в боевых операциях, всенародную помощь фронту, трудности, испытанные оставшимися в тылу тружениками. Читатель получает представление о том, что Север уже не был заброшенной глухой окраиной, как в дореволюционные годы,— он жил едиными заботами со всей страной.

В монографии использован и систематизирован большой фактический материал, наглядно показывающий существенные изменения в жизни народов Севера в послевоенные годы, особенности становления зрелого социалистического общества на Севере.

Большое внимание в книге уделено этническим процессам и изменениям в социально-классовой структуре населения. Приводятся конкретные факты взаимодействия и сотрудничества представителей разных национальностей в производственной деятельности, в быту.

Бо́льшая часть рецензируемой работы посвящена современному состоянию малых народов Севера, их хозяйству, социальной структуре, культуре, образу жизни. Оценивается ситуация, сложившаяся в связи с усиленным промышленно-транспортным развитием зоны Севера, возросшим значением Севера в освоении сырьевых ресурсов страны в последнее время и на ближайшую перспективу, последовавшими этнодемографическими сдвигами, возникающими природно-экологическими проблемами. Автор касается в связи с этим и трудностей, ставит назревшие вопросы, в том числе дискуссионные. К ним относятся, например, задачи совершенствования управления в зоне Севера, вытекающие из важности народнохозяйственного значения региона для страны и из специфичности его природно-хозяйственных условий (с. 297—298), сохранения экологической системы Севера в целом (с. 219—220).

Интересны данные о становлении социально-классовой структуры населения Севера, принципиально-однотипной с другими народами страны.

Автор показал изменения в национальном составе северных территорий и миграционные процессы как основу процессов межэтнической интеграции, сочетающейся с консолидацией отдельных наций и народностей, слиянием мелких локальных групп с более крупными. Обрисованы пути становления и интернационализации социалистического образа жизни, диалектическое взаимодействие единой советской многонациональной культуры и самобытных культур народов Севера, развитие младописьменных языков и литератур, достижения культуры и литературы Севера.

В книге сопоставлены исторические пути и судьбы малых народов при социализме и при капитализме. Полемизируя с западными советологами, автор показывает беспочвенность извращений ими национальной политики в СССР.

Хотелось бы высказать некоторые замечания. Так, информативная ценность отдельных приводимых в работе примеров и фактов в ряде случаев несколько снижается из-за отсутствия их датирования (с. 37, 39 и др.). В ряде мест необходимы были оговорки по поводу тех или иных определений с учетом ведущихся в науке дискуссий. Так, вопрос о принадлежности юкагирского языка к палеоазиатским (с. 16) исследователями в последние годы поставлен под сомнение: выдвинуты новые, достаточно убедительные гипотезы о древнем уральском субстрате в юкагирском языке. Наконец, в работе нужны были карты и схемы. Желателен был бы и иллюстративный материал.

В целом же перед нами — ценное исследование, обогащающее историографию рассматриваемой проблемы.

В. В. Карлов

СОВЕТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РОССИИ. 1917—1922. Рига, «Зинатне», 1985, 352 с., тир. 1000 *

Историография истории Советов насчитывает многие статьи, брошюры, сборники документов, монографии. Эти работы посвящены истории Советов как в центре, так и на местах. Тем не менее многие ее аспекты разработаны еще недостаточно, в частности проблема Советов национальных районов в исследованиях, как правило, затрагивается лишь вскользь[1]. Исключением являются немногие работы. В этой связи заслуживает быть отмеченной монография З. Л. Серебряковой, в которой специально рассматриваются региональные Советы национальных регионов[2].

Значение рецензируемого труда состоит прежде всего в том, что в нем впервые освещена история Советов в различных национальных районах бывшей Российской империи с момента возникновения первых Советов до образования Союза ССР. Авторы включенных в книгу статей широко привлекли к исследованию архивные источники, периодическую печать и другие материалы, ввели в научный оборот многие новые данные.

Большое внимание в работе уделено освещению общего и особенного в создании и деятельности Советов, их роли в борьбе за победу Великого Октября, в образовании Союза ССР. Рассматриваются теоретические основы политики пролетарского интернационализма, заложенные К. Марксом, Ф. Энгельсом и развитые В. И. Лениным, их воплощение в деятельности Советов. Показана роль Советов в победе Великой Октябрьской социалистической революции, разгроме основных сил интервентов и контрреволюции в годы гражданской войны, в создании Союзного многонационального государства.

Всем своим содержанием рецензируемая работа убедительно опровергает домыслы буржуазной историографии о якобы «ненародности» Октябрьской революции, особенно в национальных районах, об «искусственности» Советов на бывших национальных окраинах России — на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, на Кавказе и в других регионах.

Отмечая достижения советской историографии в освещении проблемы «Великий Октябрь и национальный вопрос», авторы обращают внимание на еще недостаточно исследованные сюжеты. Это — роль Советов национальных районов страны в осуществлении ленинской национальной политики, в объединительном движении советских народов, в создании Союзного государства; показ тех немалых трудностей и сложностей, которые преодолевали Коммунистическая партия и Советское государство на пути решения национальных проблем.

Интересен в книге анализ истоков ленинской политики большевиков по отношению к областным, региональным Советам, намеченный на Поронинском совещании в 1913 г. Содержательно освещается деятельность национальных отделов исполкомов Советов РСФСР периода гражданской войны.

В работе справедливо указывается на неразработанность проблемы ревкомов в масштабе всей страны. В этой связи представляет интерес рассмотрение в книге роли чрезвычайных органов Советской власти в создании основ многонационального союзного государства. Показано общее в деятельности ревкомов в стране и региональные особенности. Нашла освещение в работе и роль Советов в военной защите Советской Республики в годы гражданской войны.

«Россия велика, и местные условия в ней различны...»,— отмечал В. И. Ленин

---

* Редколлегия: акад. И. И. Минц, А. А. Дризул (отв. ред.), А. К. Бирон, Ю. И. Кораблев, З. Л. Серебрякова, Я. П. Берзиньш. Колл. авт.: Г. С. Азимов, А. К. Бирон, Н. Ф. Бугай, Е. Г. Гимпельзон, Р. С. Грейтьяне, А. П. Гриценко, Г. А. Дзидария, Л. Г. Дрибин, А. А. Дризул, И. М. Игнатенко, А. И. Козлов, Ю. И. Кораблев, К. Т. Лайпанов, А. Л. Литвин, Ф. К. Межлаук, И. И. Минц, Б. Е. Сагария, П. А. Селиванов, З. Л. Серебрякова, А. И. Спреслис, И. Р. Тагиров, Т. С. Томшич, П. Н. Тригуб, И. Х. Урилов, К. А. Хмелевский, К. С. Худавердян, Л. А. Хуршудян, Е. А. Черненко, Э. М. Шагин, М. Н. Эмирова, Л. А. Этенко, Н. М. Якупов.

[1] См., напр.: Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март — октябрь 1917 г. М., 1967; Гимпельсон Е. Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968.

[2] Серебрякова З. Л. Региональные Советы национальных районов. Март 1917 — март 1918. М., 1984. Рецензию на эту книгу см.: История СССР, 1985, № 6, с. 156—158.

и подчеркивал, что «Советы на местах, сообразно условиям места и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством»[3]. В этой связи одно из достоинств книги — характеристика особенностей социально-экономических условий национальных регионов и показ на этой основе своеобразия становления и развития Советов в различных районах страны; это — национальные районы РСФСР, Украины, Дона и Северного Кавказа, Белоруссии, Молдавии, Закавказья, Прибалтики.

В ряде статей исследуется история Советов Латвии от их создания весной 1917 г. вплоть до образования независимой Латвийской Советской Республики в 1919 г., освещается история Советов Молдавии и их большевизация. В сборнике приводится значительный материал, характеризующий процесс создания и деятельность Советов Закавказья, Дагестана, Среднего Поволжья. Раскрывается процесс становления Советов Белоруссии, выявляются особенности двоевластия в Закавказье, на казачьей окраине России, в Татарии, на Северном Кавказе.

Существенное внимание уделено вопросам советского строительства в Сибири, раскрытию его особенностей. У коренных сибирских народов этот процесс развивался значительно медленнее, чем у русского крестьянства Сибири. Так, если в русской сибирской деревне уже к лету 1918 г. процесс создания Советов и ликвидации старых органов местного самоуправления в основном завершился, то в улусах (волостях) Бурятии, Якутии, Горного Алтая, Хакасии и казахских аулах Семипалатинской области он в это время только начался; несколько иной была форма перехода власти к Советам. Крестьяне, особенно казаки, упраздняя старые органы власти, не сразу организовывали волостные и сельские Советы; на смену земствам приходили так называемые народные комитеты, именуемые обычно крестьянской властью. Бывало и так, что организуя Советы, крестьяне по-прежнему сохраняли земства (с. 172—183).

Вместе с тем можно пожалеть, что в книге не уделено внимания отличавшимся своеобразием Советам Средней Азии, Казахстана. Советы этих регионов были составными частями общей системы диктатуры пролетариата в России и активно участвовали в создании Союзного государства. Слабо отражена роль представителей других национальных республик и областей во Всероссийских съездах Советов, их участие в деятельности высших органов центральной власти. Заметим также, что ошибочно утверждение П. А. Селиванова о том, что введение системы ревкомов было особенностью Советов Белоруссии (с. 272). Известно, что использование чрезвычайных органов Советской власти — ревкомов — было характерно для страны в целом.

Книга дает широкое представление о Советах национальных районов России в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы Советской власти.

Р. Т. Шамсутдинов

[3] Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 27, 56—57.

А. А. ШЕВЯКОВ. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И РУМЫНИЕЙ. 1944—1949. М., «Наука», 1985, 319 с., тир. 1500

Автор рецензируемой монографии поставил перед собой задачу рассмотреть складывание и развитие советско-румынских отношений на завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы.

В небольшом предисловии содержится краткий экскурс в историю советско-румынских отношений. Это позволяет рельефнее раскрыть роль и значение советской внешней политики и дипломатии. Условия перемирия Румынии с тремя союзными государствами, продиктованные в сентябре 1944 г. Советским Союзом от имени этих государств, были предельно гуманными, без ущемления достоинства румынской нации. Социалистическим гуманизмом было проникнуто и стремление Советского правительства оказать эффективную и неотложную помощь румынскому народу в тяжелые для него и самого Советского Союза послевоенные годы. «Именно эти вопросы,— подчерки-

вает автор книги,— и стоят в центре внимания настоящего исследования» (с. 20).

В работе всесторонне анализируются отношения Советского Союза и Румынии в послевоенные годы. Как известно, правящие круги монархо-фашистской Румынии предпринимали попытки добиться сепаратного перемирия с США и Англией, но потерпели неудачу. Разгром германо-румынских войск в Ясско-Кишиневской операции — одной из самых крупных по своему стратегическому и военно-политическому значению операций в Великой Отечественной войне — вынудил правителей Румынии пойти на подписание условий перемирия. Вместе с тем создались благоприятные объективные условия для вооруженного восстания трудящихся Румынии в августе 1944 г., в результате которого рухнула фашистская диктатура в стране.

Однако румынский король и буржуазно-помещичье правительство во главе с генералом К. Санатеску, как документально подтверждается в книге, затеяли политическую игру во вред Советскому Союзу. Учитывая непоколебимую решимость Советского Союза разгромить фашистских агрессоров, позицию прогрессивных сил Румынии во главе с компартией, правительство Санатеску было вынуждено объявить войну фашистской Германии, а затем хортистской Венгрии. Тем не менее реакционная часть правительства и военное командование Румынии продолжали военно-политический флирт с гитлеровцами.

Подписанием исторического акта перемирия в сентябре 1944 г. с Румынией, гуманистическая направленность которого убедительно показана в книге, были окончательно сорваны замыслы реакционных кругов этой страны. Перемирие дало румынскому народу возможность смыть позор со своей страны, выступившей в роли агрессора против миролюбивого Советского государства, которое стремилось помочь Румынии вырваться из лап иностранных поработителей и обрести истинную свободу. Прогрессивные силы Румынии воочию убедились, что дружба с Советским Союзом «означает жизнь и свободу. Враждебное отношение к нему является национальным самоубийством» (с. 53).

После освобождения Румынии Советскими Вооруженными Силами местные реакционные круги продолжали оказывать яростное сопротивление прогрессивным преобразованиям в стране. Но под давлением народных масс реакция вынуждена была отступить и в марте 1945 г. был образован Народно-демократический фронт во главе с Петру Гроза — выдающимся политическим деятелем и подлинным демократом. Было устранено реакционное правительство Радеску, за спиной которого орудовали английские и американские империалисты.

На Парижской мирной конференции, состоявшейся в июле 1946 г., вопреки противодействию Вашингтона и Лондона, делегации Советского Союза удалось, как показано в книге, реализовать ряд своих предложений, которые благоприятствовали правительству П. Грозы в достижении более приемлемых условий мирного договора с Объединенными Нациями.

Используя большой и разнообразный материал, автор дает читателю убедительное представление о том, что, руководствуясь принципом братской пролетарской солидарности с рабочим классом и беднейшим крестьянством Румынии, Советское государство делало все, чтобы предотвратить возможность экономического и политического закабаления Румынии — на сей раз американо-английским империализмом, — чтобы заложить основы для обеспечения независимости и суверенитета Румынского государства. Борьба советской дипломатии за последовательное соблюдение демократических принципов при заключении мирных договоров с Румынией, а также с Болгарией, Венгрией, Италией и Финляндией привела к положительным результатам.

Вступивший в силу в сентябре 1947 г. мирный договор с Румынией, как справедливо заключает автор, «не только утверждал узы дружбы между народами СССР и Румынии, он, как и договоры с Болгарией и Венгрией, заложил основы добрососедских отношений между народами Балканского региона, являвшегося „пороховым погребом" в течение не одного столетия» (с. 154).

О реальном гуманизме советской внешней политики свидетельствует также экономическая помощь СССР в восстановлении и развитии народного хозяйства Румынии, сильно пострадавшего не только в результате преступной войны против СССР. Трудности в экономике усугублялись также упорным сопротивлением внутренних и внешних врагов, в руках

которых продолжали оставаться основные средства производства, банки, торговля. В книге приводятся многие факты, свидетельствующие об истинном бескорыстии советского народа, с честью выполнявшего высокий интернациональный долг; испытывая огромные трудности, порожденные войной, Советский Союз на основе соглашения об экономическом сотрудничестве, заключенного 8 мая 1945 г., по просьбе правительства Румынии оказывал многогранную и эффективную помощь румынскому народу в восстановлении разрушенной экономики, в ликвидации тяжелых последствий войны. Трудящиеся массы воочию убедились, что щедрость Советского Союза в отношении Румынии явилась беспрецедентной: «Нам помогает народ, в пролитии крови которого мы участвовали, нам помогает народ, который сам испытывает большую нужду вследствие разрушений, произведенных фашистским нашествием,— подчеркивал П. Грозу.— Впервые наш народ получил помощь из-за границы без всякого диктата, без кабалы для трудящихся» (с. 180).

Опираясь на широкую материальную помощь Советского Союза, народно-демократическая Румыния восстановила свою экономику в кратчайшие сроки, на что капиталистическим странам Европы, разоренным войной, потребовалось 10—15 лет.

Хотя в Румынии действовало демократическое правительство П. Грозы, в высших и средних эшелонах власти находились буржуазные и пробуржуазные деятели, стремившиеся нанести ущерб дружественным советско-румынским отношениям, направить развитие Румынии на рельсы служения западному империализму. Роспуск буржуазных реакционных партий, лишение буржуазии политической власти, достигнутые успехи в экономике, решительное изменение соотношения классовых и политических сил в пользу широких масс трудящихся, превращение Компартии Румынии, насчитывавшей в своих рядах 800 тыс. человек, в ведущую партию страны, благоприятное международное положение Румынии, рост сил мира и демократии во всем мире и утверждение огромного авторитета Советского Союза на международной арене — все это создавало благоприятные возможности для ликвидации последнего бастиона румынской реакции — монархии. Король Михай I как представитель и выразитель интересов своего класса оказывал упорное сопротивление всем социально-политическим и экономическим начинаниям народно-демократического правительства. Королевский двор был питомником румынской реакции.

В этой обстановке, говорится в книге, 30 декабря 1947 г. румынский король вынужден был отречься от престола. Было созвано чрезвычайное заседание парламента, провозгласившего Румынию Народной Республикой. Этот исторический акт означал, что задачи буржуазно-демократической революции были решены и начался переход к этапу социалистической революции, особенностью которой было то, что она проходила мирно, без гражданской войны.

Рождение Румынской Народной Республики, отмечается в работе, произошло в разгар «холодной войны», в период острой политической, идеологической и экономической борьбы между миром капитализма и миром социализма. В этой обстановке дальнейшее укрепление единства и сплоченности социалистических стран, в частности СССР и Румынии, приобретало первостепенную важность. 4 февраля 1948 г. в Кремле был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Румынской Народной Республикой. Все содержание этого исторического акта было проникнуто идеями, утверждавшими новый тип отношений между СССР и Румынией, основанных на принципах пролетарского, социалистического интернационализма.

Отныне установленные союзные отношения между Румынией и СССР стали гарантией независимости и суверенитета румынского национального государства. «Военно-политическим союзом с Советским Союзом Румынская Народная Республика гарантировала свою независимость, упрочила свое международное положение, что заметно способствовало росту ее международного авторитета» (с. 289—290). Вместе с тем договор создавал благоприятные условия для продвижения Румынии по избранному ею пути — пути социализма.

Книга привлечет внимание не только специалистов, но и читателей, интересующихся историей внешней политики Советского государства.

А. С. Степанов, С. А. Фрейдзон

В. М. МАГИДОВ. ЗРИМАЯ ПАМЯТЬ ИСТОРИИ. М., «Советская Россия», 1984, 140 с., тир. 15 000

Рождение кинематографа означало и рождение кинодокумента, пишет автор; благодаря кинодокументам история обрела свою зримую память. В. М. Магидов привлек материалы ряда центральных государственных и ведомственных архивов, обратился к истокам советской кинохроники и показал в рецензируемой книге возрастающее значение документального кино в жизни страны. Читатель получает представление о поисках и находках исследователей, о работе по изучению старых кинолент, их расшифровке и восстановлению.

Отметим, что история создания кинодокументов — тема специальная, которой до сих пор в основном занимались искусствоведы, историки кино. Успешные результаты в этой области, связанные с именами В. С. Листова, Л. М. Рошаля и др., были достигнуты главным образом в рамках изучения истории советского кинематографа. У специалиста в области отечественной истории подход к кинодокументу определяется тем, что последний — это носитель исторической информации. Поэтому кинодокумент может и должен быть использован для изучения каких-либо явлений и процессов как всякий исторический источник. Возникает необходимость анализа этого источника с позиций современного исторического источниковедения. Такую задачу и решает автор на материалах документального советского кино 20-х гг., когда были заложены основы его дальнейшего развития.

Условия, в которых создавались первые документальные фильмы в Советской России, особенности кинодокументов как вида искусства и как носителя исторической информации, сложность работы с ними историка, значение их для изучения общества, социальные функции кино — вот вопросы, на которых сосредоточено внимание автора.

Характеризуя социальную функцию кино, В. М. Магидов обращается к ленинским оценкам кинематографа. В. И. Ленин говорил о кинематографе не только как «о могущественнейшем средстве просвещения масс» (с. 20), но и как о деянии, в котором проявляется классовый характер позиций его создателей, как об активно воздействующем на социальное развитие общества факторе. Поэтому, подчеркивается в книге, любое исследовательское обращение к кинодокументу предполагает изучение комплекса вопросов по истории его создания, авторства, достоверности и т. д.

Касаясь жанров документальных кинолент 20-х гг., автор выделяет собственно документальный фильм, документальный экранный журнал («Кинонеделя»), кинохронику. Всем этим кинолентам свойственна определенная публицистичность, ибо документальное кино — это «реализация творческого замысла кинопублициста» (с. 37). В этом отношении кинодокумент близок к произведению искусства, что в определенной степени «мешает» историку безоговорочно относить его к историческому источнику. Автор хорошо это знает, но в книге не говорит об этом специально, а предлагает читателю как бы самому убедиться в том, что источниковедческое знание о кинодокументе и историзм в подходе к его использованию позволяют получить новую, вполне достоверную, не имеющую аналогов в других источниках информацию, т. е. реализовать источниковую ценность кинодокумента. Не случайно в книге подчеркивается, что в основе любой документальной киноленты лежит исторический документ (с. 37), который отражает реальные события и факты. А источниковедческое знание о кинодокументе предполагает выяснение всей истории его создания. Кинодокумент может быть реконструкцией. Объективно отраженная действительность в кинодокументе субъективно оценена автором съемки (оператором, сценаристом) через монтаж, т. е. компоновку материала. Целенаправленность монтажа поэтому требует от историка выяснения политических и социальных условий, в которых проходили съемки, позиций авторов фильма и т. д. Делая обзор имеющихся в распоряжении исследователей кинодокументов первых лет Советской власти, автор знакомит читателя с новыми фактами истории их создания, рассказывает о результатах своего источниковедческого изучения наиболее крупных документальных лент.

История первой мировой войны нашла отражение почти в 7 тыс. *м* пленки, указывается в книге,— мало, если сравнить с

3,5 млн. *м* пленки по истории Великой Отечественной войны, но для историков они представляют ценный и далеко недостаточно использующийся материал (с. 56). Отснятый материал событий Февральской и Октябрьской революции составил 10 тыс. *м* (с. 66). В книге существенное внимание уделено становлению и развитию советского кинематографа в первые годы Советской власти. Москинокомитету Наркомпроса принадлежит заслуга в организации и создании первых киноленто о В. И. Ленине, о съездах партии и Советов, кинорепортажей о гражданской войне. Этот же комитет создал первое советское периодическое киноиздание — «Кинонеделю».

Оценивая кинодокументы 1918—1919 гг., автор справедливо отмечает, что в количественном отношении они бесспорно уступают письменным источникам, но по силе эмоционального воздействия несомненно превосходят все, что «когда-либо было написано об этом героическом времени» (с. 97). Автор убедительно показывает, что по киносъемке можно и должно изучать исторические явления и процессы, что кинодокумент — «полноценный источник информации» (с. 97).

Подчеркивая тот факт, что кинематографисты накопили большой опыт работы с кинодокументами — прежде всего как с произведениями искусства, автор предлагает читателю свой опыт работы с кинодокументом как с историческим источником. Кинодокумент имеет свою структуру, характеризующуюся последовательностью сюжетов, дробящихся на кинематографические планы, далее — на кинокадры. В состав кинокадра документального кино входят киноскрипты — надписи на транспарантах, знаменах, рекламных объявлениях и т. д. Кинокадр, говорится в книге, по существу является фотографическим снимком на киноленте, но это лишь часть кинодокумента как исторического источника. Только совокупность последовательно чередующихся кинокадров, в которой прослеживается динамика изображения, позволяет получить информацию об изучаемом процессе или явлении из кинодокумента. На ряде интересных примеров автор демонстрирует методику работы исследователя с кинодокументом, которая включает учет планов, совокупности кинокадров, расшифровку киноскриптов, технику изучения содержания кадра.

Весьма сложным в методике анализа кинодокумента является «перевод» его информации на исторический язык. Автор предлагает осуществлять его при помощи таблицы, построенной по принципу монтажного листа. Такая таблица содержит два основных компонента: надписи (титры) в том виде, в каком они существуют в оригинале, и подробное описание исследователем соответствующих кинокадров. Однако, как и сам он отмечает (с. 109), при таком способе анализа кинодокумента сам кинодокумент «переводится» как бы в разряд письменных источников, а наиболее ценный и характерный его признак — последовательное сочетание кадров — утрачивается. Автор замечает, что такой способ изучения кинонсточника «не может быть полностью приемлем» (с. 109). Вместе с тем, на наш взгляд, этот сравнительно простой способ анализа содержания кинодокументов одной темы может выявить много интересных деталей в изучаемом явлении, а в сочетании с другими источниками — получить достаточно полную информацию об изучаемом объекте. Вопрос, однако, в следующем: как реализовать свойство кинодокумента передавать динамику отраженного явления, события. Автор книги предлагает способ: анализировать совокупности кадров (планов), объединенных в сюжеты (когда кинодокумент представляют несколько наиболее информативных последовательных кадров, взятых из различных частей плана), и подробнейшего его описания. Конечно, этот метод требует дальнейшей разработки именно с источниковедческой точки зрения. Но основные принципы его можно считать намеченными автором книги.

В. М. Магидов справедливо отмечает необходимость наряду с использованием кинодокументов привлекать и другие источники по изучаемой теме, т. е. предварительно запастись определенным знанием. Это поможет ориентироваться в кинодокументах, осуществлять целенаправленный поиск, отбор, организовать свою работу.

Значение проделанной автором работы выходит за рамки содержания книги, и это осознает он сам, когда пишет о проблемах сохранности, комплектации, изучения и использования кинодокументов как исторических источников.

Показывая, как менялось отношение документальному кино кинематографи-

стов в течение десятилетий, автор призывает и историков обратить внимание на рост значения кино- и теледокументальных материалов в жизни современного общества. И с этим нельзя не согласиться. Очевидно, обществоведы в ближайшем будущем столкнутся с проблемами широкого использования информации, заключенной в этих видах источников. И если изучение кинодокументов прошлого диктуется необходимостью выявления уникальной информации, заключенной в них, то обращение к массовым кинодокументам настоящего мотивируется их возрастающим значением.

Автор, таким образом, привлек внимание читателей к большой и важной научной проблеме разработки источниковедческих аспектов изучения кинодокументов как исторических источников, показал пути возможного их использования в исторических исследованиях.

Н. В. Елисеева

В. Г. ТЮКАВКИН, Э. М. ЩАГИН. В. И. ЛЕНИН О ТРЕХ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ. М., «Просвещение», 1984, 176 с., тир. 29 000

Авторы учебного пособия поставили перед собой ответственную задачу — охарактеризовать ленинские взгляды на социально-экономические проблемы трех российских революций, что представляет большой интерес для вузовской практики. Это важно как для педагогов, ведущих работу со студентами-историками, так и для самих студентов. Авторы стремились оказать помощь студентам в осмыслении ленинских исторических взглядов, научить их делать текстологический анализ сочинений В. И. Ленина, снабдить их методическими указаниями по проведению факультативных курсов в школе по ленинским работам. Отметим, что авторский замысел реализован на высоком теоретическом уровне и в форме, доступной широкой студенческой массе.

В центре работы — те произведения В. И. Ленина, в которых рассматривается революционное преобразование России, его замечания, оценки, связанные с уровнем развития капитализма в стране, место и роль аграрного вопроса в российских буржуазно-демократических революциях, экономические предпосылки буржуазно-демократической и социалистической революций, социальная структура российского общества периода империализма.

Видное место в пособии занимает освещение разработки В. И. Лениным экономической платформы пролетарской партии, рассчитанной на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, а также вопросов теории и истории социально-экономических преобразований Великого Октября в ленинских трудах. Как видим, объектом исследования являются взгляды В. И. Ленина на самые сложные вопросы русских революций, прежде всего их социально-экономические аспекты. Книга написана с учетом достижений в области исторической Ленинианы.

Лучшие страницы пособия, на наш взгляд, те, которые посвящены анализу взглядов В. И. Ленина на развитие капитализма в сельском хозяйстве. Аграрный вопрос был стержневым вопросом буржуазно-демократических революций в России. Данная тема остается одной из самых актуальных в советской исторической науке. И эта часть книги приобрела самостоятельный исследовательский характер. Авторы выясняют достоинства и недостатки в имеющейся историографии этой темы, подводят читателей к соответствующим выводам и обобщениям.

Существенное место отведено в работе рассмотрению оценки В. И. Лениным общего уровня развития капитализма в России. Авторы учебного пособия разделяют мнение тех исследователей, которые говорят о сравнительно высоком уровне развития капитализма в России начала XX в. «В. И. Ленин,— пишут они,— оценивал уровень капитализма в России как „средний", но средний среди самых высокоразвитых стран, уже вступивших в стадию империализма» (с. 28).

Думается, что авторы несколько завысили уровень развития капиталистических

отношений. Развитие капитализма в России серьезно тормозилось наличием многочисленных и весьма существенных пережитков феодализма в политической и экономической сферах. Капитализм в России был более чем обременен ими. Капиталистические отношения безусловно воздействовали на остатки старых отношений, равно как и пережитки феодализма оказывали влияние на формирование и развитие капитализма. Сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать известным изречением — «мертвый хватает живого». Новые и старые отношения находились в тесном взаимовлиянии, и это требует их рассмотрения в органическом единстве. К России даже в большей степени применимо известное положение К. Маркса о том, что континентальные страны Западной Европы страдают не только от развития капитализма, но и от недостаточного развития капитализма *. Авторы дают обстоятельный анализ ленинских взглядов, связанных с определением места и роли крепостнических пережитков в России. В итоге, однако, достаточной взаимосвязи в освещении сюжетов об уровне развития капитализма и пережитках феодализма авторам достичь не удалось.

Хотелось бы в заключение отметить, что рецензируемая работа явилась плодотворным итогом многолетнего личного педагогического опыта авторов. Это способствовало тому, что в пособии даны четкие и полезные методические указания студентам и преподавателям, рекомендованы пути и методы решения весьма сложных проблем, нужная литература. Книга, на наш взгляд, удачно пополнила учебно-методическую литературу для преподавателей и студентов исторических факультетов вузов.

Г. А. Герасименко

* См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 9.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ РАБОЧИХ РОССИИ. 1905 г.— февраль 1917 г. Перечень организаций (в 2-х выпусках) *. М., 1985, 421 с., тир. 300

Вышедшая в последние годы литература, посвященная истории профсоюзов в дореволюционной России, достаточно велика. Это и общие труды по истории российского рабочего класса и его профессиональных организаций, и исследования, ограниченные рамками того или иного региона. Работа, подготовленная И. С. Розенталем, занимает среди них особое место как первый опыт массового учета профессиональных рабочих организаций.

Составление такого перечня отвечает потребностям дальнейшего изучения истории российского пролетариата и его профессиональных организаций. Хотя историография истории профсоюзов весьма обширна, нужны еще исследования по выявлению действительных масштабов профсоюзного движения в стране, его роли в общем потоке пролетарской борьбы, степени профессиональной организованности отдельных отрядов пролетариата как по отраслям, так и по регионам. Историкам еще предстоит показать, каково было влияние большевистской партии на профсоюзы, конкретно-исторически подтвердить слова В. И. Ленина о том, что для партии «...деятельность в профессиональных союзах приобретает, несомненно, громадное значение» [1]. Всестороннее изучение перечисленных проблем должно базироваться на совокупности фактов, касающихся, по-возможности, всех профсоюзов. Такую сводку фактических данных и дает рецензируемая работа — результат сплошного просмотра литературы по данной теме, изучения и сопоставления различных источников.

Отметим, что многие из них впервые выявлены составителем. Особенно широко представлены в материалах перечня профсоюзная периодика 1905—1917 гг. (свыше 50 названий), пресса большеви-

* Издание выпущено Институтом истории СССР АН СССР, Министерством культуры СССР, Центральным музеем революции СССР. Сост. И. С. Розенталь.

[1] Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 188.

ков, других партий, материалы московских и ленинградских архивов (в первую очередь ЦГАОР и ЦГИА). Считая наиболее достоверной документацию самих профсоюзов, автор впервые широко использовал их отчеты, а также первичный материал проводившихся ими анкетных обследований. Ценно то, что ссылки на источники и литературу даются к отдельным фактам истории каждого союза, а не ко всей его характеристике в целом.

Перечень имеет известное сходство с хрониками рабочего движения, опубликованными не так давно Институтом истории СССР АН СССР, но отличается от них своей структурой: расположение материала не хронологическое, а географическое. Хронологический принцип построения перечня не позволил бы проследить от начала до конца развитие той или иной организации, история ее выглядела бы в таком случае весьма фрагментарной. Другое преимущество такой композиции материала состоит в том, что она дает целостную картину профсоюзного движения в каждой губернии или промышленном центре. Автор резонно учел при составлении перечня тот факт, что жизнь легальных рабочих организаций в царской России изобиловала «независящими обстоятельствами» — эти организации прекращали свое существование и вновь возрождались под другими названиями. Поэтому организации, возникавшие в одном населенном пункте у рабочих данной отрасли труда и соединенные преемственной связью, рассматриваются в перечне целостно, как одна самостоятельная единица учета. В самостоятельные единицы при подсчете выделены и местные отделения профсоюзов. Оправданно фиксируются в издании не только существовавшие организации, но также и все попытки создания профсоюзов — даже в тех случаях, когда они не увенчались успехом. Эти факты, а их немало, еще раз свидетельствуют об упорном стремлении рабочих к объединению, об активности передовых слоев пролетариата (инициативные группы состояли, как правило, из рабочих — социал-демократов).

Достоинство работы — продуманный отбор организаций в соответствии с принципами, сформулированными составителем в предисловии к перечню. Еще в период становления советской историографии профсоюзного движения было доказано, что легальные общества взаимопомощи в большинстве случаев не являлись в России классовыми пролетарскими организациями [2]. Развивая этот взгляд, составитель подчеркивает недопустимость отождествления с профсоюзными организациями таких объединений, деятельность которых определялась царскими властями (зубатовские «профсоюзы»), буржуазными партиями или предпринимателями (с. 8). Вместе с тем в тексте приводятся факты преобразования отдельных таких обществ под давлением снизу в профессиональные союзы; в этих случаях составитель счел возможным включить их в перечень.

Профсоюзы, предсказывал в 1902 г. В. И. Ленин, могут стать «...весьма важным пособником политической агитации и революционной организации» [3]. В перечне собран обширный материал, подтверждающий этот тезис вождя партии. Отмечены факты создания профсоюзами боевых дружин, участия в социал-демократической предвыборной агитации. Составитель собрал богатый материал для исследования соотношения политических сил в рабочих организациях, им выявлены разнообразные факты деятельности в союзах большевиков, а также меньшевиков, эсеров и анархистов. Красноречиво само по себе и отсутствие некоторых данных; так, например, не выявлены факты участия в работе этих союзов либералов и тем самым вполне подтверждается то, что их влияние в рабочих профсоюзах практически равнялось нулю. В перечне содержатся многочисленные свидетельства объединительного движения профсоюзов — создания центральных бюро, созыва всероссийских и региональных конференций, контактов между отдельными союзами.

Особенностью рецензируемого сборника материалов является то, что в его справочный аппарат справедливо включен, помимо традиционных указателей — географических названий и названий предприятий, указатель профессий (с. 393—402). Содержание его обнаружи-

---

[2] См.: Игнатенко Т. А. Утверждение ленинской концепции истории профессионального движения в революции 1905—1907 гг. (20-е — начало 30-х годов).— В кн:. Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978, с. 60—65.

[3] Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 116.

вает, насколько широко охватило профессиональное движение различные отряды пролетариата. Однако упоминание таких профессий, как фотографы или извозчики, может вызвать у читателя сомнения; видимо, требовались комментарии или хотя бы оговорка в примечании, что речь не идет о мелких предпринимателях.

Материалы перечня, вне сомнения, позволят исследователям получить новые, документально обоснованные данные о профсоюзах. Согласно подсчетам И. С. Розенталя, в 1907 г., накануне третьеиюньского переворота, 705 из 1170 учтенных им профсоюзов объединяли 330 тыс. рабочих, а накануне первой мировой войны 124 из 185 профсоюзов — 58 тыс. (с. 9). Этими подсчетами возможности статистической обработки содержания сборника не ограничиваются. Его структура поможет выяснить степень профессиональной организованности отдельных отрядов рабочего класса. Этому способствует разбивка союзов на отраслевые группы (металлисты, текстильщики, печатники и т. д.), причем автором удачно использована группировка производств, принятая в отчетах фабричной инспекции. По мнению составителя, с помощью перечня можно более полно раскрыть роль профсоюзов в руководстве стачечной борьбой и в повышении ее результативности (с. 7). Кроме того, данные перечня позволяют уточнить сведения о масштабах преследований профсоюзов, о соотношении в разные периоды численности организаций, действовавших легально и нелегально, о количестве проведенных ими обследований положения рабочих. Представляется возможным также более точно установить общее количество печатных органов профсоюзов, поскольку составитель выявил ряд периодических изданий, не упоминавшихся до сих пор в соответствующих библиографических указателях.

Отдавая должное тщательности выполненной составителем работы, отметим, что это не исключает дальнейшего наращивания объема информации об отдельных союзах. Например, пока отсутствуют сведения о численности многих организаций, их политической ориентации и т. д. Приводимые автором объяснения (недолговечность многих профсоюзов, утрата их архивов и т. д.— с. 11), конечно, убедительны, но поиск все же должен быть продолжен.

Укажем на некоторые недочеты перечня. В характеристику профсоюзных организаций (время возникновения, число членов, конкретные факты деятельности) было бы целесообразно включить фамилии большевиков, стоявших во главе многих союзов. Как известно, в разные годы в профдвижении работали М. И. Калинин, Н. М. Шверник, А. Е. Бадаев (Петербург), В. П. Ногин, И. Ф. Дубровинский, П. Г. Смидович (Москва), П. А. Джапаридзе, И. Т. Фиолетов (Баку) и многие другие. Кроме того, названия ряда профессий — «желонщики» (с. 30), «мурники» (с. 157), «холявники» (с. 266) — необходимо было бы сопроводить пояснительным комментарием.

Советскими историками уже многое сделано в области изучения объективных данных, позволяющих судить о развитии рабочего класса в дореволюционной России, об уровне его сознательности и организованности (изданы хроники рабочего движения в годы реакции и нового революционного подъема и др.). В русле этих исследований находится и рецензируемая работа. Она несомненно будет способствовать более глубокой и разносторонней разработке важной темы.

К. Е. Балдин

А. Н. БОХАНОВ. БУРЖУАЗНАЯ ПРЕССА РОССИИ И КРУПНЫЙ КАПИТАЛ. Конец XIX—1914 г. М., «Наука», 1984, 150 с., тир. 2250

Исследование истории российской буржуазии во взаимосвязи политического и социально-экономического аспектов — необходимое условие дальнейшей плодотворной разработки ряда проблем истории России эпохи империализма. Задача эта непростая, ведь многие черты экономической и социальной характеристики

как буржуазии в целом, так и отдельных ее отрядов, нам пока не совсем ясны[1]. Отчасти поэтому и история политических партий буржуазии изучается без учета отмеченного обстоятельства. Тем больший интерес вызывает рецензируемое исследование — в нем представлен анализ той сферы деятельности буржуазии, в которой объективно сочетаются экономические и социально-политическое направления. В эпоху империализма капитал через прессу как бы держит руку на пульсе идей, поэтому всестороннее изучение связи буржуазной прессы с капиталом — большая и самостоятельная научная задача[2].

Периодика эпохи капитализма — трудно обозримый в количественном отношении и весьма мало исследованный в качественном отношении исторический источник. Чтобы пользоваться в научном исследовании информативными возможностями этого источника, необходимо знать направления периодических изданий, их финансовые связи, экономические и политические ориентации, степень информированности публикаторов и т. д. Без изучения связи буржуазной прессы с капиталом ответить на эти вопросы невозможно.

Автора рецензируемой книги интересует изменение форм, масштабов, направлений газетно-издательского дела под воздействием политического и социально-экономического развития России в эпоху империализма. Он показывает, как в начале XX в. более живая и оперативная газетная форма постепенно вытесняет журнальную. Газеты приобретают все более универсальный характер, резко возрастает их тираж, увеличивается число изданий, объем реализации газетной продукции. Для периода империализма, кроме того, характерен бурный количественный рост «желтой» прессы. Анализируя структуру газет, автор подчеркивает, что она видоизменяется в первую очередь за счет расширения объявлений и платных публикаций. Он фиксирует внимание и на четком разделении редакционных и издательских функций. Частная форма организации издательского дела постепенно вытесняется акционерно-паевой. Связано это прежде всего с резким расширением масштабов предпринимательской деятельности в издательской сфере. Издательское дело становится прибыльной отраслью капиталистического производства.

Качественное своеобразие прессы в период империализма выразилось, по мнению автора, и в широком развитии биржевых изданий, которые были фактически посредником в сделках по купле и продаже ценных бумаг капиталистических предприятий. В книге характеризуются причины появления и особенности распространения биржевой прессы. Ее наибольший расцвет, отмечается в монографии, приходится на период предвоенного промышленного подъема. В работе содержатся фактические данные о биржевой прессе Петербурга на 1912—1914 гг.— приводятся перечень наименований изданий, сведения об их периодичности, времени издания, тиражах.

Анализ коммерческой стороны истории буржуазной прессы, ее связей с крупным капиталом проводится на примере как биржевой прессы, так и ряда популярных изданий («Новое время», «Русское слово», «Речь», «Современное слово», «Русские ведомости», «Россия», «Голос Москвы», «Утро России» и др.). Специальное внимание уделено коммерческой стороне деятельности издательства типографского и книготоргового товарищества «Новое время». Характеризуются основной капитал, связи с банками, некоторые личные унии с торгово-промышленной сферой, масштабы деятельности товарищества, структура его прибыли.

---

[1] Правда, историки все чаще обращаются к анализу этих черт. Характерно, что в центре внимания оказываются при этом региональные отряды буржуазии. См.: Гавлин М. Л. Роль центра и окраин Российской империи в формировании крупной московской буржуазии в пореформенный период.— Исторические записки, 1973, т. 92; Овсянникова Н. Д. Золотопромышленная буржуазия и ее представительные организации в конце XIX — нач. XX в.— В кн.: Сибирский исторический сборник (Социально-экономическое и политическое развитие Сибири). Вып. 1. Иркутск, 1973; Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири (конец XIX — начало XX в.). Томск, 1975.

[2] К исследованию этой задачи исследователи только приступили. См.: Лаверычев В. Я. Русские капиталисты и периодическая печать второй половины XIX в.— История СССР, 1972, № 1; Фединский Ю. И. Материальные условия издания русской буржуазной газеты.— Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика, 1980, № 2.

Подобным образом проанализировав деятельность товарищества И. Д. Сытин и К°, А. Н. Боханов пришел к выводу, что в рассматриваемый период сытинское товарищество постепенно эволюционировало и превращалось в комбинат (с. 64). Возникли некоторые личные унии этого товарищества с электроиндустрией, судостроением (с. 72).

Уделив пристальное внимание биржевой прессе, автор ставит вопрос о достоверности этого источника. Рассматривая коммерческую и организационную деятельность биржевой прессы, в первую очередь петербургских изданий, он называет редакторов, издателей, владельцев, совладельцев изданий, представителей банкирских домов и контор, причастных к деятельности биржевых органов. Через формы организации биржевых изданий, владельцев и совладельцев автор приходит к раскрытию проблемы ориентации отдельных газет, старается анализировать их экономические симпатии и антипатии.

Остановившись, в частности, на деятельности крупнейшего биржевого журнала «Финансовое обозрение», автор показал причины резкого изменения позиции журнала по одному из центральных вопросов экономической жизни России того времени — синдикатскому. Переход от антисиндикатской кампании 1910 г. к откровенной поддержке монополистических объединений в 1914 г. объясняется фактически тем, что «издание журнала переходит к «Товариществу периодических изданий», значительную часть паев которого приобрела группа бельгийских акционеров металлургических предприятий в России» (с. 119). Так финансовые связи предопределяли социальные и экономические ориентации изданий, сказывались на подборе и подаче информации.

При этом главным рычагом воздействия крупного капитала на прессу, по мнению автора книги, «наиболее характерной формой связи между капиталом и буржуазной прессой в рассматриваемый период были платные объявления, являвшиеся скрытой формой финансирования всей буржуазной печати» (с. 125). В книге характеризуется общее законодательство по вопросам публикаций. Подчеркивается, что именно в период империализма широкое распространение получили конторы и агентства по приему объявлений, получавшие до 30% комиссионных (с. 84). Автор полагает, что одна из таких фирм— «Т. Д. Метцель и К°» — постепенно превращалась в монополиста публикационного рынка России (с. 85). Процессы монополизации захватывали и редакционно-издательскую сферу деятельности.

В книге отмечается, что рекламные функции были прежде всего присущи финансовой прессе, пышно процветавшей в период предвоенного промышленного подъема. В это время «главным источником субсидирования буржуазной прессы через систему платных публикаций становится финансовый капитал в лице нескольких коммерческих банков» (с. 101). Капиталистические кредитные учреждения становятся основной силой, поддерживающей прессу и влияющей на нее.

Рецензируемое исследование показывает, что в эпоху империализма происходит всестороннее расширение и углубление взаимосвязей буржуазной прессы и крупного капитала. Редакционно-издательское дело становится отраслью капиталистического хозяйства, что предопределяет эволюцию всей прессы, возникновение ряда новых форм и направлений периодики. К сожалению, в сравнительно небольшой по объему работе не удалось рассмотреть все аспекты этого процесса. Сказался тот факт, что сбор данных о финансово-экономической деятельности прессы, о непосредственном участии издателей, журналистов в активной финансово-промышленной деятельности, в биржевых спекуляциях в силу ряда причин затруднен. Кроме того, многие делопроизводственные документы, характеризующие коммерческую сторону редакционно-издательской сферы, просто утрачены.

Проблемы, поставленные в рецензируемой работе, нуждаются бесспорно в дальнейшей углубленной разработке. Наряду с изучением крупнейших буржуазных периодических изданий, а также биржевой прессы, ждут научного анализа многочисленные специальные, отраслевые издания, периодические издания представительных организаций буржуазии и т. п. Всестороннее исследование связей буржуазной прессы с крупным капиталом предполагает, в свою очередь, и рассмотрение воздействия монополизированного капитала на прессу эпохи империализма. Все это позволит конкретизировать и уточнить са-

мо понятие «крупный капитал». Иными словами, предпринятое А. Н. Бохановым изучение отряда буржуазии, действовавшего в редакционно-издательской сфере, исследование зависимости «буржуазных газет от банков»[3], от крупного капитала в целом должно быть продолжено по всем намеченным линиям.

Г. Р. Наумова

[3] Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 54.

А. И. ЮХТ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. Н. ТАТИЩЕВА В 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ XVIII В. М., «Наука», 1985, 367 с., тир. 8700

Биографическому жанру присущи весьма широкие возможности для изучения исторического материала. Подчеркнем и то, что марксистско-ленинская методология придает важнейшее значение роли личности в истории. Для истории страны далеко не безразлично, кто распоряжается ее судьбами. Например, Петр I или бездарная его супруга; просвещенная Екатерина II, внушившая уважение к себе лучших умов Европы, или неуравновешенный и недалекий солдафон на троне — ее супруг Петр III. Существенно также, кто определял направление внутренней и внешней политики: чиновник типа А. И. Остермана, аккуратный исполнитель чужой воли, человек без размаха, или государственный деятель с широким кругозором типа М. М. Сперанского.

У биографии как формы исторического исследования есть такое достоинство: автор имеет дело с конкретными людьми, познает их психологию, побудительные мотивы поступков, пути и средства претворения их намерений в жизнь, и его рассказ о них привлекает не только узкий круг специалистов, но и огромную массу людей, интересующихся прошлым нашей страны. Вот почему рецензируемая монография о В. Н. Татищеве приковывает наше внимание к выдающейся личности XVIII в.

Этот век, как известно, был веком энциклопедистов. Правда, энциклопедичность В. Н. Татищева нельзя поставить в один ряд с энциклопедичностью М. В. Ломоносова; но и в сферу интересов Татищева входили история и география, горное дело и статистика, публицистика и экономика, монетное дело и артиллерия. Все эти занятия он сочетал с интенсивной административной деятельностью. Надо заметить, что должности, которые он занимал, не относились к числу первостепенных — он не входил ни в состав Верховного тайного совета, ни Кабинета министров, не был он и сенатором. Хотя Татищев принадлежал ко второму эшелону вельмож, его место в правительственном механизме было достаточно весомым.

Если бы деятельность Татищева ограничивалась только административным поприщем, имя его могло затеряться среди десятков или, быть может, сотен лиц, чья служба не оставила заметного следа в истории страны. Но в том то и дело, что интерес к Татищеву обусловлен не его должностями, а яркой его индивидуальностью, а также местом, уготованным ему в «ученой дружине» Петра. Где бы ни находился Василий Никитич, какое бы поручение он ни выполнял, всюду видна его незаурядность, твердая воля и четкая линия поведения, вытекающая из его философских, социально-экономических и политических воззрений. Таким образом, жизнь и деятельность Татищева — это значительный пласт в научной, культурной и общественной жизни России первой половины XVIII в. Все это вместе взятое и привлекало внимание историков к Татищеву, причем не только отечественных, но и зарубежных; обстоятельный историографический анализ их работ содержится в рецензируемой книге (с. 8—32).

Благодаря усилиям дореволюционных исследователей Н. К. Чупина и В. И. Рожкова, а также советских историков М. А. Горловского, А. Т. Козлова, Л. Д. Голендухина и др. основательнее всего изучена деятельность Татищева на Урале в 1720—1723 гг. Н. К. Чупин использовал фонд Канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов, хранящийся ныне в Свердловске, а В. И. Рожков — документы фонда Берг-коллегии. Но и здесь А. И. Юхту, несмотря на то, что он

не привлек богатые материалы, хранящиеся в Свердловске, удалось внести существенные дополнения в наше представление о первом пребывании Татищева на Урале. К сюжетам, детально разработанным А. И. Юхтом и лишь упоминаемым его предшественниками, относятся сведения об организации на Урале поиска рудных месторождений, составление наказов управителям заводов, разработка Татищевым планов развития уральской металлургии. Ни один из предшественников А. И. Юхта не осветил конфликта В. Н. Татищева с Демидовыми с такой исчерпывающей наглядностью, как это сделано в рецензируемой монографии.

Отметим, однако, что в этой обстоятельности проявился и недостаток монографии в целом: автор не всегда верен строгой взыскательности при отборе используемого материала. В итоге книга несколько перегружена описанием деталей, без которых вполне можно было бы обойтись — они затрудняют восприятие текста. Зачем, например, читателю знать, что, «закончив дела в Кунгуре, Татищев и Блиер отправились на Уктусский казенный завод, куда прибыли в ночь с 29 на 30 декабря» (с. 51). Не несет смысловой нагрузки и сведение о том, что Геннин и Татищев выехали из Кунгура 26 ноября и прибыли на Невьянский завод Демидова 1 декабря (с. 111). Излишне подробно изложены предложение Татищева о переводе Ирбитской ярмарки в Екатеринбург (с. 59—60), его проект о передаче казенных рудников в частные руки (с. 138—145), «Представление о неисправности весов» (с. 200—202) и др.

Мы говорим об этом и потому, что первая глава занимает более трети монографии. Если учесть, что рассмотрение жизненного пути Татищева автор оборвал 1734 годом, чем лишил себя возможности осветить главнейшие вехи его дальнейшей деятельности (второе, наиболее плодотворное пребывание на Урале, управление Оренбургской экспедицией, работа над «Историей Российской»; «Разговором двух приятелей о пользе наук и училищ», управление Астраханской губернией и др.), то становятся очевидными излишества в изложении известных в литературе сюжетов.

Богатством новых сведений о Татищеве отличаются две последующие главы монографии, на страницах которых исследовано выполнение им поручения Петра в Швеции и руководство Монетной конторой. Лишь Н. А. Попов, кстати, державший в руках те же неопубликованные источники, что и А. И. Юхт, касается сюжета пребывания Татищева в Швеции, но столь бегло, что практически не раскрывает его деятельности там. Круг обязанностей, возложенных на Татищева, был достаточно широк: изучение организации металлургического производства, работы монетных дворов, привлечение широких специалистов горнорудного дела на службу в России и устройство русских учеников для обучения на шведских рудниках и предприятиях.

Не все поручения Татищев смог выполнить с одинаковым успехом. Он, как ни старался, не мог убедить шведских министров в неосновательности их опасений, что русская металлургия станет конкурировать на европейском рынке с шведской. Именно поэтому шведы запретили своим специалистам выехать в Россию. Зато прочие задания он выполнил с присущей ему обстоятельностью: пристроил русских учеников на заводы и рудники, изучил организацию горнорудного дела, установил полезные контакты с шведскими учеными.

Достоинство главы об участии Татищева в управлении монетным делом в России — это стремление автора охарактеризовать его деятельность на широком фоне финансовой политики правительства и состояния денежного обращения в стране. В книге приводятся новые сведения о денежной реформе Петра I, о чеканке золотой, серебряной и медной монеты, впервые в литературе обстоятельно анализируются взгляды Татищева на состояние и перспективы развития денежного обращения в России. В целом эта глава — новое слово в изучении данного вопроса, а сообщаемые в ней факты биографии приобретают общерусское значение.

Отдельная глава посвящена показу острой политической борьбы внутри дворянства в феврале 1730 г. и роли в ней В. Н. Татищева. В этот сюжет, изученный ранее Г. А. Протасовым, автор внес существенные коррективы. Он полагает, что Татищевым были составлены не одна, а две записки: первую из них, несохранившуюся, он подал в разгар февральских событий, другую написал не сразу после победы сторонников самодержавия, а спустя три-четыре года и держал ее при себе. Последней запиской он хотел под-

черкнуть свое «деятельное участие в борьбе против действий и ограничительных планов Верховного тайного совета» и свою роль в восстановлении самодержавия (с. 295).

Ход событий в феврале 1730 г. и участие в них В. Н. Татищева позволили автору высказать не лишенную основания гипотезу о том, что несохранившаяся записка вряд ли носила столь промонархический характер, как дошедший до нас трактат. Подобный подход позволяет говорить об эволюции взглядов Татищева, на которую, видимо, оказало воздействие отсутствие гарантии личной безопасности в мрачное время правления Анны Иоановны. На наш взгляд, автор справедливо оспаривает мнение Г. А. Протасова, что этот трактат «не отвечает требованиям здравого смысла и элементарной логики» (с. 303).

В заключение в монографии даются подробные оценки социально-экономических и политических воззрений Татищева и его практической деятельности в сфере уральской металлургии и монетного дела. Автор полемизирует с мнением, что В. Н. Татищев выдвигал буржуазную программу развития страны и что «буржуазия в России XVIII в. не имела более настойчивого разностороннего выразителя своих интересов, нежели Татищев» (с. 24). Подобная оценка взглядов Татищева дана на том основании, что он был сторонником невмешательства администрации в торговые операции купцов, что он ратовал за улучшение путей сообщения, учреждение банка и т. д. Но если следовать этой логике, то надо признать, что еще большим ревнителем интересов «буржуазии» был Петр I, ибо он был сторонником создания купеческого самоуправления и радел об улучшении путей сообщения. Кстати, программа Петра была еще шире, она предусматривала выдачу купцам ссуд, передачу им на льготных условиях казенных заводов, введение покровительственного таможенного тарифа, обеспечение предприятий квалифицированной рабочей силой и мастеровыми. Однако никто из историков, за исключением М. Н. Покровского и его последователей, не считал Петра купеческим царем. В действительности Петр, как и его младший современник Татищев, ратуя за развитие торговли и промышленности, придерживался меркантилистских взглядов, приспособленных к феодально-крепостническим отношениям. К тому же, в десятилетия, когда жил Татищев, в России не было буржуазии.

Убедительно и второе важное наблюдение, вытекающее из исследования автора,— в целом Татищев был сторонником регламентации деятельности владельцев мануфактур. На этой почве он сначала вступил в конфликт с Демидовыми, а позже — со Строгановыми. В этой части он был горячим последователем Петра. Регламентация преследовала две цели: приобщение купцов к новому для них промышленному производству и снабжение их соответствующими наставлениями, которые они должны были неукоснительно выполнять. Вместе с тем регламентация отражала и казенный интерес, поскольку предотвращала попытки промышленников хищнически эксплуатировать природные ресурсы страны.

Хотелось бы также отметить, что заслуживают внимания исследователей источники, хранящиеся в Свердловске, которые могут многое дать для освещения личности В. Н. Татищева и его деятельности.

Итак, можно утверждать, что рецензируемая монография вызовет интерес не только у специалистов, но и привлечет внимание более широкого круга читателей.

Н. И. Павленко

МАРК КОНСТАНТИНОВИЧ АЗАДОВСКИЙ (1888—1954). УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ. Новосибирск, 1983, 134 с., тир. 2982 *

Новейшее библиографическое описание трудов видного советского ученого М. К. Азадовского не первое по счету [1]. Указатель включает в себя несколько разделов: предисловие; основные даты жизни и деятельности; список печатных трудов; список неопубликованных трудов; список опубликованных писем; литература о жизни и трудах; список архивных материалов об Азадовском; список писем к нему; алфавитный указатель трудов; работы, рецензированные Азадовским; работы, редактированные им; указатель персоналий; указатель периодических и продолжающихся изданий, в которых публиковались работы Азадовского.

Новый указатель позволяет достаточно объемно представить место ученого в отечественной гуманитарной науке. Ознакомление с перечнем уже первых работ Азадовского, поражает разнообразием, привлекает основными направлениями, которые прослеживаются во всей научной биографии ученого. Это «Амурские частушки», затем «Поэзия Огарева», «Библиографический указатель литературы по народной словесности на русском языке», «Археологические древности по р. Амуру». Молодой исследователь, оставленный при Петербургском университете, быстро осваивает несколько таких специальностей, сочетание которых само по себе вызывает уважительное удивление. Главная «стезя» — фольклор; следя по указателю за жизненным путем, научной деятельностью Азадовского, интересно наблюдать эволюцию, расширение фольклорных занятий; процесс создания ставших классическими работ: «Ленские причитания», «Сказки Верхнеленского края», обобщающих трудов — «Литература и фольклор», «История русской фольклористики», «Статьи о литературе и фольклоре». Фольклор — сфера «на стыке» истории и филологии — стал для Азадовского исходной позицией, с которой он осваивает обе эти дисциплины. Естественным продолжением и развитием изучения народного творчества становятся историко-этнографические этюды «На пределе человеческого жилья», издания сборников «Сибирская живая старина» и т. п.

Азадовский-фольклорист, этнограф органично становится также музееведом, археологом, ярким популяризатором (достаточно вспомнить его замечательные «Беседы собирателя»). Сложность, многообразие научных задач, которые решал Азадовский, определили особое место, которое заняла в его трудах библиография. Ей посвящено около четверти работ сибирского периода. Кроме указанных в рецензируемом издании обзоров «сибирики», сохранились также сведения о подготовленной, но, к сожалению, не напечатанной «Библиографии библиографий Восточно-Сибирского края за 1917—1931 гг.» [2]. Присутствие библиографического элемента почти в каждой значительной работе Азадовского позволило одному из специалистов весьма точно охарактеризовать их как «малую сибирскую энциклопедию» [3].

Столь же естественным был процесс «вторжения» фольклорно-этнографических занятий Азадовского в разные области литературоведения, причем ведущей темой здесь стали очень важные для историка общественной мысли проблемы «писатель и народ», соотношения народного языка и творчества. После упоминания первой работы об Огареве «Указатель» фиксирует много насыщенных новым материалом работ о народности, «фольклорности» Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Некрасова, Гоголя, Языкова, Радищева, декабристов, Чернышевского... Многообразное знание народа, народной культуры, особенно сибирского края, определило и уникальное место Азадовского в исторической науке. Академик В. М. Жирмунский писал о синтезе многолетней работы Азадовского «по

---

* Сост. В. П. Томина, отв. ред. Е. А. Куклина.

[1] См.: Библиография М. К. Азадовского. 1913—1943. Сост. Н. С. Бер. Под общ. ред. проф. В. Д. Кудрявцева. Иркутск, 1944; Хронологический список печатных трудов М. К. Азадовского за 1944—1956 годы.— Литературное наследство, т. 60, кн. 1, 1956, с. 644—646: Важнейшая часть литературного наследия М. К. Азадовского отражена в изданиях: Мельц М. Я. Русский фольклор. Библиографический указатель. 1945—1959. Л., 1961; 1960—1965. Л., 1967.

[2] Азадовский М. Статьи и письма. Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978, с. 230.

[3] Там же, с. 217. Определение сибиреведа А. Н. Турунова.

фольклору, истории, русской литературе и русской общественной мысли»[4].

Рецензируемый указатель ярко иллюстрирует этот синтез, заставляет сегодня специалиста-гуманитария задумываться о «степени разделения труда» в его науке. Специализация, далеко зашедшая в химии, математике, биологии и сильно проникающая в филологию, историю,— процесс естественный, отражающий определенный уровень научного прогресса; однако он грозит чрезмерной раздробленностью, утратой общей научной перспективы. Чем больше «узких» специалистов, тем сильней потребность и в ученых-энциклопедистах, осваивающих смежные области науки. Зачастую, к сожалению, сегодня историки и филологи занимаются сходными проблемами, не объединяя своих усилий, даже не зная, что происходит у «соседа». У автора данной рецензии сложилось, возможно, субъективное впечатление, что у филологов ныне больше развито абстрактно-теоретическое осмысление материала, в связи с чем наблюдается более интенсивный обмен информацией между разными отраслями. Историки, часто справедливо критикуя филологов за чрезмерную абстрактизацию, сами грешат эмпиризмом и более разделены «непреодолимым» обилием фактов. В этом контексте изучение творческого наследия такого замечательного ученого, как М. К. Азадовский,— очень полезный элемент преодоления отмеченной разобщенности.

Одна из граней синтетического творчества ученого — любимая им декабристская тема. Обратившись к ней еще в 1920-х гг., Азадовский публикует ряд статей, материалов, рецензий о первых русских революционерах. В начале 30-х годов, после ряда первоклассных публикаций, преимущественно относящихся к сибирскому периоду декабризма, ученый отходит от этой темы, чтобы вернуться к ней на закате жизни и увенчать ее разработку выдающимся по своему значению изданием «Воспоминаний Бестужевых» (1951 г.), а также блестящими публикациями в декабристских томах «Литературного наследства». Среди них выделяются «Воспоминания В. Ф. Раевского» и почти не имеющий аналогий в нашей науке историко-библиографический обзор «Затерянные и утраченные произведения декабристов».

Содержание «Указателя» позволяет обратить внимание на следующее. Работы Азадовского показывают, как много неиспользованных «документальных резервов» таится без сомнения и сегодня в архивохранилищах Сибири, особенно в Иркутске и Чите. Далее, статьи и публикации Азадовского — одна из достаточно широких демонстраций важнейшей проблемы, за разработку которой горячо ратовала академик М. В. Нечкина — это история жизни и деятельности декабристов после 14 декабря, их места в русском освободительном движении и культуре 30—80-х гг. XIX в. Третья «заповедь» Азадовского касается и формы, и содержания наших исследований: речь идет о постоянном рецензировании новых работ о декабризме, которое осуществлял ученый. Рецензии Азадовского, в сущности, являются как бы единым целым, своеобразной трибуной крупного специалиста по разнообразным проблемам декабристской мысли. Издание однотомника декабристских статей и рецензий Азадовского, планируемое в сибирской серии «Полярная звезда», безусловно, обогатит нашу науку о русском освободительном движении.

Указатель хронологически ограничен началом 1980-х гг.; между тем литературное наследие ученого еще далеко не исчерпано. Уже после сдачи в производство «Указателя» вышло в свет, а также было обнаружено в старых изданиях около 40 названий. Среди них — одна из ранних работ Азадовского — «Сибирский научный праздник»[5] и вышедшие посмертно комментарии к лермонтовскому «Ашик-Кериб у»[6], заметка «О происхождении слова «декабрист»[7], письма ученого к грузинскому фольклористу М. Я. Чиковани[8], справочные издания[9]. Список статей об Азадовском может быть дополнен также несколькими работами, одни названия которых неплохо характеризуют широкий спектр научных мнений и дискуссий в раз-

[4] Там же, с. 4.

[5] Газ. «Приамурье», 1912, 10 марта.

[6] См.: Лермонтов М. Ю. Сочинения. В 6-ти т. Т. IV. М.— Л., 1957, с. 646—649; Лермонтов и литература народов Советского Союза. Ереван, 1974, с. 448—454.

[7] Сибирь и декабристы, вып. 2. Иркутск, 1981, с. 177—178.

[8] Фольклор и современность. Тбилиси, 1982, с. 138—151.

[9] См.: Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1981, с. 11; Очерки русской литературы Сибири, т. II. Новосибирск, 1982, с. 180—184.

ное время сопровождавших жизнь и творчество ученого [10].

Недавней и одной из самых значительных мемуарных публикаций о М. К. Азадовском и о его жене Л. В. Азадовской (сыгравшей большую роль в собирании и издании наследия ученого) явилась работа Н. Яновского [11]. Сверх отмеченных в «Указателе» (№ 476—479) неопубликованных разработок по сибирской литературе, журналистике, этнографии, сохранились сведения и о других, еще не печатавшихся работах Азадовского — например, обширное исследование «Письма Д. И. Завалишина из каземата к А. С. и Ф. О. Смольяниновым», хранящиеся в Отделе рукописей Ленинской библиотеки [12].

Новый указатель литературы о М. К. Азадовском — книга полезная, усиливающая живое воздействие крупного ученого на широкую научную и читательскую аудиторию, продолжающееся уже четвертое десятилетие после его смерти.

Н. Я. Эйдельман

[10] См.: Селявская А. П. Деятельность М. К. Азадовского — литературоведа, критика, фольклориста.— В кн.: Очерки русской литературы Сибири. Т. 2. Новосибирск, 1982, с. 180—184; Абрамов Ф., Лебедев Н. В борьбе за чистоту марксистско-ленинского литературоведения.— Звезда, 1949, № 7, с. 165—171 (о М. К. Азадовском — с. 167—168).

[11] Яновский Н. Л. В. Азадовская.— Сибирь, 1985, № 2, с. 94—102.

[12] Азадовский М. Статьи и письма, с. 223.

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОРОДА X—XVI ВЕКОВ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ

Место города в развитии средневековой Руси, в процессе эволюции феодальной формации, складывания феодальной монархии, в эпоху феодальной раздробленности, наконец, его значение в формировании сословно-представительной монархии постоянно находится в центре внимания советской историографии. Эти проблемы нашли отражение в целом ряде исследований (М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, В. Л. Янина и др.) [1]. Советские историки исходят из того основополагающего вывода, что понимание характера и особенностей русского средневекового города, его эволюции и места в историческом развитии — залог правильного объяснения закономерностей развития феодализма в целом.

В связи с этим специального рассмотрения заслуживают и тенденции в изучении средневекового русского города, характерные для современной западной историографии данной проблемы, поскольку оценка русского города — это и показатель общих представлений, присущих современной буржуазной историографии России эпохи феодализма.

В поле зрения советских историков уже попали работы американских авторов, в основном, правда, посвященные городам позднего феодализма [2]. Продолжая этот критический анализ в настоящей работе, автор ставит перед собой задачу охарактеризовать основные трактовки проблемы русского средневекового города, представленные в новейшей историографии ФРГ.

С конца 60-х гг. в историографии ФРГ интересующая нас проблема стала достаточно активно исследоваться целым рядом историков. Если в 1966 г. автор этих строк отмечал явно недостаточное внимание зарубежных ученых к истории русского средневекового города [3], то теперь

[1] Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; его же. Древнерусские города. Изд. 2, доп. М., 1956; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1949; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972; его же. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982; Очерки русской культуры XIII—XV веков, ч. I—II. М., 1968, 1969; Очерки русской культуры XVI века, ч. I—II. М., 1977, 1978 и др.

[2] См.: Миронов Б. Н. Американская буржуазная историография русского феодального города.— Вопросы истории, 1984, № 7; Дубровский А. М. Русский феодальный город в современной англо-американской историографии.— В кн.: Русский город. Вып. 8. М., 1986.

[3] Хорошкевич А. Л. Русский город XI—XVI вв. в современной буржуазной науке. В сб.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1966.

русский, средневековый город стал объектом специального изучения [4]. Впрочем, «городская тема» и в настоящее время не стала ведущей в буржуазной историографии ФРГ русского средневековья, где по-прежнему принято считать, что города играли незначительную роль в эту эпоху [5]. Буржуазных авторов больше занимают проблемы политического развития, в частности, становление самодержавия. Однако появление ряда монографий по данной проблеме — очевидный признак перемены и в отношении к городу. Речь идет прежде всего о работах Г. Ю. Грабмюллера и В. Кнакштедта. Автор первой, занимаясь в основном источниковедческим исследованием псковских летописей, коснулся и общих проблем развития этого крупнейшего русского города в XIV—XVI вв. В. Кнакштедт изучал историю Москвы — столицы сначала Московского княжества, а затем и Русского государства [6]. В 80-е гг. увидела свет монография И. Лейшнера о средневековом Новгороде [7].

С конца 70-х гг. в ФРГ начал выходить обобщающий труд по русской истории — «Очерки русской истории» («Handbuch der russischen Geschichte»)*. По замыслу составителей и авторов многотомник должен представить связную картину истории нашей страны от древности до наших дней. Издание задумано в трех томах: первый охватывает период с древнейших времен до начала XVII в. (ред. М. Хелльманн), второй — 1613—1856 гг. (ред. Кл. Цернак) и третий — 1856—1945 гг. (ред. Г. Шрамм). Многотомник издается в виде отдельных выпусков, которые имеют общую нумерацию страниц. Девять выпусков первого полутома, посвященные событиям истории нашей страны периода феодализма, в 1982 г. были изданы отдельной книгой [8].

Координационным центром по подготовке издания стала «Рабочая группа историков Восточной Европы при высших школах земли Северный Рейн-Вестфалия» [9]. Заметим, что в серии, издаваемой этой группой, в ФРГ вышли все наиболее крупные работы последнего времени по ис-

---

[4] Наиболее широк круг интересов К. Герке. См.: Goehrke C. Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod. In: Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Konstanz — Stuttgart, 1966; idem. Geographische Grundlagen der russischen Geschichte.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (далее — JGO), Bd. 18, 1970, S. 161—204; idem. Einwohnerzahl and Bevölkerungsdichte altrussischen Städte.— Methodische Möglichkeiten und vorläufige Ergebnisse.— Forschungen zur osteuropäischen Geschichte (далее — FOG), Bd. 18, 1973, S. 25—53; idem. Zum gegenwärtigen Stand der Feudalismusdiskussion in der Sowjetunion.— JGO, Bd. 22, 1974, S. 214—247; idem. Zum Problem von Bevölkerungsziffer und Bevölkerungsdichte des Moskauer Reiches im 16. Jh.— FOG, Bd. 24, 1978, S. 65—85; idem. Der Beitrag der Mittelalterarcheologie zur jüngsten Erforschung Gross-Nowgorods.—JGO, Bd. 27, 1979, Hf. 4, S. 564—572. idem. Die Anfänge des mittelalterlichen Städtewesens in eurasischer Perspective.— Saeculum, 1980, Hf. 2—3. Freiburg — München, S. 194—239; idem. Bemerkungen zur altrussischen Stadt der frühen Teilfürstenzeit (Mitte des 11. bis Mitte des 12. Jahrhunderts).— Beiträge zum hochmittelalterlichen Städtewesen in eurasischer Perspektive.— Saeculum, 1980, Hf. 2—3. Freiburg — München, S. 194—239; idem. Eine neue Veröffentlichungsreihe zur russischen Stadtgeschichte.— JGO, Bd. 30, 1982, № 1, S. 126—140.

[5] Hecker H. Politisches Denken und Geschichtsschreibung in Moskauer Reich unter Ivan IV.— JGO, Bd. 30, 1982, Hf. 1, S. 5.

[6] Grabmüller J. Die Pskower Chroniken. Wiesbaden, 1975; Knackstedt W. Moskau. Studien zur Geschichte einer mittelalterlichen Stadt. Wiesbaden, 1977.

[7] Leuschner J. Nowgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassung- und Bevölkerungsstruktur. Berlin, 1980.

* Далее ссылки на это издание даются в тексте, название при цитировании указывается сокращенно — «ОРИ».

[8] Handbuch der Geschichte Russlands. Hrgz. von M. Hellmann, Kl. Zernack, G. Schramm. Bd. 1. Stuttgart, 1982.

[9] Arbeitskreis der Osteuropahistoriker an den Hochschulen des Landes Nordrhein—Westfalen. Quellen und Darstellungen zur Geschichte des östlichen Europa. Wiesbaden, 1968—1983.

тории русского средневековья — труды К. Герке, Х. Рюсса, В. Кнакштедта, Г. Штекля *.

Поскольку «Очерки русской истории» охватывают все периоды истории русского средневекового города, дальнейшее изложение целесообразно построить по хронологическому признаку, взяв за основу освещение интересующей нас темы в соответствующих разделах данного издания и привлекая по мере необходимости другие работы: монографии, статьи, рецензии на труды советских историков.

Авторы и составители «Очерков русской истории» высоко оценивают вклад советской исторической и археологической литературы в изучение русского города и широко, почти исчерпывающе используют ее, подробно информируя зарубежного читателя об основных направлениях советской историографии, важнейших дискуссионных вопросах. Разумеется, в качестве основополагающих по-прежнему предлагаются и труды остфоршеров разного толка. К историографическим частям «ОРИ» примыкают, превосходя их по обилию материала, а иногда и по трезвости оценок, «Ганзейские исторические записки», где раздел о русском городе ведет известный специалист по русско-немецким культурным связям Н. Ангерманн [10].

К сожалению, разделы по археологии первобытнообщинного строя, написанные К. Вернером, не содержат развернутой характеристики тех поселений, из которых или на базе которых позднее разовьются города.

Все авторы «Очерков русской истории» выражают свое несогласие с выводами советской исторической науки, которая якобы видит в городе лишь центр ремесла и торговли, оставляя без внимания его политические и административные функции. Это не совсем точное представление о взглядах советских историков.

Четко определяя природу средневекового города, в том числе и русского [11], советские историки не проходят мимо его административных функций. Об этом, например, убедительно писали и А. Н. Насонов и Н. Н. Воронин [12]. Примечательно, что К. Герке подчеркивает многозначность понятия «город» и выделяет «город в марксистском социально-экономическом смысле», противопоставляя его поселению, еще не ставшему центром ремесла и торговли [13].

---

* Эта группа действует вне организационной зависимости от других центров изучения Востока — «остфоршунга» (о них см., напр.: Громова Л. А. «Остфоршунг» в системе антикоммунистической пропаганды ФРГ.— Вопросы научного коммунизма, вып. 54. Киев, 1983, с. 94—97; Пашуто В. Т. Реваншисты — псевдоисторики России. М., 1971).

[10] См.: Angermann N. Livländisch-russische Kulturbeziehungen vor Peter dem Grossen. In: Russland, Deutschland, Amerika. Wiesbaden, 1978, S. 10—23.

[11] Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса). В кн.: Русский город. Историко-методологический сборник. М., 1976; его же. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии. В кн.: Русский город, вып. 3. М., 1980. (Город — это поселение, «где сочетались ремесленно-торговые, административные, политические, религиозные и военные функции». Там же, с. 8.) Рапов О. М. Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город». Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7, с. 67; Вилков О. Н. Проблема позднефеодального города в современной русской советской историографии.— Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984, с. 112—114; Миронов Б. Н. Спорные и малоизученные вопросы истории русского позднефеодального города в современной советской историографии.— Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7. Л., 1983, с. 165—188.

[12] Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 22; Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города.— КСИИМК, 1951, с. XII; Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. В кн.: Русский город. Вып. 6. М., 1983, с. 7—8.

[13] Goehrke C. Eine neue Veröffentlichungsreihe..., S. 126.

Само понятие «город» истолковывается в историографии ФРГ поразному. Так, Х. Рюсс вслед за Г. Лудатом [14] подчеркивает ведущую политическую и военную роль княжеского двора и дружины в общественной жизни города («ОРИ», с. 368, 371). К. Герке обращает внимание на иные качественно определяющие стороны городской жизни. Ее признаки — «уплотнение многофункциональности поселения в качестве местного центра высшей степени» (как административного, религиозного, хозяйственного центра определенного района и межрегионального торгового центра) и наличие более сложной социальной дифференциации жителей, чем на селе. Его набор признаков города в известной степени повторяет определение П. А. Раппопорта [14а].

В главе «Очерков русской истории», посвященной Киевской Руси, Х. Рюсс, автор известного исследования о сословии феодалов в XV в. [15], следуя концепции русского города, представленной в трудах М. Хелльмана [16], отказывает всем городам «Повести временных лет» (вернее, ее древнейшей части) в принадлежности к этой категории. Действительно, в сообщениях древнейшей части «Повести» выразилось некритическое перенесение летописцем своих представлений о современных ему городах — центрах земли на более ранние центры племени. Однако многие упоминаемые в ней «грады» давно уже стали настоящими городами. Вопреки мнению ряда советских исследователей [17], он сомневается в том, что центр племени в свое время играл какую-либо роль на территории племени. В древлянских «градах», упомянутых под 946 г., Х. Рюсс видит лишь укрепленные резиденции князей и лучших людей. Отметим в этой связи, что новейшие исследования советских историков В. А. Булкина, И. В. Дубова, Г. С. Лебедева, Б. А. Тимощука вносят ясность в типологию поселений, предшествовавших городам или перераставших в них. Они показали, что существовали поселения с разными функциями: убежища, часть незащищенных поселений, не имевших постоянного населения, сосуществовали с общинными центрами, где сосредоточивались ремесло и общинная администрация. Местами отправления языческого культа служили иногда древо-земляные укрепления типа городищ, где с этой целью собирались жители окрестных общин [18].

Многовариантность путей, приведших к созданию города в социально-экономическом смысле, подчеркиваемая Х. Рюссом, известна уже давно. Особенно очевидной она стала в связи с новейшими исследованиями советских археологов [19]. Теперь можно более детально говорить о разных типах феодальных центров — княжеских начиная с рубежа IX—X вв. и частновладельческих замках, появившихся в XII в. Заметим,

---

[14] См.: Ludat H. Die Bezeichnung für «Stadt» im slawischen. In: Ausgewählte Aufsätze. Köln — Wien, 1969, S. 82—96; idem. Zum Stadtbegriff im osteuropäischen Bereich. In: Vor- und Frühformen der Europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1973, S. 126, 131; Goehrke C. Die Anfänge des mittelalterlichen Städtewesens in ewrasicher Perspektive, S. 196.

[14а] Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений — КСИА, вып. 110. М., 1967, с. 3—5.

[15] Rüss H. Adel und Adelopposition im Moskauer Staat. Wiesbaden, 1975.

[16] Hellmann M. Zum Problem der ostslawischen Landgemeinde. In: Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen. Bd. 2. Stuttgart, 1964. idem. Probleme früher städtischer Sozialstruktur in Osteuropa. In: Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Konstanz — Stuttgart, 1966.

[17] Тараканова-Белкина С. А. К вопросу о происхождении города в Псковской земле — КСИИМК, 1951, вып. XII; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.— Л., 1939, с. 21—23; Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики.— В кн.: Россия и Италия. М., 1972, с. 82.

[18] Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978; Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.). Київ, 1982, с. 5—14.

[19] См.: Куза А. В. О происхождении древнерусских городов (история изучения)— КСИА АН СССР, вып. 171. М., 1982, с. 9—10.

что рецензент одной из работ В. Л. Янина, Н. Ангерманн, в «Ганзейских исторических записках» подчеркнул убедительность концепции В. Л. Янина о возникновении Новгорода, о роли в этом процессе княжеской власти и боярства [20].

С какого времени можно говорить о городах? На этот вопрос ответ почти однозначен. В отрицании за городами — градами IX в.— характера города в полном смысле слова сходится большинство зарубежных исследователей проблемы. Приводя данные баварского географа или скандинавских саг о стране городов (последние — это свидетельства иностранцев о поразительном обилии поселений, именуемых «городами»), Х. Рюсс и Г. Шрамм единодушно утверждают, что речь идет о догородских поселениях.

Х. Рюсс подчеркивает при этом неопределенность самого термина «город» — «град», равно как и терминов баварского географа — «civitas» или скандинавского — «гардар» (Gardar). По мнению Х. Рюсса, русский термин «город» — «град» в IX в. означает только укрепленное сооружение, замковое поселение («ОРИ», с. 311). А. Г. Шрамм утверждает, что «гардар» (города) — это «догородские поселения» [21], полагая, по-видимому, что «город» — это центр экономической, политической и социальной жизни определенного региона. Г. Шрамм не видит археологических доказательств развития внутренней торговли, а главным фактором развития древнерусских городов, в том числе и Киева, который он называет торговым городом, считает экспорт мехов и рабов. При этом автор безосновательно заявляет, что вся внешняя торговля была организована варягами [22].

Следует отметить, что К. Герке в одном из обзоров советской литературы отказывается, впрочем, не очень последовательно, от идеи о ведущей роли внешней торговли в образовании древнерусских городов. Следуя мнению советских историков о вторичной и второстепенной роли транзитной и внешней торговли в противовес внутренней, ориентированной на ближайшую сельскую округу, он указывает, что не случайно все ранние новгородские берестяные грамоты касаются лишь вопросов ремесла и торговли [23].

Во вводном разделе к первому тому «ОРИ» К. Герке рассматривает вопрос о роли географической среды в истории средневековой Руси и в связи с этим выделяет пять типов древнерусских городов, связанных различными путями сообщений: города, стоящие на перекрестках сухопутных и речных путей (Смоленск, Киев, Москва); перевалочные пункты с моря на реку (Новгород, Псков, Полоцк); города, располагавшиеся на перекрестках речных путей (Нижний Новгород, Великий Устюг); на больших сухопутных дорогах (Перемышль, Галич, Львов, Минск) и, наконец, волжские (Ярославль, Кострома, Казань) («ОРИ», с. 59). Однако эта классификация уязвима прежде всего с точки зрения чисто историко-географической: неясно, чем отличаются «волжские» города от Нижнего Новгорода или, наоборот, Нижний Новгород от других волжских городов, ибо все они находились на перекрестках многих речных путей. Пожалуй, трудно назвать перевалочными с моря на реку Новгород, Псков и Полоцк, достаточно удаленные от моря. Эти аванпосты древне-

---

[20] Hansische Geschichtsblätter. Jg. 97. Köln, 1979, S. 277.

[21] Schramm G. Fernhandel und frühe Reichsbildungen am Ostrand Europas. Zur historischen Einordnung der Kiever Rus'. In: Staat und Gesellschaft in Mittelalter und früher Neuzeit. Gedenkschrift für Joachim Leuschner. Göttingen, 1983, S. 34.

[22] Ibid., S. 30, 31, 33, 35. См. также: Goehrke C. Ein Beitrag der Mittelalterarcheologie zur jüngsten Erforschung Gross-Nowgorods.— JGO, Bt. 27, Hf. 4, 1979, S. 568.

[23] К. Герке полагает, что уже в конце XIV в. появились массовые товары, такие, как лен и конопля, а новгородское хозяйство, несмотря на потребности в хлебе и благородных металлах, носило автаркический характер («ОРИ», с. 471).

русской внешней торговли находились на реках. Неясны критерии разделения первого и второго типа древнерусских городов. Мало связана эта классификация и с историей возникновения городов, хотя для понимания характера некоторых из них она, несомненно, полезна: складывание различных социальных прослоек было связано с местоположением города.

Фактор расположения городов на крупных торговых путях, и в особенности на пути из варяг в греки, Х. Рюсс использует для доказательства тезиса о решающей роли внешней торговли в образовании этих городов. Он считает, что расположение городов на крупных торговых путях, в частности на пути из варяг в греки, подтверждает известный тезис В. О. Ключевского («ОРИ», с. 377). По мнению Х. Рюсса, внешняя торговля была решающим фактором превращения некоторых поселений в города.

Если в оценке роли внешней торговли Х. Рюсс буквально следует русской буржуазной историографии в лице В. О. Ключевского, то в характеристике древнерусского ремесла он учитывает и достижения советской историографии. Принимая полностью выводы в области изучения древнерусского ремесла, сделанные академиком Б. А. Рыбаковым на основании обобщения материалов письменных источников, археологических и эпиграфических памятников, Х. Рюсс пишет о существовании 60 ремесел — по письменным памятникам и 34 — по археологическим («ОРИ», с. 387), о связях города с сельской округой, которой в радиусе 10—15 *км* город поставлял предметы ремесленного производства. Вместе с тем, вопреки очевидности, Х. Рюсс объявляет, что связь ремесла с внешней торговлей неясна (там же). При этом он фактически игнорирует сведения о внутренней торговле, за исключением упоминаний о торговых путях — киевском, черниговском и пр.— и сообщения о пребывании в Переяславле Залесском в 1215 г. 150 новгородских и 15 смоленских купцов («ОРИ», с. 385).

Все западногерманские историки выступают против преемственности городов от племенных центров, разумеется, в приложении к Руси. Города, по их мнению, становились не центрами старых районов, старых восточнославянских племенных территорий, а других, сложившихся под влиянием нового «экономико-политического интереса». В результате, пишет Г. Шрамм, старое племенное деление исчезло поразительно быстро[24], что, впрочем, не вполне соответствует действительности[25]. Более осторожно подходит к этой проблеме Х. Рюсс, для которого вопрос о преемственности городов и вечевых племенных центров неясен («ОРИ», с. 374).

В ряде работ буржуазных авторов ставится вопрос о периодизации возникновения древнерусских городов. Так, К. Герке отмечает, что город со всей полнотой его признаков, т. е. многофункциональностью и сложной социальной дифференциацией населения появился лишь в XI—XII вв. В этих пределах он выделяет две волны городообразования: конец X — середина XI в. и середина XI — середина XIII в. На первой стадии К. Герке причисляет к городам лишь Киев, Новгород и Псков вместо 25 городов, которые признаются таковыми в трудах советских историков[26]. Остальные он относит к стадии предгородов[27]. Выводы К. Герке о первом этапе городообразования полностью разделяет и Х. Рюсс,

---

[24] Schramm G. Op. cit., S. 34—35.

[25] Об этом свидетельствует серия статей в сб.: Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985, вып. 9.

[26] Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 12—13; его же. Список русских городов дальних и ближних.— Исторические записки, 1950, т. 40, с. 214—259; ср.: Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв., с. 22.

[27] Goehrke C. Ein Beitrag der Mittelalterarcheologie zur jüngsten Erforschung Gross-Nowgorods. S. 564—565.

утверждая, что тенденция отделения ремесла и торговли становится заметна лишь в X в. («ОРИ», с. 37).

Характерными чертами второго этапа городообразования К. Герке и Х. Рюсс считают вызревание из ранних городских форм большого количества «настоящих» городов многофункционального характера (Полоцк, Чернигов, Переяславль), развитие городской «внецерковной культуры» (о чем свидетельствуют некоторые памятники деловой письменности), наконец, сдвиги в политической жизни городов и возникновение веча. К этому периоду они относят лишь 100, а не 250, как полагал М. Н. Тихомиров, городов. Новые археологические данные, обобщенные А. В. Кузой, подкрепляют мнение М. Н. Тихомирова. А. В. Куза пишет даже о 400 городских поселениях [28].

По мнению Х. Рюсса, доля городского населения в общем населении Руси к началу XIII в. составляла значительно меньше 15% (цифры, принятой в советской историографии). Сами же города были, как признает К. Герке, очень большими. Киев насчитывал около 40—50 тыс. жителей; Новгород в XII в.— 11—15 тыс., в начале XIII в.— 20—30 тыс. человек. Население Пскова без неукрепленных частей достигало 20 тыс. человек, т. е. по своим размерам древнерусские города ничуть не уступали другим городам Европы.

Возникновение новых городов с середины XI и особенно в XII в. буржуазные историки ФРГ ставят в связь с растущей раздробленностью государства и «сгущением» княжеских резиденций. Появление светской и церковной администрации в больших удельно-княжеских центрах, по Х. Рюссу, влекло за собой появление торгового и ремесленного населения. Функции и роль города как административного центра и ремесленного центра для определенной округи на этой фазе были более существенными, нежели внешняя торговля («ОРИ», с. 378). Последнюю вели лишь крупные княжеские города, мелкие ограничивались местной торговлей.

Характеризуя причины возникновения городов Северо-Восточной Руси, Г. Штекль писал о них как о результате исключительно княжеской инициативы, якобы не предварявшейся и не сопровождавшейся переселением сельских жителей с юго-востока на северо-восток. Он полагает, что и юго-восток Древней Руси страдал от нехватки жителей, поэтому оттока населения отсюда не могло быть [29]. Заметим, что если в 1962 г. город Северо-Восточной Руси Г. Штекль характеризовал как некий город на «колониальной почве», без «всякой политической внутренней жизни» [30], то в 1972 и 1975 гг. он подчеркивал стратегические цели основания городов Юрием Долгоруким, что предусматривало наличие населения, которое следовало защищать в укрепленных городах и жизнь которых следовало контролировать внутри [31]. Таким образом, взгляды Г. Штекля на появление городов в Северо-Восточной Руси претерпели эволюцию, правда, не очень существенную. Сходным с Северо-Восточной Русью образом рисует он и образование городов в Галицко-Волынской земле. Это — резиденции князя, в основном Даниила Галицкого, основавшего множество городов-крепостей, которые население использовало как центры защиты. Г. Штекль справедливо подчеркивает, что не все крепости развились в города, несмотря на большой приток населения с запада и востока. Поэтому города Галицко-Волынской Руси имели самое разнообразное население — наряду с русскими здесь жили немцы, поляки и др. («ОРИ», с. 525—526).

[28] Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 8; Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв., с. 5.

[29] Stökl G. Rec.: Paszkiewicz H. The Rise of Moscow Power. N. Y., 1984.—JGO, Bd. 32, Hf. I, 1984, S. 121.

[30] Stökl G. Russishe Geschichte. Stuttgart, 1962, S. 113.

[31] Stökl G. Der russische Staat im Mittelalter und früher Neuzeit. Wiesbaden, 1981, S. 199.

В рецензии на первый выпуск сборника «Русский город» К. Герке упрекнул советских историков — специалистов по средневековым городам — за отсутствие «сравнительно-исторической перспективы»[32]. Это необоснованный упрек. Многие советские исследователи сопоставляют развитие русского города и, в частности, организационных форм ремесла и торговли с аналогичными в других европейских странах. Об этом подробно писали М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, В. В. Стоклицкая-Терешкович и др.[33]

С середины XII в., по мнению К. Герке, начался третий этап развития городов: многочисленные поселения превращались в настоящие города, с одной стороны, с другой — город и княжеская резиденция становились идентичными. В этом К. Герке видит причину поражения движения городов, направленного на их освобождение от власти князей[34]. Его взгляды существенным образом отличаются от воззрений Г. Штекля, писавшего об экономическом упадке городов в XII в.[35]

К. Герке обращает внимание на временной параллелизм: процесс вызревания городов — ничем не сдерживаемый рост населения (что применительно к Руси не совсем точно — города юга постоянно испытывали угрозу со стороны кочевников), «уплотнение» поселений, разделение труда, политическая жизнь и на «Западе» и на «Востоке» происходили одновременно и при определенных условиях эволюционировали в структурно-качественном отношении, что легко поддается сопоставлению.

Вопросов социальной структуры населения русских городов до монгольского нашествия К. Герке почти не касается, что и понятно, поскольку его занимает в основном идея о роли государства в процессе городообразования. Зато этот процесс подробно рассматривается Х. Рюссом применительно к городам Киевской Руси. Наиболее ранним населением градов, по его мнению, были лучшие люди, старейшины. В городах была заметна прослойка духовенства, несвободных людей, но лицо города определяло торговое и ремесленное население. На Юго-Западе (в Перемышле, Владимире-Волынском, Дорогобуже, Звенигороде, Галиче) чувствуется преобладание боярского элемента, в Великом Новгороде выделяются два слоя — вятшие, огнищане, гридьба, бояре, с одной стороны, и меньшие, или молодые люди — с другой. На вершине общественной пирамиды находились княжеские дружинники и воины, местные землевладельцы, которым противостояла масса ремесленников, торговцев и мелких купцов. Х. Рюсс указывает, что соотношение различных слоев городского населения зависело от размеров города. В крупных городах удельный вес свободных граждан был выше, нежели в княжеских замках.

Представляет интерес признание Х. Рюссом аналогии в занятии сельским хозяйством в русских и немецких городах (в последних имелись так называемые акербюргеры, т. е. земледельцы-горожане) («ОРИ», с. 379)[36].

По вопросу о существовании купеческих и ремесленных организаций в средневековом русском городе Х. Рюсс и К. Герке привлекают труды советских историков, которые подходят к решению этой проблемы очень осторожно[37]. При этом они утверждают, что Иванское сто — торговый

---

[32] Goehrke C. Eine neue Veroffentlichungsreihe, S. 126.

[33] Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. М., 1935; его же. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси.— Вопросы истории, 1945, № 1, с. 22—33; Стоклицкая-Терешкович В. В. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси.— Средние века, т. 3, 1951, с. 74, 102; Черепнин Л. В. О формах объединений ремесленников в русских городах в XIV—XV вв. В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, с. 19—24.

[34] Goehrke C. Bemerkungen..., S. 227.

[35] Stökl G. Russische Geschichte, S. 77.

[36] Ср. Leuschner J. Deutschland im späten Mittelalter. Göttingen, 1975, S. 178.

[37] Карлов В. В. Указ. соч., Пєдвигина Н. Л. К вопросу о существовании це-

союз купечества — имел якобы своим образцом гильдию св. Олава (по имени норвежского короля Олая Харальдсена, осевшего в Новгороде с 1029 г.), существовавшую в Новгороде с 1080—1090 гг. («ОРИ», с. 380, 469). Подобная трактовка весьма сомнительна. В основе формирования купеческих организаций лежали внутренние социально-экономические и политические процессы.

Если в 1957 г. Г. Штекль, один из ведущих остфоршеров, заявлял, что посадские люди на Руси — это не бюргеры, а «городской воздух не делал жителей свободными», то в конце 70-х гг. часть историков ФРГ подходит к этому вопросу значительно осторожнее. Так, Х. Рюсс показал, что связь верхов русского города с князем, защита последним их прав, содействие их экономическим интересам, обеспечение их участия в городском ополчении препятствовали превращению городских верхов в центр движения за освобождение городов от княжеской власти и упрочение городских прав и привилегий. В борьбе между отдельными группировками в городе были вовлечены и низшие слои. Однако, по утверждению Х. Рюсса (и вопреки мнению В. Т. Пашуто), договорные отношения, зафиксированные в так называемых «рядах» города и князя, — это еще не доказательство «свободы» городов («ОРИ», с. 390).

Свободу города в любом регионе и государстве Европы Х. Рюсс представляет закрепленной нормами по немецкому образцу городского права, распространившемуся в странах Центральной и отчасти Восточной Европы. Немецкое право гарантировало торгово-ремесленному населению города свободу от сеньора. Древнерусским городам, заявляет автор, не удалось сформировать ни стабильного городского управления с его разветвленными органами, ни добиться исключения непосредственного вмешательства городского сеньора в управление города с помощью прочно записанных прав и привилегий (за исключением Новгорода и Пскова). Думается, в этом отношении преувеличение налицо, как налицо и отрицание общности тенденций развития всех древнерусских городов. Договорами — рядными грамотами, аналогичными тем, что сохранились в Новгороде,— оформлялись отношения города и князя и в таких городах, как Смоленск, Полоцк, Витебск, Киев. «Ряды» этих городов сохранились в поздней редакции [38].

К институту веча историки ФРГ подходят с традиционных для западной историографии позиций [39]. Они отрицают связь веча с народными собраниями дофеодального времени («ОРИ», с. 391—393). Так, Х. Рюсс заявляет, что у русского веча не было традиций ни славянского, ни византийского культурного круга. При этом он ссылается на тот факт, что первое точно датированное летописное вече состоялось в 1068 г. Из-за отсутствия источников невозможно, по Рюссу, установить преемственность веча от раннеславянского собрания свободных членов племени, как это делают советские исследователи, рассматривающие вече в русле демократической народной традиции [40]. За исключением Новгорода и Пскова, вече якобы не стало исходным пунктом развития городского самоуправления. К. Герке даже утверждает, что политический, династический (!) и культурно-правовой фон развития Древней Руси слишком резко отличался от общих условий развития в остальных странах Евро-

---

хов в Новгороде конца XII — начала XIII в. В кн.: Новое в археологии. Сб. статей, посвященных 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972.

[38] Якубовский Я. Земские привилегии Великого княжества Литовского.— ЖМНП, 1903, № 4, 5; Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 34—51.

[39] См., напр.: Zernack Kl. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslawen. Wiesbaden 1967, S. 124 ff.

[40] Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

пы, чтобы вечу могла быть отведена бóльшая роль, нежели участника династических распрей [41].

Заметим, что эту позицию не разделяют полностью и некоторые буржуазные авторы. Так, М. Хельльманн, которому принадлежит очерк о развитии Великого княжества Литовского в XIV—XV вв., подчеркивает, что в старых «замковых» городах — Смоленске, Полоцке, Витебске и после их вхождения в Литовское княжество продолжали активно действовать веча — народные собрания («ОРИ», с. 802—803, 817). Правда, и М. Хельльманн так же, как и его коллеги, не упоминает о том, что основы эти были заложены в XIII в. и восходят к договору — «ряду» этих городов с князьями, что убедительно показал еще в начале XX в. Я. Якубовский [42].

Одним из коренных вопросов истории городов Руси и в особенности городов Северо-Восточной Руси является вопрос о степени и характере воздействия иноземного ига на их экономическое и политическое развитие. Еще в 1957 г. Г. Штекль признавал, что монгольское нашествие вызвало экономический застой и упадок города, в 1982 г. он также отметил факт падения или исчезновения ряда ремесел, следуя в этих выводах за Б. А. Рыбаковым («ОРИ», с. 571). Н. Ангерманн подчеркнул значение данных археологических раскопок в Новгороде, проанализированных Е. А. Рыбиной в «Археологических очерках истории новгородской торговли XII — XIV вв.» (М., 1978) и поддержал ее вывод об упадке Киева во второй половине XIII в., сделанный на основании прекращения импорта янтаря и посуды в Новгород [43—44]. Однако монгольское нашествие, согласно воззрениям буржуазных историков ФРГ, не сыграло решающей роли в развитии русского города. П. Нитше заявляет даже, что нашествие было лишь закреплением (Versiegelung) процесса упадка Киевского государства, начавшегося еще в XII в. («ОРИ», с. 585).

А К. Герке в соответствии с «лучшими», но давно отвергнутыми традициями русской буржуазной науки [45] на вопрос о том, кто виноват в задержке развития русского города в послемонгольское время, отвечает: захватчики не виноваты, виноваты существовавшие уже в Киевской Руси особенности управления городом [46]. Ему вторит и Х. Рюсс («ОРИ», с. 394).

Эту версию буржуазные авторы пытаются обосновать не только на примере северо-восточных городов Руси, но и на материалах по истории Великого Новгорода. В конце 70-х гг. интерес в буржуазной историографии к истории Великого Новгорода особенно возрос. Этому способствует хорошо сохранившийся комплекс источников, как письменных, так и археологических (последние год от года все пополняются), и активная исследовательская работа, проводимая прежде всего В. Л. Яниным и членами возглавляемой им Новгородской археологической экспедиции.

И. Лейшнер в своей работе попытался поставить общие проблемы управления городом и структуры городского населения. Некоторый интерес представляет характеристика И. Лейшнером новгородского торгового права, воссоздаваемая им по документам, относительно споров ганзейцев и новгородцев [47]. Во второй половине книги И. Лейшнер рас-

[41] Goehrke K. Eine neue Veroffentlichungsreihe, S. 127.

[42] Якубовский Я. Земские привилеи Великого княжества Литовского.— ЖМНП, 1903, V—VI.

[43—44] Angermann N. Der Hansehandel, S. 78—79. Аналогичные сведения содержит и новейшее исследование Т. С. Скрипченко «Обмен и местное производство на территории Белоруссии в XI—XIV вв. (По материалам стеклянных браслетов)» (М., 1982).

[45] См.: Ширина Д. А. Русский средневековый город в дореволюционной историографии (середина XIX в.— 1917 г.).— Исторические записки. М., 1982, т. 108, с. 317—352.

[46] Goehrke C. Eine neue Veroffentlichungsreihe, S. 127.

[47] Leuschner J. Op. cit., S. 107—109.

сматривает позиции различных социально-политических группировок Новгорода по отношению к политике Московского княжества на заключительном этапе новгородской независимости — в 70-е гг. XV в. Й. Лейшнер приходит к иному выводу, нежели тот, который утвердился в советской исторической науке в последние годы, а именно, что сохранение новгородской автономии было желанием очень широких народных масс. Последний вывод разделяет и Н. Ангерманн [48].

В исследовании К. Герке анализируется та международная обстановка, в которой формировалась Новгородская феодальная республика. В определяющие ее факторы он зачисляет отсутствие внешней опасности со стороны западных и северо-западных соседей Новгорода («ОРИ», с. 444), занятость новгородских князей, боровшихся за власть в Киеве [49–50].

В отличие от остфоршеров первого послевоенного поколения, К. Герке видит в Новгороде не ганзейский город, а «переходный» к западноевропейскому, рассматривает его как некий мост между «Западом» и «Востоком». Отличительные же особенности Новгорода сравнительно с неизвестно каким европейским или «западноевропейским» городом К. Герке обнаруживает в существовании веча — народного собрания, в сосредоточении власти в руках крупных землевладельцев, в неопределенности прерогатив совета господ, в отсутствии цехов и др. («ОРИ», с. 462, 480). Автор проходит мимо изменившихся после середины XIII в. международных условий развития Новгорода, сопоставляя, с одной стороны, Новгород, а с другой — некий абстрактный западноевропейский город. Если же быть последовательным, то надо было бы сравнивать Новгород со шведскими или другими скандинавскими городами, соседними городами Центральной или Юго-Восточной Европы.

В последнем разделе «Очерков русской истории» П. Нитше уделяет весьма скромное место истории города. Как и его предшественники, он тщательно излагает данные книги Б. А. Рыбакова о развитии русского ремесла и статьи С. М. Каштанова о внутренней торговле [51], сообщает введенные советскими историками в научный оборот сведения о внешней торговле городов (с. 686—690). Вслед за М. К. Любавским [52] он связывает подъем городов Северо-Восточной Руси с передвижением населения в более безопасные места, защищенные лесными массивами от набегов ордынцев (последнее обстоятельство, по его мнению, касается лишь Твери), расположенные на удобных речных путях (с. 577).

Но не эти аспекты истории городов в центре его внимания. В объяснении обстоятельств и причин победы Москвы над Тверью, в отличие от советских авторов (в частности, от А. М. Сахарова, видевшего эти причины в экономическом преобладании Москвы [53]), П. Нитше отдает преимущество политическим причинам — политике московских князей (см. 589). Несколько позднее, правда, он пишет и об экономической мощи Москвы, безопасности ее жителей от набегов ордынцев, разумеется, рассматривая ее как результат «мудрой политики ее князей, которые привлекали жителей в Московское княжество» («ОРИ», с. 596).

В этой связи следует подчеркнуть, что советские историки, отнюдь не отрицая роли великокняжеской политики по отношению к городу, не ставят этот факт в число ведущих.

---

[48] Angermann N. HGbll, Jg. 101, 1983, S. 259.

[49–50] Goehrke K. Bemerkungen..., S. 225.

[51] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси; Каштанов С. М. Внутренняя торговля и спрос крупных землевладельцев на предметы потребления в XIV в.— История СССР, 1977, № 1, с. 144—160 и др.

[52] Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение Центра. Л., 1929.

[53] Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969, с. 35.

Автор безуспешно пытается доказать отсутствие классового антагонизма в русском городе Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. Один из восторженных западных рецензентов даже утверждал в этой связи, что схема классовой борьбы неприложима к Новгородской республике и что вече не было ареной «социалистического антагонизма» («des sozialistischen Antagonismus») [54]. С положением об отсутствии «социалистического антагонизма» вполне можно согласиться, но вряд ли можно принять тезис об отсутствии социального антагонизма, формы и развитие которого убедительно раскрыты В. Л. Яниным [55].

Вызывает возражение и преуменьшение историками ФРГ роли горожан в политической жизни средневекового русского города. Впрочем, Х. Рюсс считает, что роль горожан в экономической жизни намного превосходила их роль в жизни политической («ОРИ», с. 388). В характеристике городских движений он в основном следует М. Н. Тихомирову [56]. Так, восстания 1024 и 1077 гг. в Суздале автор оценивает как языческо-антицерковные и социальные одновременно («ОРИ», с. 327). Рюсс предполагает, что социальное недовольство дало благоприятную почву как в Суздале, так и в Новгороде для языческо-антицерковного реставрационного движения («ОРИ», с. 324). В отличие от советских исследователей, в киевском восстании 1068 г. Рюсс не видит ни ясных мотивов движения, ни его вождей и организаторов, однако подчеркивает, вслед за К. Герке, что в ходе этого восстания вече впервые высказалось за смену князя.

При рассмотрении событий 1113 г. в Киеве Х. Рюсс выражает несогласие с М. Н. Тихомировым, утверждая, что антифеодальный характер городского движения не так ясен, как это представляется в советской историографии [57].

В характеристике городских движений средневековья авторы «Очерков русской истории» стоят на прямо противоположных взглядам советских историков позициях. Отвергаются факты участия горожан в антиордынской борьбе, как это делает К. Герке по отношению к Новгороду, который якобы добровольно согласился на уплату дани («ОРИ», с. 450). П. Нитше комичными кажутся события 1480 г., когда два войска, стоявшие друг против друга на Угре, ни с того ни с сего «разбежались» в разные стороны («ОРИ», с. 586), хотя автору прекрасно известны данные о выступлении горожан столицы, принудивших великого князя вернуться к войску, а не удариться в бега подобно его супруге, равно как и о военных действиях на этой реке [58]. Взгляды П. Нитше представляются еще более необоснованными в свете новейших исследований о событиях 1480 г. и роли городского населения Москвы, зафиксированной Успенским летописчиком [59].

В событиях 1382 г. П. Нитше увидел лишь панику и «социальные беспорядки» из-за бегства бояр, а не подготовку народных масс к защите города («ОРИ», с. 607). В целом тенденция преуменьшения роли социальных движений, глубокое непонимание их сущности на Руси XIV—XV в. отчетливо прослеживаются в новейших трудах историков ФРГ.

---

[54] Кгарр B. Literaturbericht. Geschichte Russlands und der Sovjetunion.— Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 1982, Jg. 33, № 6, S. 385.

[55] Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

[56] Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955.

[57] Новейшие советские изыскания о городских движениях XI в. см.: Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 9. Проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985.

[58] Об этом см., напр.: Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. М., 1957.

[59] Назаров В. Д. Конец золотоордынского ига.— Вопросы истории, 1980, № 10, с. 107—120; Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV века. В кн.: Древнерусское искусство. М., 1984.

Несмотря на то, что характерной чертой одного из этапов городского развития в домонгольское время К. Герке считает развитие культуры именно городской, на этой стороне городской жизни более подробно он не останавливается, как, впрочем, и остальные авторы «Очерков русской истории». Их внимание не привлекли даже «Очерки истории русской культуры XIV—XV вв.», подготовленные коллективом ученых Московского университета.

В заключение подчеркнем, что западногерманская историография русского города периода средневековья в конце 70-х — начале 80-х гг. осталась на тех же принципиальных позициях, что и в предшествующее время. Они и теперь исходят из своей априорной посылки об определяющей роли государства в становлении русских городов, а в их развитии пытаются найти «обоснования» для некоего противопоставления исторических судеб Востока и Запада. В этой связи полностью несостоятельны попытки буржуазных историков ФРГ сопоставить русский город с неким абстрактным «западноевропейским» городом. Причем моделью его чаще всего признается лишь немецкий город с его правовым оформлением сословий. Неверно и сравнение русского раннесредневекового города с городами развитого феодализма в Западной Европе, причем сравнение его лишь с одной моделью такого города, тогда как в Европе были отличные друг от друга регионы с характерными для них моделями развития города, различавшиеся прежде всего степенью зрелости тех или иных форм организации, которые зависели от общего темпа и характера развития региона в целом. К русскому городу наиболее близок город Великого княжества Литовского, отчасти Короны Польской, так же не освободившийся от власти феодалов, как и русский.

Историки ФРГ признают пагубное воздействие иноземного ига на развитие русских городов, их ремесло, но почему-то забывают вскрыть причины консервации и архаизации социальных отношений в городе [60]. Возрождение элементов своеобразного рабовладельческого уклада, не изжитого вплоть до Петровской эпохи, — пагубный результат демографического кризиса времен иноземного владычества — воздействовало и на город, сохранивший некоторые раннесредневековые особенности.

Подчеркивая многие родственные черты русского и «европейского» города, буржуазные авторы забывают упомянуть, что в том же самом «западноевропейском» городе развитого средневековья в качестве отдельного уклада сохранялось и рабовладение. Этот факт общеизвестен благодаря работам И. В. Лучицкого, равно как и современного бельгийского исследователя Ш. Верлиндена [61]. Не упомянув об этом, нельзя получить полной сравнительно-исторической картины развития русского города XIV—XV вв.

Нельзя не отметить сильного воздействия советской археологической и исторической литературы по истории древнерусского города на часть исследователей ФРГ. Однако в их трудах эклектические заимствования из марксистской литературы укладываются в прокрустово ложе традиционной для буржуазной науки теории о ведущей роли государства в городообразовательном процессе.

---

[60] См. об этом: Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

[61] Лучицкий И. В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886; его же. Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв. Киев, 1886; Verlinden Ch. L'ésclavage dans l'Europe médiévale. T. I. Péninsule Ibérique — France. Bruges, 1955.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В ПРЕЗИДИУМЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

13 февраля 1986 г. под председательством президента Академии наук СССР академика А. П. Александрова состоялось заседание Президиума АН СССР, на котором был заслушан отчет о деятельности Отделения истории АН СССР.

С отчетным докладом выступил академик-секретарь Отделения академик С. Л. Тихвинский. Он отметил, что в настоящее время в учреждениях Отделения — институтах истории СССР, всеобщей истории, археологии, военной истории, востоковедения, славяноведения и балканистики, этнографии, в архиве АН СССР и Лаборатории консервации и реставрации документов, в научных советах и комиссиях трудятся около 2 тыс. научных сотрудников, в том числе 11 академиков, 23 члена-корреспондента АН СССР, 434 доктора и 1157 кандидатов наук. За одиннадцатую пятилетку опубликовано около 1400 исследований монографического характера и почти столько же работ завершено и подготовлено к печати.

Основное внимание советских историков сосредоточено на разработке магистральных исследовательских направлений, сформулированных в шести перспективных (до 2000 г.) комплексных программах: «Общие закономерности и специфические особенности развития общественных формаций», «История строительства социалистического общества», «Революция и социальный прогресс», «Проблемы мира и войны в XX веке», «Этническая история и современные национальные процессы», «История культуры народов СССР».

В отчетный период получены важные теоретические и методологические выводы по истории первобытного общества, подкрепленные рядом уникальных археологических открытий, в частности на Аравийском полуострове. В трехтомном издании «История первобытного общества» впервые дано комплексное изложение современного состояния проблем антропосоциогенеза. В первом томе «Истории Европы», двухтомном труде «Античная Греция», трехтомной «Истории крестьянства в Европе» получило дальнейшее развитие марксистское понимание характера развития рабовладельческой и феодальной формаций, исторической роли феодального крестьянства. Завершена серия трудов, посвященных выявлению закономерностей перехода от феодализма к капитализму, формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Большое значение имело завершение издания 13-томной «Всемирной истории», подготовка исследований по истории Европы, США, стран Латинской Америки, Африки, государств Востока.

Был продолжен углубленный исторический анализ социальной структуры советского общества, развития экономики, проблем формирования личности советского человека, сближения города и деревни, умственного и физического труда. Разрабатывалась история рабочего класса и крестьянства. Исследовались исторические характеристики проявления общего и особенного в процессе развития и сближения наций в СССР. Предпринят конкретно-исторический анализ общественных процессов в отдельных социалистических странах в сочетании со сравнительно-типологическими обобщениями.

Важным итогом исследовательской работы по изучению российского революционно-освободительного движения явилось завершение совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС многотомного труда «История трех российских революций».

Начата подготовка трудов, посвященных 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В области отечественной истории дооктябрьского периода проводилось изучение особенностей зарождения и развития рабочего класса, российского крестьянства. История Древней Руси, Российского государства анализировалась в тесной связи с процессами, происходившими в других странах. Крупным достижением явилась подготовка 20-томной «Археологии СССР», содержащей богатейший свод археологического материала по истории народов СССР с древнейших времен до XIV в.

Активно изучалась история мирового революционного процесса. Исследование на основе новых фактов и обобщений характерных особенностей революций в странах Европы и Америки показало, что они представляют собой закономерный итог и высшую форму классовой борьбы в антагонистических обществах. Выявлялись закономерности народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В трудах по истории революционного процесса на Востоке всесторонне показано, как на разных этапах национально-освободительных революций создаются предпосылки для перерастания этих революций в народно-демократические.

В области изучения истории внешней политики и международных отношений большое внимание уделялось раскрытию ленинской концепции мира и мирного сосуществования, изучению истории борьбы народов против иностранной агрессии, за независимость, антивоенной борьбы, разоблачению экспансионистской внешней политики империалистических государств.

Важное научное и политическое значение, особенно в связи с 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., имеет 12-томная «История второй мировой войны 1939—1945 гг.», на базе которой совместно с историками стран социалистического содружества подготовлена «Краткая история второй мировой войны».

Успешно велась работа по изучению истории культуры. Подготовлены труды по истории культуры Древнего Рима и Византии. Развернута работа по изучению истории советской культуры, а также по созданию «Свода памятников истории и культуры народов СССР».

Продолжалась разработка этнической проблематики. В частности, рассмотрены общие и специфические черты нации в сравнении с другими историко-стадиальными типами этносоциальных общностей. Получила дальнейшее развитие разработка теории этноса, выявлены основные этапы этнического развития ряда стран и народов, в том числе СССР. Подготовлено 20-томное издание «Страны и народы», представляющее собой комплексную характеристику географо-этнографического состояния современного мира.

В области критики буржуазных фальсификаций всемирно-исторического процесса дан анализ ряда буржуазных концепций по истории Великого Октября, второй мировой войны, стран социалистического содружества, развивающихся государств. Существенно активизировалась работа по критическому анализу роли религий в прошлом и современном мире. Стал выходить ежегодник «Религии мира». Подготовлены к изданию 8 томов 10-томной серии «Религии в XX веке». Завершен ряд исследований по истории и современным религиям народов Востока, в частности по исламу.

В настоящее время сложилась система внедрения результатов исторических исследований, включающая подготовку информаций, аналитических справок, разработок-прогнозов для партийных и государственных органов, проведение научно-практических конференций, пропаганду исторических знаний средствами кино, радио, телевидения, массовой печати, организацию выставок, издание научно-популярной литературы, оказание научно-методической помощи высшей и средней школе, учреждениям культуры. Расширились творческие контакты с учреждениями государственной архивной службы СССР, в частности в плане всестороннего использования огромного информационного потенциала документов, хранящихся в государственных архивах.

Усилилась роль исторической науки в формировании марксистско-ленинского мировоззрения, в воспитании советских людей на трудовых, революционных, боевых, патриотических традициях народа. Создана комиссия Отделения истории АН СССР по проблемам молодежи. Пропаганда и популяризация исторических знаний осуществлялась в контакте с ЦК ВЛКСМ, творческими союзами, общественными организациями.

В своей научно-организационной деятельности, отметил далее академик С. Л. Тихвинский, Отделение истории АН СССР исходило из необходимости выработки актуальных направлений и тематики исследований, определения их концептуальных основ, созвучных запросам современности, проводило работу по мобилизации коллективов историков на выполнение плановых заданий, усилению координации исторических исследований. Важное значение в этом плане имело обсуждение в трудовых коллективах и на заседании Бюро Отделения истории АН СССР проекта новой редакции Программы КПСС, изменений в Уставе КПСС и проекта Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г. Значительно повысился авторитет и расширилась координирующая роль научных советов Отделения. Активное участие в обсуждении проблем развития советской исторической науки, в информировании общественности о важнейших событиях в жизни советских историков принимают журналы Отделения.

Расширились международные связи советских историков, осуществлявшиеся в рамках мероприятий Национального комитета историков Советского Союза, институтов Отделения и различных международных комиссий историков. Большим событием в международной деятельности советских историков стал XVI Международный конгресс исторических наук в Штутгарте (1985 г.). Участие в нем историков СССР укрепило авторитет советской науки, показало прочность идейных позиций историков-марксистов, научную обоснованность их методологии.

Академик С. Л. Тихвинский уделил большое внимание стоящим перед учреждениями Отделения истории АН СССР задачам, осветил нерешенные еще вопросы их деятельности. В частности, отмечалось, что исторические исследования не всегда нацелены на решение крупных и актуальных в научном, политическом и идеологическом отношении проблем. Иногда публикуются работы, выводы которых не имеют достаточной степени новизны и глубины, носят частный характер. Не во всем преодолены упрощенные трактовки отдельных событий и явлений всемирно-исторического процесса, в том числе истории СССР. Нуждаются в дальнейшей разработке теоретико-методологические вопросы марксистско-ленинской концепции всемирно-исторического процесса, в том числе на основе более углубленного творческого освоения ленинского теоретического наследия, ощущается необходимость совершенствования методов исторических исследований, включая более широкое и эффективное применение средств вычислительной техники, количественных, естественнонаучных методов, углубленную разработку специальных исторических дисциплин. Нуждается в большей целостности проработка вопросов, связанных с подготовкой трудов по критике антимарксистских концепций всемирно-исторического процесса.

Требует дальнейшего совершенствования поэтапный контроль за выполнением планов научно-исследовательских работ и исполнением решений Бюро Отделения истории, Секции общественных наук, Президиума АН СССР. Ряд научных советов ограничивает свою деятельность преимущественно организацией конференций и других мероприятий, недостаточно эффективно осуществляя регулирование тематики и координацию исторических исследований в масштабах всей страны. Редко проводятся научно-координационные мероприятия совместно с другими отделениями Секции общественных наук Президиума АН СССР. Журналы Отделения и институтов иногда допускали публикацию материалов, слабых в научном и идейно-политическом отношениях, уделяли недостаточно внимания дискуссионным проблемам, особенно при рецензировании исторических трудов. Ряд научных направлений и приоритетных специальностей не в полной мере обеспечен высококвалифицированными кадрами, особенно молодыми. Существуют сложности в обеспечении исследователей источниковой базой и литературой.

Не решен вопрос об издании научно-популярного журнала по истории. Медленно реализуются на базе издательства «Наука» планы изданий научно-популярной литературы по истории и «Свода памятников истории и культуры РСФСР». В настоящее время полиграфическая база не удовлетворяет возможности, имеющиеся у советских историков. Из-за ограниченного издательского лимита институтов выход плановых трудов осуществляется спустя несколько лет после их завершения, что значительно снижает их актуальность. Не все институты в необходимой степени обеспечены современными средствами оперативной полиграфин, оргтехники.

Академик С. Л. Тихвинский подчеркнул, что особую роль в решении стоящих на современном этапе перед советской исторической наукой задач по активному участию в научно-техническом прогрессе страны могло бы сыграть Всесоюзное совещание историков.

Далее С. Л. Тихвинский ответил на многочисленные вопросы членов Президиума АН СССР.

В выступлении директора Института археологии АН СССР академика Б. А. Рыбакова была дана характеристика исследований советских археологов. Немало сделано «новостроечными» экспедициями археологов. Однако работу здесь сдерживает ограниченность штата института. Он подчеркнул необходимость расширения творческих связей историков с филологами, экономистами, философами, представителями других общественных наук, а также поддержал идею создания научно-популярного журнала по истории.

Начальник Института военной истории член-корреспондент АН СССР П. А. Жилин большое внимание уделил воспитательной роли исторической науки. Он высказался за создание популярного журнала по истории, охарактеризовал основные направления фальсификации прошлого буржуазными идеологами.

Директор Института всеобщей истории член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова остановилась на особенностях исследовательской работы по континентальной и региональной истории, истории культуры, рассказала, в частности, о подготовке серии взаимосвязанных монографий «Мировая культура». Она отметила положительное значение совместной работы с правоведами по подготовке фундаментального издания памятников римского права.

В выступлении директора Института государства и права АН СССР академика В. Н. Кудрявцева подчеркивалась важность высокопрофессиональной помощи историков правоведам. В дальнейшем возможно совместное издание серии «История русского права». Он обратил внимание на необходимость усиления влияния головных институтов Отделения на деятельность исторических учреждений в союзных республиках, в частности в Средней Азии. В слаженной работе советских историков большую роль должны играть члены Отделения истории. К сожалению, на последних выборах в Академию наук Отделение потеряло несколько мест.

Академик И. И. Минц отметил, что в отчетном докладе удачно отражена многогранная деятельность советских историков с ее успехами и трудностями. Необходимо, сказал он, сосредоточить большее внимание на разработке методологических основ исторического исследования, критике антимарксистских трактовок роли классов в революционном процессе.

Директор Института истории СССР, профессор С. С. Хромов, отметил повысившуюся организованность в работе Бюро Отделения истории, остановился на особенностях повышения идейно-воспитательной роли исторической науки, подчеркнул необходимость скорейшей реализации планов издания научно-популярной литературы по истории, решения вопроса о создании постоянной телепрограммы по истории. Усилению координации исследовательской работы в области отечественной истории безусловно будет способствовать Положение о головном институте исторического профиля, разработка которого задерживается.

Вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев дал положительную оценку деятельности советских историков, в центре внимания которых находится разработка фундаментальных трудов. Он высоко оценил вклад историков в празднование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 1500-летия Киева, 800-летия «Слова о полку Игореве». Вместе с тем П. Н. Федосеев обратил внимание на необходимость усиления разработки таких проблем, как история борьбы за мир, народных движений, общественной мысли, ускорения подготовки «Свода памятников истории и культуры РСФСР». Он подробно остановился на особенностях краеведческой работы, и в этой связи рекомендовал продумать вопрос о создании Общества историков. П. Н. Федосеев поддержал предложение об организации Всесоюзного совещания историков и создании научно-популярного журнала по истории. Он отметил неудовлетворительную техническую оснащенность и материальную обеспеченность институтов Отделения.

Академик А. М. Самсонов высказал пожелание более четко определить функции издательства «Наука» на всех этапах подготовки рукописей исторических трудов к

публикации, отметив ответственность научных коллективов за качество представляемых к изданию трудов. Создание творческой атмосферы, сказал он, невозможно без дискуссий, откровенных обсуждений назревших вопросов деятельности Отделения истории.

Выступление директора Института этнографии АН СССР академика Ю. В. Бромлея было посвящено междисциплинарным связям исторической науки, характерным примером которых может служить подготовка 20-томной серии «Страны и народы». Отметив широкое применение в исторических исследованиях математических методов, он высказался за более полное оснащение институтов Отделения компьютерной техникой, активизацию дискуссий.

Подводя итоги обсуждения президент Академии наук СССР академик А. П. Александров подчеркнул важность расширения издания научно-популярной литературы по истории, скорейшей разработки Положения о головном институте исторического профиля. Нуждается в значительном улучшении обеспеченность учреждений Отделения истории в служебных помещениях. Он предложил признать работу Отделения истории АН СССР вполне удовлетворительной.

Отчет Отделения истории слушался накануне эпохального события в жизни Коммунистической партии, всего советского народа — XXVII съезда КПСС. Его решения дали новый импульс развитию общественных наук. Советским историкам предстоит решить еще более ответственные и важные задачи.

М. Г. Белогуров

НА ПЛЕНУМЕ ВАК СССР

20 декабря 1985 г. состоялся очередной пленум ВАК СССР, на котором в числе других была рассмотрена работа специализированных советов по защите докторских диссертаций по истории СССР (советский и досоветский периоды), действующих при Институте истории СССР АН СССР. С сообщением выступил директор института, профессор С. С. Хромов. Он подвел итоги работы советов и определил ее перспективные направления.

Институт истории СССР АН СССР, который в феврале 1986 г. отметил свое пятидесятилетие, является не только исследовательским центром по изучению отечественной истории, но и центром по подготовке научных кадров для вузов, научно-исследовательских институтов, музеев, библиотек, архивов и других учреждений страны. С августа 1968 г. (институт существует как самостоятельное научное учреждение в структуре АН СССР), было подготовлено более 750 специалистов высокого профиля, из них 250 — докторов и более 500 кандидатов исторических наук. В институте проходят стажирование сотрудники высшей школы, которые также занимаются разработкой той или иной проблемы и готовят к защите докторские диссертации.

В аспирантуре института ежегодно проходят обучение 80—85 аспирантов, 20—25 соискателей, прибывающих на обучение практически из всех союзных и автономных республик страны, университетов РСФСР. Подготовка их осуществляется в 25 секторах института.

В специализированные советы института входят известные советские ученые, среди них академики — М. П. Ким, И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий, А. М. Самсонов, члены-корреспонденты АН СССР — Е. И. Дружинина, А. П. Новосельцев, Ю. А. Поляков.

За годы XI пятилетки в специализированных советах института состоялись защиты 109 диссертационных исследований (из них 35 — докторских и 74 — кандидатских) по актуальным проблемам советской исторической науки: истории советского общества, Великого Октября и современных революционных процессов, совершенствования национальных отношений в СССР, внешней политики и укрепления обороноспособности СССР, исторической роли культуры и культурного строительства на современном этапе, социальной политики Советского государства и социалистического образа жизни советских людей, истории российского пролетариата и крестьянства, социально-экономической истории периодов феодализма и капитализма, политической системы российского самодержавия, истории древнейших государств на территории страны, источниковедению и историографии, критики буржуазной историографии и др.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на XXVII съезде КПСС было подчеркнуто, что «...Многогранные задачи ускорения, его взаимосвязанные аспекты — политические, экономические, научно-технические, социальные, культурно-духовные и психологические — нуждаются в дальнейшем глубоком и всеобъемлющем анализе. Мы испытываем настоятельную потребность в серьезных философских обобщениях, обоснованных экономических и социальных прогнозах, глубоких исторических исследованиях» [1]. Таким образом, советские ученые призваны активизировать научный поиск, совершенствовать методы исследовательской работы, активно внедрять достижения советской исторической науки в жизнь. «Стратегия ускорения,— говорится в материалах съезда,— предполагает совершенствование общественных отношений, обновление форм и методов работы политических и идеологических институтов...» [2].

Исходя из новых задач, в Институте истории СССР осуществлен ряд организационных мероприятий, в частности, создан сектор по истории советского общества на современном этапе, проведена реорганизация отдела общих проблем истории народов СССР, а также других структурных подразделений института. Все эти меры призваны содействовать развитию «...творчества во всех областях жизни» [3], в том числе и в сфере общественных наук.

Важную роль в деятельности Института истории СССР играет партийное бюро. На его заседаниях обсуждается работа отдела аспирантуры, согласовывается состав специализированных советов, представителей в них от общественных организаций и другие вопросы.

Руководствуясь постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию аттестации научных и научно-педагогических кадров» (от 18.X 1974 г.), «Положением о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий» (1975 г.), указаниями ВАК при Совете Министров СССР, дирекция, партийное бюро, профком составляют годовые и квартальные планы работы специализированных советов.

Система подготовки научных кадров института, направленность всех диссертационных разработок учитывает требования целевой комплексной программы Отделения истории АН СССР, которая включает следующие направления: общие закономерности и специфические особенности развития общественных формаций; история строительства социалистического общества; проблемы войны и мира в XX в.; исторический вклад народов СССР в культуру советского общества; революции и социальный прогресс.

Проводимый ежегодно анализ работы специализированных советов способствует выявлению слабо исследованных в исторической науке вопросов и позволяет усиливать их разработку. Так, в 1983—1985 гг. заметно увеличилось число исследований по критике буржуазной историографии, по проблемам истории национально-государственного строительства, Советов, истории РСФСР, международных отношений и внешней политики. Проводятся меры по совершенствованию процедуры утверждения тем диссертаций, подготовки заключений и т. д., контролю за ходом аспирантских исследований, вводится в практику такая форма научной работы, как выступления аспирантов на конференциях молодых ученых-обществоведов Москвы, участие их в работе всесоюзных школ молодых ученых-историков, которые проводятся под эгидой Института истории СССР, а также в международных школах ученых-историков.

Большое внимание уделяется в институте выполнению решения пленума ВАК СССР от 29 июня 1984 г. «О состоянии и мерах по улучшению идеологической, общетеоретической и специальной подготовки аспирантов и соискателей ученых степеней в свете решения XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС». Аспиранты занимаются в теоретических межсекторских семинарах. С лекциями по узловым вопросам исторической науки выступали ведущие ученые института — Ю. А. Поляков, С. С. Хромов, В. С. Лельчук, С. В. Тютюкин, А. А. Преображенский и др.

Реализация таких мер позволила заметно повысить уровень подготовки и представления диссертаций для защиты.

---

[1] Правда, 1986, 26 февраля.
[2] Там же.
[3] Там же.

Институт истории СССР, как отмечалось на пленуме, в последнее десятилетие стал уделять больше внимания подготовке специалистов по истории для социалистических стран. В аспирантуре института прошли обучение и успешно защитили кандидатские диссертации ученые из ЧССР, СРВ [4]. В настоящее время по проблемам истории культуры социалистических стран проходит подготовку аспирантка из НРБ.

Важной стороной в деятельности специализированных советов Института истории СССР является внедрение результатов диссертационных исследований в практику. Занимаясь решением этого вопроса, специализированные советы учитывают основные требования «Положения о внедрении и использовании в педагогической практике результатов научных исследований», утвержденного Коллегией Министерства просвещения СССР в июне 1983 г., предусматривающего широкое внедрение завершенных и апробированных на практике крупных результатов научных исследований. Отчетливо эта задача сформулирована на XXVII съезде КПСС. «Время ставит вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики,— читаем в материалах съезда,— требует, чтобы, ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику» [5].

В соответствии с такой постановкой вопроса и можно рассматривать монографические исследования сотрудников Института истории СССР. Они, как правило, доступны многомиллионной аудитории, результаты работы диссертантов используются в обобщающих трудах по истории Коммунистической партии, СССР, рабочего класса, крестьянства и т. д.

Многие материалы этих исследований применяются в идеологической работе, лекторской пропаганде, направленной на совершенствование процесса воспитания трудящихся, формирование коммунистической морали, советского патриотизма. Они разоблачают несостоятельность буржуазных концепций по вопросам истории СССР, социалистического и коммунистического строительства, миролюбивой внешней политики СССР, становления советского народа как новой исторической общности, проблемам истории Великой Октябрьской социалистической революции, Великой Отечественной войны.

Диссертационные исследования аспирантов по источниковедению и историографии используются при подготовке изданий историографического и справочного характера, в лекционной работе.

Результаты исследований, проводимых в институте, включаются в труды, готовящиеся в институтах союзных и автономных республик, в частности, в таких, как «История промышленности рабочего класса Чувашской АССР», «История Калмыцкой АССР», «История Башкирской АССР», «Очерки истории Калмыцкой АССР», «История Горного Алтая» и мн. др.

В современных условиях, когда решаются сложные и масштабные задачи совершенствования социализма, роль и значение общественных наук, в том числе исторической науки, еще более возрастает. Специализированные советы института, исходя из того, что только во взаимосвязи передовых идей и практики строительства нового общества черпает энергию и действенность социалистическая идеология, призваны строго следить за высоким уровнем и качеством разрабатываемых исследований, по которым защищаются докторские и кандидатские диссертации, добиваться того, чтобы и историческая наука была эффективным помощником партии в решении задач, выдвинутых перед учеными XXVII съездом КПСС.

Работа специализированных советов института получила высокую оценку в выступлении начальника Государственной инспекции ВАК СССР Г. М. Несмеяновой и была широко представлена на стендах выставки трудов Института истории СССР, приуроченной к пленуму ВАК СССР.

Н. Ф. Бугай

[4] См.: Бугай Н. Ф. В Институте истории СССР. Защита кандидатской диссертации ученой из СРВ Динь Тхи Тху Кук.— История СССР, № 5, 1984.

[5] Правда, 1986, 26 февраля.

К 60-ЛЕТИЮ И. Е. ЗЕЛЕНИНА

19 июля 1986 г. исполнилось 60 лет доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института истории СССР АН СССР, заместителю главного редактора журнала «История СССР» Илье Евгеньевичу Зеленину.

Закончив аспирантуру Государственного педагогического института имени В. И. Ленина в Москве и защитив кандидатскую диссертацию, И. Е. Зеленин вот уже без малого 30 лет работает в Институте истории СССР АН СССР.

Главная тема его научно-исследовательской деятельности — аграрная история советского общества. При этом его научные интересы сосредоточены главным образом на трех кардинальных проблемах истории советской деревни: коллективизация сельского хозяйства, история совхозного строительства и общественно-политическая жизнь. Им опубликовано более 100 научных работ, в том числе 6 монографий.

Существенный вклад внес И. Е. Зеленин в разработку истории совхозов. Эта проблема исследована им начиная с 1917 г. и вплоть до начала 50-х гг. Этой теме посвящено 5 монографий ученого: «Зерновые совхозы СССР. (1933—1941 гг.)» (М., 1966), «Совхозы СССР (1941—1950 гг.)» (М., 1969), «Совхозы в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927 гг.» (М., 1972) «Совхозы СССР. Краткий исторический очерк. (1917—1975 гг.)» (М., 1976) (в соавторстве с М. Л. Богденко); «Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928—1941 гг.» (М., 1982). Эти работы получили заслуженное признание научной общественности.

В 1970 г. И. Е. Зеленин защитил докторскую диссертацию: «Совхозы СССР в 30—40-е гг.».

Большое внимание в своей исследовательской деятельности ученый уделяет изучению проблемы подготовки и проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства, утверждению колхозного строя в СССР. По этой теме им опубликован ряд исследовательских и историографических работ. Он является ответственным редактором 2-го тома «Истории крестьянства СССР», охватывающего период с 1927 по 1937 г. Для этого тома, который вскоре выйдет в свет, им написан ряд разделов, введение и заключение. И. Е. Зеленин — один из активных участников создания 4-го и 5-го томов этого коллективного труда. Он — член Главной редколлегии по подготовке документальных сборников по истории коллективизации сельского хозяйства и колхозно-кооперативного строительства. Участвовал в публикации документов по истории освоения целинных и залежных земель.

В последние годы И. Е. Зеленин много и плодотворно работает над изучением проблем общественно-политической жизни советской деревни. По этой теме им опубликовано несколько статей и монография «Общественно-политическая жизнь советской деревни. 1946—1958 гг.» (М., 1978). В настоящее время ученый завершил работу над новой книгой — «Общественно-политическая жизнь советской деревни. 60-е — начало 80-х годов».

Под редакцией И. Е. Зеленина вышло в свет несколько монографий историков-аграрников из союзных и автономных республик.

И. Е. Зеленин — один из авторов VIII тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», учебника по истории СССР для вузов под редакцией академика М. П. Кима, выдержавшего несколько изданий.

И. Е. Зеленин принимал деятельное участие во Всесоюзных конференциях по истории советского крестьянства, во многих региональных конференциях и симпозиумах по аграрной истории СССР, выступал с докладами по проблемам аграрной истории советского общества перед учеными ряда социалистических стран (Венгрии, Чехословакии, Польши, Вьетнама). Несколько его работ опубликовано за рубежом. Доклады и выступления И. Е. Зеленина, как правило, касались наименее изученных вопросов и вызывали большой интерес.

Более 10 лет ведет И. Е. Зеленин большую организаторскую и редакционную работу в журнале «История СССР». При его активном участии были проведены «Круглые столы» редакции: «Предмет и метод истории культуры», «Становление и развитие новой исторической общности — советский народ», «Проблемы изучения рабочего класса СССР периода развитого социализма», «Формирование агропромышленного комплекса

и социальное развитие деревни»; опубликован ряд статей по актуальным вопросам отечественной истории.

Коллеги-историки, редколлегия и редакция журнала «История СССР» желают ученому-коммунисту Илье Евгеньевичу Зеленину доброго здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности в области изучения отечественной исторической науки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баковецкий Олег Дмитриевич — кандидат экономических наук, заведующий отделом Международного института экономических проблем мировой социалистической системы Совета Экономической Взаимопомощи.

Медведев Борис Иванович — кандидат экономических наук, доцент, эксперт Международного института экономических проблем мировой социалистической системы Совета Экономической Взаимопомощи.

Арутюнян Юрий Вартанович — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Института этнографии АН СССР.

Антосяк Алексей Варфоломеевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института военной истории МО СССР.

Писарев Юрий Алексеевич — член-корреспондент АН СССР, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Калинина Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

Ковальченко Иван Дмитриевич — член-корреспондент АН СССР.

Буховец Олег Григорьевич — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории АН БССР.

Скржинская Марина Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института археологии АН УССР.

Котляр Николай Федорович — доктор исторических наук, заведующий сектором Института истории АН УССР.

Хорошкевич Анна Леонидовна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Баковецкий О. Д., Медведев Б. И.— СССР и страны социализма: опыт и перспективы экономического сотрудничества 3
Арутюнян Ю. В.— Развитие социально-культурной общности советских наций на современном этапе (Опыт системного историко-социологического анализа) . 20
Антосяк А. В.— Ясско-Кишиневская операция и победа восстания 23 августа 1944 года в Румынии 36
Член-корреспондент АН СССР Писарев Ю. А.— Россия и международный кризис в период первой балканской войны (Октябрь 1912 г.— май 1913 г.) . . 56
Калинина Т. М.— Торговые пути Восточной Европы IX века (По данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха) 68

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Член-корреспондент АН СССР Ковальченко И. Д.— Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии 83
Буховец О. Г. (Минск) — Массовые источники по общественному сознанию российского крестьянства (Опыт применения контент-анализа при изучении приговоров и наказов 1905—1907 гг.) 104
Скржинская М. В., Котляр Н. Ф. (Киев) — Обзор ежегодника «Древнейшие государства на территории СССР» 119
Кошман Л. В., Эймонтова Р. Г.— С. С. Дмитриеву — 80 лет 130

Сообщения

Волковинский В. Н. (Киев) — Организация шефских связей трудящихся Украинской ССР и воинов Красной Армии в 20—30-х годах 144
Кузнецов Е. В. (г. Горький), **Дубровский З. Г.** (Мелитополь) — Несостоявшийся альянс 154
Кушнирук С. В.— Синдикат «Продуголь» и рынки сбыта донецкого минерального топлива 157
Никитин Н. И.— О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века 167

Критика и библиография

Книги по истории народов СССР

Юсупов Л. У.— Э. Ю. Юсупов, Р. Х. Аминова, Б. В. Лунин, Б. Л. Оронюк. Плоды великой дружбы 178
Карлов В. В.— В. Н. Увачан. Годы, равные векам (Строительство социализма на Советском Севере) 180
Шамсутдинов Р. Т.— (Андижан) — Советы национальных районов России. 1917—1922 182

Степанов А. С., Фрейдзон С. А.— А. А. Шевяков. Отношения между Советским Союзом и Румынией. 1944—1949 183
Елисеева Н. В.— В. М. Магидов. Зримая память истории 186
Герасименко Г. А.— В. Г. Тюкавкин, Э. М. Щагин. В. И. Ленин о трех российских революциях. Социально-экономические проблемы 188
Балдин К. Е. (Иваново) — Профессиональные союзы рабочих России. 1905 г.— февраль 1917 г. Перечень организаций (в 2-х выпусках) 189
Наумова Г. Р.— А. Н. Боханов. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX—1914 г. 191
Павленко Н. И.— А. И. Юхт. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. 194
Эйдельман Н. Я.— Марк Константинович Азадовский (1888—1954). Указатель литературы 197

История СССР за рубежом

Хорошкевич А. Л.— Проблемы истории русского города X—XVI веков в новейшей историографии ФРГ 200

Научная жизнь

Белогуров М. Г.— В Президиуме Академии наук СССР 213
Бугай Н. Ф.— На пленуме ВАК СССР 217
Юбилей ученого. К 60-летию И. Е. Зеленина 220

Сведения об авторах 221

CONTENTS

Articles

Bakovetsky O. D., Medvedev B. I.— The USSR and Socialist Countries: Past Experience and Prospects of Economic Cooperation 3
Arutyunyan Yu. V.— Development of Socio-Cultural Community of the Soviet Nations at the Current Stage (a study in systemic historical and sociological analysis) 20
Antosyak A. V.— The Yassy-Kishinev Operation and the Victory of the Rumanian Uprising of August 23, 1944 36
Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Pisarev Yu. A.— Russia and the International Crisis during the First Balkan War (October 1912—May 1913) 56
Kalinina T. M.— East European Trade Routes in the 9th Century (as described by Ibn Khordadbakh and Ibn al-Fakikh) 68

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Kovalchenko I. D.— The Possible, the Actual and Problems of Alternatives in Historical Development 83
Bukhovets O. G. (Minsk) — Mass Sources on Social Consciousness of Russian Peasantry (an attempt at content-analysis in studying indictments and demands of 1905—1907) 104
Skrzhinskaya M. V., Kotlyar N. F. (Kiev) — A Survey of Yearbook «The Ancient States on the Territory of the USSR» 119
Koshman L. V., Eymontova R. G.— S. S. Dmitriev Is 80 Years Old 130

Communications

Volkovinsky V. N. (Kiev) — Establishing Patronage Ties of Working People of the Ukrainian SSR and Red Army Soldiers in the 1920's-30's 144
Kuznetsov Ye. V. (Gorky), **Dubrovsky Z. G.** (Melitopol) — An Alliance That Didn't Come True 154
Kushniruk S. V.— Syndicate «Produgol» and Commodity Markets of the Donbass Mineral Fuel 157
Nikitin N. I.— On Origin, Structure and Social Nature of Russian Cossaks' Communities in the 16th — Mid-17th Centuries 167

Book Reviews and Bibliography

Books on History of the USSR

Yusupov L. U.— E. Yu. Yusupov, R. Kh. Aminova, B. V. Lunin, B. L. Oronyuk. The Fruits of Great Friendship 178
Karlov V. V.— V. N. Uvachan. Years Equal to Centuries (socialist construction in the Soviet North) 180
Shamsutdinov R. T. (Andizhan) — The Soviets in the National Regions of Russia, 1917—1922 182

Stepanov A. S., Freydzon S. A.— A. A. Shevlyakov. Relations between the Soviet Union and Rumania in 1944—1949 183
Yeliseeva N. V.— V. M. Magidov. Visible Memory of History 186
Gerasimenko G. A.— V. G. Tyukavkin, E M. Shchagin. V. I. Lenin on the Three Russian Revolutions. Socio-Economic Problems 188
Baldin K. Ye. (Ivanovo) — Workers' Trade Unions in Russia, 1905—February 1917. A List of Organizations 189
Naumova G. R.— A. N. Bokhanov. Bourgeois Press in Russia and Big Capital. From the Late 19th Century to 1914 191
Pavlenko N. I.— A. I. Yukht. State Activities of V. N. Tatishchev in the 1720's—Early 1730's 194
Eydelman N. Ya.— M. K. Azadovsky (1888—1954). An index of literature . . . 197

History of the USSR in Foreign Studies

Khoroshkevich A. L.— Problems of Russian City History of the 10th—16th Centuries in Recent Historiography of the FRG 200

Academic Life

Belogurov M. G.— At the Presidium of the USSR Academy of Sciences 213
Bugay N. F.— The Plenum of the All-Union Attestation Commission of the USSR 217
Scholar's Jubilee. 60 Years of I. Ye. Zelenin 220

Authors of This Issue 221

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 06.04.86 Подписано к печати 04.06.86 Т-13815 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 19,6 Усл. кр.-отт. 194,4 тыс. Уч.-изд. л. 23,8 Бум. л. 7,0
Тираж 9745 экз. Зак. 4823

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6